

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Ученые записки

УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

2013 • Том 16

УДК 378.4(476.5)(060.55)
ББК 74.583(4Бел-4Вит)6я54
В54

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 1 от 24.10.2013 г.

Редакционная коллегия:

А.П. Солодков (главный редактор),
И.М. Прищепа (зам. главного редактора),
В.Ю. Боровко, Л.М. Вардомацкий, С.В. Голубев, Е.В. Давлятова, А.П. Косов,
О.В. Лапатинская, И.В. Мандрик, В.А. Маслова, А.М. Мезенко, С.А. Моторов,
В.И. Нестерович, В.Н. Поклонская, Э.И. Рудковский, А.В. Русецкий, М.А. Слемнев, В.М. Шорец

Редакционный совет:

София Абрамович (Польша), Зина Гимпелевич (Канада), А.Н. Дулов (Беларусь),
Эрик Екабсонс (Латвия), И.А. Королева (Россия), А.А. Михайлов (Россия),
В.Н. Никитин (Россия), Н.Л. Пушкарева (Россия), Т.А. Яценко (Украина)

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»»
включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования
результатов диссертационных исследований
по историческим, филологическим
и философским наукам

Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова» : сборник научных трудов. –
Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2013. – Т. 16. – 188 с.

В54

УДК 378.4(476.5)(060.55)
ББК 74.583(4Бел-4Вит)6я54

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2013

Оглавление

Contents

История

- Мандрик И.В.* Планы и реалии промышленного развития Витебщины в 1966–1975 гг. 5
- Новікаў С.Я.* Лепельская аперацыя – франтавы наступальны контрудар войск Заходняга фронту ў Беларусі летам 1941 года 18
- Яковлева Г.Н.* Деятельность Управления по охране военных и государственных тайн в печати при Витебском облисполкоме (обллита) в период «оттепели» 35
- Косов А.П.* Политика США в отношении Китая в 1993–2000 гг. 46
- Куракова І.Я.* Дырэктывы “Карычневай папкі” для германскай цывільнай адміністрацыі па вядзенні фінансавай гаспадаркі на акупаванай тэрыторыі Беларусі 1941–1944 гг.: крыніцазнаўчы аналіз 58
- Раманаў С.В.* Афіцыйная святочная культура ў гарадах Беларусі другой паловы XIX – пачатку XX ст. 64

Философия

- Голубев С.В.* Уроки истории и перспективы строительства союзного государства Беларуси и России 72
- Кривоносова Е.Э.* Вуз глазами студентов 77
- Романов О.А.* Русский философский ренессанс и проблема поиска пути исторического развития восточнославянской цивилизации 83

Филология

- Маслова В.А.* Лингвокультурный аспект языковой личности поэта Витебщины 89
- Кожневска-Берчынска І.* Польский и российский политический дискурс. Этнолингвистическая интерпретация 96
- Навасельцава Г.В.* Падзейнапрыгодніцкі напрамак мастацкай інтэрпрэтацыі беларускай гісторыі ў творах канца XX – пачатку XXI стагоддзя 100
- Карпекін К.Р.* Назвы синагог і іўдзейскіх малітоўных дамоў Беларусі ў другой палове 1920-х гг. (на прыкладзе Віцебскай акругі БССР) 107

History

- Mandrik I.V.* Plans and Realities of the Industrial Development of Vitebsk Region in 1966–1975 5
- Novikau S.Y.* Lepel Operation – the Front-Line Offensive Counterattack of the Western Front Army in Belarus in the Summer of 1941 18
- Yakovleva G.N.* Activity of the Vitebsk Region Administration Department of the Protection of Military and State Secrets in Mass Media during the Period of “Ottepel” (Warming) 35
- Kosov A.P.* The U.S. Policy towards China in 1993–2000 46
- Kurakova I.Ya.* Directives of the “Brown File” for German Civil Administration on Economic Affairs on the Occupied Territory of Belarus in 1941–1944: Analysis of Sources 58
- Romanov S.V.* Official Festive Culture in the Cities of Belarus in the late XIX – early XX centuries 64

Philosophy

- Golubev S.V.* Lessons of History and Perspectives of the Construction of the Union State of Belarus and Russia 72
- Krivososova E.E.* University through Students’ Eyes 77
- Ramanau A.A.* Russian Philosophical Renaissance and the Problem of Questing for the Course of Historical Development of East Slavic Civilization 83

Philology

- Maslova V.A.* Lingual and Cultural Aspect of the Language Personality of the Poet in Vitebsk Region 89
- Kozhenevska-Berchynska J.* Polish and Russian Political Discourse. Ethnolinguistic Interpretation 96
- Navaseltsava G.V.* Event and Adventure Direction of Artistic Interpretation of the History of Belarus in the Works of the Late XX – Early XXI Century 100
- Karpekin K.R.* Names of Synagogues and Judaic Houses of Worship of Belarus in the Late 1920-ies (on the Example of Vitebsk District of BSSR) 107

<i>Здольников В.В.</i> Апокалипсис в романе Л. Леонова «Пирамида»	113	<i>Zdolnikov V.Vl.</i> Apocalypse in the Novel by L. Leonov "Pyramid"	113
<i>Градюшко А.А.</i> Проблематика современной региональной веб-журналистики Беларуси	121	<i>Hradziushka A.A.</i> Sets of Problems in Modern Belarusian Region Web-journalism	121
<i>Крикливец Е.В.</i> Топос как структурный элемент хронотопа и объект научного исследования (на примере творчества В. Астафьева и В. Козько)	126	<i>Kriklivets E.V.</i> Topos as a Structural Element of the Chronotope and Object of Scientific Research (on the Example of Works by V. Astafiev and V. Kozko)	126
<i>Никитенко Т.В.</i> Аналогичные негативно-оценочные семантические изменения в разных языках	132	<i>Nikitenko T.V.</i> Similar Negative Evaluation Semantic Changes in Different Languages	132
<i>Воробьева О.И.</i> Англоязычные сокращения чата как явление межкультурной коммуникации	136	<i>Vorobyova O.I.</i> English Chat Shortenings as a Phenomenon of Cross-cultural Communication	136
<i>Ковалева И.Е.</i> Словообразовательные типы сложных слов в белорусской лингвистике: проблема идентификации, анализа и определения	144	<i>Kovaleva I.E.</i> Word-building Types of Compound Words in Belarusian Linguistics: Problem of Identification, Analysis and Definition	144
<i>Лейко И.М.</i> Прагматические особенности употребления частицы «ну» в речи студентов и старшеклассников	150	<i>Leiko I.M.</i> Pragmatic Peculiarities of the Use of Particle "Well" in the Speech of Students and Senior Pupils	150
<i>Лазовская А.И.</i> Категории «пространство» и «время» в учебных изданиях Беларуси по русскому языку как иностранному	155	<i>Lazovskaya A.I.</i> The Categories of Space and Time in Belarusian Textbooks on Russian as a Foreign Language	155
<i>Васильева Т.Ю.</i> Ойконимия Белорусского Поозерья как объект исследования ..	162	<i>Vasileva T.Y.</i> Oikonymy of Belarusian Poozerye as the Object of the Research	162
<i>Сасноўская К.А.</i> Мужчынская антрапанімія Бешанковіччыны XIX стагоддзя: сістэмны аналіз	167	<i>Sosnovskaya E.A.</i> Masculine Anthroponymy of Beshenkovichy District of the XIX Century: System Analysis	167

УДК 94(476)

Планы и реалии промышленного развития Витебщины в 1966–1975 гг.

Мандрик И.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

В комплексном и обобщенном виде анализируются все аспекты развития ведущих отраслей промышленного производства в одной из шести областей республики в период перехода страны к экономической реформе середины 1960-х гг. Основное внимание уделяется закономерностям, которые проявлялись в жизни трудовых коллективов на протяжении десяти лет. На основе документального материала показан многообразный подход партийных комитетов и исполнительных органов власти к внедрению экономических методов хозяйствования, которые позволили выявить скрытые резервы, заложенные в социалистическом обществе. Раскрывается феномен общественной активности трудящихся, роль передовиков и новаторов в рационализации производственных процессов, их лидерство в совершенствовании организации труда, повышении качества продукции.

Ключевые слова: децентрализация, модернизация, нравственная позиция, научно-технический прогресс, перестройка, прибыль, трудовая активность.

(Ученые записки. – 2013. – Том 16. – С. 5–17)

Plans and Realities of the Industrial Development of Vitebsk Region in 1966–1975

Mandrik I.V.

Educational establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

All aspects of the development of leading branches of industrial production in one of the six regions of the Republic during the transition of the country to the mid 1960-ies economic reform are analyzed in a complex and generalized way. Main attention is paid to typical processes which manifested themselves in the life of working people during the ten years. On the basis of documental material a varied approach of the Party committees and executive bodies to the introduction of economic methods of economy, which made it possible to find out hidden reserves of the socialist society, is presented. The phenomenon of social activity of working people is revealed as well as the role of advanced and best workers in the rationalization of production process, their leadership in the improvement of labor organization, increase in the quality of the product.

Key words: decentralization, modernization, moral position, scientific and technological advance, perestroika (reconstruction), income, labor activity.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 16. – P. 5–17)

В послевоенном восстановлении народного хозяйства страны советский народ удивил весь мир своей жизнеспособностью. Измученные и истощенные войной люди нашли в себе силы и волю в короткий срок залечить тяжелые раны, восстановить разрушенные города и села, промышленные и сельскохозяйственные предприятия. Невиданными ранее темпами шло строительство тысяч крупных заводов и фабрик, средних и мелких предприятий. В 1950-е гг. внимание работников промышленности концентрировалось на обосновании и реализации планов модерни-

зации страны, что позволило к середине 1960-х годов достичь весомых результатов, значительно продвинуться вперед. К этому времени в СССР практически завершился процесс формирования индустриального общества. Перед советским народом объективно открывались новые перспективы, связанные с переходом в постиндустриальное общество. Страна располагала для этого всем необходимым. Вместе с тем к началу 8-й пятилетки выявились слабые стороны хозяйственной жизни. Стали снижаться показатели, характеризующие эффективность производства:

Адрес для корреспонденции: e-mail: ivan_mandrik@mail.ru – И.В. Мандрик

медленно внедрялись достижения науки и техники, высокими были затраты на производство единицы продукции, замедлился рост производительности труда. Не соответствовали требованиям времени и другие результаты труда, с помощью которых возможно было выйти на уровень развитых капиталистических стран. Как отмечали тогда ведущие отечественные ученые (Л. Абалкин, А. Аганбегян, Т. Заславская и др.), социализм в соревновании двух систем стал терять свои преимущества. Жизнь требовала осуществления глубоких социально-экономических реформ и, в первую очередь, ослабления бюрократических методов в управлении производством, создания условий открывающих возможности в разработке и своевременном внедрении научно-технического прогресса. Было решено начать реформу по совершенствованию управления промышленностью и усилению экономического стимулирования промышленного производства. Принятая программа предусматривала децентрализацию управления и введение в действие хозрасчетных и товарно-денежных механизмов.

Содержание программы, ход внедрения, промежуточные и конечные ее результаты авторами освещались по-разному. Пытаясь глубже вникнуть в суть произошедших в СССР и его республиках перемен на этапе 1966–1975 гг. и имеющихся в то время проблем (что можно оправдать), многие зарубежные, а во время перестройки и после нее, и отечественные историки и политики акцентируют внимание на принудительном характере всей советской системы и ее бесперспективности, подвергают насмешкам инициативы передовиков и новаторов производства, соперничество людей и коллективов предприятий в достижении качественных результатов. Такой односторонний и упрощенный подход, на наш взгляд, нельзя признать рациональным. Он не имеет под собой научной основы и не способствует установлению истины.

Актуальность данной статьи определяется тем, что, вскрывая противоречивость и сложность процесса развития индустрии республики (на примере Витебской области) в условиях планируемой экономики, в ней показаны позитивные перемены в работе промышленных предприятий с введением экономических методов и стимулов в управление народным хозяйством. Особую значимость работе придает то, что в ней раскрывается роль партийных структур (правлящей в то время политической организации), показаны примеры их рациональной

деятельности по развитию производственной и общественно-политической активности трудящихся (что современные исследователи пытаются обойти молчанием, а если отражают, то – негативно).

Цель работы – выявление и определение влияния экономической реформы середины 1960-х годов на включение трудящихся в решение вопросов рационализации производства, снижение себестоимости продукции, укрепление дисциплины на предприятиях, других факторов, которые способствовали развитию промышленности Витебской области как составной части хозяйственного комплекса БССР в период 8-й и 9-й пятилеток.

Материал и методы. В работе использованы документальные материалы государственного архива Витебской области: протоколы партийных конференций, заседаний бюро обкома, горкомов и райкомов КПБ, раскрывающие механизм принятия решений о переходе в середине 1960-х гг. к экономическим преобразованиям в управлении промышленностью в регионах республики. В дополнение к ним мы опирались на данные государственных статистических сборников, тезисы научно-практических конференций, анализировали приведенные в них результаты экономического развития промышленного производства за обозначенный период; сделали на их основе авторские выводы об эффективности и преимуществе применяемых во время реформы в одной из областей республики экономических методов по отношению к тем, что использовались до этого.

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, объективности, системности, социальности.

Результаты и их обсуждение. К середине 1960-х годов БССР как одна из союзных республик СССР располагала мощным экономическим и научно-техническим потенциалом. К этому времени в основном было завершено создание единой Белорусской энергосистемы, ускоренно развивалось приборостроение, электроника, радиоэлектроника, производство автоматических линий. Приоритетное развитие получил военно-промышленный комплекс. Важные изменения произошли в топливной отрасли, положено начало большой химии. Республика имела высокую концентрацию и четкую специализацию, большую долю ориентированных на экспорт предприятий (сборочный цех Советского Союза). Бесспорные достижения имелись в экономи-

ческом и научно-техническом развитии промышленности Витебской области. Но, несмотря на значительное прогрессивное движение в экономике и социальной политике, СССР продолжал отставать от Запада в области науки, техники и новейших технологий. Такое положение привело руководство страны к пониманию трудящимися необходимости повышения производительности труда за счет внедрения на предприятиях передовых технологий. Было решено развивать демократические начала в организации экономической жизни, внедрить в систему управления промышленностью и стимулирования производства новые формы и методы. В сентябре 1965 года по этому вопросу принято специальное постановление Пленума ЦК КПСС «Об улучшении руководства промышленностью, совершенствовании планирования и усиления экономического стимулирования промышленного производства» [1, с. 516].

БССР в это время была подготовленной к предложенным изменениям. Здесь партийное руководство, элита общества, как в центре так и на местах, и до этого находились в постоянном поиске механизма вывода экономики из трудностей, разрешении противоречий. Выделять главное, действовать нестандартно, проявлять самостоятельность – такое настроение руководителей областных и нижестоящих структурных подразделений республики инициировалось из Минска. С 1957 года Компартию Беларуси возглавлял опытный и талантливый руководитель К.Т. Мазуров, который в сложных условиях того времени отстаивал интересы республики. В 1965 году на пост первого секретаря КП Беларуси избран П.М. Машеров. Он также имел свой взгляд на социально-экономическое развитие республики в масштабах большой страны. П.М. Машеров ориентировал партийно-хозяйственный актив республики на перестройку, перевод экономики республики на интенсивные методы хозяйствования. В 1973 году на пленуме ЦК КПБ он говорил: «Для повышения эффективности промышленного производства нам всем нужно значительно лучше работать. А это возможно сделать только при условии глубокой перестройки всей нашей деятельности в области экономики, во всех звеньях организации производства и управления, непрерывной перестройки на началах интенсивных, и только интенсивных методов организации дела...» (выделено нами. – *И.М.*) [2, с. 149, 10]. Как видно, суждение о перестройке, ускорении,

ориентация на кардинальные изменения в постановке технического прогресса и средствах производства в целях удовлетворения возросших материальных и духовных запросов населения у руководства республики имелось задолго до апрельского (1985 г.) пленума ЦК КПСС. Поиск эффективных методов и осмысленное поведение руководства республики в тех условиях не всегда совпадали с позицией высшего партийного руководства СССР, но, как оказывалось в последствии, давали положительный эффект. Творческое настроение поиска в развитии экономики и социальной сферы, принципиальность при решении вопросов, относящихся к защите человека труда, которое имелось в высшем руководстве республики, передавалось партийным и хозяйственным руководителям в областях, городах и районах. Промышленное и сельскохозяйственное производство, социальный сектор БССР и в застойные, как их принято теперь называть, годы развивалось (в сравнении с соседними республиками) стабильно устойчиво.

Хотя господство одной партии, не имеющей политических конкурентов, как это чаще бывает, создает возможности ее руководителям пользования в личных интересах народным достоянием, в БССР (можно утверждать смело) поток денег и товаров регулировался без хищений и казнокрадства.

После Сентябрьского (1965 г.) пленума ЦК КПСС, который предложил пути совершенствования управления промышленностью, решение данного вопроса стало основным и важнейшим направлением в деятельности партийных и советских органов республики. В БССР восстанавливалась прежняя система промышленных министерств и комитетов, взят курс на проведение хозяйственной реформы, основной смысл которой сводился к необходимости добиться повышения научного уровня государственного планирования, совершенствования производственных и общественных отношений, расширения инициативы и хозяйственной самостоятельности предприятий, более полное удовлетворение потребностей населения на высококачественные товары и услуги.

Переход на новую систему планирования и экономического стимулирования на Витебщине сделан одновременно с другими регионами республики. 27 января 1966 года на XV Витебской областной партийной конференции (присутствовало 578 делегатов с правом решающе-

го и 57 с правом совещательного голоса, представляющих 59-тысячный отряд коммунистов) обсуждены итоги работы в отраслях народного хозяйства области предыдущего периода, показаны имеющиеся резервы производства, принято решение об ускорении технического перевооружения промышленности и повышения материальной заинтересованности трудящихся в результатах труда.

В документах конференции указывалось на необходимость отказаться от неэффективных форм хозяйствования, прежде всего от валовых показателей, отдельным предприятиям – от постоянных государственных дотаций. Всем предприятиям и организациям рекомендовалось, как и предписывалось в постановлениях ЦК КПСС и Правительства СССР, проявлять самостоятельность и инициативу, сделать основным показателем эффективности в работе объем реализованной продукции – то есть сбыт и прибыль [3, с. 202–204].

Намечалось за счет научно-технического прогресса, совершенствования организации труда, лучшего использования производственных мощностей, финансовых и трудовых ресурсов, а самое главное, за счет расширяющейся самостоятельности предприятий и материальной заинтересованности трудовых коллективов, изменение умонастроений людей, увеличить объем промышленного производства в области за пятилетие на 67%, энергетические мощности – в 3 раза, выпуск строительных материалов – в 2 раза, производство металлорежущих станков – на 50%. Предусматривалось ввести в городах за это же время в действие 20 новых крупных предприятий. Как видно, речь шла о грандиозных преобразованиях. К тому же, в самом начале отметим: планы были значительно перевыполнены.

С 1966 года предприятия промышленности области приступили к реализации намеченного с учетом нового экономического порядка.

Ученые, специалисты, партийные и советские работники, которые могли профессионально оценить преимущества новых подходов, включились в разъяснение сущности реформы. Разъяснение велось в первичных производственных звеньях – бригадах, цехах, отделах – с учетом особенностей отрасли и специфики предприятий. Ученые высших и средних специальных учебных учреждений помогали предприятиям в составлении и внедрении мероприятий, позволяющих обеспечить внедрение новых методов хозяйствования и стимулирования производства.

Реформа получила поддержку на производстве. Предприятия области стремились к эффективной деятельности: разрабатывались конкретные мероприятия по улучшению экономической работы, внедрению научной организации труда и повышению рентабельности.

На Витебском ковровом комбинате, Оршанском и Витебском мелькомбинатах, Воропаевском комбикормовом заводе, которые первыми перешли на новые условия планирования и экономического стимулирования, ускоренными темпами проводилась модернизация производственных процессов, создавались благоприятные условия для высокопроизводительного труда. Экономические службы укреплялись специалистами. На крупных предприятиях создавались лаборатории технико-экономического анализа, организована учеба кадров. В Витебске, Орше, Полоцке была налажена работа постоянно действующих семинаров для секретарей парткомов, руководителей промышленных предприятий по изучению научной организации труда и хозрасчетных отношений.

Работникам предприятий было разъяснено, что механизмы реформы создают условия, при которых обеспечивается подлинная социальная справедливость, распределение материальных и социальных благ в таком случае в дальнейшем зависит только от реального трудового вклада – от трудолюбия, мастерства, таланта.

Раскрывшиеся возможности увеличения материальных стимулов оказали положительное влияние на рост производственной активности работников. Это время ознаменовано появлением множества ценных, идущих снизу общественных инициатив и движений, направленных на преодоление трудностей в развитии экономики. Развернулось соревнование за экономное расходование материалов и сырья, от передовиков производства поступали многочисленные предложения по открытию лицевого счетов трудовых вкладов, досрочному выполнению государственных планов и личных обязательств. Начало движению за комплексную экономию сырья, материалов и создание фонда экономии в честь предстоящего съезда партии положила закройщица фабрики «Красный Октябрь», член КПСС А.А. Голубкова. Начинание, бесспорно, было поддержано городским комитетом партии и рекомендовано для широкого распространения. Почин Голубковой имел многочисленных последователей и выражался в

высоких производственных достижениях. На Витебской мебельной фабрике, ковровом комбинате, других предприятиях области рабочие принимали повышенные обязательства, ход их выполнения освещался в настенных газетах, на Досках показателей, витринах.

Эффективность почина Голубковой проявилась уже на старте пятилетки. При подведении итогов оказалось, что только за два месяца 1966 года на промышленных предприятиях Витебска от его внедрения получен экономический эффект в сумме свыше миллиона руб. [4, с. 75].

Ход реализации принятых мероприятий по внедрению реформы находился под контролем партийных комитетов. На заседании бюро обкома партии в течение 1966 года заслушивались отчеты Первомайского, Октябрьского, Толочинского райкомов, Полоцкого горкома партии и ряда партийных комитетов крупных промышленных предприятий [5, с. 10]. Внедрение экономических методов хозяйствования на предприятиях области шло настолько успешно, что в ноябре 1966 г. это было отмечено в ЦК КП Беларуси [6, с. 177]. Тогда же в Витебске проведена республиканская научно-практическая конференция, с рассмотрением используемых здесь эффективных экономических подходов, которые вывели область на передовые позиции.

Благодаря расширению хозяйственной самостоятельности трудовые коллективы имели возможности для инициативной деятельности. На ковровом комбинате, коллектив которого был в числе первых, осваивающих новые условия хозяйствования, пошли по пути составления комплексной программы технического перевооружения предприятия. В подготовке и осуществлении программы принимали участие все инженерно-технические и экономические службы, передовики производства. Хорошо справлялась со своими обязанностями созданная для координации действий по внедрению реформы комиссия во главе с главным инженером М.Я. Бородулиным. Определилась тенденция слаженной работы всех служб комбината. В короткие сроки проведено обновление основных фондов предприятия, приобретено и установлено более производительное оборудование. Внедрение передового опыта происходило непосредственно на рабочих местах. Возросла активность работников, шло закрепление шефства передовиков производства над молодыми рабочими. Вместе с повышением техниче-

ского уровня производства, профессиональным ростом рабочих, ИТР и служащих происходило улучшение качества выпускаемых изделий, своевременная их реализация. Прибыль предприятия за 1966 год здесь составила 7 млн рублей. Для того времени это были значимые финансовые средства, которые использовались на модернизацию производства, увеличение заработной платы и развитие социальных структур комбината.

На протяжении всех лет восьмой пятилетки коллектив предприятия являлся лучшим в своей отрасли. Здесь больше, чем на аналогичных предприятиях других регионов огромной страны, снимали продукции с единицы оборудования. Более 99% изделий на комбинате выпускалось первым сортом. Опыт работы трудового коллектива комбината по снижению себестоимости и выпуску качественной продукции обобщался во Всесоюзном масштабе [7, с. 13].

Для того чтобы полнее раскрыть возможности самостоятельной и инициативной деятельности трудовых коллективов, партийные организации использовали юбилейные даты. Они вместе с профсоюзными организациями стремились выявить наиболее рациональные инициативы, распространить и сделать их массовыми. Так, в первые же дни 1967 года бюро Витебского обкома КПБ рассмотрело предложение, поступившее от работников предприятий областного центра. Заинтересованные в применении новых технологий, повышении производительности труда рабочие разных отраслей (бригада помощника мастера коврового комбината, Героя Социалистического Труда П.Д. Климкова, коллектив механического цеха завода имени Кирова и бригады машинистов локомотивного депо имени М.И. Калинина, В.А. Дерябина, Н.Е. Колбанова, Н.Е. Погорельского, С.Я. Старинского и Б.А. Чернявского), объединившись, предложили включиться в соревнование за сокращение производственных потерь, экономию сырья, материалов, электроэнергии. В принятом постановлении бюро рекомендовало всем партийным, профсоюзным и комсомольским комитетам организовать разъяснение ценности данного предложения и способствовать повсеместному его применению [8, с. 169].

Тогда же Витебский горком партии предложил рабочим коллективам города провести трудовую эстафету в честь 50-летия Октябрьской революции. Право начать эстафету было предоставлено одному из старейших и успешно работающих предприятий города –

ковровому комбинату. За шесть месяцев эстафета прошла по 40 крупнейшим предприятиям города. Делегации передающих и принимающих эстафету предприятий, сформированные из передовиков производства, информировали друг друга на рабочих собраниях о проделанной работе по освоению экономических методов и полученных результатах. Наиболее значимые производственные и общественные события заносились в книги – альбомы, которые в последующем стали достоянием истории. Не менее значимым стало также и то, что к 20 октября 1967 года плановые задания 10 месяцев текущего года были витебчанами выполнены [9, с. 213, 214]. Последовательно велась в эти годы работа по внедрению прогрессивных форм в управление строительным производством. В основу этой работы был положен опыт строительного треста № 16 «Нефтестрой» по разработке и внедрению сетевого планирования и укреплению материально-технической базы за счет полученной прибыли. За 1968–1970 гг. на создание и модернизацию собственных производственных фондов строители области израсходовали 10 млн рублей. Стабилизировался кадровый состав строительных организаций. Текучка среди строителей снизилась в течение трех последних лет пятилетки на 7,4%. Производительность труда при плане 18% выросла на 20% [11, с. 18–19]. В Новополоцке в это время сложилось рациональное движение среди строителей города: качественно и в срок сдавать возводимые объекты. Данное начинание в рассматриваемые годы имело наиважнейшее значение: во всех городах и районах области, но особенно важно оно было для молодого города, где развернулось масштабное строительство. Лучшим людям города присваивалось звание «Почетный строитель Новополоцка». Первыми этого звания в 1967 г. удостоены восемь рабочих и ИТР. Среди них начальник строительного управления № 121 А.А. Китаров, бригадир монтажников М.Ф. Гайдов, маляр Т.И. Гугалинская.

Переход на новые условия хозяйствования, расширенная самостоятельность раскрепостили инициативу руководителей предприятий. У них появилась заинтересованность в совершенствовании производства и в выпуске предприятием наиболее важной для страны промышленной продукции и необходимых для населения предметов потребления. В результате возросли возможности выхода на рентабельную работу ранее отстающих пред-

приятий. Оршанский завод легкого машиностроения в 1967 году переместился из отстающих в число передовых в своей отрасли. Объем производства и сбыт продукции за три последних года пятилетки здесь увеличились почти в 2 раза.

На оршанском заводе «Красный борец» развернулось соревнование под девизом «Каждый рабочий – общественный контролер», «Каждую операцию – на отлично». В результате сдача продукции с первого предъявления составила 98,5%, а когда в целях стимулирования выпуска высококачественной продукции с 1967 года в стране была введена государственная аттестация продукции с присвоением Знака качества, первым в СССР таким Знаком отмечен выпускаемый здесь станок, особо высокой точности модели 3711 [10, с. 12].

Высокие показатели роста промышленного производства и масштабное строительство потребовали пропорционального развития транспортной системы, технического перевооружения производства и социального развития ее коллективов. Ведущее место в перевозке грузов и пассажиров отводилось железнодорожному транспорту. Предприятия железнодорожного транспорта области, опираясь на производственную активность трудящихся, успешно справлялись с возросшими задачами. На Витебском отделении и Оршанском железнодорожном узле Белорусской железной дороги (Оршанский железнодорожный узел по производственной работе относился к Минскому отделению, по партийной структуре – к Витебской областной организации) внедрена принципиально новая система доставки грузов. Новшество, разработанное группой энтузиастов Белорусской, получило название «маршрутизация», давало высокий экономический эффект. Напряженный пятилетний план отправления грузов железнодорожниками области и Белорусской железной дороги в целом выполнили уже в начале ноября 1970 года. Отправление грузов за это время возросло более, чем на 60%, грузооборот – на 35, а объем пассажирских перевозок – на 52%. Причем, на Витебском отделении и Оршанском железнодорожном узле весь объем прироста перевозок получен за счет роста производительности труда. Отправление грузов, по предложенной белорусскими железнодорожниками системе, применялось на всей железнодорожной сети СССР [12, с. 19].

Дебюрократизация экономической жизни в период этой пятилетки оживила технический прогресс, открыла больше возможностей для

внедрения в производство современных машин, механизмов и технологических процессов. Только за 1968–1970 годы по различным направлениям НТП на промышленных предприятиях области внедрено 360 плановых мероприятий, в том числе 109 из них касались передовых технологий, 85 – механизации и 62 – автоматизации технологических процессов. В целом за годы восьмой пятилетки в производство введено 184 поточные, механизированные и автоматизированные линии, установлено свыше 10 тыс. единиц нового и модернизировано 6 тыс. единиц действующего производственного оборудования, создано более 240 новых видов станков, машин, установок, материалов. Внедрено 62 тыс. рационализаторских предложений с условно годовой экономией свыше 46 млн рублей [6, с. 177].

Огромные изменения в техническом перевооружении в годы внедрения экономической реформы произошли на градообразующем для Орши предприятии – льнокомбинате. За 5 лет здесь установлено 608 единиц новейшего и модернизировано 2 тысячи действующего оборудования [13, с. 2].

Внедрение научно-технического прогресса на промышленных предприятиях требовало подготовки трудовых ресурсов, повышения образовательного и профессионального уровня работников. Не будет лишним отметить, что пополнение рабочего класса и инженерно-технического персонала на Витебщине, как и в целом в республике, велось в это время с учетом потребностей промышленности, транспорта и строительных организаций. Постоянное увеличение высококвалифицированных рабочих для предприятий области шло по двум направлениям: во-первых, эту функцию выполняла система профессионально-технического образования; во-вторых, рабочее пополнение готовилось непосредственно на предприятиях. Училища системы профтехобразования области за короткий срок 1966–1968 гг. выпустили более 22 тыс. молодых рабочих. Непосредственно на производстве только за один 1968 год вновь подготовлено 21 тыс., повысили квалификацию 45 тыс. рабочих [14, с. 14]. Высокими оставались темпы подготовки рабочих и специалистов и в последующем.

Особое внимание в эти годы уделялось росту мастерства рабочих и управленцев, совершенствованию их профессиональных знаний, умений и навыков. В Витебске при горкоме и райкомах партии регулярно проводились «Дни мастера», «Советы новаторов»,

налажена работа «Клуба деловых встреч». В горкоме партии одобрена работа парткома станкостроительного завода имени С.М. Кирова по составлению планов личного участия рабочих, ИТР и служащих по ускорению научно-технического прогресса.

Важное место в развитии производственной и общественной активности трудящихся отводилось в исследуемое время социалистическому соревнованию. Все формы соревнования, в том числе и его высшую – движение за коммунистическое отношение к труду, которое зародилось в конце 1958 года, партийные организации считали важнейшим средством выполнения плановых заданий с наименьшими затратами. Во всех трудовых коллективах принимались социалистические обязательства. В них отражались вопросы роста объемов производства и производительности труда, укрепления трудовой дисциплины, эффективного использования трудовых и материальных ресурсов, внедрения новой техники и технологий. Наблюдался постоянный рост участников соревнования. По имеющейся информации, в 1967 году во всех формах соревнования участвовало около 90% работающих. Более 130 тысяч инженерно-технических работников и служащих области включились в движение за коммунистическое отношение к труду. Участие в соревновании коммунистов рассматривалось как основное и значимое партийное поручение.

В ходе распространения движения за коммунистический труд в масштабах республики традиционно проводились общегородские субботники. Трудящиеся Витебской области постоянно участвовали в этом движении. Витебчане поддержали инициативу коллектива депо Москва-Сортировочная о проведении коммунистического субботника в день 50-летия «великого почина». 12 апреля 1969 года 578 тысяч жителей области трудились на рабочих местах, на благоустройстве городов и поселков. Произведено продукции на 3,6 млн руб. Заработная плата в сумме 528 тыс. руб. перечислена в фонд пятилетки [15, с. 34].

Большим размахом характеризовался коммунистический субботник в следующем 1970 году. Только в областном центре в нем приняли участие более 120 тыс. человек, из них в сфере материального производства – 68 тыс. В Витебском локомотивном депо имени М.И. Калинина вместе с работниками предприятия на субботник в этот день вышло 27 пенсионеров, в дистанции пути – 46. В Орше в субботнике приняло участие 48 тыс.

человек. Выполнено работ на 900 тыс. руб. На полоцком химкомбинате на субботник вышло 2333 работника. Потребителям в этот день с комбината отгружено 200 тонн полиэтилена [16, с. 53, 57, 58].

Как теперь очевидно, и социалистическое соревнование, и движение, названное коммунистическим отношением к труду, требуют критического подхода, серьезного анализа, но не упрощенной оценки, и, тем более, уничижительности (стремление видеть в прошлом страны лишь плохое, изображать все в черных красках) как это делают отдельные историки. Само собой разумеется, исследователи не могут отбросить главного: соревнование как механизм экономической сферы являлось в то время стимулом совершенствования производства, повышения его эффективности. Сотни тысяч добросовестных и трудолюбивых людей с воодушевлением делали то, что считали полезным для себя и общества. Включаясь в соревнования на стадии подготовки и принятия обязательств, они участвовали в их согласовании и непосредственной реализации, занимались воспитанием тех, кто допускал нарушения дисциплины труда. Несомненно усилили участники соревнования находили конкретное воплощение в ускорении экономического роста производства, давали экономический эффект. В ходе соревнования в области появились сотни общественных конструкторских и технологических бюро, групп экономического анализа, технической информации, советов новаторов, университетов культуры и даже общественных научно-исследовательских институтов и лабораторий. К сожалению, хозяйственники не в полной мере использовали этот всплеск трудовой инициативы рабочих. Энтузиазм трудящихся не всегда подкреплялся организационно-техническими мероприятиями, материальной заинтересованностью. Имели место компанейщина, пропагандистская шумиха. Думается, только квалифицированный, объективный подход в осознании прошлого может представить соревнование в правдивом изложении. Сделать это необходимо ради нашего прошлого, настоящего и будущего, ради нашей страны, нашей культуры, нашего народа. Очищенное от профанаций и формализма, защищенное от лжи и демагогии, имевшее место в советское время соперничество людей в процессе производства и в дальнейшем останется необходимым человеческим качеством личности для развития общества.

К концу 1970 года на новую систему хозяйствования на Витебщине перешли все предприятия промышленности, связи, транспорта, строительства. На их долю приходи-

лось 98% общего объема продукции, 99% всей полученной прибыли. Среднегодовые темпы роста объемов производства за время внедрения реформы составили 12,2%, прибыль предприятий возросла вдвое [17, с. 14].

Серьезно вырос в этой пятилетке экономический потенциал Витебщины. В народное хозяйство области вложено более 1,5 млрд руб., что почти в 2 раза больше, чем за предыдущие пять лет. Построены и введены в эксплуатацию Новополоцкий химкомбинат, две установки по первичной переработке нефти на нефтеперерабатывающем заводе мощностью 12 млн. тонн в год, ряд крупных предприятий электронной промышленности и стройиндустрии [18, с. 33, 62, 63].

Трудящиеся области достигали хороших общереспубликанских результатов. В период завершения пятилетки на Витебщине выпускалось 16,5% продукции БССР. В том числе, 100% продукции нефтепереработки, 98% шелковых тканей, 78% чулочно-трикотажных изделий, 78% ковров и ковровых изделий, 43% – металлообрабатывающих станков [19, с. 18–19].

Подводя итог внедрению экономической реформы на предприятиях Витебщины в 1966–1970-х годах, не станем подвергать сомнению закрепившийся в научной литературе вывод о том, что она не раскрыла в полной мере возможности для самостоятельной и инициативной деятельности трудовых коллективов. Но одновременно объективно отметим ее благотворное воздействие на экономическую составляющую и социальную сферу. Период 8-й пятилетки по всем социально-экономическим показателям на Витебщине, как и в стране в целом, был лучшим за последние 30 лет. Произошла стабилизация трудовых коллективов, заметно возросла производственная и общественная активность работников всех отраслей. Увеличилась (кратно) прибыль предприятий, что позволило им формировать фонды развития производства, материального поощрения работников, социально-культурных мероприятий и жилищного строительства. В городах и рабочих поселках области за 1966–1970 гг. построено около 3 млн квадратных метров жилья (в республике – 20,4 млн кв. м), 233 новые школы, 77 дошкольных учреждений, 300 предприятий торговли [20, с. 63]. В обществе поощрялись лучшие человеческие качества, где было место творческим порывам и высоким идеалам.

В завершение пятилетки по опыту ленинградцев на 130 крупных предприятиях области составлены планы социального развития

трудовых коллективов [21, с. 17]. Была заложена хорошая основа по сближению средств производства и предметов социального назначения на последующий период.

В 9-й пятилетке на предприятиях промышленности области продолжалось поступательное развитие производства, внедрение научно-технического прогресса и ускорение роста производительности труда, повышение уровня образования и квалификации трудящихся. Конкретная программа действий на предстоящий период в области промышленности, транспорта и строительства была обсуждена в марте 1971 г. на пленуме обкома КПБ. Основной уклон при ее составлении и обсуждении на партийном форуме, а затем и на сессии областного Совета депутатов трудящихся сделан на техническое переоснащение производства и строительство объектов социального значения на основе использования экономических методов хозяйствования.

Итоговые ощутимые результаты, полученные в годы 9-й пятилетки, которые будут приведены ниже, невозможно представить без рассмотрения проявившегося, охваченного идеями хозяйственной реформы, энтузиазма трудящихся. Изыскание резервов производства, сокращение потерь рабочего времени, движение под девизом «Каждый рабочий – общественный контролер», организация субботников, другие инициативы – повседневная реальность тех лет. Партийные и профсоюзные организации отводили социалистическому соревнованию важное место. Ставилась задача включить в соревнование большинство работающих, формировать посредством соревнования сознательное отношение к труду. По официальным сведениям, соревнованием в эти годы были охвачены практически все рабочие, инженерно-технические работники и служащие. Соревновались между собой отдельные рабочие, коллективы бригад, смен, участков, предприятия, районы и города. Добросовестно трудились и положительно влияли на поддержание производственного энтузиазма и общественной активности коммунисты области. Наиболее распространенным в период этой пятилетки стало начинание швеи фабрики «Знамя индустриализации» члена КПСС Л.А. Куряковой и члена ВЛКСМ, депутата Верховного Совета БССР А.М. Вистуновой о выполнении 9-го пятилетнего плана за 4 года.

Инициаторы починов и их последователи с большим энтузиазмом трудились над укреплением экономики. За счет их собственных усилий и смекалки росла производительность тру-

да, в стране создавались огромные ценности. Во время подготовки к историческим датам в жизни государства, отдельных республик они свое внимание сосредотачивали не на мнимых, а на реальных результатах. Несомненно сегодня многое из прошлого воспринимается как починомание, формализм, насильственная подгонка реальности и даже эксплуатация присутствующего человеку энтузиазма.

Формализм и починомание в организации соперничества, как и в прошедшей 8-й пятилетке, присутствовали, без них при таком масштабном развитии соревнования обойтись не удалось. Наблюдалось и эйфорическое восприятие инициатив. Но независимо от нынешних страстей, огульные охаивания всех начинаний трудящихся, которые зарождались и развивались в советские годы на предприятиях для роста активности трудящихся, что позволяют себе отдельные политики и историки, это – бесплодное и вредное занятие. Хотелось бы напомнить, что при научном подходе к любой проблеме, сопоставляя факты, следует обращать внимание на самое существенное. Только тогда возможно рассмотреть главное. В нашей теме такой подход позволит увидеть, что миллионы участников соревнования осознанно с внутренним побуждением и высокой ответственностью выполняли свою функцию в социально-трудовой сфере. Большинство инициаторов не использовали каких-либо выгод от выдвинутого полезного начинания или от готовности пересмотреть в течение года в сторону повышения свои ранее принятые обязательства. Они ориентировались на высокопроизводительную работу, повышение эффективности производства, экономию ресурсов, на овладение передовыми приемами и методами труда.

Яркий тому пример: во время подготовки к 50-летию образования СССР в области был широко распространен почин Героя Социалистического Труда закройщицы фабрики «Красный Октябрь» Голубковой А.А. От имени многотысячного коллектива своего предприятия она заявила о стремлении рабочих достойно встретить эту дату, призвала труженников области изыскать все имеющиеся на производстве резервы, сделать обязательства напряженными. На заседании бюро областного комитета партии предложение Голубковой, других инициаторов было поддержано. Здесь же принято постановление о проведении пятнадцати ударных вахт в честь союзных республик [22, с. 20].

Несмотря на парадность и заорганизованность, а, порой, и приписки, в организации

соревнования проявлялись принципы здоровой конкуренции и высокая нравственная позиция людей. Богатый опыт и одаренность лидеров производства, производительность труда которых была в 1,5–2 раза выше средней по отрасли, позволяла им достигать вершин в своей профессии, приносила ощутимую пользу стране. Это хорошо было заметно при подведении итогов соревнования трудящихся области в юбилейном для союзного государства 1972 году. Соревнуясь между собой, строители Витебска и Орши предъявляли высокие требования к качеству и своевременному вводу возводимых объектов. В Витебске раньше срока введены мощности шелкового комбината по производству 7 млн квадратных метров ткани. В Орше досрочно сдана в эксплуатацию третья очередь льнокомбината [23, с. 24, 25, 52]. На Полоцком химкомбинате, при значительном сокращении численного состава, удалось на два месяца раньше нормативного срока освоить и превзойти проектные мощности [24, с. 17].

По результатам работы в честь этой даты более 50-ти коллективов области вышли победителями во Всесоюзном и республиканском соревнованиях, десятки тысяч трудящихся получили материальное и моральное поощрение.

Высокими трудовыми достижениями были насыщены все последующие годы этой пятилетки. Мобилизирующим средством по изысканию внутренних резервов стало принятие встречных планов, в которых предусматривался дополнительный по отношению к контрольным цифрам выпуск продукции. В начале 1973 года на 65 предприятиях области были созданы заводские и цеховые комиссии по разработке встречных планов. В состав комиссий включены экономисты, рабочие, ИТР и служащие, партийный, профсоюзный и комсомольский актив. Встречные планы обсуждались и принимались на рабочих, профсоюзных и комсомольских собраниях, которые тогда проводились с завидной для сегодняшнего дня периодичностью и конкретностью.

Трудовой коллектив Новополоцкого нефтеперерабатывающего завода во встречном плане принял на себя обязательство выполнить пятилетнее задание по росту производительности труда на два года раньше, чем было намечено. Органично в решение хозяйственных вопросов была включена партийная организация предприятия. Производственный принцип структур-

ного построения КПБ ориентировал партийный комитет на включение в решение производственно-технологических вопросов всех работающих и, в первую очередь, коммунистов. От коммунистов требовалось участие в изыскании резервов производства и достижение высокой производительности труда. Сами коммунисты предприятия рассматривали партийные решения как важнейшее партийное поручение. Коммунисты завода выступали инициаторами и организаторами соревнования, стояли у истоков многих новаторских инициатив. Партком завода координировал усилия экономических и технических служб, общественных организаций на техническое перевооружение производственных процессов, повышение уровня организации труда и управления. Намеченные рубежи встречного плана трудовой коллектив завода выполнил качественно и в срок [25, с. 7].

Большое значение в выполнении плановых заданий пятилетки отводилось транспортным предприятиям, тесному взаимодействию железнодорожного и автомобильного транспорта. На предприятиях железнодорожного транспорта Витебского отделения и Оршанского железнодорожного узла Белорусской дороги сделан полный переход на вождение поездов тепловозами и электровозами, шло обновление парка подвижного состава. Новыми, более современными автомобилями и автобусами оснащались автобазы. Велась взаимоувязка в работе транспортных предприятий по всему технологическому циклу. Наблюдались постоянный рост уровня механизации погрузо-разгрузочных работ, увеличение объема контейнерных и пакетных перевозок. В этой пятилетке железнодорожники и автомобилисты не только справились с плановыми показателями по перевозке грузов и пассажиров, но и существенно их перевыполнили. Широкую поддержку среди железнодорожников в 9-й пятилетке нашла инициатива коллектива колонны машиниста-инструктора Витебского локомотивного депо, члена КПСС Пиульского: «Водить только большегрузные поезда». Этот призыв стал девизом в работе всех локомотивных бригад республики. Бригады машинистов Витебского локомотивного депо перевезли в тяжеловесных поездах более 28 млн тонн грузов, сэкономя при этом 7 тыс. тонн дизельного топлива [26, с. 54].

Как показывают результаты, реализация намеченных задач в этой пятилетке в Витебской области осуществлялась при высокой производительности труда, которая выросла за это время на 50,5% (!) (БССР – 43%). Объем промышленного производства – на 65%,

(БССР – 64%), сверх плана произведено продукции на 238 млн рублей [27, с. 4, 8, 10].

Шло возведение новых и расширение действующих предприятий. За 1970–1975 гг. построено 13 крупных заводов и фабрик, электростанций по современным тогда технологиям. В их числе Лукомльская ГРЭС – важнейший народнохозяйственный объект страны, общей мощностью 2 млн 400 тыс. кВт, строительство которого началось в декабре 1964 года. В августе 1974 года в эксплуатацию введен последний 8-й энергоблок. Во время строительства освоено более 230 млн рублей капитальных вложений. Ударно трудился над возведением объекта шеститысячный коллектив строителей. Применение прогрессивных решений и режим экономного расходования материалов позволил на 16 месяцев сократить период строительства ГРЭС и на 18,4 млн рублей снизить себестоимость работ. В Витебской области за короткий срок вырос новый город. Население Новолукмля в августе 1974 года составляло 14 тыс. человек. Для жителей города построено 120 тыс. кв. м жилой площади, 2 средние школы, 4 детских дошкольных учреждения, больница и поликлиника, торговый центр, кинотеатр, ряд других объектов социального и культурно-бытового назначения. В это же самое время в строй действующих вошли третья очередь Оршанского льнокомбината, завод доломитовой муки «Гралево», Оршанский инструментальный завод, ряд крупных цехов и производств на Новополоцком нефтеперерабатывающем заводе и химическом комбинате. В 1975 г. в Витебске открыт филиал института физики твердого тела и полупроводников Академии наук Белорусской ССР [28, с. 155].

За счет всех источников финансирования в этой пятилетке в области введено фондов производственного и непроизводственного назначения на сумму 2 млрд 456 млн рублей, освоено 2 млрд 470 млн рублей капитальных вложений, что в 1,4 раза больше, чем в предыдущей 8-й пятилетке. Высокие показатели во многом определялись техническим перевооружением строительной индустрии, внедрением здесь прогрессивной системы управления и применением передового бригадного хозяйственного расчета, который предложил Герой Социалистического Труда Н.А. Злобин из подмосковного города Зеленаграда. В 1975 г. по этому методу в области работало более 200 бригад. Они выполняли около 20% общего объема строительных работ. Производительность труда в строитель-

стве повысилась на 35,4%, за счет ее роста получено 88,4% прироста объемов капиталовложений [27, с. 34].

Число комплексно-механизированных и автоматизированных цехов и участков на промышленных предприятиях области, по сравнению с предыдущей пятилеткой, увеличилось в 1,8 раза, поточных механизированных и автоматических линий – в 1,7 раза. За эту пятилетку осуществлена реконструкция 137 предприятий, внедрено более 17 тыс. мероприятий по научной организации труда, эффективность которых в оценке специалистов равнялась 16 млн рублей и условным высвобождением 10 тыс. человек производственного персонала.

Высокие темпы роста имели промышленные предприятия Витебска, Орши, Новополоцка. Особенно результативно и качественно работали все годы пятилетки трудовые коллективы Новополоцкого нефтеперерабатывающего завода, производственного объединения «Полимир», полоцкого завода «Стекловолокно», Оршанского льнокомбината, Витебского коврового комбината, фабрики имени КИМ, производственного объединения «Монолит» [27, с. 7]. Изделия предприятий Витебщины экспортировались более, чем в 100 стран мира. В августе 1974 года заслуги трудящихся областного центра отмечены высокой наградой. Указом Президиума Верховного Совета СССР город Витебск награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Теперь, когда наше общество движется к глубоким экономическим реформам, думается, не стоит отмахиваться от многих названных выше аспектов советского общества, исключать возможности возрождения прежних традиций подготовки и проведения государственных дат, организации соревнования как метода развития трудовой состязательности рабочих по профессиям для достижения конкретных показателей, четко сориентированных на повышение качества и эффективность производства. В дальнейшем, как представляется автору, исследователи не должны обходить их стороной, тем более, стесняться в обобщении и отражении в печатных работах. Внимание к человеку труда, развитие чувства коллективизма и патриотизма, характерные для республики, в рассматриваемое в статье время, должны стать объектом пристального изучения как факторы прежних ценностей и тормозом – в преодолении распада исторического сознания, социальных связей, моральной деградации и утраты прежней социальной идентичности. Опирайтесь на концепцию целостности и неделимости

истории необходимо, чтобы, как отмечал Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, не отказываясь от прошлого, использовать позитивное и доброе, что было в нем, для достижения успеха сегодня [29, с. 4].

Заключение. Таким образом, итоги развития промышленного производства в одной из шести областей республики после введения реформы середины 60-х гг. дают право на следующий вывод. 1966–1975 годы следует рассматривать как лучший период советской истории. Преобразования в управлении и планировании, экономическом стимулировании производства, получившие название экономической реформы Косыгина, оказали позитивное воздействие на экономику страны. Частичная децентрализация управления и введение хозрасчетных товарно-денежных механизмов, что предусматривалось реформой, привели к качественным изменениям в деятельности промышленного комплекса Витебской области и БССР. На протяжении 10 лет росла эффективность использования производственных фондов и капитальных вложений, поддерживался высокий экономический рост. В республике в эти годы практически завершился процесс формирования индустриального общества, сделан прочный переход в постиндустриальное общество. Хозяйственный комплекс БССР располагал на этом этапе сложной отраслевой структурой и глубоким разделением труда. Характерной чертой белорусского общества в это время была практически полная обеспеченность производства необходимыми квалифицированными кадрами, их высокая тяга к знаниям. Повышение своего образовательного и профессионального уровня люди расценивали как потребность личного самосовершенствования, удовлетворения своих духовных запросов, видели в этом возможность сделать карьеру.

Опора на экономические механизмы, намеченные реформой, в областях и республике в целом дала ускорение социально-экономическому развитию. Изменения в организации труда и оплате за труд усилили у работников предприятий мотивацию к разработке и внедрению новой техники, совершенствованию технологических процессов, выпуску качественной продукции.

Поступательное развитие народного хозяйства, социальная политика государства привели к улучшению благосостояния трудящихся области. Доходы населения здесь превышали средний уровень, сложившийся к этому времени в СССР. Каждый год возрастала заработная плата работников промышленности, что обеспечивало более полное материальное благопо-

лучие населения. Полнее стали удовлетворяться материальные и культурные запросы человека. Население Беларуси лучше обеспечивалось продовольственными и промышленными товарами. В выпуске продукции легкой промышленности БССР уступала лишь Латвии и Эстонии. Для удовлетворения потребностей людей выделялись государственные дотации из общественных фондов потребления. При этом цены на большинство продуктов питания и промышленные товары массового спроса оставались стабильными, а на хлеб, картофель, овощи, сахар – крайне низкими. Населению предоставлялись большие льготы по квартплате, за пользование общественным транспортом, питание в рабочих столовых и пребывание в домах отдыха.

В 1975 г. продажа важнейших товаров народного потребления всем категориям населения (взяты среднереспубликанские показатели) увеличилась (по сравнению с 1965 г.) в 2,4 раза непродовольственных товаров – в 2,6 раза. С каждым годом улучшались жилищные условия жителей Придвинья, укреплялась школьная учебно-материальная база. В 9-й пятилетке для населения области построено и сдано в эксплуатацию 3 млн 57 тыс. квадратных метров общей жилой площади, введено в строй действующих 89 школ на 42,6 тыс. ученических мест. В 1967 году производственная и социальная активность трудящихся области нашла государственное признание. Указом Президиума Верховного Совета СССР Витебская область отмечена самой высокой наградой – орденом Ленина [30, с. 1].

Поиск выхода из трудностей, развитие экономики республики за счет интенсивных факторов, насыщение ее высококвалифицированными кадрами, достижение высоких производственных показателей рабочими, служащими и ИТР промышленного комплекса можно отнести в актив партийным и советским учреждениям, общественным организациям. Однако, как показывает глубокий критический разбор состояния дел (с учетом анализа развития на последующих этапах), принятых на этом этапе мер для коренных глубинных экономических преобразований, оказалось недостаточно. Курс, обозначенный в середине 60-х годов, не смог существенно изменить предыдущий порядок хозяйственных связей, которые сложились на основе долговременных тенденций централизованной плановой системы. Реформа не развивалась вглубь. Она почти не затронула командно-административную систему министерств и ведомств, не раскрыла в полной мере воз-

возможности хозяйственных отношений. Неразвитость форм собственности и отсутствие достаточной хозяйственной инициативы предприятий не позволили своевременно учитывать меняющиеся запросы общества, сдерживали развитие инициативы. Промышленное производство и во время реформы еще во многом развивалось за счет экстенсивных факторов. Поэтому в последующие годы (на что будет обращено внимание в следующей публикации) предпринимались попытки более глубокой разработки и внедрения в социалистическую экономику рациональных технологий управления предприятиями и хозяйственных механизмов. Но в строго централизованной плановой системе добиться коренных экономических преобразований, догнать развитые капиталистические страны по производительности труда, как в исследуемый период, так и в последующие годы, не удавалось. Много сил и средств уходило на достижение паритета с США в военной области. Расходы на развитие военно-промышленного комплекса достигали 25% валового национального продукта (в США – 7–8%). В глобальном соревновании с США, Западом СССР проигрывал производство товаров народного потребления. Такое развитие не способствовало росту эффективности советской экономики по сравнению с экономикой ведущих стран Запада.

Экономическое развитие Витебской области, как и Белорусской ССР в целом, на этапе 1966–1975 гг. отличалось (по отношению к общесоюзному промышленному комплексу) высокой производительностью труда, динамизмом в возведении и расширении индустриальных предприятий, в использовании трудовых и материальных ресурсов. Происходило это за счет продуманности и последовательности при реализации намеченных программных установок руководителями республиканского и местного партийного и советского аппарата. Но исключить здесь целиком установившийся в СССР общесоюзный государственно-политический механизм не удалось. Общая атмосфера в стране, в партии позволяла местному руководству действовать лишь с небольшими отклонениями от установленного центром порядка.

Литература

1. Постановление Пленума ЦК КПСС (1965 г.) «Об улучшении руководства промышленностью, совершенствования планирования и усиления экономического стимулирования промышленного производства» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов ЦК. – М., 1972. – Т. 8.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4. – Оп. 20. – Д. 510; Мандрик, И.В. Белорусская железная дорога в 70–80-х годах XX столетия: исторический, социально-экономический и политический аспекты. – Витебск, 2003. – 296 с.
3. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Фонд 1. – Оп. 115. – Д. 3.
4. ГАВО. – Фонд 1. – Оп. 115. – Д. 113.
5. ГАВО. – Фонд 1. – Оп. 117. – Д. 18.
6. Возрастание руководящей роли партии в коммунистическом строительстве (на материалах Компартии Белоруссии 1959–1973 гг.). – Минск: Беларусь, 1979.
7. ГАВО. – Фонд 1. – Оп. 115. – Д. 282.
8. ГАВО. – Фонд 1. – Оп. 115. – Д. 35.
9. ГАВО. – Фонд 1. – Оп. 115. – Д. 282.
10. ГАВО. – Фонд 1. – Оп. 117. – Д. 18.
11. ГАВО. – Фонд 1. – Оп. 122. – Д. 75.
12. Мандрик, И.В. Деятельность партийных организаций по повышению производственной и общественно-политической активности работников железнодорожного транспорта Белоруссии (1966–1970 годы) / И.В. Мандрик: автореф. ... канд. ист. наук. – Минск, 1982. – 23 с.
13. Вечерний Минск. – 1971. – 4 апр.
14. ГАВО. – Фонд 1. – Оп. 119. – Д. 55.
15. ГАВО. – Фонд 1. – Оп. 119. – Д. 51.
16. ГАВО. – Фонд 1. – Оп. 121. – Д. 110.
17. ГАВО. – Фонд 1. – Оп. 122. – Д. 3.
18. ГАВО. – Фонд 1. – Оп. 122. – Д. 77.
19. ГАВО. – Фонд 1. – Оп. 122. – Д. 75.
20. ГАВО. – Фонд 1. – Оп. 122. – Д. 77.
21. ГАВО. – Фонд 1. – Оп. 122. – Д. 3.
22. ГАВО. – Фонд 1. – Оп. 124. – Д. 26.
23. ГАВО. – Фонд 1. – Оп. 127. – Д. 5.
24. ГАВО. – Фонд 1. – Оп. 127. – Д. 29.
25. ГАВО. – Фонд 1. – Оп. 127. – Д. 8.
26. ГАВО. – Фонд 1. – Оп. 135. – Д. 19.
27. ГАВО. – Фонд 1. – Оп. 135. – Д. 2.
28. ГАВО. – Фонд 1. – Оп. 135. – Д. 47.
29. А.Г. Лукашенко. Выступление на внеочередном IV Съезде Федерации профсоюзов Белорусской: материалы съезда, 19 февр. 2000 г. // Беларусь. час. – 2002. – 27 сент.
30. Советская Белоруссия. – 1967. – 9 февр.

Поступила в редакцию 06.09.2013 г.

Принята в печать 30.12.2013 г.

УДК 94(476)(045)

Лепельская аперацыя – франтавы наступальны контрудар войск Заходняга фронту ў Беларусі летам 1941 года

Новікаў С.Я.
Установа адукацыі
“Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт”, Мінск

Упершыню ў навуковай літаратуры прапануецца рэканструкцыя контрудару войск Заходняга фронту на лепельскім напрамку, які адбыўся на тэрыторыі Віцебшчыны з 6 па 11 ліпеня 1941 г. у ходзе правядзення Беларускай абарончай стратэгічнай аперацыі. Прыводзіцца аналіз вынікаў даследавання гістарычнай праблематыкі ў савецкай гістарыяграфіі, паказваюцца напрацоўкі сучаснай беларускай гістарычнай навукі, прапануецца альтэрнатыўны погляд на праблему. Гісторыя баявых дзеянняў пад Сянно і Лепелем паказваецца на аснове параўнання айчынных і замежных дакументальных матэрыялаў. Прыводзяцца фактычныя звесткі асабовага складу і баявой тэхнікі 5-га і 7-га механізаваных карпусоў Чырвонай Арміі, а таксама 7-й і 12-й танкавых дывізіі германскага вермахта. Паказваюцца фактычныя вынікі ўдзелу савецкіх баявых падраздзяленняў у ходзе выканання аперацыйных задач на лепельскім напрамку наступлення, характарызуюцца асноўныя прычыны паражэння і невыканання баявых загадаў удзельнікамі двух контрудараў пад Сянно і Лепелем. Прапануецца ацэнка аперацыйна-тактычных вынікаў Лепельскай аперацыі, падводзяцца яе вынікі і робяцца навуковыя высновы. Адзначаецца важнасць далейшага даследавання баявых дзеянняў Чырвонай Арміі ў ходзе Лепельскай аперацыі 1941 г. на аснове метаду гістарыяграфічнай і крыніцазнаўчай кампаратыўнасці.

Ключавыя словы: Заходні фронт, Чырвоная Армія, франтавы контрудар, Лепельская аперацыя, гістарыяграфічная і крыніцазнаўчая кампаратыўнасць.

(Ученые записки. – 2013. – Том 16. – С. 18–34)

Lepel Operation – the Front-Line Offensive Counterattack of the Western Front Army in Belarus in the Summer of 1941

Novikau S.Y.
Educational establishment “Minsk State Linguistic University”, Minsk

For the first time in the scientific literature we propose a reconstruction of the counterattack of the Western Front army in Lepel direction which occurred on the territory of Vitebsk lands from the 6th to the 11th of July of 1941 in the course of the Belarusian strategic defensive operations. We carried out the analysis of the results of the study of the range of historical problems in the Soviet historiography, demonstrated modern developments in the Belarusian historical science and offered an alternative approach to the problem. The history of combat operations near Syanno and Lepel is revealed through the comparison of domestic and foreign documentary materials. Provided in the article is the factual information about the manpower and military equipment of the 5th and 7th Mechanized Corps of the Red Army, as well as the 7th and 12th armoured divisions of the German Wehrmacht. Actual results of the participation of Soviet combat units during the execution of the operational tasks of Lepel direction offensive are demonstrated, main reasons for the defeat and failure of the participants of the two counterattacks to follow combat orders near Syanno and Lepel are characterized. We offer the assessment of the results of Lepel tactical operations, make the summary and scientific conclusions. The importance of further study of the military actions of the Red Army during Lepel Operation of 1941, which is based on the methods of historiography and source comparative studies, is pointed out.

Key words: Western Front, the Red Army, the front-line counterattack, Lepel operation, historiography and source comparative studies.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 16. – P. 18–34)

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: novikau@tut.by – С.Я. Новікаў

У савецкай гістарычнай навуцы пра лакальныя контрудары Заходняга фронту на лепельскім напрамку ў ліпені 1941 года не любілі ўзгадваць, паколькі падчас іх два механізаваныя корпусы Чырвонай Арміі панеслі значныя страты ў жывой сіле і баявой тэхніцы. Сучасныя ацэнкі тых маладаследаваных падзей часта гучаць без неабходнага навуковага абгрунтавання. Так, 6 верасня 2011 г. з нагоды 70-й гадавіны тых жорсткіх баёў у Сянно быў адкрыты манумент савецкім воінам-танкістам і на пастаменце ўстаноўлены танк ІС-3¹. Як адзначалася на цырымоніі ўрачыстага адкрыцця помніка, танкавая бітва пад Сянно з’яўлялася *самай буйной танкавай бітвай у сусветнай гісторыі*, дзякуючы якой у пачатку Вялікай Айчыннай вайны быў стрыманы імклівы рух фашысцкіх войск на Маскву. У СМІ паведамлялася, што ў жорсткім баі сышліся больш за 2 тыс. баявых машын з савецкага і нямецкага бакоў, што значна пераўзыходзіла колькасць тэхнікі, якая ўдзельнічала ў знакамітай бітве пад Прохараўкай на Курскай дузе летам 1943 г. [1, с. 1]. (У дачыненні да апошняга адразу ж заўважым, што ў баях пад чыгуначнай станцыяй Прохараўка сінхранізавана па часе і прасторы адначасова з абодвух бакоў удзельнічалі да 1200 танкаў і самаходных гармат [2, с. 593].)

У святле гэтага неабходна задумацца, чаму сустрэчная танкавая бітва пад украінскімі гарадамі Брады, Дубна, Роўна і Луцк, якая адбылася з 23 па 29 чэрвеня 1941 г. з удзелам савецкіх механізаваных карпусоў Паўднёва-Заходняга фронту і некалькіх танкавых злучэнняў 1-й германскай танкавай групы, знайшла сваё адлюстраванне ў энцыклапедыі 1985 г. “Великая Отечественная война 1941–1945 гг.” [3], тады як аб *танкавай бітве пад Сянно* на Віцебшчыне ў гэтай фундаментальнай працы не напісана ніводнага (!) радка. Заўважым таксама, што “самая буйная танкавая бітва ў сусветнай гісторыі” па нейкіх прычынах абыйдзена маўчаннем і ў найноўшым расійскім энцыклапедычным выданні “Великая Отечественная война: энциклопедия” (М., 2010) [4].

Нельга сказаць, што баявыя дзеянні двух механізаваных карпусоў на Віцебшчыне ў пачатку ліпеня 1941 года цалкам заставаліся па-за ўвагай навуковай грамадскасці. Аднак за 70 пасляваенных гадоў “танкавая бітва з

удзелам больш за 2 тыс. баявых машын”, як адзначаецца ў літаратуры, чамусьці не стала тэмай асобнай манаграфіі альбо дысертацыйнага даследавання ці абмеркавання як цэнтральная праблема на спецыяльнай навуковай канферэнцыі. Аўтарам выяўлены толькі адзін спецыяльны артыкул на згаданую тэму, падрыхтаваны ў пачатку 1970-х гадоў для “Военно-исторического журнала” Міністэрства абароны СССР былым удзельнікам баёў В.В. Бутковым [5, с. 59–65].

Акрамя гэтай публікацыі баявыя дзеянні пад Сянно ў рознай ступені закранаюцца ў некаторых калектыўных, энцыклапедычных і мемуарных выданнях. Але ў цэлым танкавая баі на Віцебшчыне ў ліпені 1941 г. пакуль застаюцца недаследаванай, практычна малавядомай тэмай нават для прафесійных гісторыкаў.

Адной з аб’ектыўных прычын такога становішча можна лічыць закрытасць архіўных фондаў ваеннага ведамства ў савецкі час². Так, дакументы аперацыйнага аддзела штаба Заходняга фронту, у тым ліку дзённікі баявых дзеянняў 5-га механізаванага корпуса, былі расакрэчаны толькі ў лістападзе 2000 г. Другая прычына – невыкарыстанне айчыннымі гісторыкамі замежных дакументальных крыніц. У выніку да гэтага часу застаюцца адкрытымі наступныя пытанні:

1. Аб храналагічных рамках танкавых баёў на Віцебшчыне. (У айчыннай гістарыяграфіі сустракаюцца наступныя: 6–9, 6–10, 6–11 ліпеня 1941 года.)

2. Аб агульнай колькасці танкаў, якія ўдзельнічалі з абодвух бакоў у баях пад Сянно. (У айчыннай навуковай літаратуры падаюцца наступныя звесткі: каля 1 тыс. танкаў, да 1,3 тыс., 1,5 тыс., звыш 2 тыс., 2770 і нават да 3 тыс. баявых машын.)

3. Аб выяўленні ступені сінхроннасці праведзеных контрудараў і ўзаемадзеяння паміж 5-м і 7-м механізаванымі карпусамі (МК) у ходзе Лепельскай аперацыі 1941 года.

4. Аб стратах, панесеных з абодвух бакоў у ходзе танкавых баёў на Віцебшчыне.

5. Аб выяўленні аб’ектыўных і суб’ектыўных прычын фактычнага разгрому двух механізаваных савецкіх карпусоў Чырвонай Арміі падчас контрудараў на лепельскім напрамку.

¹ Вытворчасць такіх баявых машын пачалася ў СССР толькі ў 1943 г.

² Аўтар выказвае шчырую падзяку маскоўскаму гісторыку У.В. Фядзюніну за інфармацыйную падтрымку.

6. Аб аператыўна-тактычным значэнні Лепельскай аперацыі (перш за ўсё ў кантэксце замацавання ў сучаснай літаратуры тэзісу аб “самай буйной танкавай бітве ў сусветнай гісторыі” пад Сянно).

Мэтай даследавання з’яўляецца рэканструкцыя аднаго з першых контрудараў войск Заходняга фронту на лепельскім напрамку з 6 па 11 ліпеня 1941 г. на аснове правядзення параўнальна-гістарычнага аналізу выяўленых на цяперашні час айчынных і замежных дакументальных крыніц.

Галоўную задачу мы бачым у аналізе аператыўных баявых дзеянняў 5-га і 7-га механізаваных карпусоў Чырвонай Арміі ў ходзе правядзення імі двух цалкам самастойных контрудараў на лепельскім напрамку наступлення Заходняга фронту з 6 па 11 ліпеня 1941 г.

Матэрыял і метады. Аснову даследавання складаюць выяўленыя на цяперашні час напрацоўкі пасляваеннай айчыннай гістарыяграфіі і сучасныя навуковыя даследаванні беларускай і расійскай гістарычнай навукі. Даследчым савецкага часу так і не ўдалося стварыць поўнай карціны баявых дзеянняў і выйсці за рамкі гісторыі контрудару, праведзенага на лепельскім напрамку 5-м і 7-м механізаванымі карпусамі 20-й арміі па загадзе камандавання Заходняга фронту ў пачатку ліпеня 1941 г. Знакавым у савецкай гістарыяграфіі стаў артыкул, апублікаваны былым начальнікам штаба 5-га МК Героем Савецкага Саюза В.В. Буковым у 1971 г. У сучаснай расійскай гістарыяграфіі захоўваюцца ацэнкі, якія знайшлі адлюстраванне ў раней апублікаваных працах. У беларускай савецкай гістарыяграфіі з 1970-х гадоў замацоўваецца навуковы тэзіс аб тым, што ў раёне Лепель–Сянно летам 1941 года разгарнулася адна з самых вялікіх танкавых бітваў пачатку вайны, у якой з абодвух бакоў удзельнічала больш за 1,5 тысячы танкаў. У сучаснай беларускай гістарыяграфіі ўдалося зрабіць якасны крок у напрамку да аб’ектыўнага вывучэння гісторыі Лепельскага контрудару, па-новаму паказаць яго асобныя аспекты, у тым ліку назваць некаторыя малавядомыя факты. Аднак канцэптуальных поглядаў і ацэнак на тэму падзеі ў сучаснай беларускай гістарыяграфіі выявіць нам не ўдалося. Іншы погляд на гісторыю Лепельскага контрудару прадстаўляе расійскі гісторык А.В. Ісаеў, прапануючы альтэрнатыўны падыход да аналізу баявых падзей. Аснову такога падыходу ў яго даследаванні складае выкарыстанне новых да-

кументальных крыніц як айчыннага, так і замежнага паходжання.

З мэтай стварэння комплекснай карціны баявых падзей на лепельскім напрамку мы прапануем працяг навуковага дыскурсу на аснове выкарыстання метаду гістарыяграфічнай і крыніцазнаўчай кампаратывістыкі. У даследаванні ўпершыню прапануецца аналіз малавядомых дакументаў аб баявых дзеяннях часцей Чырвонай Арміі Заходняга фронту і часцей 2-й і 3-й танкавых груп германскага вермахта, засяроджваецца ўвага на тым бяспрэчным моманце, што гісторыкаў яшчэ чакае карпатлівая работа па праверцы ўведзеных фактычных даных і іх крытычным супастаўленні з матэрыялам іншых дакументаў. Прапануецца навуковая ацэнка аператыўна-тактычных вынікаў Лепельскай аперацыі і адзначаецца важнасць далейшага даследавання баявых дзеянняў Чырвонай Арміі ў ходзе яе правядзення з 6 па 11 ліпеня 1941 г. на Віцебшчыне.

Вынікі і іх абмеркаванне. Паспрабуем прасачыць гісторыю даследавання танкавых баёў пад Сянно і Лепелем у айчыннай гістарыяграфіі, вылучаючы з яе перыяды: савецкай гістарыяграфіі; беларускай гістарыяграфіі савецкага часу; сучаснай расійскай гістарыяграфіі; сучаснай беларускай гістарыяграфіі, а таксама прапануючы погляд на праблему на аснове выкарыстання кампаратыўнага падыходу.

Падмурак *савецкай гістарыяграфіі* быў закладзены ў шматтомнай “Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 (июня 1941 г. – ноябрь 1942 г.)” [6]. У другім яе томе змешчаны звесткі пра контрудар, праведзены па загадзе камандавання Заходняга фронту сіламі войскаў 20-й савецкай арміі ў складзе 5-га і 7-га механізаваных карпусоў. У матэрыяле адзначаецца, што з савецкага боку ў баях былі задзейнічаны каля 1 тыс. танкаў старога тыпу. З 6 па 10 ліпеня 1941 г. яны наносілі ўдар у фланг войскам 3-й нямецкай танкавай групы з раёна на поўнач і захад ад Оршы. У яго выніку праціўнік панёс вялікія страты і да поўдня 8 ліпеня быў адкінуты на 30–40 км у бок Лепеля. Пры гэтым адзначаецца, што ў раёне Сянно савецкія войскі сустрэлі ўпартае супраціўленне нямецкіх злучэнняў 47-га матарызаванага корпуса¹ і буйнога дэсанту. 10 ліпеня савецкія

¹ Пад Сянно дзейнічалі толькі асобныя часці 17-й нямецкай танкавай дывізіі адной з дзвюх танкавых дывізіяў 47-га корпуса 2-й танкавай групы вермахта.

войскі былі выведзены з бою. Сярод прычын няўдалага правядзення контрудару аўтары адзначалі “*дрэнную арганізацыю ўзаемадзеяння паміж 7-м і 5-м механізаванымі карпусамі*”. Як вынік, 7-ы МК быў спынены на паўночна-ўсходніх падыходах да горада Сянно, а войскі 5-га вялі 9 і 10 ліпеня цяжкія абарончыя баі амаль у поўным акружэнні, з якога здолелі выйсці дзякуючы па-майстэрску арганізаванаму вываду войск [6, с. 40].

У 1962 г. савецкі ваенны гісторык В.А. Анфілаў паказаў у сваім ваенна-гістарычным нарысе “Начало Великой Отечественной войны (22 июня – середина июля 1941 года)” агульную схему баявых дзеянняў 7-га і 5-га механізаваных карпусоў на працягу 6–9 ліпеня 1941 года. Перад корпусам была пастаўлена задача знішчыць варожую групоўку, што вяла наступленне з раёна Лепеля ў напрамку Віцебска. Для гэтага трэба было нанесці контрудар паміж Віцебскам і Оршай у напрамку на Сянно, Лепель [7, с. 139]. Даследчык адзначае, што найбольш упартыя і жорсткія баі разгарнуліся ў раёне на поўдзень ад Сянно [7, с. 141]. На аснове дакументаў архіва Міністэрства абароны СССР прыведзены даныя, што ў 5-га механізаванага корпуса да пачатку наступлення было каля 300 танкаў, а ў 7-м – больш за 400 танкаў (значыць, разам усяго каля 700 танкаў. – С.Н.). З нямецкага боку дзейнічала прыкладна столькі ж танкаў, у паветры панавала нямецкая авіяцыя. Такую карціну баявых дзеянняў В.А. Анфілаў прыводзіў і праз чвэрць стагоддзя, у канцы 1980-х гадоў [8, с. 170].

Знакавым у савецкай гістарыяграфіі можна назваць матэрыял “Контрудар 5-го механизированного корпуса на лепельском направлении (6–11 июля 1941 года)” [5, с. 59–65], апублікаваны былым начальнікам штаба названага корпуса, Героем Савецкага Саюза генерал-палкоўнікам В.В. Бутковым. У артыкуле, падрыхтаваным на аснове ўласных успамінаў, але з выкарыстаннем дакументальных матэрыялаў архіва Міністэрства абароны СССР, даецца штодзённае апісанне хода баявых дзеянняў 5-га МК на лепельскім напрамку на працягу амаль цэлага тыдня, з 6 па 11 ліпеня 1941 года. Пры гэтым аўтар адзначае, што ў 5-м і 7-м механізаваных карпусах мелася больш за 700 танкаў старых тыпаў [5, с. 61], у той час як лепельскую групоўку нямецкіх войскаў складалі 5 танкавых дывізіяў, што мелі больш за 1000 танкаў. В.В. Буткоў адзначаў, што агульныя

страты ў людзях і тэхніцы складалі каля 60% [5, с. 65]. (Нагадаем, што цалкам укамплектаваныя асабовым складам і баявой тэхнікай савецкія механізаваныя карпусы складалі ад 31 да 36 тыс. чалавек.)

Акрамя падрабязных звестак аб баявых дзеяннях 13-й і 17-й танкавых дывізіяў 5-га МК былы начальнік штаба прывёў таксама даныя аб дзеяннях 14-й танкавай дывізіі 7-га МК, на рубяжы наступлення якой савецкія войскі пераўзыходзілі нямецкія: па людзях – у 2, па артылерыі – у 3, па танках – у 3–4 разы [5, с. 63].

Падсумоўваючы вынікі танкавых баёў, В.В. Буткоў быў перакананы, што ў выніку контрудару 5-га МК на лепельскім напрамку часці 47-га нямецкага матарызаванага корпуса панеслі вялізныя страты, што значна зменшыла іх ударную сілу і тэмп руху на ўсход. У ходзе баёў 13-й і 17-й савецкіх танкавых дывізіяў перавага была на баку немцаў, паколькі ў паветры непаздзельна панавала авіяцыя праціўніка. Ад бомбавых удараў часці корпуса неслі страты ў танках. У канцы артыкула названы галоўныя недахопы ў арганізацыі контрудару на лепельскім напрамку. Малы тэрмін, адведзены на падрыхтоўку наступлення, не дазволіў наладзіць цеснае ўзаемадзеянне паміж 5-м і 7-м МК, у выніку чаго мехкарпусы дзейнічалі адасоблена на розных напрамках [5, с. 65].

Фактычны матэрыял, уведзены ў публікацыі В.В. Буткова, у далейшым быў выкарыстаны Л.У. Чапурновай для падрыхтоўкі артыкулаў “Лепельскі контрудар” у беларускіх энцыклапедычных выданнях [9, с. 360; 10, с. 301], А.У. Стэльмах для напісання матэрыялу “Лепельскі контрудар 1941” у гісторыка-дакументальнай хроніцы “Памяць: Лепельскі раён” [11, с. 190–195], Р.С. Ірынархавым у кнізе “Западный Особый...” [12]. На жаль, некаторыя іншыя аўтары пры даследаванні лепельскага контрудару не надаюць публікацыі В.В. Буткова належнай увагі.

У сярэдзіне 1970-х гг. звесткі аб баявых дзеяннях у раёне Сянно трапляюць літаральна адным абзацам на старонкі 12-томнай калектыўнай працы “История Второй мировой войны 1939–1945” [13]. У ёй пазначалася, што з 6 па 10 ліпеня 5-ы і 7-ы механізаваныя карпусы 20-й арміі генерала П.А. Курачкіна нанеслі контрудар па дывізіях 3-й танкавай групы на лепельскім напрамку ў раёне Сянно і затрымалі іх на некалькі дзён. Да 10 ліпеня

нямецкія дывізіі выйшлі на подступы да Полацка, Віцебска, Оршы [13, с. 46]. У 1980-я гады гэзіс аб контрудары часцей 20-й арміі на лепельскім напрамку ў раёне Сянно па нямецкіх дывізіях 3-й танкавай групы заставаўся нязменным [14, с. 62].

Адметнымі ў плане паказу тых падзей можна лічыць мемуары, якія пакінуў былы начальнік штаба 13-й арміі¹ генерал С.П. Іваноў. У кнізе “Штаб армейскі, штаб фронтоў” [15] ён увёў новыя звесткі аб колькасці танкавага парку ў 5-м і 7-м механізаваных карпусах. Са спасылкай на камандуючага 20-й арміі генерала П.А. Курачкіна і яго начальніка штаба М.А. Карнеева ў кнізе прыводзяцца такія даныя: у 5-м МК на ўліку знаходзіліся 924 танкі, а ў 7-м – 715. З іх у бой маглі ўступіць каля 1400 машын, пераважна састарэлых канструкцый БТ-7 і Т-26 [15, с. 95]. Вынікам нанясення двума карпусамі контрудару па флангу і ў тыл полацкай групойкі праціўніка немцаў у агульным напрамку на Лепель стала незваротная страта больш за палову машын: шмат танкаў заселі ў балотах і былі падарваны экіпажамі. С.П. Іваноў прыйшоў да высновы, што ў ходзе лепельскага контрудару былі канчаткова страчаны больш за 50% машын, загублены два корпусы і фактычна на заходнім напрамку больш не баяздольных танкавых злучэнняў [15, с. 96]. Заўважым, аднак, што поўнай карціны баявых дзеянняў пад Сянно, Лепелем аўтару ўспамінаў стварыць не ўдалося.

У сучаснай расійскай гістарыяграфіі захоўваюцца ацэнкі, што замацаваліся ў раней апублікаваных працах. Так, у чатырох-томнай працы “Великая Отечественная война, 1941–1945” (М., 1998) [16] адзначаецца агульнапрыняты факт контрудару двух карпусоў Заходняга фронту на лепельскім напрамку. Пры гэтым на падставе дакументаў Цэнтральнага архіва Міністэрства абароны ўведзены новыя лічбы аб агульнай колькасці танкаў. Адзначаецца, што савецкія часці пераўзыходзілі праціўніка ў сілах, маючы 1,3 тыс. танкаў. На працягу 4 сутак баёў былі страчаны 832 танкі. Пры гэтым аўтары заўважаюць, што ў дакументах таго часу аб людскіх стратах не паведамлялася [16, с. 147].

Контрудар Заходняга фронту на лепельскім напрамку прыцягнуў увагу і ка-

лектыву найноўшай 12-томнай працы “Великая Отечественная война 1941–1945 годов” (М., 2011) [17]. Аўтары пішуць, што ў контрударах удзельнічалі 5-ы і 7-ы МК, якія мелі каля 1 тыс. танкаў старых тыпаў. Чацвёрта так ішлі ўпартыя баі. Для адбіцця ўдару немцы былі вымушаны кінуць 5 дывізіяў і амаль увесь 2-гі паветраны флот. 9 ліпеня праціўнік захапіў Віцебск і савецкае наступленне было спынена. 5-ы і 7-ы МК страцілі 832 танкі [17, с. 126]. Відавочна, што аўтары найноўшай працы адсылаюць чытача да некаторых даных, уведзеных у навуковы зварот 50 гадоў таму, хоць у дачыненні да панесеных страт выкарыстоўваюць лічбу, уведзеную расійскімі гісторыкамі ў канцы 1990-х гадоў.

У беларускай савецкай гістарыяграфіі першыя звесткі пра баявыя дзеянні пад Сянно і Лепелем з’явіліся толькі ў сярэдзіне 1970-х гадоў. Так, у 6 томе “Беларускай савецкай энцыклапедыі” (Мінск, 1972) [18] пра Лепельскі контрудар не было прыведзена ніводнага радка, а ўжо праз тры гады ў заключным томе 12-томнай энцыклапедыі [19] у матэрыяле аб абарончых баях Чырвонай Арміі на тэрыторыі Беларусі ў ліпені–жніўні 1941 г. былі згаданы баі на віцебскім напрамку ў раёне Лепель–Сянно. Як пісаў І.Я. Марчанка, тут войскі 20-й арміі (камандуючы генерал-лейтэнант П.А. Курачкін) сіламі 2 механізаваных карпусоў 6 ліпеня нанеслі контрудар па войсках 3-й танкавай групы ворага і разгарнулася адна з самых вялікіх танкавых бітваў пачатку вайны, у якой з абодвух бакоў удзельнічала больш за 1,5 тыс. танкаў. 8 ліпеня вораг быў адкінуты на 30–40 км у напрамку Лепеля. Тэрмінова падцягнутыя рэзервы ворага і “буйны паветраны дэсант” прымусілі савецкія войскі адступіць [19, с. 161].

У фундаментальнай 5-томнай “Гісторыі Беларускай ССР” (Мінск, 1978) былі прыведзены толькі агульныя звесткі пра тыя падзеі. У матэрыяле Э.Ф. Языковіч і В.П. Раманоўскага апісваліся ўпартыя баі, якія ў пачатку ліпеня разгарнуліся ў раёне Орша–Сянно, дзе войскі 20-й арміі сіламі двух механізаваных карпусоў 6 ліпеня нанеслі контрудар па варожых войсках 3-й танкавай групы. Асабліва жорсткія баі разгарнуліся ў раёне вёсак Трубаносы, Новае Сяло і некаторых іншых населеных пунктаў. 8 ліпеня савецкія танкісты і артылерысты разграмілі тут варожую танкавую калону. Вораг быў адкінуты ў напрамку Лепеля на 30–40 км. Немцы падцягнулі рэ-

¹ Пазіцыі 13-й арміі знаходзіліся на поўдзень ад пазіцый 20-й арміі.

зервы, і савецкія войскі былі вымушаны адступіць [20, с. 147]. Тэзіс пра нанясенне контрудару часцямі 20-й арміі пад камандаваннем генерал-лейтэнанта П.А. Курачкіна 6 ліпеня па войсках 3-й танкавай групы, а таксама пра затрымку ворага на некалькі дзён на Віцебшчыне паўтараецца і ў іншых акадэмічных выданнях канца 1970-х гадоў [21, с. 377].

Крыху больш дэталёвую карціну тых падзей падала Л.У. Чапурнова ў артыкуле “Лепельскі контрудар 1941” першага тома кароткай энцыклапедыі “Беларуская ССР” (1978) [9]. У ім адзначалася, што контрудары на лепельскім напрамку з 6 па 10 ліпеня 1941 г. праводзілі часці 20-й арміі (камандуючы генерал-лейтэнант П.А. Курачкін) Заходняга фронту ў складзе 5-га (генерал-маёр І.П. Аляксеенка) і 7-га (генерал-лейтэнант В.І. Вінаградаў) механізаваных карпусоў з мэтай разгрому лепельскай групойкі праціўніка, які наступаў у напрамку на Віцебск. Контрудар быў нанесены з раёна Багушэўска на паўднёвы захад ад Віцебска ў напрамку на Сянно і Лепель па 3-й танкавай групе нямецкіх войскаў. Злучэнні 5-га і 7-га карпусоў выйшлі ў раён Сянно, вызвалілі горад, прасунуліся на 30–40 км, разграмілі 2 нямецкія матарызаваныя палкі ў ходзе баёў на лепельскім напрамку, знішчылі нямецкую матарызаваную дывізію, да 40 гармат, значную колькасць транспартных сродкаў праціўніка. Найбольш упартыя баі, у тым ліку танкавыя (з абодвух бакоў удзельнічала да 1,5 тыс. танкаў), ішлі ў раёне на поўнач ад Сянно. Падцягнутыя немцамі рэзервы і моцная падтрымка авіяцыі прымусілі савецкія войскі спыніць наступленне і 10 ліпеня яны адышлі ў раён Оршы. У выніку контрудару былі значна зменшаны ўдарная сіла нямецкіх войскаў і тэмп іх прасоўвання на ўсход [9, с. 360].

У далейшым гэты падыход быў замацаваны ў энцыклапедыі “Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны, 1941–1945 гг.” (Мінск, 1990) [22, с. 301] і 6-томнай “Энцыклапедыі гісторыі Беларусі” (Мінск, 1997) [23, с. 351].

У сучаснай беларускай гістарыяграфіі канца 1990-х гадоў кразнаўца А.У. Стэльмах падрыхтавала матэрыял, які ўвайшоў у гісторыка-дакументальную хроніку “Памяць” Лепельскага раёна. Аснову яго складала факталагічная база артыкула В.В. Буткова. Аўтар адзначала, што пад Сянно адбылася адна з самых буйных у пачатковы перыяд вайны танкавых бітваў, у якой з абодвух бакоў удзельнічала да 1,5 тысячы танкаў [11,

с. 195]. Не маючы дастатковых дакументальных сведчанняў, А.У. Стэльмах пакінула нязменнай лічбу аб агульнай колькасці танкаў, уведзеную ў канцы 1970-х гадоў Л.У. Чапурновай.

Заўважым, што ні Л.У. Чапурновай, ні А.У. Стэльмах не было зроблена ніякіх спасылак на дакументальныя ці гістарыяграфічныя крыніцы, на падставе якіх можна было б прыйсці да новых высноў. Такім чынам, да канца XX ст. беларускім даследчыкам не ўдалося аднавіць на навуковай аснове ход падзей, звязаных з Лепельскім контрударам 1941 года.

Высвятленне фактычнай колькасці савецкіх баявых машын, якія ўдзельнічалі ў ходзе Лепельскага контрудару, доўжылася ў 2000-я гады. Свой погляд на тыя баявыя падзеі прапанаваў У.В. Бешанаў у кнізе “Танкавы погром. (Куда ішлі 28 тысяч советских танков)” [24]. Ён звязіў храналагічныя рамкі контрудару Заходняга фронту з 6 па 9 ліпеня. Акрамя таго, у кнізе (без спасылак на дакументальныя крыніцы) уводзяцца новыя лічбы аб колькасці танкаў у 5-м і 7-м МК. Аўтар адзначае, што ў 1 мотастралковай і 4 танкавых дывізіях было 1770 танкаў (большасць з іх састарэлых тыпаў БТ-7 і Т-26). Ён таксама піша (зноў без спасылак на дакументы), што ў нямецкага боку на ўзбраенні было да 1 тыс. танкаў лепшых канструкцый [24, с. 291–292]. У.В. Бешанаў перакананы, што контрнаступленне двух савецкіх карпусоў цалкам правалілася, тры баявыя часці Чырвонай Арміі фактычна загінулі [24, с. 291–293].

Лічба ў 1770 танкаў згадваецца і ў найноўшым акадэмічным выданні “Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945” (Мінск, 2005) [25]. У матэрыяле, падрыхтаваным прафесійным ваенным гісторыкам А.М. Літвіным, адзначаецца, што контрудар, распачаты 6 ліпеня 1941 г., у савецкай літаратуры падаецца як адна з найбуйнейшых танкавых бітваў пачатковага перыяду вайны, у якой з абодвух бакоў удзельнічала не менш 1,5 тыс. танкаў. У ходзе 5-дзённых баёў часці Чырвонай Арміі ў пэўнай ступені ахаладзілі наступаючы пыл ворага: яны прасунуліся на 30–60 км у раён Сянно, разграмілі 2 матарызаваныя палкі і нанеслі вялікія страты войскам праціўніка. Пры гэтым А.М. Літвін адзначае, што цана за гэты часовы поспех была вельмі высокай: 5-ы і 7-ы механізаваныя карпусы страцілі 832 танкі [25, с. 77]. Так ў беларускую

гістарыяграфію была ўпершыню ўведзена лічба фактычных страт, панесеных савецкім бокам у ходзе Лепельскага контрудару. Пры гэтым, аднак, заставалася невытлумачаным паходжанне гэтай лічбы.

Што да колькасці танкаў, якія з абодвух бакоў удзельнічалі ў Лепельскім контрудары, то ў беларускай навуцы пакуль няма адзінага погляду на гэтае пытанне. Так, у найноўшым 6-томным энцыклапедычным выданні “Рэспубліка Беларусь” [26, с. 447] у артыкуле “Лепельскі контрудар 1941” адзначаецца, што наступальная аперацыя савецкіх войск на лепельскім напрамку была праведзена 5-м і 7-м МК 6–10 ліпеня 1941 г. з удзелам каля 1770 танкаў (пераважна састарэлых тыпаў БТ-7 і Т-26). Усяго ж у жорсткіх баях на поўдзень ад Сянно з абодвух бакоў удзельнічалі, па розных ацэнках, ад 1,5 да 3 тыс. танкаў і бронеаўтамабіляў. У матэрыяле зазначана таксама, што савецкія часці пераўзыходзілі праціўніка па колькасці танкаў. 7 ліпеня савецкія войскі ўзялі Лепель. Аднак з-за адсутнасці рэгулярнай падтрымкі з паветра і праблем з забеспячэннем палівам і боезапасамаі яны былі вымушаны спыніць наступленне. 8 ліпеня немцы зноў занялі Сянно, 10 ліпеня – Лепель, савецкія часці адышлі да Оршы [26, с. 447].

З апорай на ранейшыя публікацыі быў падрыхтаваны матэрыял для “Ваеннай энцыклапедыі Беларусі” [27]. У ім Лепельскі контрудар 1941 г. упершыню падаецца як *Лепельска-Сенненскі контрудар*, праведзены 6–10 ліпеня з мэтай разгрому групойкі ворага, якая наступала ў напрамку Віцебска. Адзначаецца, што найбольш упартыя баі, у тым ліку танкавыя (удзельнічала да 1,5 тыс. танкаў), ішлі на поўнач ад Сянно (5-ы механізаваны корпус у складзе трох дывізіяў вёў баявыя дзеянні выключна ўздоўж чыгуначнай веткі Орша–Лепель. – С.Н.). У выніку контрудару праціўніку нанесены страты, значна зменшаны яго ўдарныя сілы і тэмп прасоўвання на ўсход. Савецкім карпусам давялося вырвацца з акружэння ў раёне Оршы [27, с. 577–578].

Такім чынам атрымліваецца, што напрацаваныя беларускай гістарыяграфіяй матэрыялы толькі ўдакладняюць асноўнае факталагічнае поле пра баявыя дзеянні 5-га і 7-га механізаваных карпусоў Чырвонай Арміі пад Сянно [25, с. 46; 28, с. 62]. Але канцэптuallyна падзеі разглядаюцца выключна ў рамках правядзення 20-й арміяй Лепельскага контрудару,

прычым асноўная ўвага факсуецца на баявых дзеяннях у раёне Сянно. Пры гэтым застаюцца адкрытымі некаторыя важныя пытанні аб ходзе баявых дзеянняў з абодвух бакоў, а таксама ацэнкі іх фактычных вынікаў. Відавочна, што ў далейшым ход баявых дзеянняў неабходна даследаваць на аснове як айчынных, так і замежных дакументальных крыніц, з выкарыстаннем метаду гістарычнай і гістарыяграфічнай кампаратывістыкі [25, с. 77; 28, с. 35–36; 29, с. 116–236; 30, с. 78].

Важны крок у гэтым напрамку быў зроблены выканаўцамі беларуска-расійска-ўкраінскага праекта “1941 год: страна в огне: в 2 кн. – Кн. 1: Очерки” (М., 2011) [30]. Аўтары раздзела “Бітва за Беларусь летам 1941 года” А.М. Літвін і І.Ю. Варанкова выкарысталі для сваёй працы сярод іншых і нямецкія крыніцы, хоць у асноўным мемуарнага характару, а таксама малавядомыя факты, якія прывёў начальнік штаба 13-й арміі генерал С.П. Іваноў. Выкарыстаныя звесткі дазволілі ім паставіць пад сумненне апэратыўныя вынікі “так званага контрудару танкаў 5-га МК” [30, с. 378], назваць гістарычным фактам “разгром мехкарпусоў пад Лепелем” і пераканацца ў тым, што “*задуманы камандаваннем Заходняга фронту і безумоўна ўхвалены Стаўкай контрудар двух механізаваных карпусоў не толькі пацярпеў поўнае фіяска, але і пакінуў войскі фронту практычна без танкаў*” [30, с. 378].

На наш погляд, гісторыкам удалося зрабіць якасны крок у напрамку да аб’ектыўнага вывучэння гісторыі Лепельскага контрудару, па-новаму паказаць яго асобныя аспекты, у тым ліку назваць некаторыя малавядомыя факты. Яны адзначаюць, што ў 5-м і 7-м савецкіх механізаваных карпусах было каля 1400 машын, задзейнічаных у ходзе контрудару на лепельскім напрамку [30, с. 118]. Атрымліваецца, што аўтары адыходзяць ад папярэдняй лічбы, адпаведна якой агульная колькасць баявых машын з абодвух бакоў складала не менш 1,5 тыс. танкаў [25, с. 35]. У дачыненні да панесеных савецкім бокам баявых страт аўтары перакананы, што два корпусы страцілі не палову, а амаль 2/3 ад парка баявых машын (з 1639 машын баяздольнымі лічылася каля 1400 баявых адзінак). Акрамя таго, даследчыкі паспрабавалі крытычна ацаніць факт разгрому двух танкавых злучэнняў, выявіць яго як аб’ектыўны, так і суб’ектыўны прычыны.

На багатай дакументальнай базе паказвае ход Лепельскага контрудару Р.С. Ірынархаў у сваёй кнізе “Агонія 1941. Кровавыя дарогі отступлення” (М., 2011). У цэлым ён прытрымліваецца падыходаў і ацэнак, уведзеных у гістарыяграфію былым начальнікам штаба 13-й арміі генералам С.П. Івановым [12].

Такім чынам, нягледзячы на наяўнасць агульных публікацый (выключэнне складае артыкул В.В. Буткова) і пэўных фактаў у калектыўных працах, дзе закранаецца гісторыя контрудару Заходняга фронту ў раёне Сянно, Лепель, пакуль нельга казаць, што ў айчынай гістарыяграфіі існуе дастаткова поўнае навуковае даследаванне танкавых баёў пачатку ліпеня 1941 г. Без уліку дакументаў нямецкага боку практычна немагчыма аднавіць ход баявых дзеянняў і наблізіцца да поўнага апісання характару тых падзей.

Паспрабуем прадставіць вядомыя нам гістарыяграфічныя звесткі ў выглядзе зводнай табліцы 1.

Альтэрнатыўны погляд на гісторыю Лепельскага контрудару ў апошні час прадстаўляе расійскі гісторык А.В. Ісаеў [31, с. 329–373], які зыходзіць з думкі пра тое, што паўнаважнасна вывучэнне тых падзей магчыма толькі пры аднаўленні карціны баявых дзеянняў з абодвух бакоў, савецкага і нямецкага: без гэтага нельга зрабіць вывады аб рэальным ходзе асобных падзей і стварыць колькі-небудзь адэкватную карціну вайны ўвогуле [32, с. 27–33]. Ён упершыню прапануе высновы, атрыманыя на падставе выкарыстання як новых айчынных, так і замежных дакументаў. Даследчык адзначае, што з савецкага часу ў гістарыяграфіі замацаваліся лічбы, якія не адпавядаюць дакументальным крыніцам. Калі паводле ваенных мемуараў, у 7-м механізаваным корпусе было 715 танкаў, то, паводле архіўных дакументаў, уведзеных А.В. Ісаевым, толькі 507 баявых адзінак [31, с. 334]. Укамплектаванасць танкавага парку ў 13-й і 17-й танкавых дывізіях 5-га МК на момант правядзення Лепельскага контрудару складала 739 машын, тады як, паводле звестак штаба 20-й арміі, гэта лічба даходзіла да 924 баявых машын [31, с. 347]. Інакш вызначае А.В. Ісаеў і маштабы Лепельскага контрудару. Ён дакументальна абгрунтоўвае сваю думку пра тое, што пяцідзённыя баявыя дзеянні пад Сянно і Лепелем нельга разглядаць як адзіную баявую аперацыю. На самай справе, яна распалася на два самастойныя контрудары, праведзеныя разрознена па месцы і часе: першы сіламі 7-га мех-

корпуса з раёна Віцебска ў напрамку Бешанковічы–Лепель; другі – сіламі 5-га механізаванага корпуса з раёна Оршы ў напрамку Сянно–Лепель [31, с. 340].

Дакументы, уведзеныя А.В. Ісаевым, сведчаць, што 10 ліпеня нельга лічыць канчатковай датай аперацыі, паколькі на гэты дзень 5-му і 7-му МК была пастаўлена баявая задача – нанесці сумесны ўдар у напрамку на Бешанковічы. Але на той момант 5-ы МК фактычна апынуўся ў акружэнні, і выхад асноўных яго сіл быў завершаны толькі ў сярэдзіне наступнага дня, 11 ліпеня 1941 г. Гэта азначае, што контрудар ад яго пачатку і да заканчэння працягваўся 6 дзён [31, с. 371].

З мэтай стварэння *комплекснай карціны* баявых падзей на лепельскім напрамку прапануем працяг навуковага дыскурсу па тэме. Перш-наперш неабходна сказаць некалькі слоў аб Дырэктыве № 16 ад 4 ліпеня 1941 г. У ёй новае камандаванне Заходняга фронту на чале з Маршалам С.К. Цімашэнкам паставіла задачы для вайсковых часцей фронту, у тым ліку ліквідаваць лепельскую групоўку праціўніка, якая наступала з раёна Лепеля, Полацка ў напрамку Віцебска. У штабе арміі пад камандаваннем генерал-лейтэнанта П.А. Курчкіна быў распрацаваны план аперацыі, адпаведна якому: 7-му МК было загадана наступаць з раёна Віцебска ў напрамку Бешанковічы–Лепель і ў далейшым нанесці ўдар па флангу і ў тыл полацкай групоўкі 3-й танкавай групы праціўніка; 5-му МК – нанесці ўдар ў напрамку Сянно–Лепель з мэтай далейшага развіцця ўдару на захад, на Глыбокае і Докшыцы. Такім чынам, 5-ы і 7-ы МК павінны былі правесці два самастойныя контрудары па збежных напрамках на Лепель. У якасці тэрміну пераходу ў контрнаступленне было вызначана 5 ліпеня 1941 года [31, с. 340].

Што да ўкамплектаванасці савецкіх танкавых карпусоў баявымі машынамі на момант пачатку нанясення ўдару, прывядзём наступныя даныя (гл. табліцу 2).

Адразу ж звернем увагу на карэляцыю даных у табліцы і тых, што прыведзены ў журнале баявых дзеянняў 5-га механізаванага корпуса. Паводле апошняга, корпус прыбыў на фронт па штатах мірнага часу. На 5 ліпеня ў танкавых дывізіях укамплектаванасць выглядала наступным чынам: па 2 батальёны танкаў БТ-7 (усяго 100 машын); па адным батальёне танкаў Т-26 (усяго па 31 машыне) і адным батальёне танкаў ХТ-26 (усяго па 31 танку). Відавочна, што пры параўнанні

данных табліцы і дакумента найбольшая ступень карэляцыі назіраецца толькі ў апошнім выпадку. І адразу ж узнікае пытанне, наколькі ўвесь уліковы штат танкавага парку быў задзейнічаны падчас Лепельскай аперацыі. У танкавым палку 109-й мотастралковай дывізіі па штату знаходзілася 158 танкаў, з якіх на фронт прыбылі толькі 70 танкаў, астатнія 88 танкаў да раёна выгрузкі на ўчастку Смаленск–Орша не дайшлі. Пры гэтым жа згадваецца, што ўсяго корпус быў укамплектаваны 802 танкамі [32, арк. 102].

З табліцы бачна, што на момант пачатку баявых дзеянняў агульная колькасць баявых машын складала 1345 танкаў розных тыпаў, у тым ліку 96 танкаў KB і T-34. Таксама неабходна мець на ўвазе, што ў табліцы не ўлічаны 153 бронеаўтамабілі, што знаходзіліся на ўзбраенні 5-га механізаванага корпуса, а таксама 70 танкаў, якія прыбылі разам з мотастралковым палком у раён Оршы. Даныя табліцы сведчаць, што большасць баявых машын новых тыпаў знаходзілася ў 7-м механізаваным корпусе, а менавіта ў адной з элітных савецкіх часцей – 14-й танкавай дывізіі, у якой ваяваў сын Сталіна старшы лейтэнант Я.І. Джугашвілі¹.

Аб колькасці танкаў з нямецкага боку пакуль частковыя звесткі. Паводле захаваных дакументаў, можна скласці наступную карціну аб укамплектаванасці танкамі нямецкіх танкавых дывізіяў да моманту пачатку баявых дзеянняў у раёне Лепеля, Сянно (гл. табліцу 3)

З лічбавых даных бачна, што 5-ы і 7-ы савецкія МК значна пераўзыходзілі нямецкія часці па колькасці баявых машын. Пра тое, што ўдзельнікі контрудару мелі больш танкаў, чым немцы, пісаў былы начальнік штаба 5-га МК В.В. Буткоў. Неабходна, аднак, мець на ўвазе, што агульная маса танкаў не знаходзілася адначасова ў танкавым баі на адной баявой прасторы. Як бачна з дзённікаў баявых дзеянняў савецкіх танкавых дывізіяў, баі насілі лакальны характар, вяліся з удзелам палкавага, а не дывізійнага штату танкаў, не кажучы пра адначасовы ўдзел баявой тэхнікі ўсяго корпуса ў танкавых баях пад Сянно ці Лепелем. Пры гэтым танкі новых тыпаў (накшталт савецкага T-34 ці нямецкага Pz. IV) складалі ўсяго прыкладна дзясятую частку агульнай колькасці машын. Адной з адметнасцяў нямецкіх танка-

вых дывізіяў у пачатку ліпеня 1941 г. з'яўлялася частковая неўкамплектаванасць танкавага парку. Так, 17-я танкавая дывізія на момант правядзення маршу па маршруце Барысаў–Сянно–Коханава на працягу першай дэкады ліпеня мела толькі 60% баявых машын, якія былі падзелены на тры баявыя групы. Адна з іх выконвала баявы марш і з'яўлялася ўдзельнікам баёў у раёне Сянно [33, вл. 1].

Аналіз айчынных і замежных дакументаў дазваляе выявіць тры аспекты баявых дзеянняў, якія раней заставаліся па-за ўвагай. Так, звернем увагу на баявое данясенне № 8 камандуючага 20-й арміяй аб выніках баявых дзеянняў 5-га і 7-га механізаваных карпусоў у першыя тры дні ад пачатку Лепельскай аперацыі. У ім П.А. Курачкін дакладаў у Генеральны штаб, што 5-ы і 7-ы МК прадаўжаюць выконваць задачу па знішчэнні лепельскай групы ў праціўніка, наносячы ўдары ў напрамку Сянно, Лепель. Пры гэтым 7-ы МК пад прыкрыццём 153-й стралковай дывізіі і мотастралковых часцей 18-й танкавай дывізіі, якая займала раён Сянно, у 13 гадзін пачаў перагрупоўку да левага флангу. У той жа час танкі праціўніка пры падтрымцы авіяцыі атакавалі правы фланг 18-й танкавай дывізіі з лясоў на поўнач ад Сянно і перайшлі ў наступленне, заняўшы Новае Сяло (6 км на ўсход ад Сянно). 5-ы МК да 9 гадзін раніцы заняў зыходнае становішча ў раёне саўгаса Федэратыўны, Лозы, ст. Клімавічы (10–15 км на поўдзень ад Сянно), насупраць 27-й мотадывізіі праціўніка, якая з артылерыяй абаранялася на рубяжы Вяцера, Дзідава. Адбіўшы а 13-й гадзіне на рубяжы Чырвоны Маяк, Азярышча атаку каля 100 танкаў, падтрыманых авіяцыяй, корпус перайшоў у наступленне, прычым 17-я танкавая дывізія на ўчастку Вялікія і Малыя Ліпавічы (20 км на паўднёвы захад ад Сянно) разграміла 36-ы мотастралковы полк 27-й мотадывізіі, знішчыла цяжкую батарэю, тры лёгкія батарэі і пяць супрацьтанкавых гармат. Праціўнік адышоў у напрамку на Чарэю, яго праследуюць часці 17-й танкавай дывізіі. У гэты ж час 13-я танкавая дывізія ў баях на поўдзень ад Сянно разграміла да двух батальёнаў 34-га мотапалка 27-й мотадывізіі. У якасці баявой задачы наступнага дня быў вызначаны працяг наступлення чатырма дывізіямі двух МК у агульным напрамку на Лепель [34, с. 325–326].

Адрозніжым звернем увагу на тое, што ў данясенні камандуючага 20-й арміяй генерал-лейтэнанта П.А. Курачкіна названы нямецкія падраздзяленні, якіх насамрэч не было на гэтым

¹ У ходзе адступлення дывізіі 17 ліпеня ў раёне Лёзна ён быў узяты ў палон на ўчастку наступлення 5-га палка 12-й нямецкай танкавай дывізіі.

участку баявых дзеянняў. Паводле загаду камандавання 3-й нямецкай танкавай групы, 2 ліпеня чатыры дывізіі (у складзе 7-й і 12-й танкавыя, 14-й і 20-й матарызаваныя) пачалі наступаць на Веліж праз Дзвіну на ўчастку Віцебск–Полацк [35, вл. 3]. Загад аб наступленні праз Чарэю і Сянно ў напрамку станцыі Коханова атрымала 17-я танкавая дывізія 47-га танкавага корпуса 2-й танкавай групы. Пры гэтым удзел усіх згаданых нямецкіх падраздзяленняў у баявых дзеяннях пад Лепелем не пацвярджаецца дакументальна. Прыведзеныя нямецкія даныя паказваюць памылковасць узгадванняў пра назвы іншых нямецкіх часцей [33, вл. 1]. Заўважым, што і ў нямецкіх дакументах даволі часта фігуруюць даныя выведкі, якія не заўсёды пацвярджаюцца фактамі.

Даволі важным нам падаецца разгляд баявых дзеянняў, якія адлюстраваны ў савецкіх і нямецкіх дакументах.

У якасці першага прыкладу прывядзём баявыя дзеянні 13-й танкавай дывізіі на працягу аднаго дня 8 ліпеня 1941 г. У публікацыі былога начальніка штаба 5-га МК баявым падзеям, якія адбыліся на працягу гэтага дня, прысвечана толькі некалькі радкоў: “13-я танкавая дывізія ў сваёй паласе правяла пяць атак, але поспеху не мела. У другой палове дня яна неаднаразова падвяргалася ударам варожай авіяцыі і была вымушана адмовіцца ад далейшых атак” [5, с. 64].

Рассакрэчаныя дакументы, а менавіта “Падрабязнае апісанне першага бою 13-й танкавай дывізіі ў раёне Толпіна 8.7.41 г.”, дазваляюць скласці больш падрабязную карціну тых падзей [36, арк. 32]. Да 9.00 раніцы 8 ліпеня ёй ставілася задача наступаць у напрамку Лукомль і Лепель, знішчыць праціўніка і да зыходу дня авалодаць паўднёвай часткай Лепеля. Выкананне баявой задачы забяспечвалі 25-ы і 26-ы танкавыя, 13-ы мотастралковы і 13-ы артылерыйскі палкі. Атака пачалася ў 12.00 без артылерыйскай падрыхтоўкі, паколькі да таго моманту артылерыйскі полк, зенітны дывізіён і батальён цяжкіх танкаў знаходзіліся толькі на падыходзе да пазіцыі. Першы дывізіён 13-га артылерыйскага палка заняў пазіцыі і адкрыў агонь толькі а 14-й гадзіне, а другі дывізіён дасягнуў раёна агнявой падрыхтоўкі толькі ў 17 гадзін і ўвогуле не ўдзельнічаў у баі.

У раёне Навінкі, Толпіна дывізія сутыкнулася з моцна арганізаванай процітанкавай абаронай, некалькі танкавых атак, праведзеных з 16.00 да 20.00, не прынеслі поспеху. Значныя страты былі панесены савецкімі войскамі і ў выніку беспера-

пыннага ўздзеяння варожай авіяцыі. Цяжкія танкі, якія складалі рэзерв 13-й дывізіі, былі выкліканы на месца бою, але прыбылі толькі ў 20.00. У дакуменце адзначаецца, што часці дывізіі панеслі вялікія страты: 26-ы танкавы полк страціў 47 танкаў, 25-ы – 27, батальён цяжкіх танкаў – 6. На наступны дзень, 9 ліпеня, дывізія не вяла баявых дзеянняў, акрамя таго, што падвяргалася бамбардзіроўкам нямецкай авіяцыі. 10 ліпеня 13-я дывізія апынулася ў нямецкім акружэнні [37, арк. 5–6].

У якасці другога прыкладу звернемся да “Справаздачы аб баявых дзеяннях часцей 17-й танкавай дывізіі з 4.7.41 г. да 19.7.41 г.” [38, арк. 27–32]. Яна сведчыць, што галоўнай задачай гэтай вайсковай адзінкі з’яўляўся захоп Лепеля. На працягу 7 ліпеня 33-я і 34-ы танкавыя палкі дывізіі праводзілі запраўку матэрыяльнай часці палівам, сустрэчы з праціўнікам не мелі. Раніцай 8 ліпеня ў раёне Вялікіх Ліпавічаў удалося захапіць 24 гарматы розных калібраў, 3 танкі, 4 трактары і 3 аўтамашыны. Аднак у 18 гадзін дывізія была атакавана праціўнікам (які меў да 60 танкаў і 600 матацыклістаў), пасля чаго 33-ці танкавы полк апынуўся ў акружэнні. З 18.00 да 21.00 нямецкая авіяцыя бесперапынна наносіла ўдары па часцях дывізіі ў раёнах Цэрэбені, Малыя і Вялікія Ліпавічы, таму немагчыма было аказаць дапамогу 33-му палку. 34-ы танкавы полк страціў у выніку баёў 8–10 ліпеня 1941 г. 84 адзінкі баявой тэхнікі і 72 чалавекі (у тым ліку 41 чалавек малодшага і старшага каманднага складу). Аднай з прычын гэтага ў дакуменце называецца адсутнасць своечасовых і дакладных даных ад разведкі. Так, 8 ліпеня 34-ы танкавы полк страціў большую частку сваіх танкаў, паколькі яны завязлі ў балоце і былі знішчаны артылерыйскім агнём праціўніка. У дакуменце таксама адзначаецца, што ў выніку баёў пад Сянно, Ліпавічамі, Лядамі, Соф’еўкай і Потавам праціўніку былі нанесены вялізныя страты: 17-я дывізія знішчыла 40 танкаў, 10 бронемашын, 89 грузавых аўтамашын, разграміла два штабы і цэлы шэраг іншых відаў узбраенняў. Асобна зазначым, што паводле справаздачы, за перыяд з 7.7.41 па 5.8.41 г. часці 17-й танкавай дывізіі правялі толькі 4 (!) танкавыя атакі і адзін раз былі атакаваны праціўнікам у колькасці 60 танкаў [38, арк. 32].

Не менш важнымі ў рассакрэчаных дакументах з’яўляюцца і звесткі пра заключную частку баявых дзеянняў, дзе даюцца ацэнкі і падводзяцца некаторыя вынікі. Паводле загаду № 1 штаба 20-й арміі, 5-ы механізаваны кор-

пус ва ўзаемадзеянні з 7-м МК павінен быў спачатку сканцэнтравать сілы на левым флангу, а потым ліквідаваць нямецкую групоўку і авалодаць Лепелем да зыходу дня 6 ліпеня 1941 г. У дакуменце запісана, што поўнасьцю задачу корпус не выканаў. У ходзе баёў з 8 па 10 ліпеня і

11 ліпеня пры выхадзе з акружэння корпус панёс наступныя страты па танках: у 13-й танкавай дывізіі – 82 адзінкі баявой тэхнікі, у 17-й танкавай – 244, у 109-й мотастралковай – 40 танкаў. Ад дзеянняў нямецкай авіяцыі было страчана каля 50% танкаў, тады як ад процітанкавай абароны і ў ходзе баёў ад танкаў праціўніка – каля 30%. Яшчэ 20% танкаў выбылі за строю і завязлі ў балотах, паколькі не было магчымасці іх эвакуацыі па прычыне абстрэлу праціўнікам [39, арк. 111–112].

Зварот да нямецкіх дакументаў дазваляе ўбачыць асобныя падзеі з процілеглага боку. Звернемся да “Дзённіка баявых дзеянняў 17-й нямецкай танкавай дывізіі”, якая ўдзельнічала ў баях пад Сянно. Нагадаем, што пад Сянно ўдзельнічала баявая група дывізіі, якая мела 80 танкаў. З дакумента вынікае, што за часам 6-дзённага (з 5 па 10 ліпеня) баявога рэйду праз Сянно ў напрамку Коханава (паміж Талачынам і Оршай) на полі бою дывізіі былі знішчаны звыш 250 танкаў 5-га савецкага танкавага корпуса (з якіх прыкладна 150 пры дапамозе авіяцыі) [33, вл. 6]. На працягу аднаго дня, 8 ліпеня, у раёне Толпіна падчас упартых баёў было знішчана 68 савецкіх танкаў, з якіх 51 танк быў ліквідаваны ў выніку вядзення агню адным процітанкавым батальёнам [33, вл. 6].

Паводле дакумента, савецкае наступленне вялося ў двух напрамках – на Ліпавічы і Толпіна. Яно пачалося з танкавай атакі ў 5.30 раніцы 8 ліпеня, але да 7-й гадзіны было спынена агнём процітанкавай артылерыі. У 8.10 савецкія войскі нанеслі новы моцны ўдар з выкарыстаннем танкаў і стралковых падраздзяленняў, якія наступалі пры актыўнай падтрымцы артылерыі. У выніку такога ўдару нямецкі бок апынуўся ў крызіснай сітуацыі і быў вымушаны пачаць адвод сваіх тылавых часцей і маршавых калон з раёна Толпіна ў напрамку Чарэі. Упартыя баі ішлі на працягу ўсёй першай паловы дня. У выніку іх савецкаму боку ўдалося прарвацца на паўднёвы захад ад Толпіна і адсекчы нямецкія тылавыя службы ад баявых часцей дывізіі. Толпіна было захоплена 39-м нямецкім танкавым палком толькі ў

21.15. У выніку баёў у раёне Ліпавічаў і Толпіна савецкія часці страцілі 52 танкі.

На наступны дзень, 9 ліпеня, нямецкія войскі планавалі нанесці ўдар на Сянно з мэтай злучыцца з баявымі часцямі, што дзейнічалі ў раёне Абольцаў. Аднак гэтая задача выканана не была, паколькі там былі выяўлены моцныя сілы савецкіх войскаў. Як адзначаецца ў дакуменце, толькі ў другой палове дня немцы нанеслі ўдар у напрамку Сянно. Каля 17.00 баявая група дывізіі дасягнула Сянно на паўднёвым захадзе. Толькі ў сярэдзіне дня 10 ліпеня 17-я нямецкая танкавая дывізія здолела дасягнуць Коханава [33, вл. 6].

Важным падаецца нам і такі факт вядзення баявых дзеянняў савецкімі і нямецкімі часцямі. Напрыклад, 7 ліпеня ў раёне Дубравы–Гняздзілавічы, дзе паміж Бешанковічамі і Астроўна вяла наступленне 14-я савецкая танкавая дывізія, 7-я мотапяхотная брыгада 7-й нямецкай танкавай дывізіі на працягу аднаго дня знішчыла 103 танкі, у тым ліку 2 танкі КВ і 4 танкі Т-34, тады як самі немцы пры гэтым страцілі 2 танкі, 1 цяжкую процітанкавую і 2 лёгкія штурмавыя гарматы, адну процітанкавую, 2 зенітныя гарматы і 2 аўтамабілі [40, вл. 294]. Паводле данясення 39-га нямецкага армейскага корпуса, 7-я дывізія на працягу баёў пад Віцебскам з 6 па 12 ліпеня знішчыла 198 танкаў, 15 гармат, 14 процітанкавых гармат, 608 аўтамабіляў, 4 самалёты і ўзяла ў палон 620 чалавек. Большая частка гэтых трафеяў была ўзята на паўднёвым захадзе ад Віцебска, каля Сянно і Дубровы. 12-я нямецкая танкавая дывізія, якая ўступіла ў баявыя дзеянні пад Сянно значна пазней, знішчыла 146 танкаў (большая частка з якіх была ў тым раёне). Усяго 39-м нямецкім армейскім корпусам на Віцебшчыне, у раёне Улы і каля Віцебска, быў знішчаны 371 танк, з якіх абсалютная большасць – у ходзе баёў пад Сянно. (Заўважым, што баявыя дзеянні з удзелам 7-га і 5-га МК прадаўжаліся і пасля завяршэння баёў пад Сянно. Так, 14-я танкавая дывізія 7-га механізаванага корпуса страціла з 13 па 17 ліпеня ў раёне Лёзна яшчэ 89 танкаў [41, вл. 464–465].

На аснове аналізу дзённікаў баявых дзеянняў 7-й, 12-й, 20-й танкавых і 20-й матарызаванай нямецкіх дывізіі 3-й танкавай групы, а таксама 17-й танкавай дывізіі 2-й танкавай групы можна падлічыць, што ў ходзе баявых дзеянняў у раёне Дубравы, Бешанковічаў, Сянно, а таксама Улы, Віцебска і Лёзна да сярэдзіны ліпеня 1941 г. былі знішчаны

694 савецкія танкі, менш за палову з іх – у раёне Сянно [41, вл. 464–465]).

Дакладных даных аб стратах баявой тэхнікі 3-й нямецкай танкавай групай намі пакуль не выяўлена. Вядома толькі, што ў 2-й танкавай групе па стане на 7.7.41 г. баяздольнымі лічыліся: у 3-й і 18-й танкавых дывізіях – 35% машын; у 4-й і 17-й (апошняя ўдзельнічала ў баях пад Сянно) – 60%; у 10-й танкавай дывізіі – 80%. Фактычна страчанай за гэты час лічылася кожная 10-я машына [42, вл. 149].

Што да страт асабовага складу, то яны былі наступныя. Нямецкія войскі страцілі 544 афіцэры (170 загінулі, 366 паранены, 8 прапалі без вестак) і 10162 унтэр-афіцэраў і радавых (2341 загінулі, 7126 паранены, 605 прапалі без вестак) (гл. табліцу 5). Паводле дакументаў 5-га савецкага механізаванага корпуса, у выніку баёў з 8 па 11 ліпеня агульныя страты ў жывой сіле ў корпусе складалі 646 чалавек (у тым ліку 138 забітымі і 357 прапаўшымі без вестак) [39, арк. 111].

Наконт апэратыўна-тактычных вынікаў Лепельскай апэрацыі, праведзенай у пачатку ліпеня 1941 г., выказваюцца самыя розныя ацэнкі. У першую чаргу, гэта звязана з незваротнай стратай значнай колькасці танкаў. Некаторыя прычыны гэтага назваў у час допыту ў

нямецкім палоне былога камандзіра 14-га гаўбічнага палка 14-й танкавай дывізіі Я.І. Джугашвілі (17 ліпеня ў раёне Лёзна трапіў у палон на ўчастку наступлення 5-га пяхотнага палка 12-й нямецкай танкавай дывізіі 3-й танкавай групы) [43, вл. 1–3]. Ён даў высокую ацэнку нямецкай танкавай тэхніцы і яе выкарыстанню на полі бою, адзначыўшы пры гэтым, што няўдачы савецкіх войскаў звязаны не столькі з недахопам тэхнікі ці ўзбраенняў, колькі з няздольнасцю камандзіраў і адсутнасцю ў іх вопыту вядзення манеўранага бою. Такое становішча, на яго думку, стала расплатай за рэпрэсіі супраць вядучага каманднага складу Чырвонай Арміі. У выніку якіх ні на адным узроўні – ні брыгады, ні дывізіі, ні корпуса – не заўсёды маглі своєчасова прыняць правільнае апэратыўнае рашэнне. Сведчаннем гэтаму Я.І. Джугашвілі назваў наступальную апэрацыю, праведзеную савецкім камандаваннем пад Віцебскам. У сітуацыі, калі штабы не мелі сувязі з часцямі і паміж сабой, сярод салдат узнікала паніка, камандзіры і камісары вымушаны былі са зброяй у руках стрымліваць тых, хто пакідаў пазіцыі. Таксама Джугашвілі адзначаў, што артылерысты вымушаны былі весці агонь па праціўніку без палявых карт [43, вл. 1–3].

Табліца 1

Зводныя даныя пра Лепельскі контрудар летам 1941 г.

Аўтар	Храналогія	Колькасць танкаў	Страты савецкага боку
Анфілаў В.А.	6–9 ліпеня 1941	каля 700 савецкіх танкаў	Вялікія страты
6-томная гісторыя Вялікай Айчыннай вайны 1941–1945 гг.	6–10 ліпеня 1941	каля 1 тысячы савецкіх танкаў	Вялікія страты
Буткоў В.В.	6–11 ліпеня 1941	больш за 700 савецкіх танкаў	Каля 60% у жывой сіле і тэхніцы
Чапурнова Л.У.	6–10 ліпеня 1941	да 1500 танкаў з абодвух бакоў	Вялікія страты
Іваноў С.П.	6–9 ліпеня 1941	каля 1400 савецкіх танкаў	Больш за 50% танкаў
Сучасная расійская гістарыяграфія	6–10 ліпеня 1941	1300 савецкіх танкаў	832 танкі
Стэльмах А.У.	6–11 ліпеня 1941	да 1500 танкаў з абодвух бакоў	Каля 60% у жывой сіле і тэхніцы
Бешанаў У.В.	6–9 ліпеня 1941	больш 1700 савецкіх танкаў	Механізаваныя карпусы загінулі
Ірынархаў В.С.	6–9 ліпеня 1941	каля 1400 савецкіх танкаў	Каля 60% у жывой сіле і тэхніцы

Табліца 2

Колькасць танкаў у танкавых дывізіях 5 (на 7.7.41) і 7 МК (6.7.41 г.)*

Тыпы танкаў № тд	КВ	Т-34	БТ-7	БТ-5	Т-26	ХТ	Т-37	Т-27	Усяго
13-я танкавая дывізія	7	10	238	-	112	26	20	-	
17-я танкавая дывізія	6	10	255	4	112	31	-	7	
увогуле	13	20	493	4	224	57	20	7	838
14-я танкавая дывізія	24	29	176	-	-	16	-	-	
18-я танкавая дывізія	10	-	11	-	187	54	-	-	
Увогуле	34	29	187	-	187	70	-	-	507

* Табліца складзена па даных: Исаев, А.В. Неизвестный 1941. Остановленный блицкриг / А.В. Исаев. – М., 2010. – С. 334, 347.

Табліца 3

Колькасць танкаў у танкавых дывізіях 3-й танкавай групы (на 1.7.41 г.)**

Тыпы танкаў № тд	Pz. II	Kpfw. 38 (t) – LT v. 38	Pz. IV	Камандзірскія (Pz. III)	Увогуле
7-я танкавая дывізія	32	105	17	8	162
12-я танкавая дывізія	39	114	18	9	180
Увогуле	71	219	35	17	342

** Складзена па даных: BA-MA. RH 21-3/732: Panzer AOK 3. Ia Nr. 520/42 geheim: Gefechtsberichte Russland 1941/42, Bl. 13.

Табліца 4

Захаванасць матэрыяльнай часткі 14-й (на 10.7.41) і 17-й (на 13.7.41) танкавых дывізіій***

Тыпы танкаў № тд	КВ	Т-34	БТ-7	Т-26	ХТ	Увогуле
14-я танкавая дывізія	10	7	86	12	-	115
17-я танкавая дывізія	3	3	75	34	17	132
Увогуле	13	10	161	46	17	247

*** Табліца складзена па даных: Исаев, А.В. Неизвестный 1941. Остановленный блицкриг / А.В. Исаев. – М., 2010. – С. 373.

Табліца 5

Страты асабовага складу баявых часцей 3-й танкавай групы з 30.6. па 13.7.41 г.****

Віды страт № дывізіі	Загінулі		Паранены		Зніклі	
	афіцэры	у/афіцэры і радавыя	афіцэры	у/афіцэры і радавыя	афіцэры	у/афіцэры і радавыя
7. Pz. Division	31 (108)	380 (1366)	76	944	1	42
12. Pz. Division	27 (69)	321 (1424)	42	1046	-	57
19. Pz. Division	33 (113)	425 (1777)	78	1246	2	106
20. Pz. Division	24 (88)	440 (1783)	62	1303	2	40
14. I.D. (mot.)	26 (74)	509 (2245)	45	1410	3	326
18. I.D. (mot.)	19 (60)	205 (1055)	41	823	-	27
20. I.D. (mot.)	10 (32)	151 (512)	22	354	-	7
Увогуле	170 (544)	2431 (10162)	366	7126	8	605

****Табліца складзена па даных: ВА-МА. RH 21-3/46: Panzergruppe 3. Gesamtaufstellung der bisher gemeldeten Verluste, Stand vom 13.7.41, Bl. 149.

У гэтым плане падаюцца важнымі і некаторыя іншыя факты, без уліку якіх немагчыма казаць аб стварэнні суцэльнай панарамы танкавых баёў на Віцебшчыне летам 1941 г. Звернемся да малавядомага архіўнага дакумента – вынікаў інспектавання, праведзенага па даручэнні камандуючага Заходнім фронтам С.К. Цімашэнкі членам Ваеннага Савета фронту, першым сакратаром ЦК КП(б)Б П.К. Панамарэнкам. Падрыхтаваная ў жніўні на імя І.В. Сталіна дакладная запіска ўтрымлівае шмат важных ацэнак таго, што адбылося ў ходзе правядзення контрудару на лепельскім напрамку. У прыватнасці, была адзначана схільнасць многіх военачальнікаў і камандзіраў да дзеянняў “лабавымі ўдарамі”, “коннай лавай”, “навалам”, вядомых з часоў Грамадзянскай вайны. У дакуменце гаворыцца, да чаго прывяла падобная тактыка ў 7-м механізаваным корпусе, якія меў 526 танкаў. Так, “з 9 па 20 ліпеня корпус прайшоў шлях з баямі [ў раёне] Рудня–Лёзна–Бешанковічы і назад у Лёзна. У гэтым рэйдзе корпус страціў усе танкі па прычыне таго, што ў першы дзень корпус распачаў без разведкі лабавую атаку на вузел абароны праціўніка, у выніку страціў адразу 100 танкаў. Далей, зноў-такі ў выніку адсутнасці разведкі, корпус патрапіў пад перакрываваны агонь двух замаскіраваных танкавых калон праціўніка і таксама страціў шмат танкаў. Затым корпус адышоў у балота. Шмат танкаў завязлі, а астатнія былі страчаны па дарогах. Так злачынна быў загублены адзін з моцных карпусоў” [44, с. 42, 45, 51–65].

Заклучэнне. Падводзячы высновы, трэба перш за ўсё адзначыць, што Лепельская аперацыя, праведзеная па загадзе штаба Заходняга фронту сіламі двух матарызаваных карпусоў у пачатку ліпеня 1941 года, сапраўды вызначалася фактам шырокага выкарыстання танкавых злучэнняў як з савецкага, так і нямецкага боку. Аднак называць тыя падзеі танкавай бітвай пад Сянно можна толькі з улікам наступных фактаў і фактараў, якія вынікаюць з навуковага аналізу дакументальнага матэрыялу.

Па-першае, у саміх дакументах аперацыйнага аддзела штаба Заходняга фронту баявыя дзеянні 5-га і 7-га механізаваных карпусоў 20-й арміі былі названы «Лепельскай аперацыяй» з храналагічнымі рамкамі 6–11 ліпеня 1941 года: калі два савецкія танкавыя корпусы пачалі баявыя дзеянні і калі апошнія былі фактычна завершаны для асноўнай часткі падраздзяленняў чатырох танкавых і адной матарызаванай дывізіі. З дакументаў вынікае, што крайняй для часцей 5-га механізаванага корпуса стала дата 11 ліпеня 1941 г. [39, арк. 111].

Па-другое, у дакументах не ўдалося выявіць факта адначасовага сутыкнення з двух бакоў буйных мас танкаў, агульная колькасць якіх перавышала б нават 300 адзінак, не кажучы пра лічбы ў амаль 3 тыс. баявых машын. Так, напрыклад, у ходзе баёў на лініі Дуброва–Гняздзілавічы з нямецкага боку былі адначасова задзейнічаны толькі 2 батальёны 25-га нямецкага танкавага палка ў складзе менш за 100 танкаў, у той час як з савецкага боку гэта лічба была крыху

чым удвая большая. Вывучэнне аператыўных дакументаў танкавых злучэнняў, якія з двух бакоў удзельнічалі ў баях пад Сянно, дазваляе выявіць баявыя сутыкненні з удзелам 1–2 танкавых палкоў агульнай колькасцю ад 150 да 200 баявых адзінак [39, арк. 111].

Па-трэцяе, Лепельская аперацыя фактычна распалася на два самастойныя контрудары, якія паводле плана, распрацаванага штабам 20-й арміі, наносіліся па розных напрамках: 7-ы механізаваны корпус у складзе 14-й і 18-й танкавых дывізіяў наступаў з раёна Віцебска на Бешанковічы–Лепель; 5-ы механізаваны корпус у складзе 13-й і 17-й танкавых і 109-й мотастралковай дывізіяў наносіў удар з раёна Оршы на Сянно–Лепель. Фактычна контрудары былі праведзены ў названай паслядоўнасці, але з розніцай у 2 дні. Канчатковай мэтай контрудараў з’яўляўся выхад у раён Лепеля дзеля нанясення ўдару ў фланг і тыл полацкай групы праціўніка. Паводле аператыўнай зводкі Заходняга фронту ад 5 ліпеня 1941 г., войскі фронту наносілі ўдар па праціўніку, маючы агульны напрамак – Лепель [34, с. 276]. Падчас аперацыі савецкі бок страціў амаль 75% танкавага парку 5-га і 7-га механізаваных карпусоў, прычым толькі трэцюю частку ў ходзе танкавых баёў ці дзейнасці працітанкавай артылерыі праціўніка. Між тым, пасля завяршэння Лепельскай аперацыі ў корпусе было дастаткова асабовага складу для забеспячэння боегатоўнасці часцей [39, арк. 111].

Сярод прычын амаль поўнага разгрому двух механізаваных карпусоў былі як аб’ектыўныя, так і суб’ектыўныя. Даволі дакладную карціну аб прычынах разгрому дае справаздача 13-й танкавай дывізіі, дзе гаворыцца пра тое, што ў ходзе бою ў раёне Толпіна адзін мотастралковы і два танкавыя палкі выконвалі загад аб неадкладным уступленні ў бой, але рабілі гэта *без артылерыйскай падрыхтоўкі, без узаемадзеяння паміж сабой, без належнай разведкі мясцовасці, без выкарыстання пяхоты*, і да таго ж не ў поўным складзе, з парушэннем кіравання і не ў поўнай баявой гатоўнасці [36, арк. 3].

Нягледзячы на тактычныя няўдачы 5-га і 7-га механізаваных карпусоў, загад аб іх адступленні з лепельскага напрамку на зыходныя пазіцыі стаў вынікам не разгрому ў раёне Сянно і Лепеля, а ў сувязі са стратай Заходнім фронтам Віцебска 9 ліпеня 1941 г. Вялікія страты ў баявой тэхніцы, якія панеслі 2 савецкія корпусы ў ходзе правядзення Лепельскай аперацыі, былі даволі

адчувальнымі, але не такімі катастрафічнымі [39, арк. 111], як гэта было пад Беластокам, Гродна і Мінскам у першыя дні вайны. Таму невыпадкава, што баявыя дзеянні засталіся практычна непрыкметнымі для камандуючага групай армій “Цэнтр”, які 8 ліпеня знаходзіўся на камандным пункце 3-й танкавай групы ў Лепелі [46, с. 73]. Між тым, камандуючы 2-й танкавай групай адзначаў у мемуарах, што 17-я танкавая дывізія¹ вяла ўпартыя баі з моцным праціўнікам, які задзейнічаў у баі надзвычай вялікую колькасць танкаў [47].

Такім чынам, паўнавартаснае даследаванне баявых дзеянняў магчыма толькі пры аднаўленні карціны гістарычных падзей адначасова з савецкага і нямецкага бакоў. Таму на цяперашні час можна сцвярджаць, што адной з актуальных задач беларускай ваенна-гістарычнай навукі з’яўляецца правядзенне спецыяльнага даследавання наконт Лепельскай аперацыі пачатку ліпеня 1941 г., у аснове якога – прыцып супастаўлення дакументальных крыніц айчыннага і замежнага паходжання, іх скрупулёзнай навуковай верыфікацыі. Толькі так можна аб’ектыўна рэканструяваць тыя важныя гістарычныя падзеі пачатковага перыяду Вялікай Айчыннай вайны.

Адметнасць апублікаванага матэрыялу апроч усяго бачыцца і ў тым, што з увядзеннем новых дакументальных фактаў для чытача становіцца відавочнай уся панарама баявых дзеянняў пад Сянно і Лепелем. Матэрыялы ствараюць уяўленне пра сапраўдны маштаб і ход баёў з удзелам двух процілеглых бакоў, асабліва пра вынікі правядзення Заходнім фронтам двух самастойных контрудараў на лепельскім напрамку летам 1941 г. Зразумела, што не зусім пераканаўчымі ўяўляюцца асобныя бакі ці наступствы тых падзей на Віцебшчыне, аднак яны знайшлі рэальнае адлюстраванне ў айчынных і замежных дакументальных крыніцах, прычым у асобных момантах нават блізка карэлююць паміж сабой. З гэтага вынікае заключэнне, што толькі з максімальна поўным выкарыстаннем і крытычным асэнсаваннем дакументальных матэрыялаў, у якіх знайшлі адлюстраванне тыя падзеі, новае пакаленне зможа ў рэшце рэшт атрымаць сапраўдную інфармацыю аб тым, які характар, маштаб і вынікі мела для

¹ Паводле дакументаў 17-й танкавай дывізіі і дзённіка баявых дзеянняў 2-й танкавай групы ад 7.7.1941 г., насамрэч пад Сянно дзейнічала баявая група ў складзе толькі аднаго палка сіламі 80 танкаў пад камандаваннем палкоўніка Ліхта.

Заходняга фронту правядзенне Лепельскай франтавой наступальнай аперацыі ў пачатку ліпеня 1941 г.

Нават простае ўсведамленне існуючых праблем у даследаванні тэмы можа стаць адным з важных крокаў на шляху яе паспяховага і правільнага рашэння. Выяўлены комплекс дакументальных крыніц ставіць на парадак дня, у першую чаргу для гісторыкаў і краязнаўцаў Віцебшчыны, задачу правядзення спецыяльнага навуковага даследавання па гэтай тэме з улікам дасягненняў больш новай тэорыі і метадалогіі, асабліва вынікаў кампаратыўнага аналізу айчынных і замежных крыніц з мэтай атрымання новых навуковых ведаў і захавання гістарычнай памяці ў дачыненні да хода баявых дзеянняў Чырвонай Арміі Заходняга фронту на тэрыторыі Беларусі летам 1941 г.

Літаратура

1. Открыт памятник танкистам // 7 дней. – 2011. – 8 сент.
2. Прохоровка // Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия. – М., 1985.
3. Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия. – М., 1985.
4. Великая Отечественная война: энциклопедия. – М., 2010.
5. Бутко, В.В. Контрудар 5-го механизированного корпуса на лепельском направлении (6–11 июля 1941 года) / В.В. Бутко // Военно-исторический журнал. – 1971. – № 9. – С. 59–65.
6. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 (июнь 1941 – ноябрь 1942 г.) – М., 1961.
7. Анфилов, В.А. Начало Великой Отечественной войны (22 июня – середина июля 1941 года): военно-исторический очерк / В.А. Анфилов. – М., 1962.
8. Анфилов, В.А. Незабываемый сорок первый / В.А. Анфилов. – 2-е изд., доп. – М., 1989.
9. Чапурнова, Л.У. Лепельскі контрудар 1941 / Л.У. Чапурнова // Беларуская ССР: кароткая энциклапедыя. – Т. 1. – Мінск, 1978.
10. Чапурнова, Л.У. Лепельскі контрудар 1941 / Л.У. Чапурнова // Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945: энциклапедыя / рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 1990.
11. Стэльмах, А.У. Лепельскі контрудар 1941 года / А.У. Стэльмах // Памяць: Лепельскі раён: гісторыка-дакументальная хроніка гарадоў і раёнаў Беларусі. – Мінск, 1999. – С. 190–195.
12. Иринархов, Р.С. «Западный особый...» / Р.С. Иринархов. – Минск, 2002.
13. История Второй мировой войны 1939–1945: в 12 т. – М., 1975. – Т. 4: Фашистская агрессия против СССР. Крах стратегии «молниеносной войны».
14. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945: краткая история. – 3-е изд., испр. и доп. – М., 1984.
15. Иванов, С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой / С.П. Иванов. – М., 1990.
16. Великая Отечественная война, 1941–1945: в 4 кн. – М., 1998. – Кн. 1: Суровые испытания / А.С. Орлов [и др.].
17. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. – М., 2011.
18. Беларуская савецкая энцыклапедыя: у 12 т. – Мінск, 1972. – Т. 6.
19. Беларуская савецкая энцыклапедыя: у 12 т. Беларуская Савецкая Сацыялістычная Рэспубліка. – Мінск, 1975.
20. Языкович, Э.Ф. Абарончыя баі на тэрыторыі Беларусі (ліпень–жнівень 1941 г.) / Э.Ф. Языкович, В.П. Раманоўскі // Гісторыя Беларускай ССР: у 5 т. – Мінск, 1975. – Т. 4: Беларусь напярэдадні і ў гады Вялікай Айчыннай вайны Савецкага Саюза (1938–1943 гг.).
21. История Белорусской ССР. – Минск, 1977.
22. Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны 1941–1945: энциклапедыя. – Мінск, 1990.
23. Энциклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск, 1997. – Т. 4.
24. Бешанов, В.В. Танковый погром (Куда исчезли 28 тысяч советских танков) / В.В. Бешанов. – Минск, 2000.
25. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. – Минск, 2005.
26. Республика Беларусь: энциклопедия: в 6 т. – Минск, 2007. – Т. 4.
27. Ваенная энциклапедыя Беларусі / рэдкал.: Л.У. Языкович (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2010.
28. Беларусь. 1941–1945: Подвиг. Трагедия. Память: 2 кн. – Минск, 2010. – Кн. 1.
29. Иринархов, Р.С. Агония 1941: кровавые дороги отступления / Р.С. Иринархов. – М., 2011. – С. 101–450.
30. Литвин, А.М. Битва за Беларусь летом 1941 года / А.М. Литвин, И.Ю. Воронкова // 1941 год: Страна в огне: в 2 кн. – М., 2011. – Кн. 1: Очерки.
31. Исаев, А.В. Неизвестный 1941. Остановленный блицкриг / А.В. Исаев. – М., 2010.
32. Лепельская операция с 6 по 11.7.41 г. // Журнал боевых действий 5 МК // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). – Фонд 208. – Воп. 2511. – Спр. 80. – Арк. 102.
33. ВА-МА. RH 24-47/5: Anlage Nr. 248 zum Kriegstagebuch Nr. 2 des XXXXVII. Pz. Korps: Bericht über Marsch und Kampf der 17. Pz. Division von Borissow über Senno nach Kochanovo v. 11.7.41.
34. 1941: документы и материалы: к 70-летию Великой Отечественной войны. Выпуск пер-

- вый: в 2 т. – СПб., 2011. – Т. 2 / сост.: Ю.А. Никифоров [и др.].
35. ВА-МА. RH 21-3/46: Panzergruppe 3. Abt. I a, v. 9.7.41. Gefechtbericht vom 30.6.–9.7.41.
 36. Отчет о боевых действиях 13-й танковой дивизии 5 МК за период с 4 по 19.7.41. – ЦАМО РФ. – Фонд 208. – Воп. 2511. – Спр. 80. – Арк. 32.
 37. Подробное описание первого боя 13-й танковой дивизии в районе Толпино 8.7.41. – ЦАМО РФ. – Фонд. 208. – Воп. 2511. – Спр. 80. – Арк. 5–6.
 38. Отчет о действиях частей 17-й танковой дивизии с 4.7.41 по 19.7.41. – ЦАМО РФ. – Фонд 208. – Воп. 2511. – Спр. 80. – Арк. 27–32.
 39. Лепельская операция с 6 по 11.7.41 г. – ЦАМО РФ. – Фонд 208. – Воп. 2511. – Спр. 80. – Арк. 111–112.
 40. ВА-МА. RH 21-3/433: Abschlußbericht über die Panzerkämpfe am 7.7.41 der 7. Panzer-Division, v. 8.7.41.
 41. ВА-МА. RH 21-3/433: Generalkommando XXXIX. A.K. Bericht über Gefangene, vernichtetes Gerät und Beute seit Beginn der Kampfhandlungen v. 8.8.41.
 42. ВА-МА. RH 21-2/927: Meldung der Pz. Gr. 2 an AOK über einsatzbereite Panzer vom 7.7.41.
 43. ВА-МА. RH 26-26/7a: Vernehmung des gefangenen russischen Oberleutnant Jacob Josifowitsch Dschugaschwili vom 14. Haub. Art. Regiment.
 44. Платонов, Р.П. Белоруссия, 1941-й: известное и неизвестное: по документам Национального архива Республики Беларусь / Р.П. Платонов. – Минск, 2000.
 45. Платонов, Р.П. О причинах поражения войск Западного фронта в первые месяцы войны (по материалам Национального архива Республики Беларусь) / Р.П. Платонов // Беларусь, 22 июня 1941 года: говорят архивы...: материалы к заседанию «круглого стола», посвященного 60-летию начала Великой Отечественной войны (июнь 2001 г.) / отв. ред.-сост.: Р.П. Платонов, В.В. Федосов. – Минск, 2001.
 46. Бок, Ф. фон. «Я стоял у ворот Москвы» / Ф. фон Бок. – М., 2009.
 47. Гудериан, Г. Воспоминания солдата / Г. Гудериан [Электронный ресурс]. – 1999. – Рэжым доступу: <http://militera.lib.ru/memo/german/guderian/index.html>. – Дата доступу: 03.11.2013.

Паступіў у рэдакцыю 18.11.2013 г.

Прыняты ў друк 30.12.2013 г.

УДК 94(470)“1953/1963”

Деятельность Управления по охране военных и государственных тайн в печати при Витебском облисполкоме (обллита) в период «оттепели»

Яковлева Г.Н.**Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск**

Статья посвящена деятельности Управления по охране военных и государственных тайн в печати при Витебском облисполкоме (обллита) в противоречивый период хрущевской «оттепели». Нахождение Витебского обллита при облисполкоме было достаточно формальным, т.к. обллит работал в тесном контакте с обкомом и райкомами КПБ. Именно в обком или райкомы обращался глава обллита в случае спорных вопросов или с просьбой повлиять на ведомства в плане улучшения работы по сохранению государственных секретов. Показано, что структура, функции и объем работы местного органа цензуры зависели от значимости региона в политической, культурной, научно-технической, военно-промышленной жизни страны. По сравнению с обллитами областей, которые были крупными культурными, научными, промышленными и военными центрами страны, где издавалось значительное количество научной и художественной литературы или находились действительно секретные объекты, объем работы местного обллита был не очень значительным, однако требования к ним были не менее жесткими. Огромное влияние на деятельность органов цензуры оказывали политические коллизии этого времени (частые смены политических элит). Деятельность Витебского обллита была направлена не только на реальную охрану военной и государственной тайны, но всегда носила идейно-политический характер и была ориентирована на жесткий контроль содержания всей печатной продукции, радио, телевидения, музеев, библиотек области именно с этих позиций. А в условиях повышенной секретности работники обллита часто охраняли не только реальные, но и огромное количество «псевдотайн».

Ключевые слова: политическая цензура, «вычерки», «оттепель», обллит.

(Ученые записки. – 2013. – Том 16. – С. 35–45)

Activity of the Vitebsk Region Administration Department of the Protection of Military and State Secrets in Mass Media during the Period of “Ottepel” (Warming)

Yakovleva G.N.**Educational establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk**

The article centers round the activity of Vitebsk Region Administration Department of the Protection of Military and State Secrets in Mass Media (obllit) during the controversial period of Khrushchev “ottepel” (warming). Vitebsk obllit was only formally located at the Region Administration since it operated in close contact with the Regional and District Communist Party Committees. It was the region and District Party Committees which Head of obllit addressed in case of contradictory issues or with the request to influence institutions to improve work on preservation of state secrets. It is shown that the structure, functions and amount of work of the local censorship body depended on the significance of the region in the political, cultural, scientific and technological, military and industrial life of the country. In comparison with obllits of the regions, which were large cultural, scientific, industrial and military centers of the country and in which considerable number of scientific and fiction literature was published, or really secret objects were situated, the amount of work of the local obllit was not big, however the requirements to it were strict. Political collisions of that time (frequent changes of political elites) had a great impact on the bodies of censorship. The activity of Vitebsk obllit was directed not only to real protection of military and state secrets but also had ideological and political character and was oriented at strict control of the contents of all the printed product, radio, TV, museums, libraries of the Region from the point of view of these positions. Besides, in the conditions of the increased secrecy the obllit workers often protected not only real but also a great number of pseudo secrets.

Key words: political censorship, “cross outs”, “warming”, obllit.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 16. – P. 35–45)

Адрес для корреспонденции: e-mail: kviimk@vsu.by – Г.Н. Яковлева

Охрана государственных и военных тайн существует всегда и во всех государствах, а в современных условиях актуальность ее сохранения только возрастает, как и споры о том, что есть тайна и кто имеет к ней доступ. История политической цензуры в СССР нашла отражение в работах отечественных исследователей А. Гужаловского, В. Матоха, В. Ракашевича, А. Великого, В. Герасимова, Е. Сумко, Н. Пурышевой, Т. Протько и др. По этим проблемам стали уже классическими труды российских исследователей А. Блюма, Т. Горяевой, М. Зеленова, М. Глазкова. Однако предметом исследования белорусских историков являлось становление органов цензуры в 1920–1930-е гг. либо освещалась деятельность Главлита БССР в целом. Функционирование областных органов цензуры отдельному анализу не подвергалось.

Цель статьи – выявление особенностей деятельности Управления по охране военных и государственных тайн в печати при Витебском облисполкоме (обллита) в противоречивый период хрущевской «оттепели».

Материал и методы. Работа выполнена на основе анализа документов делопроизводства Витебского обллита, отложившихся в Государственном архиве Витебской области (фонд 3991). Репрезентативность материалов фонда ограничена, т.к. были уничтожены копии многих приказов, сводки вычерков (купюр), переписка с местными партийными органами по вопросам цензуры, докладные записки, справки по проверке деятельности цензоров и ряд других. Тем не менее, анализ рассекреченных в 1990-е гг. приказов Главлита БССР, годовых отчетов Витебского обллита, протоколов производственных совещаний способен дополнить картину деятельности цензурных органов республики. Исследование основано на принципах объективности и историзма. В работе были использованы как общенаучные (анализ и синтез), так и специально-исторические методы (историко-генетический, ретроспективный).

Результаты и их обсуждение. Сложная политическая обстановка 1950-х гг. оказала серьезное влияние на органы цензуры в СССР. Постановлением Совета Министров СССР 15 марта 1953 г. Управление уполномоченного СМ СССР по охране военных и государственных тайн в печати (Главлит при СМ СССР) было включено в состав МВД СССР под наименованием – Главное управление МВД СССР по охране военных и госу-

дарственных тайн в печати (11 главное управление МВД СССР). Однако после ареста Л.П. Берии в октябре 1953 г. 11 управление было выделено из состава МВД в самостоятельное Главное управление при СМ СССР [1]. Главкрайобллиты переходили в ведение исполкомов соответствующего уровня в качестве Управлений по охране военных и государственных тайн в печати.

Деятельность Главлита БССР и его местных органов (обллитов) строилась на основе строгого соблюдения союзных нормативных актов. Нахождение Витебского областного управления при облисполкоме было достаточно формальным, т.к. обллит работал в тесном контакте с обкомом и райкомами КПБ. Именно в обком или райкомы обращался глава обллита в случае спорных вопросов или с просьбой повлиять на ведомства в плане улучшения работы по сохранению государственных секретов. С 1947 г. Витебский обллит возглавлял П.В. Шепелев – член ВКП (б) с 1930 г., гвардии майор, бывший начальник отдела контрразведки «Смерш» третьей гвардейской танковой армии [2, л. 63]. После ликвидации Полоцкой области начальник местного обллита остался в Полоцке освобожденным старшим цензором, а зона ответственности Витебского обллита возросла. До 1955 г. в районы, где объем печатной продукции был незначительным, назначались цензоры-совместители (райлиты). В 1954 г. 15 райлитов по основному месту работы возглавляли отделы пропаганды и агитации соответствующих райкомов, а остальные 5 заведовали отделами райисполкомов. Это «соответствовало требованиям СМ СССР от 1 октября 1953 г., чтобы районные цензоры-совместители были ответственными работниками РК или райисполкома» [3, л. 11]. Когда Толочинский РК утвердил цензором кассира сберкасс, «...имевшую 7-классное образование и никакой политической подготовки...», обллит не согласился с ее кандидатурой и обратился в обком партии за поддержкой.

Цензоры обллита и райлиты осуществляли предварительный и последующий контроль за областной, районными и многотиражными газетами, радиопередачами, мелкопечатной продукцией (афиши, программы, плакаты и т.д.). Они контролировали деятельность типографий, фонды библиотек, книготорговые организации, букинистические отделы книжных магазинов, экспозиции музеев, репертуар местных оркестров, театра, концертных бригад и др. Цензоры не должны были пропус-

тить в печать сведения, составляющие военную или государственную тайну (отсюда – знаменитые купюры – «вычерки»). Также они осуществляли политико-идеологический контроль, вычеркивая материалы «идеологически невыдержанные, политически вредные, порочившие советскую действительность, обеднявшие облик советского человека, пошлые» и т.д. Нельзя было пропускать ошибки технического характера (опечатки, «политически неправильные переносы», неправильные формулировки, пропуски букв), которые могли в 1930–1940-е гг. трактоваться как вредительство или контрреволюционная вылазка замаскированных врагов.

Главной в деятельности цензоров была предварительная цензура, именно на эту часть работы ставили самых опытных и подготовленных работников. Часто цензоры перестраховывались, т.к. за излишнюю строгость было меньше серьезных последствий, чем за снисходительность. Райлитов последующим контролем проверяли штатные цензоры обллита, и их – цензоры Главлита БССР. Райлиты, занятые на основной работе, не уделяли должного внимания своим контролирующим функциям, поэтому в первую половину 1950-х гг. наибольшее количество случаев разглашения военной и государственной тайны приходилось на районную печать.

Начинавшаяся «оттепель», а скорее некая неопределенность, чувствовавшаяся в обществе в течение 1953–1955 гг., повлекла определенные изменения и в сфере цензуры. Цензура стала ограничивать восхваление Сталина. Республики получили право решать вопрос об издании многотиражных газет на фабриках и заводах без визы Главлита СССР. Главлиты СССР и БССР стали указывать цензорам на превышение ими полномочий при вмешательстве, перестали рассматриваться как сознательное вредительство встречающиеся опечатки. В годовом отчете Витебского обллита за 1953 г. говорилось: «Грубая политическая опечатка допущена в областной газете «Віцебскі рабочы». В № 192 от 30 сентября 1953 г. была опубликована «Нота правительства Франции» от 2 сентября 1953 г. по вопросу созыва совещания Министров иностранных дел. В конце четвертого абзаца в слове «Спраў» выпала буква «п» и таким образом это слово приняло смысл политической вульгарщины». Опечатка была пропущена редакторскими работниками, не заметил ее и цензор обллита Г., который читал номер последним. И хотя эта грубая опечатка была

адекватно оценена как «корректорская ошибка», сам факт обсуждался на заседании бюро обкома партии. Цензора Г. сначала сняли с работы, однако после апелляции в ЦК КПБ его восстановили на работе, но со строгим выговором по партийной линии [4, л. 5]. После этого случая цензоры области были проинструктированы, что они должны быть особенно внимательны и не пропускать политических ошибок, разного рода опечаток, политически неправильных переносов, неправильных оборотов и т.д.

Всего за 1953 г. обллитом было сделано 43 вычерка, из них 5 по идеологическим вопросам, а в 1954 г. – 49, но все перечневые. «Перечневыми» их называли потому, что они касались Перечня сведений, составлявших тогда военную и государственную тайну: номера воинских частей и их дислокация, цифры по промышленности, погрузке-выгрузке на железных дорогах, себестоимости продукции, цены на сданную продукцию, цифры о падеже скота, подготовка кадров по отдельным специальностям, дислокация тюрем и т.д. Документы обллита позволяют ощутить ту степень повышенной бдительности, которая царил в обществе и после смерти Сталина. Можно посочувствовать журналистам того времени, когда фактически любая информация об экономике или обороноспособности страны была государственной тайной. Страхуясь или не разобравшись в нормативных документах, райлиты умудрялись изымать объявление по радио о найме рабочей силы для работы в районах Арктики [5, л. 7]. Делали купюры в газетном сообщении о работе на целинных землях демобилизованного воина, о деятельности школьного стрелкового кружка, а в «Ученых записках» Ветинститута сняли упоминание о «Морском сборнике», который издавался еще в 1933 г.

Объектом строгого идеологического контроля являлась художественная мастерская г. Витебска. Не выпускался в свет без визы цензора ни один экземпляр картины, барельефа или портрета, сделанного в мастерской. Изготовленные портреты руководителей партии и правительства должны были соответствовать официально утвержденным Министерством культуры и Главлитом СССР эталонам. В 1954 г. на контроль было представлено 385 портретов и 56 картин, из которых было предложено переделать 12 портретов и 8 картин [3, л. 16]. В 1955 г. Главлит БССР указывал Витебскому обллиту, что ему на

контроль художники не представляли пейзажи, которые выпускались без визы цензора [6, л. 18]. Регулярно проверялся репертуар 20 концертных бригад и областного театра. Оркестры парка культуры и отдыха им. Фрунзе и ресторана «Аврора» представляли свой репертуар на контроль ежеквартально [4, л. 15]. Надо было определять цензорам и качество песен, создаваемых местными композиторами.

Важной частью работы цензоров в 1950-е гг. была чистка библиотечных фондов от «политически вредной и устаревшей литературы». Количество библиотек в городе и области постоянно росло. Если на 1 января 1954 г. в области были 1142 библиотеки, то в 1960 – уже 3718 [5, л. 7; 7, л. 29]. Объем работы цензора, который курировал библиотеки и книготорговую сеть (более 60 книжных магазинов, более ста киосков, около 50 складов), увеличивался и из-за политических событий. Вместе с работами Берии и Цанавы цензоры и библиотекари браковали литературу, которая восхваляла их и других вдохновителей и исполнителей массовых репрессий. В числе первых в апреле 1953 г. был изъят сборник статей «Бдительность – наше оружие». После улучшения отношений с Югославией необходимо было перестроить на идеологическом уровне отношение к ней внутри страны. Началось изъятие книг, порочащих эту страну и ее лидера И.Б. Тито (например, книги Н. Шпанова «Заговорщики»). Потом после отстранения от власти так называемой «антипартийной группы» пришлось изымать труды и портреты В. Молотова и Г. Маленкова. После Октябрьского (1957 г.) пленума, который вошел в историю как «дело Жукова», началось изъятие материалов об опальном маршале. Несмотря на жесткие требования по изъятию подобных материалов, даже в 1961 г. в ходе контрольно-выборочных проверок библиотек 6 районов области цензорами были обнаружены «материалы членов антипартийной группы» и брошюра Л.М. Китаева и Г.Н. Большакова «Визит дружбы. Пребывание Маршала Советского Союза Г.К. Жукова в Индии и Бирме» [7, л. 35; 8, л. 17]. Не соответствовал уже политической конъюнктуре и роман В. Попова «Сталь и шлак», удостоенный в 1949 г. Сталинской премии и издававшийся миллионными тиражами.

В 1953 г. было изъято 43160 экземпляров книг, 3574 портрета, 990 грампластинок [4, л. 7, 12]. За 1954 г. уже было изъято 47632 экз. книг, 1868 грампластинок, 210 портретов, было отправлено 12 писем в райкомы партии по вопросам проверки и очистки книжных

фондов [3, л. 16]. Однако работа цензора А., отвечавшей за очищение книжных фондов, не удовлетворяла цензоров Главлита БССР, проверявших в 1956 г. библиотеки области. По мнению цензора Главлита БССР К., книжные фонды даже г. Витебска были значительно засорены политически вредной литературой, а в Витебском (сельском) РК КПБ она даже при беглой проверке обнаружила 7 наименований книг, подлежащих изъятию. Вопрос об ускорении очищения библиотек несколько раз обсуждался на производственных совещаниях обллита в 1956 г. [9, л. 2, 5, 6]. После проверок Главлита в Могилевской области временно закрыли несколько библиотек из-за высокой степени засоренности их вредной литературой. В Витебской области таких случаев не было, но начальник обллита не раз обращался в обком партии с просьбой принять меры по отношению к библиотекарям, руководителям областных отделов культуры, народного образования, облсофпрофа и ряда других ведомств, которые не предприняли всех необходимых мер по очистке книжных фондов от устаревшей литературы. Поскольку Министерства не требовали от своих ведомств проведения очистки книжных фондов, учета по проверке и изъятию литературы, то дело ограничивалось тем, что на справки обллита о результатах проверок ведомства только писали и рассылали приказы. Начальник Витебского обллита на производственном совещании в 1962 г. сетовал: «Наше положение фактически раздвоенное: документы на изъятие издают Главлиты, а те, кто должен выполнять требования документов, нам непосредственно не подчиняются» [10, л. 8, 10].

Главлит СССР требовал окончательно очистить библиотеки от запрещенной литературы к 1963 г. Огромные усилия, предпринятые на местах, обеспечили выполнение поставленной задачи. Знаменитые спецхраны – хранилища контрольных экземпляров изъятой из библиотек и магазинов «враждебной» литературы явно не пустовали.

В период «оттепели» органы цензуры выполняли одну достаточно необычную для них функцию – реабилитация писателей и их произведений. Как отмечает В. Матох, политическая оттепель давала о себе знать. «В 50-е гг. были реабилитированы (в т.ч. посмертно) белорусские писатели и общественные деятели, в свое время обвиненные в национал-демократизме, – Алесь Дудар, Валерий Моряков, Андрей Александрович, Александр Червяков, Николай Голодод и

др. Правда, их творчество реабилитировано не было – в январе 1959 г. председатель Главлитбела Садовский направил секретарю ЦК КПБ Горбунову докладную записку, в которой сообщал, что цензорами просмотрены все книги реабилитированных авторов. Садовский подчеркивал: «Считаем, что эту литературу, несмотря на то, что авторы реабилитированы, передавать в общие фонды нельзя – ее необходимо оставить в спецхранах» [11]. В ГАВО сохранилось 3 приказа Главлита БССР 1959 г. об исключении 25 авторов (ученых, общественных деятелей, писателей) из алфавитного списка лиц, произведения которых изымались согласно приказам Главлита БССР за 1937–1948 гг. [12, л. 8–10].

Цензоры были «самоучками», их социальный статус был невысок, объем работы постоянно возрастал, а зарплата и условия работы едва ли соответствовали тому уровню ответственности, которая лежала на штатных цензорах. Образовательный уровень витебских цензоров, как и в других обллитах, был невысок, в лучшем случае они имели среднее или незаконченное высшее образование. Так, цензор, курировавшая книжные фонды библиотек и книготорговых организаций области, имела 7-классное образование. Работа предполагала командировки в районы, цензоры, осуществлявшие предварительный контроль газет, часто вынуждены были работать по ночам. Например, старший цензор обллита Г., который все эти годы отвечал за предварительную цензуру областной газеты, подписывал ее в печать в 6–7 часов утра [9, л. 11]. Всегда существовала опасность сделать необоснованный вычерк, просмотреть чужую ошибку или опечатку, пропустить в печать или на радио «идеологически невыдержанный материал», не понять требований «Перечня», которые не всегда были точно и однозначно сформулированы. Цензоры перестраховывались, что приводило к необоснованным вычеркам, которые иногда носили анекдотический характер. «Нечего таить, и мы грешим: в делах Главлита СССР, к сожалению, тоже можно найти немало цензурных анекдотов. И в наше время есть цензоры, которые запрещают называть траву «суданкой», мотивируя свое вмешательство тем, что эта трава иностранного происхождения и для опубликования требуется разрешение чуть ли не Министерства иностранных дел...», – писал Н.С. Хрущеву о назревших проблемах цензуры начальник Горьковского обллита Ф. Боронин в 1956 г. [13].

Сложной была ситуация и с районными уполномоченными-совместителями, которые были загружены по основному месту работы. Качество их работы власть явно не устраивало, штатные цензоры обллитов в ходе последующего контроля выявляли много недоработок, необоснованных вычерков и т.д. В 1955 г. со стороны Главлита и ЦК КПСС возрастают требования к общеобразовательному (наличие высшего образования) и политико-профессиональному уровню цензоров. Необходимо было обновить кадровый состав и резко улучшить обучение цензоров внутри управлений. С 1 октября 1955 г. в структуре Главлита СССР были упразднены должности районных цензоров-совместителей [14, л. 2]. Формально количество цензоров уменьшалось, однако теперь обязанности контроля за сохранением военной и государственной тайны в районных и многотиражных газетах поручались редакторам газет. Резко возросла персональная партийно-профессиональная ответственность редакционно-издательских работников. На областном совещании редакторов газет в сентябре 1955 г. секретарь обкома и зав. отделом пропаганды «предупредили редакторов о серьезной ответственности и потребовали от них глубокого изучения перечневых ограничений, а также правильного применения их в практической работе, с тем чтобы не пропустить в печать сведений, не подлежащих опубликованию» [5, л. 6]. Теперь редакторов газет, их замов и ответственных секретарей необходимо было знакомить с материалами «Перечня», чтобы исключить нарушение его норм. «Вычерки», делавшиеся ранее цензорами, теперь осуществлялись в редакциях. Пресса оставалась такой же беззубой, но теперь во многом стараниями не цензоров, а через самоцензуру редакционных работников. Повышалась ответственность руководителей тех областных ведомств, которые имели библиотеки, за своевременную очистку фондов от устаревшей и политически вредной литературы. Основной задачей цензоров становился контроль деятельности библиотечарей в этом направлении, ознакомление их с требованиями по очищению книжных фондов и оказание помощи руководителям ведомств в решении этих задач, информирование обкома и райкомов партии о недоработках и проблемах в этом направлении.

В 1955 г. все районные цензоры-совместители были уволены, надо было приспособиться к новым условиям, потребовалось изменение состава штатных цензоров.

По итогам проверки в октябре 1955 г. Главлит БССР поставил перед начальником обллита П.В. Шепелевым 2 кадровые задачи: во-первых, потребовать от цензоров, не имеющих достаточной общеобразовательной подготовки, поступить в вузы, во-вторых, принимать на работу только людей с высшим образованием и способных обеспечить цензорский контроль над произведениями печати. Меры были приняты и в годовом отчете за 1957 г. уже констатировалось: «До 1957 г. в аппарате обллита работали действительно малоквалифицированные и политически слабо подготовленные люди. В конце 1956 и начале 1957 г. по договоренности с партийными органами уволены лица без высшего образования, а приняты по рекомендации парторганов подготовленные, политически грамотные и деловые. Сейчас все имеют высшее образование, кроме одного, который имеет среднее, но в цензуре 10 лет, и справляется» [15, л. 4]. Ситуация с кадрами стабилизировалась на долгие годы. В обллите работал начальник, старший цензор, 3 рядовых цензора, в Орше и Полоцке цензорский контроль осуществляли освобожденные уполномоченные. В 1958–1959 гг. была проведена аттестация всех цензорских работников обллитов и Главлита республики.

Руководство Главлита СССР и БССР без конца требовало от цензоров на местах чувства высокой политической бдительности, добросовестности, внимательности и ответственности в работе. Для повышения их политико-идеологического уровня были введены еженедельные политинформации, на которых изучались материалы партийных пленумов и съездов, по очереди сами цензоры делали обзоры на международные темы. Также они занимались в сети партийного просвещения при парторганизации облизполкома. В плане профессиональном от них требовалось доскональное знание «Перечня», всех инструкций по осуществлению отдельных видов цензуры, соблюдения требований в работе с секретными документами. Организовывались общие занятия по изучению документов, начальником обллита регулярно проводились индивидуальные собеседования с работниками, решались присылаемые из Минска серии учебных задач, которые были формой контроля учебы цензоров, проверки их знания «Перечня». Стали использоваться такие формы повышения квалификации, как доклады по отдельным разделам и параграфам «Перечня», консультации специалистов,

экскурсии на предприятия, стажировки в Минске и т.д. Начальник обллита должен был составлять подробную характеристику на каждого цензора, фиксировать в его личной карточке все случаи нарушения им инструкций по проведению проверок или норм «Перечня», необоснованных вмешательств и др. При условии недопущения цензорами перечневых и идеологических нарушений, необоснованных вычерков, а также активности по привлечению работников редакций к охране военных и государственных тайн, можно было поощрять их следующим образом: вынесение благодарности, денежная премия, назначение персональной надбавки. Огромен был объем тех форм учета и контроля, планов работы, отчетности, которые вели штатные цензоры. Иногда в связи с этим нервы не выдерживали даже у цензоров. В 1961 г. начальник Витебского обллита критиковал на производственном совещании цензора М. за то, что она «...высказывала свое отрицательное отношение к введению некоторых форм учета работы Обллита, мотивируя это тем, что это все формально, что это ничего не дает» [16, л. 35]. Скептически она, как, наверное, и другие цензоры, воспринимала формы повышения квалификации. Кстати, Главлит БССР без конца призывал работников управлений в областях неформально, глубоко, ответственно, качественно относиться к планированию своей учебы, работы, командировок. Планы надо было расписывать чуть ли не по минутам и заверять у начальника. В задачи старшего цензора входил контроль планирования, отчетности цензоров, оказание им помощи и т.д. Не всегда цензоры успевали и за политическими коллизиями, происходившими в стране.

Состоявшийся в 1956 г. XX съезд КПСС приоткрыл завесу над преступлениями режима, началось возвращение из лагерей уцелевших его жертв. Но уже в том же году произошли события в Польше и Венгрии, а затем последовали внутренние репрессивно-идеологические акции, которые должны были приструнить творческую интеллигенцию. Цензура вновь начинает ужесточаться. 27 ноября 1956 г. Секретариат ЦК рассматривал вопрос «О работе Главлита». В марте следующего года принято постановление ЦК под тем же названием. Начальник Главлита СССР К.К. Омельченко, занимавший этот пост свыше десяти лет, был снят с работы, на эту должность назначен заместитель заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК П.К. Романов, самый долголетний (свыше

20 лет) начальник этого ведомства. В постановлении подчеркивалось также отсутствие необходимой оперативности и настойчивости в изменении устаревших цензорских регламентов и инструкций. Отмечалось, что в связи с этим каждый цензор истолковывает их по-своему, превышая свои служебные полномочия, присваивая себе функции политредакторов, допускаются необоснованные вмешательства в произведения печати. С другой стороны, говорилось об ошибках руководства в подборе кадров, слабости парторганизации, «формальном отношении цензоров к своим обязанностям, неправильных взглядах на роль и значение советской цензуры в современной обстановке», отсутствии принципиальных позиций в отношении ошибок, допускаемых в печати. Оно обязывало Главлит «обеспечить коренное улучшение работы цензуры, повысить роль Главлита и его местных органов» [1]. Вместе с этим ограничивались контролируемые функции Главлита в отношении охраны государственной и военной тайны: из его компетенции был выведен политико-идеологический контроль. В целях улучшения работы органов цензуры было предложено следующее: разработать единый перечень секретных и других сведений, не подлежащих разглашению в открытых изданиях; «решительно улучшить руководство местными органами; наладить регулярную информацию редакций газет, журналов и издательств об основных требованиях цензуры, с тем чтобы привлечь самих работников печати к более активному участию в охране военных и государственных тайн» [1].

В 1957 г. был введен в действие новый единый «Перечень сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, передачах по радио и телевидению». В 1958 г. было утверждено новое Положение о Главлите СССР и новое Положение о Главлите БССР, в котором определились основные права и обязанности Главлита и его местных органов. В 1957–59 гг. новое руководство Главлита СССР провело всесоюзное, а в западных районах страны (Вильнюсе, Риге, Киеве) 3 кустовых совещания по разъяснению нового «Перечня» и нового Положения о Главлите.

В августе 1957 г. состоялось производственное совещание работников обллита с участием начальника Главлита БССР Л. Садовского, который отметил улучшение кадрового состава управления, рекомендовал для изучения нового «Перечня» отвести еже-

дневно два часа и в порядке живой беседы и обсуждения прочесть его сначала до конца, а затем каждый будет изучать его индивидуально. Садовский порекомендовал особо внимательно относиться к «контролю такого материала как “Ученые записки”». Необходимо смотреть нет ли в нем халтуры, и грифа “платно”. Советую Вам все подобные материалы показывать в ОК КПБ и считаться с его мнением», – настоятельно советовал Садовский [9, л. 46].

Стало сокращаться количество перечневых нарушений и необоснованных вмешательств. Редакторы и журналисты районных газет и заводских многотиражек, сами, став собственными цензорами, изучив ограничительные документы, научились предотвращать возможные ошибки. «Нарушений перечневых ограничений в районных газетах, которые выходят под ответственность редакторов, в 1956–57–58 годах не было», – отчитывался начальник обллита в Минск [17, л. 19]. В работе же штатных цензоров актуализировался последующий контроль. Однако цензоры и с высшим образованием иногда совершали ошибки. Поводом для производственного совещания обллита в феврале 1958 г. стало письмо Главлита БССР о серьезнейшей ошибке цензора Витебского обллита М., которая допустила грубое нарушение установленных цензорских ограничений и пропустила упоминание о существовании исправительно-трудовых лагерей в настоящее время [9, л. 58]. Кстати, кроме этого «секрета Полишинеля», нельзя было упоминать и о наличии товарищеских судов на предприятиях (!).

В конце 50-х – начале 60-х гг. количество нарушений Перечня и вычерков резко сократилось. В 1961 г. цензоры обллита сделали 11 вычерков (для сравнения – 34 в 1958-м) и 2 перечневых нарушения. Перечневые нарушения и необоснованные вычерки рассматривались теперь как чрезвычайное происшествие [8, л. 9]. Снятия материалов по политико-идеологическим соображениям из газет фактически исчезли, а если и производились, то только после согласования с соответствующими партийными органами, но, как указывал Главлит, без всякой ссылки на них. Наибольшие проблемы у цензоров вызывала деятельность редакций местного радиовещания и появившегося телевидения, областной и районных типографий. Старший цензор Гутин на производственном совещании в апреле 1958 г. ориентировал цензоров на вни-

материальное чтение материалов, чтобы в них не было безыдейности, искажения материалов политического характера. Особенно внимательно, по его мнению, надо было читать материалы радиовещания, т.к. «радиокомитет готовит передачу в спешке, приносит ей поздно, необработанную, с ошибками» [9, л. 67]. В феврале 1961 г. обллитом была подготовлена докладная записка секретарю обкома партии «Об имеющихся недочетах в содержании, оформлении и представлении на контроль в Обллит телепередач». В присутствии председателя областного Комитета по радиовещанию и телевидению и директора телестудии записка была обсуждена в отделе пропаганды обкома партии и «признана правильной» [8, л. 15]. Также в городе резко возросло количество издаваемых книг, брошюр, плакатов, авторефератов, «Ученых записок» местных вузов и другой научной продукции ряда научно-исследовательских учреждений города, предварительную цензуру которой проводил лично начальник обллита. Именно эта печатная продукция становилась самой проблемной, «взрывоопасной», особенно если издаваемые книги касались проблем истории, а также научно-технических исследований, связанных с обороноспособностью страны.

К концу 1958 г. Главлит БССР и его органы на местах осуществляли контроль над материалами 7 издательств, 10 республиканских, 7 областных, 161 районной газет, 45 журналов, материалами БелТА, теле- и радиовещания, проверяли всю печатную продукцию, издававшуюся на территории БССР. Контролировались фонды 18439 библиотек, 11 выставок, принималась продукция 5 художественных мастерских, контролю подлежали произведения искусства (драматургия всех жанров, эстрадные произведения, тексты музыкальных и вокальных номеров). Просматривалась печатная продукция, посылавшаяся частными лицами за границу, – на минском Главпочтамте, а также все ввозимые в СССР печатные издания – на Брестской таможне [18, с. 177–178].

На контроле находились экспонаты 25 музеев. В мае 1950 г. было издано постановление ЦК КП(б)Б «О мерах по ликвидации фактов разглашения государственных тайн в музеях». В Музее истории Великой Отечественной войны срочно изменили экспозицию, были изъяты даже карты дислокации партизанских отрядов и бригад во время войны. Секретными были объявлены почти все сведения

о крупнейших предприятиях БССР. То же происходило в других музеях страны. Так, по решению цензоров, изымались экспозиции в краеведческих музеях Витебска и Полоцка, музея К. Заслонова в Орше. В музее Витебска были изъяты плакаты, где приводились цифровые данные о потерях в живой силе и технике противника за время войны, суммарные данные о трофеях, захваченных вооруженными силами СССР [2, л. 60]. В 1953 г. дирекцию Витебского краеведческого музея еще раз строго предупредили о том, что музей не имеет права вывешивать ни одного экспоната без предварительного просмотра и разрешения обллита. Было сделано замечание о недопущении разглашения военной тайны в книге отзывов и предложений, где цензоры обнаружили отзывы военнослужащих с указанием номеров полевых почт и родов войск. После этого директором было даже решено вести книгу отзывов для военнослужащих отдельно [19, л. 20]. В 1956 г. в Лепеле, где не было освобожденного цензора, краеведческий музей был открыт под ответственность районного отдела культуры, директор проинструктирован и представил в обллит описи всех экспозиций. В 1957 г. в ВОКМ не был допущен к экспозиции альбом «Боевой путь Витебской дивизии», т.к. ряд его материалов подпадал под перечневые ограничения. Были также выявлены 2 записи в книге отзывов, которые разглашали дислокацию и условные наименования воинских частей [15, л. 24]. В 1958 г. не был допущен материал, раскрывавший выпуск металлорежущих станков заводами Витебска в 1957 г. С экспозиции областной выставки произведений художников области представители обллита сняли портрет Ленина, который, по их мнению, был недоработан и искажал образ вождя [17, л. 23]. После новой волны разоблачений Сталина на XXII съезде КПСС и на основании письма Главлита СССР от 19 мая 1962 г., требующего принятия мер, исключаящих демонстрацию в экспозициях музеев и выставок материалов и брошюр, прославляющих культ личности Сталина, пришлось срочно проверять музеи области на наличие соответствующих материалов. Ведь в Гомельском музее цензоры Главлита БССР обнаружили экспонаты, восхвалявшие культ личности Сталина, картины с членами антипартийной группировки. На картах и схемах сохранялись названия городов (Сталино, Сталинград, Молотово), которые Указом Президиума

Верховного Совета СССР были переименованы еще в 1961 г. Выговор за это получил начальник Гомельского обллита в 1962 г., а Пензенского – в 1963 г. [20, л. 5; 21, л. 49].

В 1958 г. было принято постановление ЦК КПСС «О мерах по сохранению государственной тайны». В нем указывалось, что в учреждениях, организациях и на предприятиях снизились требования к обеспечению государственной тайны, нарушается порядок обращения с секретными документами, ослаблены охрана и пропускной режим. Учреждения обязывались усилить режим секретности с учетом своей специфики. 12 декабря 1959 г. ЦК КПБ принял постановление «О фактах разглашения государственных тайн в печати», в котором констатировалось, что в некоторых организациях и учреждениях республики нарушается режим секретности, закрытые сведения попадают в печать. К наиболее злостным нарушителям были отнесены редакции ряда республиканских газет («Советская Белоруссия», «Звезда», «Минская праўда», «Чырвоная змена», «Знамя юности»), а также Госкомитет по радио и телевидению и БелТА [22]. В 1960 г. комиссия из Москвы во главе с начальником Главлита СССР П.К. Романовым проверяла работу белорусских цензоров. В приказе Главлита СССР от 16 июня 1960 г. по итогам проверки была отмечена запущенность секретного делопроизводства, слабая работа с редакторами газет, шла речь о недостаточной информированности партийных органов о состоянии охраны военной и государственной тайны в печати [23, л. 7]. Впервые за 12 лет в декабре 1960 г. было допущено нарушение цензурских ограничений в областной газете «Віцебскі рабочы» [8, л. 7].

Начало 60-х гг. характеризовалось дальнейшей борьбой за соблюдение всех уровней секретности, повышение бдительности в сфере сохранения тайн научно-технического характера, ужесточением цензурского контроля за деятельностью полиграфических предприятий, где, по мнению Главлита СССР, наблюдалось значительное количество ошибок, которые приводили к тому, что допускались к печати статьи, брошюры, книги, содержащие секретные материалы или ошибки политико-идеологического характера. Часто цензоры не могли оценить сложную научную литературу, не соблюдали правил получения экспертных заключений. В 1962 г. Коллегия Главлита СССР приняла 3 постановления по

вопросам ужесточения цензурского контроля материалов научно-технического характера. 29 сентября 1962 г. бюро ЦК КПБ приняло постановление «О нарушении правил выпуска открытых произведений печати», в котором говорилось о выявленных Главлитом БССР грубейших нарушениях режима секретности на полиграфических предприятиях и в издательствах республики. В 1963 г. прошла аттестация руководящих работников типографий.

Попытки научной (например, И. Кона, П. Капицы) и творческой интеллигенции страны добиться хотя бы смягчения деятельности цензуры, призывы больше доверять собственному народу после сорока лет существования советской власти успеха не имели. А в контексте взаимоотношений Н.С. Хрущева с творческой интеллигенцией ситуация стала еще хуже. Не были реализованы и предложения по ликвидации предварительной цензуры в печати вообще. В феврале 1959 г. Главлит БССР вместе с Управлением искусства Министерства культуры республики начал проверять, весь ли репертуар белорусской эстрады и филармоний имел соответствующие разрешения Министерства и Главлита, а также его идейный и художественный уровень [12, л. 5]. Многие белорусские писатели получали многочисленные замечания цензоров по содержанию своих произведений. Именно в 1962–1963 гг. Главлит СССР жестко критиковал ряд обллитов за утрату политической бдительности и принял ряд решений по уничтожению или ограничению доступа в свободную продажу ряда книг и журналов (знаменитый литературный сборник «Тарусские страницы», сборник стихов А. Вознесенского «Мозаика»), пропущенных в печать региональными обллитами. Главлит СССР обнаружил, задержал и, по согласованию с обкомом КПСС, уничтожил тираж книги «Быт и культура сельского населения Советской Чувашии». В нем составители сборника «...неправильно использовали статистические материалы, характеризующие крайне низкий культурный уровень сельского населения Чувашии и неприглядное состояние санитарных условий и личной гигиены чувашского народа» [21, л. 19]. Не поступила в свободную продажу пропущенная Воронежским обллитом брошюра «под крикливым заголовком «Этого не должно быть» тиражом 3000 экз., которая посвящена проблеме борьбы с вшивостью среди населения Воронеж-

ской области» [21, л. 20]. Уничтожено пособие для студентов истфака Красноярского пединститута, в котором в списке основной литературы студентам предлагалось изучать доклады и речи участников антипартийной группы. За то, что «...не сумели стать во всех отношениях главными цензорами и не сумели мобилизовать сотрудников управлений на выполнение стоящих перед ними задач», был снят в 1962 г. со своих должностей ряд начальников главкрайобллитов, в том числе, и глава Главлита БССР Л. Садовский. Жесткой критике подверглись в 1962 г. Гомельский (за 5 нарушений Перечня за 1,5 года) и Брестский обллиты за допущенные нарушения перечневых ограничений.

Работников Витебского обллита «спасало» то, что здесь не было крупных научных центров, не издавалось литературных или специализированных журналов или монографий, требовавших от цензоров соответствующего уровня подготовки и повышенной ответственности. Объем работы был не очень сложным и не очень большим. Самым важным было не пропустить в открытую печать какую-либо информацию военного или промышленного характера: номер воинской части, упоминание военторга, КЭЧ, воинское звание местного депутата, фотографию, где видны воинские звания летчиков (!), выпуск продукции в абсолютных цифрах (например, выпуск электроэнергии за год или количество стекловолокна) и т.д. И все же надо было внимательно читать и оценивать содержание «Ученых записок» трех институтов, сборников научных статей, материалов научных сессий преподавателей местных вузов, итогов студенческих научных сессий. Просматривали цензоры материалы альманаха «Двина», сборники песен композиторов Витебской области [24, л. 142]. Витебские цензоры должны были внимательно читать все 30 местных газет, материалы радиовещания и телевидения как с точки зрения предотвращения перечневых нарушений, так и анализировать, обобщать их и с точки зрения политико-идеологического содержания, а затем вносить конкретные предложения по улучшению содержания газет и передач, а также по повышению качества цензорского контроля. Если не было обобщений итогов последующего контроля, не было конкретных предложений, с которыми можно было бы обратиться в обком или Главлит, то руководство в Минске делало вывод, что газеты цензорами читаются плохо, поверхностно, формально. Начальник Витебского обллита Шепелев, сетуя по поводу отсут-

ствия таких вопросов, которые можно было бы поставить перед ОК КПБ, говорил на производственном совещании в мае 1962 г.: «Быть не может, что газета не имеет недостатков, не бывает все хорошо. Создается мнение, что мы не умеем читать газеты, если ничего не находим» [10, л. 15]. А в ноябре 1962 г. указывал: «Даже в самых безобидных материалах могут быть ошибки, заслуживающие внимания цензора. Могут быть материалы, непосредственно не подпадающие под цензорские ограничения, но помещать их нельзя. Надо внимательно читать все заметки в газетах. Особое внимание надо обращать на разделы сатирического характера (оса, ежик, метла). Иногда излишнее обобщение фактов может привести к негативным выводам (Выделено нами. – Г.Я.)» [10, л. 50].

Парадоксально, но каких обобщений ждал от обллитов Главлит, на местах явно не очень понимали. Так, Гомельский обллит обобщил работу районных газет, но выводы, которые он сделал и сообщил в ОК КПБ, оказались «неправильными» [10, л. 23]. Цензор Витебского обллита Лазакович 4 года работал на последующем контроле всех районных газет, при проверке был критикуем за пассивность, т.к. не делал обобщений и предложений для обкома. Когда же в 1961 г. сделал два обобщения (об уровне грамотности ряда районных газет и антирелигиозной пропаганде на их страницах), вновь подвергся критике, так сказать, за «мелкотемье», и снят с последующего контроля. Теперь по рекомендации Главлита газеты на последующий контроль были распределены между всеми цензорами, но обобщений и предложений так и не появилось. А вышеупомянутые обобщения все же уволенного цензора фигурировали в отчете обллита за год уже как положительный пример.

С целью еще более жесткого контроля содержания газет, брошюр, материалов радио и телевидения Главлит стал требовать проверять последующим контролем всю продукцию сразу же после подписания ее «к печати» контролем предварительным, т.е. газет в полосах, книжно-журнальную продукцию в верстках. Все цензоры должны были работать на всех видах контроля.

В августе 1963 г. в структуре и функциях Главлита произошли очередные изменения. Его глава П.К. Романов разъяснял, что в соответствии с постановлением ЦК КПСС «Об упорядочении издательского дела в стране и повышении роли издательств в хозяйственном и культурном строительстве» от 1 августа 1963 г.

Главлит был включен в состав вновь созданного Государственного комитета Совета Министров СССР по печати [21, л. 34]. В сентябре был создан республиканский Госкомитет, в состав которого вошел Главлит БССР. На несколько лет его статус и роль снизилась.

Заключение. Охрана государственных и военных тайн существует во всех государствах. Но главной задачей советского Главлита была политико-идеологическая цензура. В своей деятельности он руководствовался указаниями не государственных, а политических структур – отдела агитации и пропаганды ЦК КПСС, его идеологической комиссии. Главлит БССР тесно взаимодействовал с ЦК КПБ, облиты находились в постоянном контакте с обкомами КПБ. Структура, функции и объем деятельности того или иного Управления по охране военных и государственных тайн в печати определялись политической, научно-технической, военно-экономической ролью и значением этого региона в жизни страны. В 1950-е гг. объем работы цензоров Витебского обллита был относительно невелик, здесь не издавалась сложная научно-техническая литература или особо значимая художественная периодика. Если московские цензоры контролировали более 400 газет, то витебские – только 30 местных газет (и только одна из них – областная). Однако с конца 1950-х гг. количество издаваемых в области книг, брошюр, научных сборников возрастает, а значит и растет уровень требований по качеству предварительной и последующей цензуры.

В начале 1950-х гг. цензоры Витебского обллита активно устраняли из содержания печатной продукции сведения, запрещенные к публикации, собственноручно делали многочисленные исправления всевозможного характера, был высок показатель вычерков политико-идеологического характера. С 1955 г. резко возрастают требования к общеобразовательному и профессиональному уровню цензоров (наличие высшего образования), ликвидируется институт цензоров-совместителей, уже сами редакторы, журналисты стали цензорами самих себя и понимали, что можно, а чего нельзя печатать, и предоставляли отфильтрованную информацию слушателю и читателю. Несмотря на «оттепель», принципиальных изменений в работе цензоров не произошло, попытки хотя бы смягчить цензурные ограничения не уда-

лись. В условиях повышенной секретности цензоры, кроме реальных, охраняли и огромное количество «псевдотайн».

Литература

1. Горяева, Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. / Т.М. Горяева. – М.: РОССПЭН. – 407 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: referati.me>...politicheskayatsenzura...goryaeva.html. – Дата доступа: 12.06.2013.
2. Государственный архив Витебской области (далее – ГАВО). – Фонд 3991. – Оп. 2. – Д. 2.
3. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 2. – Д. 11.
4. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 2. – Д. 10.
5. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 2. – Д. 14.
6. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 2. – Д. 12.
7. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 2. – Д. 25.
8. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 2. – Д. 36.
9. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 2. – Д. 16.
10. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 2. – Д. 30.
11. Матох, В. Цензура в БССР / В. Матох [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.belgazeta.by/ru/2007_07_23/arhiv_bg/14455]. – Дата доступа: 12.08.2013.
12. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 2. – Д. 21.
13. Письмо начальника Горьковского обллита Ф. Боронина Н.С. Хрущеву [10 августа 1956 г.] // Пресса в обществе (1959–2000). Оценки журналистов и социологов. Документы. – Издательство Московской школы политических исследований, 2000. – 616 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Eartist. – Дата доступа: 12.08.2013.
14. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 1. – Д. 3.
15. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 2. – Д. 19.
16. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 2. – Д. 27.
17. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 2. – Д. 20.
18. Ракашевич, В.К. Главлит БССР (1923–1991) / В.К. Ракашевич // Беларускі археаграфічны штогоднік. Вып. 1 / рэдкал.: Р.П. Платонаў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелНДДАС, 2000. – С. 178–189.
19. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 2. – Д. 17.
20. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 2. – Д. 29.
21. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 2. – Д. 32.
22. Гужалоўскі, А. Галоўліт БССР і палітычны кантроль у 1943–1991 гг. / А. Гужалоўскі // Беларускі гістарычны агляд. – Том 19. Сшыткі 1–2 (36–37). Снежань 2012 [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: belhistory.eu>guzaloski-alyaksandr-galoŭlit-bssr. – Дата доступу: 12.08.2013.
23. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 2. – Д. 26.
24. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 2. – Д. 9.

Поступила в редакцию 16.09.2013 г.

Принята в печать 30.12.2013 г.

УДК 327(73;510)“1993/2000”

Политика США в отношении Китая в 1993–2000 гг.

Косов А.П.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машиерова», Витебск*

В статье рассматривается эволюция внешней политики США в отношении Китая в годы президентства Б. Клинтона. Анализируются основные факторы и причины относительной успешности китайского вектора внешней политики Соединенных Штатов Америки в 1993–2000 гг. Особое внимание обращается на основные движущие силы внешнеполитического курса Вашингтона, особенно на внутривнутриполитическую борьбу в американском истеблишменте по «китайской проблеме». В первую очередь освещаются подходы американской администрации и конгресса к Китаю. В статье характеризуются политическая и военно-политическая составляющие стратегического курса Вашингтона в отношении КНР, рассматривается торгово-экономическое и гуманитарное взаимодействие, а также кризисы и проблемы между двумя государствами. Подчеркивается, что внешняя политика Соединенных Штатов в 1990-е гг. довольно эффективно сочетала в себе элементы вовлечения Китая в мировые дела и одновременно его сдерживания в военной сфере. Делается вывод об относительной успешности внешней политики США на китайском направлении в рассматриваемый период.

Ключевые слова: США, Китай, Тайвань, Клинтон, конгресс, внешняя политика, американо-китайские отношения, кризис, торгово-экономическое сотрудничество, демократия, права человека.

(Ученые записки. – 2013. – Том 16. – С. 46–57)

The U.S. Policy towards China in 1993–2000

Kosov A.P.

Educational establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article considers evolution of the foreign policy of the USA towards China under Clinton's presidency. Major factors and reasons of relative success of the Chinese vector in the US international policy in 1993–2000 are analyzed. Special attention is focused on basic motive forces of Washington foreign policy, especially, on internal political fight in the American establishment concerning Chinese issue. First of all approaches of the American administration and the Congress to China are presented. Political and military-political components of the strategic course of Washington concerning the People's Republic of China are characterized in the article, trade and economic as well as humanitarian interaction, crises and problems between the two states are considered. It is emphasized that the foreign policy of the United States in the 1990s quite effectively combined elements of involvement of China in world affairs and at the same time its control in the military sphere. Conclusion is made about relative success of the USA foreign policy on the Chinese direction during the considered period.

Key words: the USA, China, Taiwan, Clinton, Congress, foreign policy, U.S. – Chinese relations, crisis, trade and economic cooperation, democracy, human rights.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 16. – P. 46–57)

Сегодня проблема американо-китайских отношений привлекает самое пристальное внимание во всем мире. И это не удивительно, поскольку по целому ряду показателей США и КНР являются ведущими державами планеты и, по распространенному мнению, потенциальными соперниками за лидерство. Стремительное возвышение Китая и его превращение в одного из мировых лидеров началось в 1990-е гг. Поэтому представляется целесообразным проследить реакцию Соединенных Штатов Америки –

единственной сверхдержавы – на «китайский вызов» их положению глобального центра силы.

Проблема американо-китайских отношений в 1990-е гг. получила довольно полное освещение в мировой историографии. Конечно, в первую очередь к ней обратились американские и китайские исследователи. Среди наиболее известных американских авторов, развивших в своих работах развитие отношений между США и КНР, следует назвать

Адрес для корреспонденции: e-mail: alekos1979@mail.ru – А.П. Косов

Ф. Бергстена, Р. Бернштейна, Зб. Бжезинского, Г. Киссинджера, Н. Кристофа, П. Кругмана, Н. Ларди, К. Либерталя, Д. Лэмптона, Р. Манро, К. Менгеса, У. Оверхолта, Р. Паарлберга, Дж. Сигала, Р. Сьюттинджера, Р. Террилла, Л. Уорцела, Г. Фостера и др. В работах исследователей из США четко прослеживаются два основных подхода к оценкам китайского потенциала и возможной политике Соединенных Штатов в отношении Китая – жесткий и мягкий. В китайской историографии наиболее известными работами по данной проблематике являются труды Ван Цзинбо, Зонгуан Зи, Кво Вупина, Ш. Чена, Лю Цайци. В российской историографии американо-китайским отношениям посвящены исследования О.А. Арина, А.Д. Богатурова, А.Д. Воскресенского, А.С. Давыдова, Ю.М. Галеновича, Б.Н. Занегина, В.В. Михеева, М.Г. Носова, А.И. Уткина и др. К сожалению, в белорусской историографии работы по данной проблематике отсутствуют. Поэтому представляется весьма актуальным восполнить этот пробел.

Цель данной статьи – рассмотреть эволюцию китайской политики США в период президентства Б. Клинтона. Для этого необходимо проанализировать взгляды и подходы политико-академического сообщества Соединенных Штатов, проследить внутривнутриполитическую борьбу в Америке по вопросу отношений с Пекином, охарактеризовать ключевые аспекты внешней политики Вашингтона в отношении Китая, обратить внимание на основные события в американо-китайских отношениях.

Материал и методы. Предлагаемая статья основывается на материалах, почерпнутых из исследований российских, китайских и американских авторов. Было изучено большое количество информации, содержащееся в проанализированных источниках, а также исследованы различные авторские концепции и подходы к рассматриваемой проблеме, представленные в мировой историографии. Для написания статьи использовались как общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, обобщение), так и специально-исторические методы исследования (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический), а также нарративный метод и метод системного анализа, которые позволили раскрыть сущность политики США в отношении Китая в рассматриваемый период.

Результаты и их обсуждение. Приход в Белый дом новой администрации часто существенным образом влияет на расстановку внешнеполитических приоритетов Соединенных Штатов в мире, однако, как правило, не выходит за определенные долгосрочными стратегическими интересами государства общие рамки. В полной мере это касалось и китайской политики Вашингтона в 1990-е гг. Победа на президентских выборах в США Б. Клинтона стала неприятным известием для пекинского руководства, надеявшегося на переизбрание на второй срок Дж. Буша, политика которого во многом устраивала Китай. Известно, что еще во время президентской кампании 1992 г. кандидат от демократов критиковал политику республиканской администрации за безоговорочное продление КНР режима наибольшего благоприятствования (РНБ) в торговле, особенно после событий 1989 г. на площади Тяньаньмэнь. Неоднократно в своих выступлениях он заявлял, что китайское руководство должно добиться существенного прогресса на пути демократизации страны, чтобы получить благосклонное расположение Америки. Со своей стороны, по его мнению, Соединенные Штаты должны сделать все возможное, чтобы стимулировать данный процесс [2, р. 32]. Озвученную позицию прокомментировал один из членов клинтоновской команды и будущий госсекретарь США У. Кристофер, который отметил, что Соединенные Штаты будут стремиться демократизировать Китай мирными средствами – путем поощрения политической и экономической либерализации этой страны [4, р. 161]. Поэтому после своего прихода в Белый дом в 1993 г. администрация Клинтона попыталась придерживаться в своей политике в отношении Китая намеченной линии. Свидетельством этому стали слова советника президента по национальной безопасности Э. Лейка о том, что США готовы отказывать Китаю в РНБ до тех пор, пока пекинское руководство не либерализует свои внутренние институты [9, с. 495]. Об этом же говорил во время своей поездки в Пекин в мае 1993 г. и помощник госсекретаря по делам Азиатско-Тихоокеанского региона У. Лорд [4, р. 165]. В сентябре 1993 г. Э. Лейк выдвинул предложение причислять КНР к числу реакционных государств до тех пор, пока она не выполнит американские требования [9, с. 497]. Безусловно, это значительно ухудшило атмосферу американо-китайских отношений. Тем

не менее, несмотря на жесткий подход новой администрации к Китаю, уже весной 1993 г. ей и конгрессу 103-го созыва, в обеих палатах которого демократы тогда обладали большинством мест, удалось выработать единую позицию по КНР. В итоге 28 мая 1993 г. Б. Клинтон все же подписал указ о продлении Китаю РНБ на один год, правда, с условием, что после этого он будет или продлен, или отменен в зависимости от поведения Пекина [9, с. 497]. Очевидно, что американская администрация была вынуждена учитывать возрастающую роль КНР в мире, а также интересы как американского бизнеса, так и американских избирателей. Дело в том, что в случае лишения Китая РНБ Пекин неизбежно ввел бы ответные санкции в отношении американских товаров. Например, если бы КНР в начале 1990-х гг. прекратила закупать в США зерновые, потери американских фермеров составили бы около 1 млрд долл. [13, с. 91]. Ведь Китай являлся шестым по величине рынком экспорта американской сельскохозяйственной продукции. Поэтому одной из активно действовавших структур, играющих важную роль в лоббировании решения о продлении Вашингтоном РНБ, стала Американская федерация фермерских бюро (АФФБ), основанная еще в 1919 г.

Таким образом, уже в первый год пребывания Б. Клинтона в Белом доме выяснилось, что конфронтационный подход к Китаю по сути безрезультативен. Поэтому на прошедшем в ноябре 1993 г. неформальном саммите АТЭС в Сизгле, в ходе которого президент США Б. Клинтон и председатель КНР Цзян Цзэминь провели свою первую встречу, наметилось некоторое изменение китайской политики Вашингтона. Именно там американский лидер выразил намерение Соединенных Штатов улучшить отношения с Китаем. Во время встречи Б. Клинтон подтвердил, что США будут и впредь основываться на трех коммунике как на краеугольном камне американской политики «одного Китая» [9, с. 503]. Конечно, кардинально отказаться от озвученной год назад твердой линии в отношении КНР команда Клинтона в столь сжатые сроки не могла и не хотела, поскольку все еще исходила из своих идеалистических установок во внешней политике. Очередным подтверждением стал визит в Пекин госсекретаря У. Кристофера с целью решения вопроса о РНБ в марте 1994 г. Данный визит объяснялся истечением в июне этого года его срока

действия для КНР. Американский госсекретарь дал понять китайской стороне, что если она желает сохранить привилегии по сниженным торговым тарифам в дальнейшем, то должна достичь значительного прогресса в области соблюдения прав человека. Однако пекинское руководство восприняло позицию США в штыки [1, р. 237–238].

Натолкнувшись на твердую неуступчивость Пекина в вопросе о демократизации и правах человека американская администрация сделала вывод, что имеющиеся у сторон разногласия и расхождения по ряду вопросов уступают их потенциальным возможностям. Свою роль здесь сыграло прокитайское лобби в политическом истеблишменте США. Лоббистские группы оказывали существенное влияние на ежегодные дебаты в конгрессе по поводу отношения к Китаю. Существенно активизировало свою работу созданное Г. Киссинджером «Американо-китайское общество», куда вошли бывшие госсекретари А. Хейг, С. Вэнс, У. Роджерс, советники президента по национальной безопасности Зб. Бжезинский, Р. Макфарлейн, Б. Скаукрофт. Расширили деятельность такие направленные на сближение с КНР организации, как Национальный комитет американо-китайских отношений в Нью-Йорке [12, с. 84]. Нельзя не отметить и тот факт, что за необходимость нормализации отношений с Пекином стал выступать и пентагон, который в качестве основного вызова для безопасности США в регионе стал рассматривать прежде всего угрозу появления ОМУ в КНДР. Кроме того, в руководстве министерства обороны появились такие влиятельные сторонники сближения с КНР, как первый заместитель министра обороны, а затем с февраля 1994 г. министр обороны У. Перри и заместитель министра по вопросам международной безопасности Ч. Фримэн, который еще в ноябре 1993 г. посетил Китай и провел переговоры о сотрудничестве в области обороны [13, с. 92]. В итоге 26 мая 1994 г. Б. Клинтон объявил, что эффекта от прежней политики Вашингтона больше нет, и РНБ для КНР будет продлен еще на один год без каких-либо условий [9, с. 499]. Тем самым администрация давала понять, что идеологическая составляющая во внешней политике Соединенных Штатов отделяется от реальной политики. Этим шагом президент США попытался укрепить позиции на китайском направлении. Администрация Клинтона и ее сторонники в политическом истеблишменте пришли к выводу, что американские угрозы и

санкции против Китая не изменят его политическую систему. А вот курс на вовлечение КНР в мировое сообщество наоборот будет содействовать трансформации социально-политической системы Китая в направлении, нужном для Соединенных Штатов и мирового сообщества в целом [11, с. 93]. С точки зрения министра обороны У. Перри, политика сдерживания или изоляции КНР, которую предлагали некоторые представители политико-академического сообщества США, скорее нанесет урон национальной безопасности Америки, ускорит модернизацию НОАК, приведет к закрытию обширного китайского рынка для американских товаров и осложнит действия Соединенных Штатов в СБ ООН. По его словам, политика вовлечения должна была повлиять на поведение Китая в районах, где затрагивались национальные интересы США, например, на Корейском полуострове. В орбиту этой политики должна попасть и китайская армия, что позволит Вашингтону влиять на Пекин по таким сложным вопросам, как тайваньская проблема, проблема территорий в Южно-Китайском море и проблема распространения ОМУ [7]. Таким образом, политика вовлечения Китая укрепит стабильность в АТР, а заодно принесет значительные прибыли американским корпорациям. При этом, согласно Г. Киссинджеру, Б. Клинтон считал, что китайцы «обязаны» администрации Соединенных Штатов, поскольку своими действиями он защитил китайскую политику от конгресса, намеревавшегося, в силу действовавшего там сильного антикитайского лобби, окончательно отказать Пекину в предоставлении РНБ [9, с. 500]. Новая политика администрации вызвала поддержку многих представителей политических и деловых кругов Америки, поскольку, по их мнению, она могла способствовать снижению «китайского вызова» путем более тесного вовлечения Китая в мировые дела. Так, в это время процесс укрепления деловых связей с КНР стал частью стратегии крупных американских корпораций, таких, как «АйБиЭм», «Моторола», «Боинг», «Элайед Сайнел», «Американ интернешнл групп», «Юнайтед эйрлайнс», «Катерпиллер», «Артур Андерсон», «Дийр энд компания» и др. [12, с. 84]. Постепенно торгово-экономические отношения с Китаем приобретали для Соединенных Штатов фактор стратегического значения. Деловые круги США надеялись увеличить свою прибыль на китайском рынке, поскольку уже в 1994 г. американский дефицит в торговле с КНР составил

29,5 млрд долл., а через два года – приблизился к 40 млрд долл. В 1996 г. торговый баланс США составил: импорт из КНР – 45,5 млрд долл., а экспорт – 11,7 млрд долл. Таким образом, импорт из Китая уже в это время «отнимал» у США 700 тысяч рабочих мест [12, с. 73–74].

После состоявшихся 8 ноября 1994 г. промежуточных выборов в конгресс США 104-го созыва администрация Клинтона, проводя свою политику на китайском направлении, была вынуждена учитывать позицию Республиканской партии, одержавшей победу. Тем не менее, во время саммита АТЭС в индонезийском Богоре в ноябре 1994 г. Б. Клинтон одобрил пять принципов американо-китайских отношений, предложенных Цзян Цзэминем. Их суть заключалась в следующем:

- оба государства должны в полной мере принимать в расчет ситуацию в мире и учитывать долгосрочные интересы сторон в XXI в.;

- каждая держава должна уважать выбор другой и учитывать в двусторонних отношениях наличие различных социальных систем и идеологий, а также решать все проблемы между США и Китаем путем поиска компромиссов;

- развивать двусторонние торгово-экономические отношения на равной и взаимовыгодной основе;

- активизировать процесс двусторонних консультаций, касающихся мировой политики, включая решение проблем нераспространения ОМУ, защиты окружающей среды, туризма и усиления борьбы с наркоторговлей;

- активизировать двусторонний обмен мнениями, особенно на высшем уровне [7].

Правда, несмотря на публичное согласие Б. Клинтона с позицией руководства КНР, судя по заявлениям госсекретаря У. Кристофера, сами американцы видели развитие двусторонних отношений исходя из своих трех принципов:

- развитие Китая как открытого и безопасного государства;

- полная интеграция и активное участие КНР в международном сообществе;

- развитие диалога и устранение разногласий с Пекином, но без нанесения ущерба национальным интересам Америки [7].

Таким образом, Вашингтон не собирался ради соблюдения принципа равноправия с Пекином сдавать свои позиции в АТР. Подтверждением этому стало и выступление советника президента по национальной безо-

пасности Э. Лейка в 1996 г., в котором было подчеркнуто, что США обязательно должны сохранить за собой роль главной тихоокеанской державы и поэтому не потерпят соперничества ни с чьей стороны, в том числе и Китая. Тем не менее, несмотря на имеющиеся расхождения и противоречия, взаимоотношения США и Китая продолжали развиваться по нарастающей, свидетельством чему стали очередные встречи на высшем и высоком уровнях. Так, в октябре 1995 г. во время официальной встречи Б. Клинтона и Цзян Цзэминя в Нью-Йорке в рамках 50-летнего юбилея ООН американский президент вновь обратил внимание на необходимость налаживания с КНР «конструктивных контактов», подтвердив политику одного Китая. В результате данная встреча оказалась весьма важной в процессе выведения американо-китайских отношений на новый уровень развития.

Изменения в китайской политике администрации Клинтона вызвали острую критику со стороны части республиканцев и некоторых демократов, которые высказывались за политику сдерживания КНР, поскольку полагали, что Китай нес угрозу безопасности не только в регионе, но и в мире в целом. Эти оценки основывались на обвинениях Пекина в наращивании военной мощи, способствовании распространению ОМУ, технологий двойного назначения, отсутствии государственного экспортного контроля за ними, военном и промышленном шпионаже на территории Америки. Данные вопросы весьма волновали консервативную часть американских конгрессменов и сенаторов, а также консервативных представителей интеллектуального сообщества США и военных. Так, на протяжении 1990-х гг. отдельные американские законодатели требовали аккредитации посла при правительстве находящегося в изгнании Далай-ламы и признать независимость Тибета [12, с. 81–82]. Вообще среди антикитайского лобби популярными стали попытки оказания давления на КНР в связи с требованием свободы для Тибета. ЦРУ даже направило поддержку тибетскому сопротивлению.

Несмотря на отход еще первой администрации Клинтона от жесткой заидеологизированной позиции в отношении КНР в мае 1995 г. между США и Китаем разразился очередной кризис, связанный с тайваньским вопросом, который оставался самым острым в двусторонних отношениях. Конфликт произошел из-за выдачи американской визы тайваньско-

му президенту Ли Дэньхуэю в качестве частного лица посетить Корнуэльский университет в США, где он когда-то учился, вопреки решительным возражениям Пекина. Хотя, еще в апреле 1995 г. госсекретарь У. Кристофер заверял своего китайского коллегу, что согласие на визит тайваньского лидера несовместимо с политикой США на китайском направлении. Однако активизация протайваньского лобби в конгрессе в лице сенаторов Дж. Хелмса, Ф. Мурковски, А. Дамато, Р. Доула и др., а также лидера республиканцев в палате представителей Н. Гингрича поставила администрацию в трудное положение. Она была вынуждена дать согласие на визит Ли Дэньхуэя, что и привело к кризису. Законодатели из протайваньского лобби стали на защиту Тайваня вплоть до разрыва дипломатических отношений с КНР. Так, Н. Гингрич полагал, что Соединенные Штаты должны установить дипломатические отношения с Тайбэем «чтобы там ни случилось». И хотя через несколько дней он сбавил тон, но высказался таким образом: «Сейчас я не думаю, что мы должны признавать Тайвань. Но я думаю, что нам следует сказать КНР, что она должна каждое утро быть нам благодарной за то, что мы не признаем Тайвань, и вы должны воздавать нам почести за наше тонкое понимание вашей культуры» [7]. В знак протеста Пекин отозвал своего посла из Вашингтона и задержал выдачу агремана на кандидатуру нового американского посла в КНР Дж. Сассера [12, с. 504]. В итоге Соединенные Штаты были вынуждены отступить.

Однако в марте 1996 г. между двумя государствами произошел новый серьезный кризис. Подразделения НОАК (около 150 тыс. человек) провели военную демонстрацию в непосредственной близости острова, устроив учебные пуски боевых ракет в зоне Тайваньского пролива. Считается, что цель акции заключалась в оказании давления на тайваньских избирателей дабы помешать сторонникам независимости Тайваня добиться успеха на выборах. Действия Пекина были с тревогой восприняты в США. В американском конгрессе вновь усилились антикитайские заявления. Вашингтон решил послать две авианосные группы в Тайваньский пролив. По мнению Зб. Бжезинского, Пекин был встревожен возможностью того, что Тайбэй при поддержке Вашингтона может провозгласить свою независимость. Возможно, по этой причине КНР сознательно подвергла

испытанию решимость Америки, желая получить от американского правительства подтверждение обязательства, данного в свое время Р. Никсоном, а затем Дж. Картером, о проведении политики «одного Китая». В свою очередь президент Б. Клинтон, направив американские корабли в Тайваньский пролив, дал понять, что в случае возникновения боевых действий Соединенные Штаты не останутся в стороне. В то же время Вашингтон подтвердил свою позицию о том, что воссоединение Китая и Тайваня является вопросом времени, который будет решен мирным путем самими китайцами [8, с. 107].

В итоге до острой фазы кризиса дело так и не дошло. Пекин по дипломатическим каналам передал Вашингтону просьбу не вводить боевые корабли непосредственно в Тайваньский пролив. Администрация Клинтона официально ответила, что не может принять на себя обязательств, способных ограничить ее действия в поддержку Тайбэя. Но американские корабли так и не были введены в пролив, оставшись в непосредственной близости от него.

Хотя кризис и удалось урегулировать, Вашингтон пришел к выводу, что тактика давления на КНР оказались безрезультатной. По признанию бывшего посла США в Пекине Дж. Лилли в связи с событиями вокруг Тайваня, «мы плохо сработали. Политика по правам человека ... также провалилась» [7]. США были вынуждены изменить тактику поведения в отношении к КНР. Госсекретарь У. Кристофер отправился с визитом в Шанхай, где выступил в Фуданьском университете, объявив в своей речи о «новой эре» в американо-китайских отношениях, а также употребил слово «партнерство». В таком же духе прозвучало и заявление представителя госдепартамента Н. Бёрнса о том, что «Мы не можем позволить, чтобы (проблемы) Тайваня и прав человека доминировали в нашей политике» [7]. Данная тенденция нашла свое подтверждение и на форуме АТЭС в Маниле в ноябре 1996 г. в ходе встречи Б. Клинтона и Цзян Цзэминя, когда произошло урегулирование отношений между государствами. Председатель КНР подтвердил готовность Пекина активизировать свое участие в четырехсторонних переговорах по корейской проблеме. Президент США в свою очередь пообещал поддержать вступление Китая в ВТО [7]. После этой встречи в разное время были созданы американо-китайские смешанные комиссии по экономике, торговле, науке и технике, которые своим практичным и конструктив-

ным подходом способствовали развитию торгово-экономического сотрудничества, а также взаимопониманию между двумя странами, тем самым, придав новый динамизм двусторонним отношениям в целом.

Активизировалось сотрудничество Америки и Китая и в сфере обороны. Так, в октябре 1996 г. американцами были сняты введенные в 1989 г. ограничения на контакты между военными университетами США и КНР. А в декабре 1996 г. в ходе визита в Вашингтон китайского министра обороны Чи Хаотяня было принято решение о дальнейшем расширении сотрудничества военных ведомств двух стран [13, с. 93–94].

В то же время в соответствии с законом «Об отношениях с Тайванем» США соблюдали взятые на себя обязательства по обеспечению безопасности Тайваня, но характер и масштаб этих обязательств никогда не имел четкого определения. Это дало возможность Вашингтону использовать в тайваньском вопросе так называемую «стратегическую неопределенность»: чтобы ни Пекин, ни Тайбэй не представляли себе уровень и характер американской реакции на обострение ситуации в Тайваньском проливе. Тем не менее, в своей политике в тайваньском вопросе администрация Клинтона постоянно находилась между необходимостью предотвращения возможных попыток Китая решить данную проблему военной силой, с одной стороны, и поползновений Тайбэя обозначить собственную независимость – с другой. При этом администрация постоянно находилась под давлением конгресса, требовавшего усилить американские военные обязательства в отношении Тайваня [10, с. 8].

В 1996 г. в США прошли очередные президентские выборы. В ходе предвыборной кампании кандидат от Республиканской партии Р. Доул критиковал китайскую политику демократов. Он обвинял администрацию Клинтона в непоследовательности действий в отношении КНР и сдаче позиций Вашингтоном в АТР. По его мнению, Соединенные Штаты не должны бояться использовать силу, в том числе и военную. Однако, как известно, республиканцы потерпели поражение.

Одержав победу на президентских выборах 1996 г., Б. Клинтон продолжил политику по сближению с КНР. Принято считать, что нормализация американо-китайских отношений произошла в результате обмена визитами глав государств.

26 октября – 3 ноября 1997 г. состоялся государственный визит председателя КНР

Цзян Цзэминя в США. Это была первая официальная поездка главы КНР в США за последние 12 лет взаимоотношений, в ходе которой была опубликована совместная китайско-американская декларация, определяющая цели, принципы и магистральное направление развития американо-китайских отношений в XXI в. Стороны заявили о желании строить отношения «конструктивного стратегического партнерства» на основе принципов трех совместных коммюнике.

С 25 июня по 3 июля 1998 г. проходил визит Б. Клинтона в КНР. Обе стороны уточнили направления и рамки развития межгосударственных отношений в следующем столетии. Выступая 30 июня 1998 г. в Шанхае, президент США впервые открыто огласил то, что было названо в Китае политикой «трех нет»: «нет» – независимости Тайваня; «нет» – политике «двух Китаев» (или политике «один Китай, один Тайвань»); «нет» – принятию Тайваня в международные организации, членство в которых открыто только для суверенных государств [10, с. 8].

Обмен визитами на высшем уровне активизировал двустороннее сотрудничество во всех сферах и на всех уровнях. Так, с декабря 1997 г. в рамках ежегодных консультаций по проблемам обороны начал осуществляться американо-китайский стратегический диалог на высоком уровне [10, с. 5]. 17–20 января 1998 г. состоялся визит в Пекин министра обороны США У. Коэна, в ходе которого стороны подписали Соглашение о создании механизма активизации консультаций по вопросам морской военной безопасности между министерствами обороны Китая и США. В июне 1998 г. США и КНР подписали Соглашение о взаимном ненацеливании ракет [10, с. 5]. В сентябре 1998 г. министры обороны США и КНР провели консультации о проведении в жизнь достигнутого главами государств взаимопонимания в области военного сотрудничества, наметив целый ряд мероприятий в этом направлении. В этом же году была создана «горячая линия» между Вашингтоном и Пекином [10, с. 5]. Считается, что в сотрудничестве в военной сфере американская сторона увидела новые возможности сделать военную политику КНР более прозрачной и предсказуемой, а также получить возможность держать руку на пульсе китайских военных разработок. Кроме того, американские корпорации в рамках военного сотрудничества рассчитывали обеспечить себе свободный доступ на рынок вооружений КНР. Важное место в политике

США в отношении Китая занимала и проблема нераспространения ОМУ, которая стала одним из основных приоритетов политики вовлечения КНР. По словам второго помощника госсекретаря Р. Эйнхорна, с одной стороны, это было важно для обеспечения безопасности Соединенных Штатов, а с другой – Китай как ядерная держава и постоянный член СБ ООН мог сыграть важную роль в международных усилиях по ограничению распространения ОМУ [5].

Наиболее динамично между США и Китаем развивалось торгово-экономическое сотрудничество. За период с 1993 по 1999 г. объем двусторонней торговли между США и КНР вырос с 40,3 до 90 млрд долл. [10, с. 5]. Уже в середине 1990-х гг. объем американского экспорта в Китай перевалил за 10 млрд долл. В 1998 г. объем американского экспорта в КНР составил порядка 14,3 млрд долл., увеличившись почти на 1,5 млрд по сравнению с предыдущим годом. Китай занимал 12-е место среди экспортных рынков Соединенных Штатов, а с учетом реэкспорта американских товаров из Гонконга Китай – шестой по величине экспортный рынок. В 1990-е гг. китайский рынок для Америки был наиболее быстро растущим, увеличиваясь ежегодно в среднем на 15% [10, с. 19]. К концу десятилетия США смогли достичь довольно впечатляющих успехов в торгово-экономическом сотрудничестве с Китаем, несмотря на азиатский финансовый кризис 1997 г. и сохранение Пекином многочисленных тарифных и иных барьеров, которые планировалось устранить после вступления КНР в ВТО.

Однако по мере возрастания желания администрации Клинтона предоставить Китаю РНБ на постоянной основе и поддержать его прием в ВТО в политическом истеблишменте США активизировалось немало противников таких планов. Так, в сенате противников возглавил председатель комитета по иностранным делам Дж. Хелмс, который призвал не путать интересы американских бизнес-кругов с национальными интересами США. По его мнению, торговое соглашение с КНР противоречило национальным интересам страны, поскольку Китай не собирался отказываться от угроз Тайваню и улучшать ситуацию с соблюдением прав человека [11, с. 92]. Лидер большинства в сенате Т. Лотт еще до приезда китайской делегации заявил, что он будет против вступления Китая в ВТО [10, с. 20]. Против договоренностей были и некоторые члены кабинета Клинтона, в частности руководитель президентского аппарата Дж. По-

деста и министр финансов Р. Рубин. Их противодействие соглашению мотивировалось, прежде всего, тем, что на фоне конфликта в Косово и с учетом антизападной позиции Китая в этом вопросе дискуссия по проблеме развития отношений с КНР не будет способствовать росту популярности президента и Демократической партии [10, с. 20]. С точки зрения противников сближения с Китаем, экономическое заигрывание Америки с КНР не сможет его изменить. Как считал Дж. Хелмс, он по-прежнему остается «тираническим агрессором, занятым военным строительством и демонстрирующем свои враждебные намерения», несмотря на американские уступки ему [11, с. 92]. Среди других основных аргументов критиков соглашения с Китаем называлось несоблюдение Пекином обещания расширить американский доступ на свой рынок. Согласно президенту АФТ-КПП Дж. Суини, КНР не выполнила ни одного из обещаний, данных Соединенным Штатам с 1992 г.: об открытии рынка; о защите прав на интеллектуальную собственность; о прекращении использования труда заключенных; по текстильной торговле и т.д. [11, с. 92]. Все это очевидным образом указывало на то, что слишком многим в политическом истеблишменте США было не по душе, что Китай развивается слишком быстро и его становится все труднее контролировать. Можно согласиться с мнением китайского исследователя о том, что одним из важнейших факторов китайской политики Соединенных Штатов являлось отношение американской элиты и общественности к процессу модернизации и усиления КНР. Другими словами, ускорение китайской модернизации не всем виделось благоприятным для национальных интересов Америки [6, p. 119].

Во второй половине 1990-х гг., хотя и не в такой идеологизированной форме, как раньше, на повестке дня американо-китайских отношений продолжала находиться проблема прав человека. Более того, она являлась весомым камнем преткновения в американо-китайских отношениях. Подтверждением этому стало и американо-китайское заявление от 29 октября 1997 г., в котором говорилось о том, что между сторонами существует единственное крупное разногласие – это вопрос о правах человека. Правда, вскоре сторонам удалось добиться в этом направлении некоторого прогресса. Так, в 1998 г. Соединенные Штаты впервые не предложили антикитайскую резолюцию в Комиссии по правам

человека ООН в Женеве. Правда, в 1999 г. они вновь инициировали резолюцию, обвинявшую КНР в нарушении прав человека, но не слишком настаивали на ее принятии, считая, что в стране идут определенные позитивные изменения в этой сфере. Такие действия в отношении Китая стали объектом нападок на политику администрации Клинтона со стороны республиканцев и части консервативно настроенных демократов в конгрессе [10, с. 16–17]. Так, в 1997 г. конгресс выступил с девятью законодательными инициативами, требовавшими принятия против КНР мер в связи с экспортом товаров, произведенных заключенными, проведением насильственных абортов, религиозной нетерпимостью и т.д. Но ни одна из этих инициатив так и не стала законом [10, с. 17].

Для понимания проблемы прав человека важными являются несколько моментов. Во-первых, проблема прав человека и их соблюдения в ряде стран, в том числе и КНР, была популярной в американском общественном мнении и часто использовалась в демагогических целях, в том числе в конгрессе. К реальным целям и задачам Соединенных Штатов эта общественная «дискуссия» практически не имела никакого отношения, хотя порой и осложняла их отношения с другими странами. Таким образом, внутривнутриполитическая борьба в Вашингтоне между демократической администрацией и республиканским конгрессом, действия лоббистских групп оказывали существенное воздействие на атмосферу американо-китайских отношений.

Следует отметить наиболее неблагоприятные факторы, тормозящие двустороннее сотрудничество США и Китая на рубеже веков. Во-первых, это провал переговоров о вступлении Китая в ВТО в ходе визита премьер-министра КНР Чжу Жунцзи в апреле 1999 г. Он привез в Вашингтон длинный список мер по либерализации экономики Китая, что давало ему основание надеяться на американскую поддержку по вопросу о вступлении в ВТО. Пекин был готов выполнить американские требования по снижению тарифов на промышленные товары с 24,6 до 9,44% к 2005 г. и обеспечить значительное открытие телекоммуникационного и страхового рынков страны. Однако американцы ответили отказом, что было связано не с экономической стороной вопроса, а с внутривнутриполитической борьбой в США. Дело в том, что Б. Клинтон посчитал уступки, на которые был готов пойти Пекин, недостаточными для прохождения документа через конгресс, в котором резко усили-

лись антикитайские настроения в связи с негативным отношением Китая к действиям НАТО против Югославии. Кроме того, президент знал о негативном настрое АФТ-КПП в вопросе о приеме КНР в ВТО и стремился не раздражать профсоюзы, рассчитывая на поддержку ими кандидатуры вице-президента А. Гора на президентских выборах 2000 г. В итоге китайский премьер-министр вернулся из США лишь с весьма неопределенным обещанием Вашингтона продолжить переговоры о вступлении Китая в ВТО [10, с. 20].

Во-вторых, скандал вокруг кражи Китаем американских военных секретов. В мае 1999 г. сенатской комиссией Шелби был опубликован «Доклад по воздействию на национальную безопасность США экспорта в Китай передовых спутниковых технологий» и «Доклад об усилиях КНР по воздействию на политику США». В том же месяце комиссия Кокса обнародовала в палате представителей «Доклад об угрозах со стороны Китая военной и коммерческой безопасности США». Все доклады, обвинявшие Китай в нанесении ущерба американской безопасности, косвенно были направлены против политики администрации Клинтона. Фактически в документах Китай был представлен набирающим все большую силу соперником США, а не участником «конструктивного стратегического партнерства» [10, с. 7].

В-третьих, критика Пекином действий Вашингтона в отношении Ирака и НАТО в отношении Югославии из-за Косово. На официальном уровне из Пекина звучали довольно жесткие заявления и энергичные требования прекратить военные действия. Апогеем стала случайная бомбардировка авиацией НАТО посольства КНР в Белграде 8 мая 1999 г., в результате чего погибли трое китайских журналистов, множество людей получили ранения. Здание посольства было серьезно повреждено. Незамедлительно последовал взрыв стихийного антиамериканизма, который проявился в массовых, весьма эмоциональных выступлениях китайской молодежи. Китайское правительство в связи с этим заявило свой решительный протест и потребовало, чтобы НАТО и США понесли всю ответственность за случившееся. В ответ на это президент США Б. Клинтон принес открытые извинения, а позже американская сторона компенсировала Китаю материальный ущерб. После майских событий 1999 г. Пекин отменил визит своего министра обороны в Ва-

шингтон, прервал переговоры по нераспространению ОМУ и контролю за обычными вооружениями, а также по правозащитной проблематике.

В-четвертых, обострение двусторонних отношений из-за планов Вашингтона разместить в Восточной Азии элементы НПРО. Дело в том, что в конце 1990-х гг. в США была развернута активная кампания по раздуванию ракетной угрозы со стороны Китая. В представлении американских консерваторов для КНР ракеты – это единственный вид вооружений, развитию которых соответствует военно-промышленный потенциал страны и, по их мнению, развертывание элементов НПРО – это наиболее рациональный способ сдерживания Китая [10, с. 13]. Кроме того, американские планы развертывания ПРО ТВД в Азии вели к созданию в Тайваньском проливе дополнительной напряженности [10, с. 11]. Понятно, что на официальном уровне в Вашингтоне прямо не говорилось о том, что НПРО призвана защитить Соединенные Штаты и их союзников от российских и китайских ракет. Однако, очевидно, что для защиты от потенциальной ракетной атаки со стороны Северной Кореи или Ирана необходимости в создании столь мощной системы не было. В свою очередь негативная реакция Китая на планы США по развертыванию элементов НПРО оппонентами демократов была использована для нападок на политику Б. Клинтона в отношении КНР [10, с. 14].

В-пятых, новый всплеск противоречий в Тайваньском проливе, когда в июле 1999 г. президент Тайваня Ли Дэньхуэй в преддверии очередных президентских выборов заявил о необходимости рассматривать китайско-тайваньские отношения как «особые отношения между государствами». Накануне президентских выборов на Тайване в апреле 2000 г. США и КНР обменялись острыми предупреждениями, зафиксировав неизменность своих позиций относительно возможности силовых действий в отношении острова. Кроме того, 1 февраля 2000 г. палатой представителей подавляющим большинством голосов (341 – «за», 70 – «против») был принят проект закона «Об усилении безопасности Тайваня», что создало очередной повод для обострения ситуации в отношениях между США и Китаем [10, с. 9].

В-шестых, обострение американо-китайских отношений вызвала межпартийная борьба в рамках президентской кампании в США. Именно политику в отношении КНР республиканцы выбрали одной из главных мишеней для

критики демократической администрации Клинтона. Стереотипы восприятия КНР политической элитой США наложили свой отпечаток на формирование внешнеполитической платформы претендентов в кандидаты на пост президента в избирательной кампании 2000 г. Кандидат от Демократической партии А. Гор, являвшийся вице-президентом в администрации Клинтона, в целом выступал за продолжение развития диалога с Пекином. А вот республиканец Дж. Буш – мл., делал ставку на силовой вариант в отношениях с Китаем и призывал к борьбе за «американские ценности» [10, с. 16]. Так, в ноябре 1999 г. он заявил о том, что КНР необходимо рассматривать как соперника, а не стратегического партнера Америки. С резкой критикой Дж. Буш – мл. обрушился на китайские власти и по вопросу о правах человека и их соблюдению, заявив, что в этом плане необходим более жесткий подход, нежели тот, который проводила в жизнь администрация Клинтона. Республиканцы, как и демократы, понимали важность Китая для Америки, однако не были намерены ставить его в центр своей азиатской политики. По их мнению, американская политика в Восточной Азии должна была опираться, прежде всего, на Японию и Южную Корею. Кроме того, необходимо открыто поддерживать Тайвань, хотя и следовать концепции «одного Китая» [3].

В результате, согласно данным опроса, проведенного службой Гэллага, в конце 1990-х гг. лишь 21% американцев считали Китай «дружественной страной, хотя и не союзником» [11, с. 80]. При этом в апреле 1999 г. 39% американцев назвали Китай главной военной угрозой Соединенным Штатам. В первую очередь, такое восприятие Поднебесной объяснялось работой американских СМИ, которые зачастую раздували до огромных масштабов имевшиеся у Вашингтона и Пекина противоречия и формировали негативный образ этой страны в глазах американской общественности. Поэтому неудивительно, что в 1990-е гг. Китай для многих американцев по-прежнему представлялся коммунистическим государством, которым руководят те, кто в 1989 г. расстрелял студенческую демонстрацию на площади Тяньаньмэнь. К этому необходимо добавить и фактор традиционного мессианства американского общества, который играет немалую роль в формировании антикитайских настроений [10, с. 15].

Несмотря на имевшиеся у администрации Клинтона претензии к Китаю она попыталась несколько смягчить чрезмерную остроту, которая сложилась вокруг американо-китайских отношений. 15 ноября 1999 г. она согласилась поддержать прием КНР в ВТО и начала подготовительную работу по проведению своего решения через конгресс, что оказало позитивное воздействие на двусторонние отношения. В Белом доме придерживались мнения о том, что заключение торгового соглашения с Китаем и содействие его вступлению в ВТО отвечают национальным интересам США, поскольку это неизбежно приведет к еще большему открытию китайской экономики и, тем самым, более энергичному проведению глубоких рыночных реформ и демократизации КНР. В Вашингтоне считали, что, став членом ВТО, Китай не только сделает решающий шаг в сторону интеграции в мировую систему хозяйства, но и подчинится правилам интеграции, принятым в этой организации [11, с. 89].

Администрацией и стоящими за ней заинтересованными кругами не сбрасывалась со счетов и чисто экономическая составляющая американо-китайских отношений. К началу нового тысячелетия Соединенные Штаты превратились в крупнейший экспортный рынок Китая и во второго по величине (после Японии) его торгового партнера. В свою очередь, Китай стал для Америки четвертым торговым партнером (после Канады, Мексики и Японии соответственно). К тому же США к концу 1990-х гг. заняли третье место по объему инвестиций в китайскую экономику после Гонконга и Тайваня. Например, решение администрации поддержали крупные американские компании и ТНК, заинтересованные в расширении масштабов своих операций на китайском рынке, в частности президенты компаний «Боинг» Ф. Кондит и «Майкрософт» Б. Гейтс [10, с. 21]. Поэтому неудивительно, что большинство обвинений в адрес Пекина было парировано сторонниками сближения с Китаем аргументами выгоды такого сотрудничества для Америки. Кроме того, значительную роль успешного заключения американо-китайского соглашения сыграло одобрение американской поддержки вступления КНР в ВТО Далай-ламой [11, с. 93].

В этом плане важное значение имела встреча Б. Клинтона с Цзян Цзэмином в октябре 1999 г. в новозеландском Окленде. Не-

задолго до этого Пекин одобрил кандидатуру бывшего командующего тихоокеанскими силами США адмирала Дж. Пруера на пост американского посла в КНР. Кроме того, впервые после бомбардировки китайского посольства в Белграде кораблю ВМС США был разрешен заход в Гонконг [10, с. 10]. Затем в феврале 2000 г. Китай посетил первый заместитель госсекретаря С. Тэлботт, в ходе которого пекинское руководство дало свое согласие на визит помощника президента по национальной безопасности С. Бергера. Данные визиты означали снятие Пекином ограничений на контакты с представителями США на высоком политическом уровне и по военной линии, принятых в мае 1999 г. после американской бомбардировки китайского посольства в Белграде. Таким образом, в 2000 г. китайско-американские отношения были восстановлены в полном объеме и получили дальнейшее развитие. В этом же году на саммите тысячелетия ООН и неформальном саммите АТЭС состоялись очередные встречи Б. Клинтона и Цзян Цзэминя.

Анализируя процесс подписания двустороннего соглашения об условиях присоединения КНР к ВТО и закона о предоставлении Китаю РНБ на постоянной основе можно отметить следующее. Дело в том, что хотя конгресс США регулярно соглашался с президентом Б. Клинтон по вопросу продления этого режима, обычно в палате представителей вносилась резолюция об отмене РНБ для Китая в торговле с Соединенными Штатами. В 1999 г. эта резолюция прошла в нижней палате конгресса с соотношением 260 против 170 голосов в пользу продления РНБ.

Заинтересованные в сотрудничестве с Китаем бизнес-круги Америки вложили миллионные средства в лоббирование законопроекта о РНБ в конгрессе, который был окончательно утвержден в сентябре 2000 г. В итоге 10 октября 2000 г. президент Б. Клинтон подписал закон о предоставлении КНР РНБ на постоянной основе, а не на один год. В свою очередь КНР приняла на себя определенные обязательства по открытию своей экономики для действий американского бизнеса [11, с. 89]. В этом процессе серьезное давление на администрацию Клинтона оказали министерства финансов и торговли США, посчитавшие, что политические ограничения в отношениях с Пекином в конечном итоге приведут к невосполнимой потере американских позиций на обширном китайском рынке [10, с. 21]. Сторонники сближения с Китаем сравнили подписание соглашений с Пекином по своей важности с прибытием в Кан-

тон за 216 лет до этого события первого американского корабля «Императрица Китая» с 28 тоннами женьшеня, собранного на склонах гор Аппалачи. Один из руководителей Торговой палаты США Б. Джостен отметил, что голосование в конгрессе по вопросу утверждения соглашения было самым важным голосованием по внешнеэкономическим вопросам за предшествующие 25 лет и останется таковым в последующие четверть века. По мнению сенатора М. Бокуса, в результате заключения торгового договора американо-китайское взаимодействие в течение ближайших 20–30 лет будет иметь «самое прямое воздействие на качество жизни в Америке» [11, с. 92]. На это событие как кульминацию усилий, предпринимавшихся обеими политическими партиями в США на протяжении 30 лет в пользу нормализации всего комплекса отношений с Китаем, указал на церемонии по случаю подписания данного закона и президент Б. Клинтон. По его словам, вступление КНР в ВТО обеспечит американским товарам лучший доступ на китайский рынок во всех сферах от сельского хозяйства до телекоммуникаций и автомобилестроения, тогда как КНР не получит никаких новых возможностей доступа на американский рынок, по сути оставшись на прежних позициях. К тому же, как заявил президент США, вступая в ВТО Китай возьмет на себя обязательства играть по тем же правилам, что и Америка [10, с. 21]. Аргументируя достижение принципиальной договоренности о поддержке Соединенными Штатами вступления КНР в ВТО, помощник президента по национальной безопасности С. Бергер и экономический советник президента Д. Сперлинг подчеркивали, что это подтолкнет развитие Китая «в правильном направлении», подорвет в Пекине позиции сторонников сохранения жесткой политической системы, а также поспособствует развитию в стране экономической и политической свободы. Правда, оба признавали, что членство в ВТО не давало гарантий в том, что китайские лидеры сделают выбор в пользу политических реформ.

В целом китайская политика Клинтона, особенно его второй администрации, выглядела достаточно стабильной и эффективной. Она строилась на прагматической основе с минимумом идеологии.

Заключение. Таким образом, китайская политика США в годы президентства Б. Клинтона довольно эффективно сочетала в себе элементы вовлечения Китая в мировые дела и одновременно его сдерживания. За восемь лет его президентства Вашингтон на китайском направле-

нии проделал значительную эволюцию от идеалистических попыток оказать давление на Пекин с целью его демократизации к прагматическому сотрудничеству с КНР в американских интересах. Администрация Клинтона стремилась не допустить, чтобы усиление Китая нарушало важнейшие национальные интересы США, и одновременно избежать бесплодной конфронтации с Пекином. В процессе формирования китайской политики Соединенных Штатов отчетливо проявились различия подходов к отношениям с КНР президентской администрации и конгресса. С одной стороны, администрация Клинтона была вынуждена учитывать фактор возвышения Китая как потенциального конкурента с чуждыми США идеологией, системой ценностей и моделью развития в региональном, а в перспективе, и глобальном масштабе, с другой – набирающего вес партнера в политической, военной и торгово-экономической сферах. Конгресс, рассматривающий двусторонние отношения как набор отдельных проблемных вопросов вне контекста региональной и глобальной политики США и находящийся в зависимости от электората и под влиянием протайваньского лобби, демонстрировал антикитайскую направленность и постоянно оказывал определенное давление на исполнительную власть в вопросах китайской политики. Поэтому критика политического режима Китая американской общественностью и политической элитой США в 1990-е гг. носила скорее демагогический характер, поскольку для Соединенных Штатов были более выгодны нормальные отношения с Китаем, нежели, контакты, построенные на конфронтации. В целом же, китайская политика Клинтона, несмотря на имевшие место кризисы в двусторонних отношениях, была достаточно успешной для Вашингтона.

Литература

1. Christopher, W. Chances of a Lifetime / W. Christopher. – N.Y.: Scribner, 2001. – 320 p.
2. Lampton, D.M. Same Bed, Different Dreams: Managing U.S. – China Relations, 1989 – 2000 / D.M. Lampton. – Berkeley: University of California Press, 2001. – XIII+498 p.
3. Republican Party Platform of 2000. July 31, 2000 // The American Presidency Project [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=25849#axzz2j8u62sn5>. – Date of access: 27.10.2013.
4. Suettinger, R. Beyond Tiananmen: The Politics of U.S. – China Relations, 1989 – 2000 / R. Suettinger. – Washington, D.C.: The Brookings Institution, 2003. – 556 p.
5. Testimony of Robert J. Einhorn. Deputy Assistant Secretary of State for Nonproliferation. House Committee on International Relations. Hearing on U.S. – China Nuclear Cooperation Agreement. February 4, 1998 // Federation of American Scientists [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.fas.org/spp/starwars/congress/1998_h/h980205e.htm. – Date of access: 17.10.2013.
6. Zi, Zhongyun. U.S. – China Relations. Breaking a Vicious Circle / Zhongyun Zi // World Policy Journal. – 1999. – Vol. 16, № 3. – Fall. – P. 119–123.
7. Арин, О.А. Азиатско-тихоокеанский регион: мифы, иллюзии и реальность / О.А. Арин // Персональный сайт Олега Арина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rusglobus.net/Arin/books/ATR/main.htm>. – Дата доступа: 17.02.2013.
8. Бжезинский, Зб. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы / Зб. Бжезинский. – М.: Международные отношения, 2010. – 192 с.
9. Киссинджер, Г. О Китае / Г. Киссинджер. – М.: Астрель, 2013. – 635 с.
10. Носов, М.Г. Политика США в отношении Китая / М.Г. Носов // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2000. – № 7. – С. 3–25.
11. Парканский, А.Б. Экономические отношения США с Китаем в начале XXI века / А.Б. Парканский // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2002. – № 6. – С. 80–94.
12. США на рубеже веков / отв. ред. С.М. Рогов. – М.: Наука, 2001. – 496 с.
13. Тимофеев, О.А. Америко-китайские отношения на современном этапе: события, процессы, тенденции / О.А. Тимофеев // Современный Китай в системе международных отношений / А.А. Киреев [и др.]; отв. ред. Д.В. Буяров. – М.: Либроком, 2013. – С. 82–127.

Поступила в редакцию 02.12.2013 г.

Принята в печать 30.12.2013 г.

УДК 930.253(476)“1941/1944”

Дырэктывы “Карычневай папкі” для германскай цывільнай адміністрацыі па вядзенні фінансавай гаспадаркі на акупаванай тэрыторыі Беларусі 1941–1944 гг.: крыніцазнаўчы аналіз

Куракова І.Я.

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”, Віцебск

У артыкуле праведзены крыніцазнаўчы аналіз VI і VII раздзелаў арыгінальнага нямецкага дакумента – “Braune Mappe (Карычневай папкі)”, які ўтрымлівае ключавыя дырэктывы па вядзенні нямецкай цывільнай адміністрацыяй фінансавай гаспадаркі на захопленай тэрыторыі Беларусі ў 1941–1944 гг. Кантэкст уведзеных дакументальных матэрыялаў спрыяе больш аргументаванаму аналізу асобных аспектаў гісторыі ваеннай наўсядзённасці. Артыкул утрымлівае навуковую экспертызу дырэктыў, загадаў і распараджэнняў у сферы фінансаў з улікам іх папярэдняга вывучэння айчыннымі гісторыкамі. Надаецца ўвага разгляду дакумента ў працэсе яго трансфармацыі ў гістарычную крыніцу. На аснове праведзенага аналізу вызначаецца навуковая значнасць і інфарматыўны патэнцыял новай архіўнай знаходкі. Яе крыніцазнаўчы аналіз набліжае даследчыкаў да вывятлення малавядомых аспектаў германскай акупацыйнай палітыкі ў Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны.

Ключавыя словы: Вялікая Айчынная вайна, Braune Mappe (Карычневая папка), германскі акупацыйны рэжым, цывільная адміністрацыя, крыніцазнаўчы аналіз.

(Ученые записки. – 2013. – Том. 16. – С. 58–63)

Directives of the “Brown File” for German Civil Administration on Economic Affairs on the Occupied Territory of Belarus in 1941–1944: Analysis of Sources

Kurakova I.Ya.

Educational establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

Source analysis of Chapters VI and VII of the original German document “Braune Mappe (Brown File)” is conducted in the article. The File contains major directives on the German administration financial affairs on the conquered territory of Belarus in 1941–1944. The context of the introduced documental materials facilitates a more substantiated analysis of separate aspects of the history of war chores. The article contains scientific expertise of the directives, orders and regulations in financial sphere considering their previous study by national historians. Attention is paid to considering the document in the process of its transformation into a historical source. On the basis of the analysis the research significance as well as information potential of the new archive finding is singled out. Its source analysis brings the researchers closer to finding out little-known aspects of the German occupation policy in Belarus during the Great Patriotic War.

Key words: Great Patriotic War, Braune Mappe (Brown File), German occupation regime, civil administration, source analysis.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 16. – P. 58–63)

У сучаснай гістарычнай навуцы зроблены значны крок наперад у вывучэнні шэрагу арыгінальных дакументальных крыніц па праблеме эканамічнай палітыкі германскіх акупацыйных улад на Беларусі падчас Вялікай

Айчыннай вайны. Стымуляваўся навуковы інтарэс знікненнем савецкіх ідэалагічных бар’ераў і расакрэчваннем архіўных фондаў. Толькі ў цяперашні час узніклі спрыяльныя абставіны для ўсебаковага даследавання “Карычневай папкі”.

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: ina_kurakova@tut.by – І.Я. Куракова

Савецкія гісторыкі не звярталі сур'ёзнай увагі на вызначаную праблему. Зусім кароткія звесткі пра “Карычневую папку” ўтрымліваюць толькі асобныя савецкія выданні [1, с. 669]. У такім жа кантэксте дакумент на той час падавала і беларуская савецкая гістарыяграфія [2, с. 24–25]. Поўнай яснасці аб сутнасці самой “Карычневай папкі” не дае і тая яе частка, якая ў 1960-я гады ўпершыню была надрукавана як “основные распоряжения и указы А. Розенберга” [3, с. 57]. У 1980-я гады савецкая гістарыяграфія нават у фундаментальнай энцыклапедыі “Великая Отечественная война 1941–1945 гг.” не прыводзіць ніякай згадкі пра “Дырэктывы па вядзенні гаспадаркі” германскай цывільнай адміністрацыі на часова захопленай усходняй тэрыторыі [4, с. 511, 816–817]. Такі падыход да дакумента не змяніўся ні ў сучаснай расійскай [5, с. 121], ні ва ўкраінскай гістарыяграфіі [6, с. 700]. Прычым у апошняй “Карычневую папку” працягваюць памылкова атаясамліваць з “Зялёнай папкай” Г. Герынга ад 16 чэрвеня 1941 г.: “*Основні розпоряджэння та наказі імперскага міністра акупаваных східных абласцей по щодо керівництву ними входили до «Зеленой папки» і называлися «Коричнева папка»*” [7, с. 776].

На пачатку 2000-х гадоў беларускім гісторыкам С.Я. Новікавым у манаграфіі “Эканамічная палітыка нацысцкай Германіі ў Беларусі 1941–1944 гг.” былі апублікаваны асобныя раздзелы “Карычневай папкі”, якія датычыліся дзейнасці германскай цывільнай адміністрацыі ў сферы прамысловай вытворчасці, сельскай і лясной гаспадарак, дрэваапрацоўкі і працоўных рэсурсаў [1]. Аўтар звярнуў увагу на тое, што размова ідзе пра цалкам іншы дакумент – асобную крыніцу, якая ўтрымлівала дырэктывы, загады і распараджэнні гэтак званага Усходняга міністэрства на чале з А. Розенбергам для вядзення гаспадаркі на тэрыторыі Рэйхскамісарыятаў Остланд (адпаведна, Частка I) і Украіна (Частка II “Карычневай папкі”). Адным з важных вынікаў упершыню праведзенага даследавання з’яўляўся археаграфічны аналіз дакумента ў аспекце паказу фактычных вынікаў правядзення германскай эканамічнай палітыкі на акупаванай тэрыторыі Беларусі 1941–1944 гг. Сярод даследчыцкіх знаходак неабходна адзначыць таксама вывучэнне нямецкамоўнай першакрыніцы на аснове выкарыстання метаду кампаратыўнага аналізу, яе параўнанне з

іншымі дырэктывамі, загадамі і распараджэннямі германскай ваеннай і цывільнай адміністрацыі.

Арыгінал “Карычневай папкі” зберагаецца ў Федэральным ваенным архіве Германіі (Фрайбург). Колькасная наяўнасць копіяў і дублікатаў дакумента пакуль не вызначана. Матэрыялы для дадзенай працы аўтарам выяўлены ў фондзе Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (НАРБ, фонд 652). Працяглая захаванасць дакумента неапублікаваным у савецкі час тлумачыцца закрытасцю трафейных фондаў, грыф сакрэтнасці для якіх у Беларусі быў зняты толькі ў пачатку 1990-х гадоў. Магчыма, што другой прычынай працяглай закрытасці з’яўлялася мова (нямецкая) арыгінальнай крыніцы. Гэта зацягвала працэс археаграфічнай апрацоўкі і навуковага аналізу ўнікальнага дакумента. Таму прапанаваны матэрыял фактычна ўпершыню знаёміць чытацкую аўдыторыю са зместам вышэй названых раздзелаў выяўленай крыніцы.

На цяперашні час праведзена крыніцазнаўчая характарыстыка толькі першых чатырох (з 10) раздзелаў дакумента без купюр і скарачэнняў. Таму актуальнымі застаюцца пытанні адносна: 1) увядзення ў навуковы ўжытак пакуль малавядомых частак дакумента; 2) правядзення крыніцазнаўчага і археаграфічнага аналізу новых матэрыялаў асноўных раздзелаў і дадаткаў; 3) даследавання арыгінальнай першакрыніцы ў аспекце паказу рэчаіснасці паўсядзённага мірнага жыцця беларускага насельніцтва за часам германскай акупацыі Беларусі 1941–1944 гг.

Мэта артыкула – крыніцазнаўчы і археаграфічны аналіз шостага і сёмага раздзелаў “Карычневай папкі”, вызначэнне ступені навуковай верагоднасці дакумента і паказ магчымасці яго далейшага выкарыстання.

Матэрыял і метады. Крыніцазнаўчую базу даследавання складае архіўны дакумент “Карычневая папка” (НАРБ, фонд 652, вопіс 1, справа 2, аркушы 1–39). Дакумент уяўляе сабой дырэктывы вышэйшага кіраўніцтва Рэйха і з’яўляецца адным з базавых па вырашэнні акупацыйнай адміністрацыі эканамічных і палітычных задач на новазаятых усходніх тэрыторыях у рамках дзейнасці адміністрацыйна-тэрытарыяльных структур ад Рэйхскамісарыятаў Остланд і Украіна да генеральных камісарыятаў Беларусь, Літва, Валынь-Падолія і Жытомір. Вывучэнне

дадзенай крыніцы дазваляе раскрыць асаблівасці практычнага вырашэння пастаўленых нямецкімі ўладамі задач на захопленай тэрыторыі Беларусі.

У ходзе правядзення даследавання аўтар абавіраўся на прынцыпы гістарызму, аб’ектыўнасці. Былі выкарыстаны метады крыніцазнаўчага, археаграфічнага і тэксталагічнага аналізу дакументальнай крыніцы, а таксама рэтраспектыўны метады, што дазволіла даць ацэнку дзейнасці нямецкіх акупацыйных улад з пункту погляду іх вынікаў і наступстваў у фінансава-эканамічнай палітыцы на акупаванай тэрыторыі Беларусі.

Вынікі і іх абмеркаванне. Стварэнне “Карычневай папкі” адбывалася да пачатку ваеннай агрэсіі нацысцкай Германіі супраць СССР. Непасрэдна дырэктывы былі ўведзены 17 ліпеня 1941 г. У сувязі са зрывам плана “бліцкрыга” ваенна-палітычнаму кіраўніцтву Германіі неабходна было тэрмінова ўнесці змены як у агульную стратэгію цывільнага кіравання, так і вядзенне гаспадаркі на новазанятых усходніх тэрыторыях. Таму дырэктывы “Карычневай папкі”, якія вызначалі механізмы правядзення эканамічнай палітыкі, уступілі ў сілу толькі ў красавіку 1942 г. Яны датычыліся сферы цывільнага кіраўніцтва, гэта значыць былі абавязковымі для выканання на тэрыторыі Рэйхскамісарыятаў Остланд і Украіна. Дакумент напісаны на нямецкай мове, апублікаваны ў друкарні выдавецтва “*Otto Stollberg bei H. Wigankow*” (г. Берлін). На вокладцы дакумента мелася пазнака “*Nur für den Dienstgebrauch*” (толькі для службовага выкарыстання. – *І.К.*) [8, арк. 1]. Дадзены збор распараджэнняў і загадаў быў падрыхтаваны Імперскім міністэрствам па захопленых усходніх тэрыторыях А. Розенберга, з’яўляўся працягам і дадаткам да “Зялёнай папкі” Г. Герынга (“Дырэктывы па вядзенні гаспадаркі на новазанятых усходніх тэрыторыях”).

Арыгінальная назва дакумента – “*Die Zivilverwaltung in den besetzten Ostgebieten (Braune Mappe). Teil A: Richtlinien für die Wirtschaftsführung*” – “Цывільнае кіраванне на занятых усходніх тэрыторыях (Карычневая папка). Частка А: Дырэктывы па вядзенні гаспадаркі”. Дырэктыўныя матэрыялы невыпадкова мелі такую назву. Паводле ацэнак беларускага гісторыка С.Я. Новікава, тут кожнае слова назвы мае сваё значэнне, асэнсаваць якое можна толькі ў кантэксце аналізу іх гістарычнай сутнасці. Аўтар звяртае увагу

чытача на два ключавыя тэрміны ў назве дакумента: адпаведна – *цывільнае кіраванне і вядзенне гаспадаркі*. Першы тэрмін не дае падстаў для варыятыўнага разгляду сутнасці той дзейнасці, якая вынікала непасрэдна з самога словазлучэння для цывільнай адміністрацыі. Другі тэрмін мае варыянты. У рамках традыцыйнага падыходу ён ужываецца з азначэннем “кіраванне эканомікай”, але ў такім выпадку атрымліваецца, што цывільнай адміністрацыі, якая дзейнічала на захопленай тэрыторыі Беларусі, трэба было забяспечваць толькі кіраванне сваімі структурамі без уліку самага галоўнага для перыяду вайны – выканання на месцах усіх дырэктыў, загадаў і распараджэнняў. Гістарычная рэчаіснасць паказвае адваротнае, таму схіляе да надання якраз другога значэння гэтаму тэрміну – *вядзенне гаспадаркі* [3, с. 58].

Аператыўнае значэнне “Карычневай папкі” вызначалі дырэктыўныя ўказанні для дзейнасці германскай цывільнай адміністрацыі на тэрыторыі Рэйхскамісарыятаў Остланд і Украіна. Згодна з дырэктывамі, органы выканаўчай улады гэтых зон акупацыі ў якасці аб’екта для сваёй дзейнасці бачылі не толькі вытворчы патэнцыял рэгіёнаў, але і выкарыстанне мясцовых людскіх рэсурсаў у якасці рабочай сілы. Насельніцтва пастаянна выконвала шэраг ваенных павіннасцей, працавала на карысць акупантаў і на прапанаваных імі ўмовах, карысталася “акупацыйнымі” грашыма (ваеннымі, спецыяльна ўведзенымі новай нямецкай уладай з мэтай рабавання фінансавых рэсурсаў захопленых тэрыторый і насельніцтва), набываць і прадаваць тавары па вызначаных нямецкімі ўладамі цэнах. Дырэктывы змяшчаюць і іншыя канкрэтныя звесткі і асаблівасці паўсядзённага жыцця мірнага беларускага насельніцтва, якое апынулася пад уладай германскіх акупантаў. Таму ацэнку практычнай значнасці дакументальнай крыніцы выявіць не так складана. Без аналізу дадзеных звестак немагчыма абгрунтавана казаць пра фінансава-эканамічную палітыку нямецкіх акупацыйных улад на Беларусі і рэканструяваць паўсядзённае жыццё беларускага насельніцтва падчас 1941–1944 гг.

Аналіз тэксту вызначаных раздзелаў дазваляе выявіць некаторыя асаблівасці дзейнасці нямецкіх акупацыйных улад з пункту погляду іх вынікаў для фінансава-эканамічнай палітыкі на захопленых усходніх тэрыторыях.

Раздзел VI мае назву “*Geld-, Bank- und Kreditwesen, Devisenbewirtschaftung*” (грашо-

вая, банкаўская і крэдытная сістэмы, сістэма валютнага кантролю. – I.K.). Дадзеная частка дакумента змяшчае інфармацыю па 7 падраздзелах і датычыцца крэдытна-грашовай палітыкі, дзейнасці цэнтральных эмійных банкаў, кампетэнцыі Імперскіх крэдытных кас, грашовага забеспячэння, сістэмы крэдытавання, банкаўскай палітыкі і банкаўскай справы для Рэйхскамісарыятаў Остланд і Украіна, сістэмы валютнага кантролю. Гэта пералік тых фінансавых галін, якія выклікалі найбольшы інтарэс у захопнікаў, бо менавіта яны павінны былі забяспечваць ваенныя фінансавыя патрэбы і выдаткі. Выканаўцамі пастаўленых у дырэктывах задач былі розныя гаспадарчыя службы і само кіраўніцтва цывільнай адміністрацыі, аднак каардынацыя іх дзейнасці кантралявалася на самым вышэйшым узроўні.

“Усе крэдытна-грашавыя мерапрыемствы могуць праводзіцца толькі на папярэдняй згодзе ўпаўнаважанага на чатырохгадовым плане, а таксама рейхсміністэрства на занятых усходніх тэрыторыях, якія, са свайго боку, кіруюцца загадамі вышэйшых органаў улады Рэйха” [8, арк. 29].

Усе фінансава-эканамічныя пытанні разглядаліся ў дырэктывах згодна з тэрытарыяльным прынцыпам, а таксама ў залежнасці ад эканамічнага і палітычнага стану развіцця рэгіёнаў. Па задумцы германскага кіраўніцтва геаграфія працы сеткі банкаўскіх устаноў, іх дзейнасці мела сваю спецыфіку ў залежнасці ад адміністрацыйна-тэрытарыяльнага падзелу Беларусі ў 1941–1944 гг. Найбольш дакладна з адным з важных напрамкаў дзейнасці нас знаёміць наступная вытрымка з дакумента:

“У Остландзе банкаўская сістэма ствараецца па нямецкім узору. Наяўныя банкаўскія структуры захоўваюцца толькі на кароткі пераходны перыяд... Павінны быць створаны як прыватныя, так і грамадскія крэдытныя ўстановы... Так як банкаўская дзейнасць з’яўляецца дапаможным сродкам эканомікі, яе неабходна наступова развіваць... У адрозненне ад Остланда, стварэнне банкаўскай сістэмы на Украіне можа быць менш прывязана да прынцыпаў банкаўскай дзейнасці Рэйха... Тут усімі бягучымі фінансавымі пытаннямі павінна займацца адна банкаўская арганізацыя на грамадска-прававой аснове. Галоўнай яе задачай павінна стаць збіранне грашовай масы,

якая будзе пастаянна павялічвацца з-за недахопу спажывецкіх тавараў... Акрамя таго, усе прадпрыемствы, якія працуюць на дадзенай тэрыторыі, павінны весці свае грашавыя разлікі праз адзіны банк... Такім чынам вырашаецца пытанне аб пачатковым банкаўскім капітале” [8, арк. 30–31].

Што да валютнай палітыкі, у дакуменце згадваецца:

“Ствараецца сістэма валютнага кантролю на акупаваных усходніх тэрыторыях, якая фарміруецца з дапамогай дэвізнага (валютнага) права. Галоўная задача дадзенай сістэмы – прадухіліць адток грошай з тэрыторыі Рэйха праз мяжу да захопленых усходніх тэрыторый. Гэтану адпавядаюць ужо выдадзеныя «пастановы аб валютным праве для Остланда» ад 29 лістапада 1941 года і пастановы для Украіны... Неабходнасць валютнага кантролю выклікана асаблівымі эканамічнымі ўмовамі гэтых тэрыторый (больш нізкі ўзровень цэн і зароботнай планы і г.д.)” [8, арк. 31–32].

Аналіз зместу прыведзеных частак крыніцы сведчыць аб іх інфарматыўнасці. Адзначым, што ў крыніцы даследчыкі могуць выявіць некаторыя ўжо прынятыя ў айчыннай гістарыяграфіі моманты, якія датычацца факта наяўнасці фінансава-эканамічных структур у Рэйхскамісарыятах Остланд і Украіна. Аднак інфарматыўнасць дадзенага дакумента значна шырэйшая. Крыніца не толькі адлюстроўвае тыповыя з’явы і працэсы, а таксама дакладна паказвае іх асаблівасці, якія праходзілі ў дадзены перыяд часу. Доказам гэтай высновы з’яўляюцца ідэнтычныя факты, якія мелі адбітак у розных нарматыўна-прававых актах і іншых дакументах, прынятых цывільнай адміністрацыяй на месцах. Звесткі, якія ўтрымлівае дакумент, з’яўляюцца сапраўднымі і дакладнымі, што пацвярджаецца шэрагам іншых фактаў.

Пры вызначэнні інфарматыўнай важнасці неапублікаваных раздзелаў нямецкамоўнай першакрыніцы мы карыстаемся крытэрыямі кумулятыўнасці і дакладнасці дакумента.

Крытэрыі кумулятыўнасці – гэта ступень уздзеяння дакумента на працэсы мінулага. У рамках дадзенага крытэрыя “Карычневая папка” з’яўляецца дырэктывым дакументам, а значыць вызначальным пры арганізацыі кіравання на захопленых усходніх тэрыторыях з цывільнай адміністрацыяй. Адсюль –

аналізуемы архіўны дакумент намі разглядаецца ў якасці базавай (зыходнай) крыніцы для навуковага тлумачэння.

Крытэрыі дакладнасці дакумента – гэта вызначэнне яго носьбіта і рэквізітаў, ступені адпаведнасці падаваемай інфармацыі. Тут трэба адзначыць, што крыніца мае ўсе неабходныя элементы падцвярджэння сваёй арыгінальнасці. Акрамя таго, аналіз шматлікіх трафейных дакументаў розных беларускіх і ўкраінскіх архіваў перыяду акупацыі сведчыць аб пастаянным кіраўніцтве гэтымі дырэктывамі і прававымі ссылкамі на іх наяўнасць розных структур нямецкай улады на тэрыторыі рэйхскамісарыятаў Остланд і Украіна.

Раздзел VII пад назвай “*Preisbildung*” (цэнаўтварэнне. – І.К.) утрымлівае задачы па рэалізацыі палітыкі цэнаўтварэння, сярод якіх: непасрэднае ажыццяўленне цэнавай палітыкі на акупаваных ўсходніх тэрыторыях; рэалізацыя цэнавай палітыкі Рэйха ў адносінах да ўсходніх абласцей; цэнавая палітыка для гандлёвых паставак з акупаваных усходніх тэрыторый. Спецыфіка палітыкі цэнаўтварэння таксама была прадвызначана адміністрацыйна-тэрытарыяльным падзелам. У розных зонах акупацыі Беларусі цэны на тавары і паслугі павінны быць рознымі, што падцвярджаецца дакументальна: як распрацаванымі вышэйшым кіраўніцтвам дырэктывамі, так і ўказами мясцовых улад. У “Карычневай папцы” прапісана:

“У прыбалтыйскіх генеральных акругах ўпарадкаванне цэн стала неабходна... іх узровень, у параўнанні з астатнімі ўсходнімі тэрыторыямі, быў узняты, але ўсё ж знаходзіўся ніжэй за ўзровень коштаў Рэйха... Для Беларусі разглядаюцца цэнавыя прынцыпы, сапраўдныя для астатняй захопленай усходняй прасторы” [8, арк. 33].

Такі парадак адмоўна адбіваўся не толькі на эканамічнай, але і на палітычнай стабілізацыі захопленых тэрыторый, а беларусы апынуліся ў розных прававых умовах.

Рэалізацыя цэнавай палітыкі Рэйха ў адносінах да акупаваных усходніх абласцей праяўлялася і ў пастаўках тавараў у Беларусь з Германіі прынцыпова па імперскіх цэнах. Адначасова адбывалася бесперабойнае здзяйсненне паставак тавараў з акупаваных усходніх абласцей у Германію. Галоўны прынцып быў у тым, каб розніца ў цэнах

рабілася карыснай для ліквідацыі бягучай імперскай пазыкі. У дакуменце згадана, што:

“Каб задаволіць патрэбы вермахта і Рэйха ў сельскагаспадарчай прадукцыі, а таксама ў інтарэсах памяншэння іх спажывання, неабходна цэны на гэтыя тавары трымаць як мага больш высокімі... Асноватворным прынцыпам цэнавай палітыкі павінна быць тое, што розніца ў цэнах павінна быць карыснай для пагашэння бягучага доўга Рэйха... Пастаўкі тавараў з Рэйха на ўсходнія тэрыторыі адбываюцца прынцыпова па цэнах Рэйха” [8, арк. 34].

Дадзены раздзел з’яўляўся галоўным арыенцірам для фінансава-гандлёвых структур і органаў акупацыйнай улады. Іх дзейнасць была накіравана на запланаванае скарачэнне інтарэсаў спажывецкага рынку мясцовага насельніцтва дзеля вырашэння галоўнай задачы: забеспячэнне патрэб вермахта і імперыі ў таварах рознага ўжытку.

Крыніцазнаўчы і археаграфічны аналіз прыведзеных дзвюх частак дакументальнай крыніцы пры даследаванні дзейнасці германскай цывільнай адміністрацыі на акупаванай тэрыторыі Беларусі ў 1941–1944 гг. не можа застацца без увагі гісторыкаў. “Карычневая папка” паводле відавочнай класіфікацыі з’яўляецца арганізацыйна-распарадчым дакументам, які прадстаўляе планы па каланізацыі і практычным выкарыстанні захопленых усходніх тэрыторый, а таксама ўтрымлівае задачы германскага кіраўніцтва ў галіне палітыкі, эканомікі і фінансаў. Непасрэдная крыніца паступлення дакумента (фонд 652) архівістамі Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь не ўстаноўлена. Аналіз знешняга віду першакрыніцы дазваляе вылучыць шэраг асаблівасцей: стан захаванасці дакумента даволі добры, выкарыстана тыпаграфская папера фармату А4, арыгінальнасць дакумента вызначаецца наяўнасцю пячатак, штампаў, датыроўкі і іншага.

Перадварэнне архіўнага дакумента ў публічную гістарычную крыніцу адбываецца на стадыі яго дакументальнай публікацыі. Гэты шлях “Карычневай папкі” быў даволі складаны і застаецца незавершаным па сённяшні дзень. У распараджэнні айчынных гісторыкаў знаходзіцца пакуль не ўвесь дакумент. Між тым, крыніца набыла публічнасць і сучасныя даследчыкі атрымалі магчымасць выкарыстання яе ў навуковых мэтах.

Публікацыя поўнага тэксту дакумента – адна з актуальных задач айчыннай гістарыяграфіі.

Што да стратыграфіі дакумента, гэта значыць яго месца ў сістэме іншых дакументаў па тэме вядзення фінансавай гаспадаркі германскай цывільнай адміністрацыяй на акупаванай тэрыторыі Беларусі ў 1941–1944 гг., то яго значнасць складана пераацаніць. Інфарматыўная насычанасць, усебаковае адлюстраванне германскай эканамічнай палітыкі ў сферы фінансаў перыяду акупацыі, навізна арыгінальнай і яшчэ не ў поўным аб'ёме вывучанай крыніцы – вось толькі некаторы пералік гістарычнай і навуковай значнасці дакумента.

Заклучэнне. Крыніцазнаўчы і археаграфічны аналіз, праведзены ў дачыненні да арыгінальнага нямецкамоўнага дакумента “Карычневай папкі”, дазволіў аўтару сфармуляваць наступныя высновы: 1) “Braune Mappe (Карычневая папка)” – адна з ключавых крыніц ваенна-эканамічнай гісторыі Беларусі ў перыяд акупацыі, якая ўтрымлівае асноўныя дырэктывы па дзейнасці нямецкага цывільнага кіраўніцтва на частцы захопленых усходніх тэрыторый; 2) археаграфічны аналіз прадстаўленых раздзелаў дакумента дазваляе зрабіць вывад не толькі аб паходжанні першакрыніцы, але і вызначыць характар нацысцкай фінансаванай эканамічнай палітыкі ў дачыненні да захопленых усходніх тэрыторый, у тым ліку Беларусі. Дырэктывы былі распрацаваны на самым вышэйшым узроўні з далёкім прыцэлам, а механізмы іх здзяйснення на месцах набылі скрыты характар. Вывучэнне асаблівасцей гэтай палітыкі на беларускім гістарычным прыкладзе – актуальная задача сучаснай гістарыяграфіі; 3) крыніцазнаўчы аналіз дакумента дазваляе знайсці новыя адказы на шэраг маладаследаваных пытанняў па гісторыі ваеннай паўсядзённасці ў Беларусі, а таксама раскрыць рабаўнічую сутнасць нямецкай акупацыйнай палітыкі па эканамічнай эксплуатацыі гаспадарчых, людскіх і фінансавых рэсурсаў Беларусі 1941–1944 гг.;

4) публікацыя гэтага ўнікальнага ў плане інфарматыўнасці дакумента ў поўным аб'ёме створыць спрыяльныя ўмовы для далейшай працы айчынных даследчыкаў па вывучэнні шырокага кола розных пытанняў гісторыі акупацыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны.

Аўтар выказвае падзяку Г.В. Бурак – старшаму выкладчыку кафедры нямецкай мовы ўстановы адукацыі “ВДУ імя П.М. Маішэрава” за пераклад арыгінальнай крыніцы.

Літаратура

1. Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 8 т. – М.: Юридическая литература, 1987. – Т. 1. – 688 с.
2. Факторович, А.А. Крах аграрной политики немецко-фашистских захватчиков в Белоруссии / А.А. Факторович. – Минск: Наука и техника, 1979. – 148 с.
3. Новікаў, С.Я. Эканамічная палітыка нацысцкай Германіі ў Беларусі 1941–1944 гг.: агляд крыніц і германскай гістарыяграфіі 1990-х гадоў / С.Я. Новікаў. – Мінск: МДЛУ, 2002. – 219 с.
4. Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия / М.М. Козлов (гл. ред.); редкол.: Ю.Я. Барабаш, П.А. Жилин (зам. гл. ред.), В.И. Канатов [и др.]. – М.: Сов. энцикл., 1985. – 832 с.
5. Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. – М.: Наука, 1999. – Кн. четвертая: Народ и война. – 368 с.
6. 1941 год. Страна в огне: ист.-док. изд.: в 2 кн. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2001. – Кн. 1: Очерки. – 720 с.
7. Ветров, І. Фінансова політыка націсцкай Німеччыны та держав-сателіт на окупаванай тэрыторыі Украіны (1939–1944 рр.) // Архівы окупацыі. 1941–1944 / Держ. ком. архівів Украіны; упоряд. Н. Маковська. – К.: Вид. дім “Києво-Могилянська академія”, 2006. – С. 774–781.
8. Die Zivilverwaltung in den besetzten Ostgebieten (Braune Mappe) Teil A Richtlinien für die Wirtschaftsführung // Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Фонд 652. – Воп. 1. – Спр. 2. – Арк. 1–39.

Паступіў у рэдакцыю 21.11.2013 г.

Прыняты ў друк 30.12.2013 г.

УДК 94(476)

Афіцыйная святочная культура ў гарадах Беларусі другой паловы XIX – пачатку XX ст.

Раманаў С.В.

Установа адукацыі “Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя Янкі Купалы”, Гродна

Навуковы артыкул прысвечаны даследаванню афіцыйнай святочнай культуры ў гарадах Беларусі другой паловы XIX – пачатку XX ст. У публікацыі аўтарам разглядаюцца асноўныя святочныя формы афіцыйнай культуры, аналізуецца змест і накіраванасць гэтай з’явы. Агляд гістарыяграфіі змяшчае кароткі пералік найважнейшых прац агульнарасійскага зместу, а таксама асноўных даследаванняў, выкананых на матэрыялах беларускіх земляў. У дадзенай рабоце акцэнтаецца ўвага на асаблівасцях афіцыйнай святочнасці культуры, суадносінах святочных формаў і элементаў у гарадскім соцыуме беларускіх зямель другой паловы XIX – пачатку XX ст. Артыкул уяўляе сабой адну з першых спробаў сістэмнага асэнсавання дадзенай навуковай праблематыкі і ў высновах вызначае праблемную спецыфіку і прыярытэтныя напрамкі даследавання афіцыйнай святочнай культуры. Публікацыя з’яўляецца вынікам крытычнага аналізу аўтарам прац айчынных і замежных гісторыкаў.

Ключавыя словы: святочная культура, афіцыйная культура, свята, юбілей.

(Ученые записки. – 2013. – Том 16. – С. 64–70)

Official Festive Culture in the Cities of Belarus in the late XIX – early XX centuries

Romanov S.V.

Educational establishment “Grodno State Yanka Kupala University”, Grodno

The scientific article is devoted to the study of the official festive culture in the cities of Belarus in the second half of the XIX – early XX centuries. In the publication the author examines the main festive forms of official culture, analyzes the content and direction of this phenomenon. Overview provides a summary of the historiography of the most important works of the all-russian content, as well as basic research carried out on the material of the Belarusian land. The research centers round the peculiarities of official festivity of the culture, correlations of festive forms and elements in Belarusian urban society in the late XIX – early XX centuries. The article is one of the first attempts of the systemic understanding of the scientific issues and in conclusion identifies the problem specificity and priorities of the study of official festive culture. This publication is the result of a critical analysis by the author of sources and works of native and foreign historians.

Key words: festive culture, official culture, feast, jubilee.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 16. – P. 64–70)

Вывучэнне афіцыйнай святочнай культуры і афіцыйнага каляндара перыяду Расійскай імперыі ў вялікай ступені вядзецца сіламі расійскай гістарыяграфіі, у меншай – беларускай і ўкраінскай. Беларуская гістарыяграфія мае значна меншыя поспехі ў вывучэнні гарадской святочнай культуры другой паловы XIX – пачатку XX ст. яшчэ і таму, што сучасная Расійская Федэрацыя лічыцца правапераемніцай Расійскай імперыі, а таму натуральна, што даследаванні гарадской культуры часоў Расійскай імперыі цікавяць менавіта расійскіх гісторыкаў. З другога боку, існаванне Рэспублікі Беларусь – незалежнай суверэннай дзяржавы – робіць прыярытэтам даследаванне менавіта беларускай культуры, у той час як гарады Бела-

русі другой паловы XIX – пачатку XX ст. адрозніваліся вялікай этнаканфесійнай страктасцю, з перавагай ў іх этнацыянальнай структуры яўрэйскага і рускага насельніцтва (па дадзеных на 1897 г., агулам – 71%). Меншай была ўдзельная вага палякаў і ўкраінцаў, доля беларусаў сярод гараджан паводле перапісу 1897 г. не перавышала 17%. Пачатак вывучэнню дадзенага аспекта святочнай культуры быў пакладзены працай А.С. Катлярчука, у якой ён упершыню ўвёў у навуковы зварот паняцце “афіцыйная святочная цырымонія” ў дачыненні да рэалій XVII ст. [1, с. 8–9].

У згаданай працы А.С. Катлярчук скарыстаўся параўнальным аналізам святочнай культуры ў дачыненні да гарадоў Расіі і

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: mailto:ramanau@tut.by – С.В. Раманаў

Беларусі і пашырыў значэнне святочнай культуры на ідэалагічныя захады тагачасных афіцыйных улад, чаго не назіраецца ў працах папярэднікаў Катлярчука [2; 3]. Даследаванне афіцыйнай святочнай культуры атрымала пашырэнне ў працах сучасных расійскіх гісторыкаў, перш за ўсё Буслаева, Сяровай, Коркінай [4] і некаторых іншых. Пeralічаныя аўтары свядома вылучаюць афіцыйную святочную культуру ў асобны накірунак, пры даследаванні выкарыстоўваючы адпаведны паняццёвы і метадалагічны апарат.

У той жа час цікавасць да згаданай тэматыкі з боку навукоўцаў абумоўлена тым фактарам, што афіцыйная святочная культура як ніякая іншая сфера культуры паўплывала на з'яўленне дзяржаўных святаў, фарміраванне дзяржаўных ідэалогій, стварэнне нацыянальных міфаў. Згаданыя акалічнасці не страцілі сваёй актуальнасці і ў сучаснай Рэспубліцы Беларусь, дзе адным з прыярытэтных накірункаў навуковых даследаванняў на 2011–2015 гг. быў вызначаны накірунак “белорусская нация, процессы ее генезиса, развития и укрепления белорусской государственности, национальная, социокультурная, конфессиональная идентичность в контексте современных интеграционных процессов”. Тым не менш, калі гарадская святочная культура наогул яшчэ зацікавіла шэраг беларускіх даследчыкаў (Я.Р. Яшчанка, І.В. Соркіна, В.А. Сабалеўская), то яе афіцыйны кампанент у якасці спецыфічнага прадмета даследаванняў пакуль не абіраўся.

Мэтай дадзенага даследавання з'яўляецца вывучэнне афіцыйнага святочнага комплексу ў гарадах беларускіх земляў другой паловы XIX – пачатку XX ст. У якасці задачы даследавання былі вызначаны выяўленне сутнасці, накірункаў і асаблівасцяў афіцыйнай святочнай культуры ў беларускіх гарадах другой паловы XIX – пачатку XX ст.

Матэрыял і метады. Публікацыя з'яўляецца вынікам крытычнага аналізу намі прац айчынных і замежных гісторыкаў. Метадалагічнай асновай дадзенага даследавання з'яўляецца сінтэз агульнанавуковых і спецыяльна-гістарычных метадаў даследавання, пабудаваны на прынцыпах аб'ектыўнасці, навуковасці і гістарызму. У публікацыі таксама прадстаўлены сістэмны метады: у якасці сістэмы тут выступаюць святочны каляндар, спіс табельных дзён. Прадметам даследавання з'явіўся комплекс гарад-

скай святочнай культуры беларускіх земляў ў другой палове XIX – пачатку XX ст.

Вынікі і іх абмеркаванне. У апошнія паўстагоддзя існавання Расійскай імперыі асаблівае значэнне ў межах афіцыйнай культуры набываюць святы ў форме юбілейных мерапрыемстваў. К.М. Цымбаеў у дачыненні да гэтай з'явы ўводзіць паняцце “юбілееманія”, адзначаючы маштаб і колькасную характарыстыку такіх мерапрыемстваў [7, с. 99]. Паводле даследчыка І.В. Соркінай, адным з напрамкаў гістарычнай палітыкі было навязванне гараджанам расійскага юбілейна-ўшанавальнага канона. Вялікая ўвага надавалася арганізацыі шматлікіх імпрэзаў, прысвечаных юбілейным датам расійскай гісторыі і расійскіх манархаў [8, с. 296].

Большасць юбілеяў расійскіх манархаў па сутнасці нагадвалі царскія дні, адсвяткаваныя ў шырокім маштабе. Так, 30 мая 1872 г. кадэты Полацкага кадэцкага корпусу адзначылі 200-гадовы юбілей з дня народзінаў Пятра I. Асноўныя мерапрыемствы праводзіліся ў Аляксандраўскай зале корпусу і скончыліся святочным абедам. Вечарам будынкі былі ілюмінаваны, а на ўваходнай браме гарэў вензель першага імператара.

У 1885 г. адзначаўся 1000-гадовы юбілей з дня смерці Св. Мяфодзія (“Кірыла-Мяфодзіеўскае свята”, “Дзень славянскай пісьменнасці” і інш.). Расійская імперыя, якая бачыла сябе пераемнікам Візантыі і лідарам славянскага свету, рыхтавалася да святкавання. Падрыхтоўка да святкаванняў значных афіцыйных святаў звычайна праводзілася спецыяльнымі святочнымі камітэтамі, на чале з мясцовымі чыноўнікамі і дваранскімі правадырамі. У пэўным сэнсе такія юбілеі заўсёды культывавалі пэўныя ідэалагічныя ідэі: “Мефодиевское торжество 6 и 7 апреля в Гродне представляло собой отраднейшее явление, как выражение православно-славянского самосознания в крае, где славянству особенно важно осознать свое единство...”. Ідэі гэтыя грунтаваліся на няпэўнасці афіцыйных пазіцый, вялікіх этнакультурных і рэлігійных адрозненнях заходніх губерняў, таму нават у 1896 г. пра Гродна адзначалі наступнае: “В настоящее время в нашем городе строятся, а отчасти перестраиваются четыре церкви; число это весьма почтенное для нашего города, в котором иноверческое население преобладает численностью (так что во

всем городе вместе с пригородными деревнями имеется только один приход)” [9, с. 193].

Пры дзяржаўнай падтрымцы часта праводзіліся юбілеі “агульнарасійскага” значэння. Так, у 1888 г. па ўсёй імперыі шырока святкавалася 900-годдзе хрышчэння Русі. Праграма святкавання 900-годдзя хрышчэння рускай зямлі, зацверджаная гродзенскім губернатарам, складалася з 4 пунктаў: “Сделать распоряжение к своевременному объявлению народу о предстоящем торжественном праздновании 15 июля Православной церковью и о прекращении в означенный день всех будничных работ; заблаговременно приготовить к этому торжеству народ, уясняя ему значение события крещения Руси и заслуги Св. князя Владимира в этом деле; учеников народных училищ, церковно-приходских и других школ ознакомить с жизнью и деятельностью и подвигами Св. Владимира, научить читать и петь наизусть некоторые молитвы и песнопения Святому; 15 июля в самый праздник устроить торжественные собрания в зданиях учебных заведений, на которых прочитывать житие Св. Владимира и выдержки из других книг религиозно-нравственного содержания, применительно сказанному торжеству”. У Гродна 14 ліпеня ў 7 гадзін раніцы епіскапам брэсцкім Апастасіям была скончана начная служба, праведзеная з асаблівай урачыстасцю. Храм быў ярка асветлены і ўпрыгожаны зелена. Перад алтаром былі пастаўлены іконы Св. Уладзіміра і Вольгі, аплеценныя гірляндамі з зеляніны і зверху ўпрыгожаныя каронамі з крыжамі, па-мастацку зробленымі з жывых кветак. У час памазання народу, скарбнікам гродзенскага брацтва раздаваліся іконкі, акафісты і кніжыцы, выдадзеныя славянскім дабрачынным таварыствам з нагоды гэтай падзеі. Пасля сканчэння начной службы, у час выйсця народу з сабора, шлях да вуліцы быў асветлены бенгальскімі агнямі. На наступны дзень, 15 ліпеня, у 9.30 раніцы епіскапам Апастасіям ў храме пачалася літургія ў саслужэнні епархіяльнага і ваеннага духавенства. Напрыканцы абедні а. Апоцкі зрабіў адпаведную святую прамову, у якой расправёў аб тым значэнні, якое мае Св. Уладзімір для хрысціянскай Русі. Пасля гэтага, пры гучным суправаджэнні ўсіх званаў горада з Сафійскага сабора рушыў крыжовы ход да Каложскай царквы, дзе было здзейснена асвячэнне вады ў р. Нёман.

У Пружанах свята 900-годдзя хрышчэння Русі праходзіла па падобным сцэнарыі. Напярэдадні свята была праведзена начная служба ў саборы святаром Жуковічам, прычым

частка службы вялася на плошчы. Ад сабора, да таго месца, дзе планавалася асвячаць ваду, да невялікай гарадской рачулки на працягу ўсяго шляху былі выстаўлены імправізаваныя крыжы з зеляніны. Раніцай шлях гэты пасыпалі жоўтым пяском, зялёнай травой ды ўпрыгожылі рознакаляровымі сцягамі. Горад прыняў святочнае аблічча з узыходам сонца, калі па ўсіх вуліцах пайшлі натоўпы святочна апранутых людзей. Служба пачалася ў царкве Ражства Хрыстова, пасля чаго крыжовы ход рушыў да Прачысценскай і Крыжаўзвіжанскай царкваў і спыніўся каля рэчкі. Свята, аднак, было працягнута аж да позняга вечара: яшчэ а 9-й гадзіне вялася чытанні ў Прачысценскай царкве аб жыцці князя Уладзіміра, якія сабралі каля 1000 чалавек.

У шырокім маштабе святкаваўся 100-гадовы юбілей вайны 1812 г. Асноўныя святочныя мерапрыемствы прайшлі, вядома ж, у Маскве і на Барадзінскім полі. Аднак, святкаванні праводзіліся і ў гарадах беларускіх губерняў. Святочныя мерапрыемствы ва ўсіх населеных пунктах Расійскай імперыі прайшлі па загадзя распрацаваным сцэнарыі. Але маглі быць і пэўныя адрозненні: напрыклад Кобрын святкаваў двойчы. Так, напярэдадні юбілею вайны 1812 г., у афіцэраў 150 пяхотнага Таманскага палка, раскватараванага ў Кобрыне, узнікла ідэя аб стварэнні помніка, прысвечанага бітве пад Кобрынам. Раніцай 15 ліпеня 1812 г. ва ўсіх храмах горада прайшлі літургіі. Асабліва ўрачыста адбылася служба ў саборы Аляксандра Неўскага, праведзеная арцыбіскупам Міхаілам пры ўдзеле шматлікага духавенства. Пасля завяршэння службы адбыўся крыжовы ход на Бабруйскую вуліцу, да месца, вызначанага для ўзвядзення помніка. Увечары, у прысутнасці прадстаўнікоў мясцовай адміністрацыі, на гарадской плошчы адбылося народнае гуляння. На ім былі арганізаваны спаборніцтвы: бег, лазанне на мачты і інш. Усім прысутным на гулянні бясплатна раздаваліся кніжыцы пра герояў 1812 г., халодныя напоі і прысмакі. Падчас гуляння, якое доўжылася да позняга вечара, гралі ваенныя духавыя аркестры. У дзень стагоддзя Барадзінскай бітвы, 26 жніўня, у Кобрыне зноў было арганізавана народнае гуляння, а ўвечары зроблены грандыёзны феерверк. Да гэтай даты горад змяніўся і выглядаў прыбраным. Вуліцы былі ўпрыгожаны гірляндамі і каляровымі сцягамі. Для прызначаных урачыстасцей у горад прыбылі дэлегацыі ад вайсковых часцей: 13 уланскі Уладзімірскага палка на чале з

камандзірам, сцягам і аркестрам, 9 сапёрнага батальёна, 15 уланскі Татарскага палка; 70 пяхотнага Рызскага палка. Прадстаўнікоў 38-й пяхотнай дывізіі, якую ён узначальвае генерал-лейтэнантам В.П. Прасловым, суправаджаў аркестр Таманскага палка. З Варшавы прыехаў камендант крэпасці генерал артылерыі М.І. Стрыжоў. Аднак адкрыццё помніка ў гонар вайны 1812 г., асабіста зацверджанага Мікалаем II, адбылося толькі праз год – 15 ліпеня 1913 г.

З беларускіх мясцовасцей, у якіх у 30-я гг. XIX – пачатку XX ст. збудавалі ці планавалася збудаваць помнікі ў гонар вайны 1812 г., асабліва вылучаліся: Полацк, Клясціцы, Віцебск, Чашнікі, Студзёнка. Наогул з беларускіх губерняў найбольшай мемарыялізацыяй вайны 1812 г. адрознівалася Віцебская губерня. У меншай ступені гэта датычылася Мінскай губерні, яшчэ ў меншай – астатніх заходніх губерняў.

Юбілейныя ўрачыстасці да стагоддзя 1812 г. у г. Навагрудку Мінскай губерні адбыліся 26 жніўня 1912 г. Да гэтага дня горад быў прыбраны рознакаляровымі гірляндамі і сцягамі. Для правядзення набажэнства з удзелам вялікай колькасці вернікаў была абрана Рынкавая плошча. На плошчы, упрыгожанай кветкамі і сцягамі, быў усталяваны аналой і разасланы дываны. Раніцай 26 жніўня ва ўсіх храмах горада прайшлі літургіі.

Для афіцыйнай культуры трэба было падкрэсліць міжэтнічную згоду: урачыстае набажэнства адбылося і ў галоўнай яўрэйскай сінагозе пры ўдзеле хору і аркестра, якое скончылася прамовай галоўнага рабіна Менахема Кракоўскага аб важнейшых падзеях вайны 1812 г. Па заканчэнні набажэнстваў велічны крыжовы ход прайшоў па вуліцах горада і выйшаў на Рынкавую плошчу. У крыжовым ходзе прымалі ўдзел прадстаўнікі гарадской улады, воінскія чыны, члены добраахвотнай пажарнай каманды, вучнёўская моладзь, мясцовае насельніцтва і сяляне навакольных вёсак. На Базарнай плошчы як самай вялікай у горадзе быў праведзены малебен. Завяршыліся ўрачыстасці ваенным пародам. Пад гукі маршаў духавых аркестраў па плошчы прайшлі цырыманіяльным маршам войскі мясцовага гарнізона, прадстаўнікі добраахвотнай пажарнай каманды і навучэнцы старэйшых класаў гарадскіх вучылішч. Парад прымаў воінскі спраўнік Арлоў.

Святкаванне юбілея вайны 1812 г. мела шырокі характар, выразную ідэалагічную

афарбоўку, але і гэта падзея была ўсяго толькі генеральнай рэпетыцыяй да святкавання 300-годдзя праўлення дынастыі Раманавых, запланаванага на 1913 г. Тым не менш, гэтае свята было дамінуючай святочнай падзеяй 1912 г., што адбілася на адсутнасці ўвагі да іншых свят таго ж перыяду. Так, 26 жніўня 1912 г. мінскае вольнае пажарнае таварыства святкавала 36-ю гадавіну свайго існавання. Штогод пажарнае свята адбывалася 6 жніўня, але ў гэтым годзе арганізатары злучылі яго з днём святкавання стагадовага юбілею вайны 1812. Пасля парадку члены пажарнага таварыства былі запрошаны на абед. Для вышэйшага начальства і чыноўнікаў стол быў накрыты ў памяшканні канцылярыі таварыства, а для каманды пажарных – у хляве, дзе змяшчаецца інвентар. Пажарныя палічылі абразлівым для сябе снедаць ў хляве і дэманстратыўна адправіліся ў рэстаран, дзе снедалі на свае грошы, пасля чаго пастанавілі не зацвярджаць выдаткаў таварыства на абед, замоўлены на 150 асобаў.

Істотную дапамогу ў распрацоўцы палажэння аб парадку правядзення ўрачыстасцей да стагадовага юбілею 1812 г. аказалі члены Імператарскага рускага ваенна-гістарычнага таварыства (ІРВГТ). Па іх ініцыятыве ў пачатку 1911 г. была створана Міжведамственная камісія, якую ўзначаліў генерал інфантэрыі В.Г. Глазаў. Праграма, распрацаваная Міжведамственнай камісіяй, мела рэкамендацыйны характар. Прадстаўнікі адміністрацыйнай улады і грамадскіх арганізацый губерні маглі ўносіць у праграму некаторыя змены і дапаўненні, характэрныя для іх мясцовасці. Напрыклад, па распараджэнні генерал-губернатара Г.А. Скалона, праграма ўрачыстасцей у Царстве Польскім была шмат у чым перайначаная, з прычыны гістарычна складзенага адмысловага стаўлення польскага насельніцтва да падзей Айчыннай вайны 1812 г. Цыркуляр Дэпартаменту агульных спраў міністэрства ўнутраных спраў ад 7 жніўня 1912 г. абавязваў губернатараў дасылаць справаздачы з апісаннем праведзеных юбілеяў у савет ІРВГТ.

Вялікая ўвага ўладаў была прысвечана ў 1913 г. святкаванню 300-годдзя праўлення дынастыі Раманавых. Губернатарам былі разасланы лісты з інструкцыямі па правядзенні мерапрыемстваў, і, у сваю чаргу, самі дасылалі такія інструкцыі сваім падначаленым. На кожным узроўні ствараліся адпаведныя святочныя камітэты. Так, у склад павятовых камітэтаў рэкамендавана было ўключаць прадстаўнікоў ваеннага і духоўнага

ведамстваў, гарадскога кіравання, начальнікаў навучальных устаноў і інш. Першаснай задачай такіх камітэтаў было складанне праграмы святкавання і правядзення грашовых разлікаў па плануемых выдатках. На святкаванні ў сталіцу імперыі запрашаліся “гарадскія галовы” шэрагу гарадоў з кожнай губерні. Так, з Гродзенскай губерні пасведчанні на паездку на свята ў Санкт-Пецярбург атрымалі чыноўнікі з Гродна, Слоніма, Брэста і інш. За выкананнем святочных мерапрыемстваў на месцах сачыла паліцыя і павятовыя іспраўнікі: так, дзярэчынскаму ксяндзу Адольфу Рамецкаму, які 21 лютага 1913 г. ухіліўся ад богаслужэння з нагоды 300-годдзя дынастыі Раманавых, прыйшлося тлумачыць, што ён нібыта быў у Лідзе і спазніўся на цягнік. Пасля правядзення святкавання чыноўнікі, задзейнічаныя ў арганізацыі і правядзенні свята, атрымалі памятных медалі.

Афіцыйная святочная культура не была аднароднай для розных рэгіёнаў імперыі. Гэта праяўлялася ў адмысловым адборы святаў, ідэалагічнай апрацоўцы мясцовай традыцыі. Разам з агульнымі афіцыйнымі святамі кожны асобны рэгіён мог мець свае ўласныя. Шырока святкаваліся юбілейныя ўрачыстасці, якія праводзіліся ў межах губерняў, асобных тэрыторый або нацыянальных ускраін імперыі: 50-годдзе вызвалення сялян у Прыбалтыцы, 300-годдзе Уральскага і Данскога казачых войскаў, 100-годдзе далучэння Грузіі і 200-годдзе далучэння Эстляндзіі. На гэтым фоне відавочна вылучаецца 200-годдзе падзей Паўночнай вайны, якое адзначалася двайчы: у 1908 г. – юбілей перамогі пры вёсцы Лясной, які выйшаў за межы Магілёўскай губерні, у 1909 г. – юбілей Палтаўскай бітвы, які хоць і святкаваўся ў многіх гарадах імперыі, але ўсё ж не атрымаў сапраўды агульнадзяржаўнага гучання [7, с. 102].

Палітызаванасць з’яўлялася характэрнай рысай шэрагу такіх святаў. Так, у заходніх губернях не святкавалі памятных падзей, звязаных з манархамі і наогул з гісторыяй Рэчы Паспалітай. Матывавалася гэта між іншым і тым, што дадзеныя свята нібыта страцілі сваё значэнне. У той жа час 8 верасня 1881 г. Пскоў гучна святкаваў 300-гадовы юбілей зняцця аблогі ад войск караля Стэфана Баторыя (7–8 верасня 1581 г.). Адзін са сведкаў гэтых падзей адзначаў: “Нельзя не отнестись с величайшим сочувствием к этому историческому празднику псковцев и не указать на него, как на достойный подражания пример. Мы, говоря вообще, как-то мало знаем и це-

ним свою историю. Подобные исторические торжества могут служить общедоступным средством распространения исторических сведений, возбуждения патриотического чувства любви к родной старине и ее деятелям...” [10, с. 342].

Тым не менш, наяўнасць на нацыянальных ускраінах імперыі пэўнай святочной контркультуры была відавочнай. Так, у 1883 г. перыядычны друк даволі востра характарызаваў святкаванне палякамі 200-гадовага юбілею вызвалення Вены ад турэцкай аблогі (12 верасня 1683 г.). Падобныя тэндэнцыі назіраліся і ў беларускіх губернях. Аналагічную выснову магчыма зрабіць адносна святкавання мясцовай грамадскасцю ў 1862 г. 293-й гадавіны Люблінскай уніі, наладжанай у м. Друскенікі 31 ліпеня 1862 г. (адзначалася, што падобнае свята ладзіцца ўжо ў другі раз). Паводле ўспамінаў Міхала Панкевіча, калі ўлады ў Гродна арганізавалі ўрачыстасці, прысвечаныя Кацярыне II, вучні з польскага кола вырашылі іх сарваць. Падчас іх правядзення яны разбілі прабіркі з серавадародам, за што некалькі вучняў былі выключаныя з гімназіі [8, с. 302].

Для заходніх губерняў паступова выпрацоўвалася свая афіцыйная традыцыя. Так, у 1895–1896 гг., калі ў Львове і Кракаве (Аўстра-Венгерскай частцы былой Рэчы Паспалітай) праходзілі святкаванні юбілею Брэсцкай царкоўнай уніі, то ў самім Брэсце (на тэрыторыі Расійскай імперыі) праводзіліся адмысловыя жалобныя мерапрыемствы: служылася памінальная паніхіда па праціўніках уніі і ўніяцтва, сама ж царкоўная унія паказвалася як вялікае злачынства. Больш таго, у 1889 г. па ўсіх гарадах паўночна-заходняга краю шырока святкаваўся 50-гадовы юбілей ліквідацыі Брэсцкай царкоўнай уніі (1839 г.). 7–8 чэрвеня 1889 г. шырокія святочныя мерапрыемствы разгарнуліся ў Вілейцы. На заканчэнне двухдзённага свята для горада планавалася “падарунак”: 20-пудоўны звон у былую ўніяцкую, а на той час праваслаўную царкву. Падарунак аднак не прыбыў своєчасова. Святочныя мерапрыемствы ў Магілёве нагадвалі па сцэнарыі святкаванні ў астатніх гарадах: з раніцы паніхіда па Мікалаі I, мітрапаліце I. Сямашка і інш., пасля крыжовы ход па горадзе, святочныя службы ва ўсіх гарадскіх цэрквах, а пасля святочных мерапрыемстваў. Асаблівае значэнне было нададзена святкаванню юбілею ліквідацыі уніі ў Полацку, у тым самым Сафійскім саборы, дзе 12 лютага 1839 г. было фармальна вырашана пытанне аб “далучэнні” ўніятаў да

праваслаўя. На святкаваннях у Полацку і Віцебску чыталіся лекцыі па гісторыі Беларусі, аб значэнні ліквідацыі уніі для беларусаў.

Неабходна дадаць, што і ў губернях цэнтральнай Расіі, дзе не назіралася такіх выразных гістарычных, канфесійных і этнічных адрозненняў як на ўскаінах дзяржавы, афіцыйная святочная культура таксама не была аднароднай і мела сваю контркультуру. Гэта сітуацыя была вынікам палітычнага падзелу грамадства. Так, напрыклад, да ліку “паўлегальных” святочных адносіліся мерапрыемствы, звязаныя з ушанаваннем памяці Аляксандра II і яго ліберальных рэформ. У процівагу афіцыйным святам ліберальная грамадскасць адзначала менавіта юбілей рэформаў, а таксама перадавых дзеячаў расійскай культуры. З найбольш значных згадваюць юбілей Пушкіна, Гоголя, Чэхава і ўсерасійскую кампанію ў гонар 80-годдзя Льва Талстога. Адкрыта супрацьстаялі афіцыйнай святочнай культуры 100-гадовыя юбілей Герцэна, Бялінскага, Граноўскага. Ініцыятыва ў правядзенні юбілеяў адмены прыгоннага права і 40-годдзя судовай і земскай рэформаў таксама цалкам знаходзілася ў руках апазіцыйных грамадскіх сіл, прычым святочныя паседжанні пераходзілі ў шэраг антыўрадавых мерапрыемстваў. Так, святкаванні 50-годдзя рэформы Аляксандра II адбылося 19 лютага 1911 г. у Самары, у 1904 г. у Саратаве пад уздзеяннем лібералаў (негледзячы на яўную небяспеку), была праведзена “банкетная кампанія” да 40-годдзя ўвядзення судовых уставаў. Ліберальная інтэлегенцыя дзейнічала і ў заходніх губернях. Напрыклад, у Гомелі, на Саборнай плошчы яна інспіравала пабудову праваслаўнай царквы “У гонар цара-вызваліцеля Аляксандра II” (збудаваная па ініцытыве мясцовага педагагічнага персаналу). Але, разам з тым, у беларускіх губернях пазіцыі лібералаў не былі такімі моцнымі, як у цэнтральнай Расіі. Звязана гэта было з асаблівасцямі правядзення земскай рэформы, якая для заходніх губерняў была рэалізавана толькі 14 сакавіка 1911 г. і то з істотнымі абмежаваннямі. Земская праблема доўгі час стрымлівала развіццё мясцовага самакіравання і лібералізацыю грамадства. Афіцыйныя ж улады заўсёды мелі для гэтых земляў адпаведную нагоду да святкавання, як, напрыклад, на пераломе XIX–XX стст. святкаваліся 100-гадовыя юбілей беларускіх губерняў: Віленскай,

Гродзенскай, Мінскай, Магілёўскай і інш. Афіцыйная святочная культура дзейнічала пад апекай Праваслаўнай Царквы, якая фактычна падпарадкоўвалася адпаведнаму дзяржаўнаму ведамству – Свяцейшаму Сіноду, і грала ролю органа тагачаснай ідэалогіі. Так, напрыклад, у 1893 г. ад Масквы і Троіца-Сергіевай лаўры для Гродна была падаравана адмысловая ікона, прымеркаваная да “вяртання Расіі” заходніх губерняў паводле II падзелу Рэчы Паспалітай (1793 г.). Ікону планавалася выкарыстоўваць для ўсіх крыжовых хадоў па горадзе [11, с. 332].

Развіццё святочнай культуры ў беларускіх губернях было абмежавана ў ходзе Першай сусветнай вайны, калі “воспрещались всякого рода собрания, шествия, уличные и иные манифестации; продажа без разрешения властей газет и журналов, брошюр и книг; запрещалось срывать и повреждать объявления военных и гражданских властей, пользоваться даже в праздничные дни петардами, хлопушками, шумихами и т.д.” [12, с. 24]. Тым не менш, гэтыя абмежаванні не датычыліся афіцыйнай часткі, а таксама святаў рэлігійнага характару, якім у экстрэмальных ваенных умовах надавалася моцнае ідэалагічнае і псіхалагічнае значэнне. Рашучы змены тут адбыліся пасля падзей 1917 г., якія для святочнай культуры мелі вызначальнае значэнне і пасля якіх яна набыла абсалютна іншую сутнасць і значэнне.

Заклучэнне. З прааналізаванага матэрыялу вынікае наступнае. Па-першае, уласна афіцыйная святочная культура – гэта частка святочнай культуры з уласцівымі ёй абрадавай практыкай і каляндарнай сістэмай, якая актыўна выкарыстоўваецца дзяржавай у якасці правадніка афіцыйных ідэалагічных і палітычных каштоўнасцей. Па-другое, для гэтай часткі святочнай культуры характэрна імкненне да палітызацыі культуры, максімальнага змяншэння культурных адрозненняў, канфесійнай разнастайнасці ў дзяржаве. Нягледзячы на гэта, для Расійскай імперыі другой паловы XIX – пачатку XX ст. афіцыйная культура не з’яўлялася маналітнай у сваёй структуры. Гэта было сведчаннем таго, што ў імперыі ў асобных рэгіёнах існавала свая, даволі моцная этнаканфесійная ці (і) гістарычная традыцыя; да таго ж і само імперскае грамадства не было адзіным у выбары сваіх каштоўнасцей арыентацый. Асноўная задача ўрада ў такой сітуацыі заключалася ў тым, каб супакоіць грамадства і

зняць рэвалюцыйныя настроі, – задача, для вырашэння якой і стваралася гэтая культура. Па-трэцяе, неабходна адзначыць, што негледзячы на вялікія геапалітычныя і культурныя змены пачатку XX ст., афіцыйная святочная культура не знікла, і ў перыяд станаўлення нацый і грамадзянскіх супольнасцяў пачатку XX ст. знайшла свой лагічны працяг у стварэнні дзяржаўных свят, і гэтую важную ролю выконвае і па сённяшні дзень.

Літаратура

1. Котлярчук, А.С. Праздничная культура в городах России и Белоруссии в XVII в.: официальные церемонии и крестьянская обрядность / А.С. Котлярчук. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. – 240 с.
2. Мазаев, А.И. Праздник как социально-художественное явление / А.И. Мазаев. – М.: Наука, 1978. – 391 с.
3. Некрылова, А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII – начало XX века / А.Ф. Некрылова. – СПб.: Искусство, 1984. – 191 с.
4. Буслаев, А.И. Имперские юбилеи – тысячелетие России (1862 год) и девятисотлетие крещения Руси (1888 год): организация, символика, восприятие обществом: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А.И. Буслаев; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2010. – 23 с.; Коркина, М.А. Официальное чествование юбилейных и памятных дат реформаторской деятельности Александра II в 80–90-е годы XIX в. / М.А. Коркина // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сб. материалов I Всерос. молодеж. науч. конф. / отв. ред. Р.Е. Романов; Институт истории СО РАН. – Новосибирск: Параллель, 2011. – С. 96–103; Серова, С.А. Официальный церемониал: истоки и перспективы изучения / С.А. Серова // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сб. материалов I Всерос. молодеж. науч. конф. / отв. ред. Р.Е. Романов; Институт истории СО РАН. – Новосибирск: Параллель, 2011. – С. 32–38.
5. Жук, А.В. Праздничные и неprisутственные дни Российской империи конца XIX – начала XX в.: учеб. пособие / А.В. Жук. – Омск, 2008. – 92 с.
6. Цимбаев, К.Н. Православная Церковь и государственные юбилеи Императорской России / К.Н. Цимбаев // Отечественная история. – 2005. – № 6. – С. 42–51.
7. Цимбаев, К.Н. Феномен юбилеямания в российской общественной жизни конца XIX – начала XX века / К.Н. Цимбаев // Вопросы истории. – 2005. – № 11. – С. 454–484.
8. Соркіна, І.В. Гістарычная палітыка ў Гродне ў другой палове XIX – пачатку XX ст. паводле матэрыялаў архіўных фондаў мясцовай адміністрацыі / І.В. Соркіна // Гарадзенскі палімпсест. 2011. Асоба, грамадства, дзяржава. XV–XX стст. / пад рэд. А.Ф. Смаленчука, Н.У. Сліж. – Мінск: Зміцер Колас, 2012. – С. 291–311.
9. Из Гродны // Литовские епархиальные ведомости за 1896 год. – Вильно, 1897. – С. 193.
10. Псков праздновал 300-летнюю годовщину // Литовские епархиальные ведомости за 1881 год. – Вильно, 1882. – С. 341–342.
11. Икона в память столетия возвращения России западных губерний // Литовские епархиальные ведомости за 1893 год. – Вильно, 1894. – С. 332.
12. Черепица, В.Н. Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны: мероприятия гражданских и военных властей по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности / В.Н. Черепица. – Минск, 2009. – 536 с.

Паступіў у рэдакцыю 08.07.2013 г.

Прыняты ў друк 30.12.2013 г.

УДК 321.01

Уроки истории и перспективы строительства союзного государства Беларуси и России

Голубев С.В.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

В статье рассматривается проблема оснований государственности, сравнительного значения экономических и идейно-политических факторов ее конституирования. Посредством исследования наработанного за последние четверть века исторического и геополитического опыта, в сочетании с концептуальным анализом феномена идеологии, показана важнейшая роль последней, в процессе государственного строительства как такового. Также говорится о роли идеологического фактора в распаде СССР и интеграционных процессах на постсоветском пространстве. Дана общая характеристика практики государственного строительства в Республике Беларусь и Российской Федерации. Обоснована целесообразность совершенствования концептуального идейно-политического обеспечения процессов интеграции на постсоветском пространстве. Проанализированы ход, тенденции и перспективы развития Союза Беларуси и России. Делается вывод о том, что прочный и взаимовыгодный союз Беларуси и России может и должен стать мощным фактором укрепления, как для российской, так и для белорусской государственности.

Ключевые слова: государственность, интеграция, Союз Беларуси и России, идеология.

(Ученые записки. – 2013. – Том 16. – С. 72–76)

Lessons of History and Perspectives of the Construction of the Union State of Belarus and Russia

Golubev S.V.

Educational establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The issue of founding state, comparative significance of economic as well as ideal and political factors of its constituting is considered in the article. By means of the study of the accumulated during the twenty five years historical and geopolitical experience, along with conceptual analysis of the phenomenon of ideology, the significant role of the latter in the process of state construction as it is, is presented. The role of the ideological factor in the collapse of the USSR and integration processes in the post Soviet space is also shown. General characteristic of the practice of state construction in the Republic of Belarus and Russian Federation is presented. Purposefulness of the improvement of the conceptual ideal and political provision of integration processes in the post Soviet space is grounded. Process, tendencies and perspectives of the development of the Union of Belarus and Russia are analyzed. Conclusion is made that strong and mutually beneficial union of Belarus and Russia can and must become a powerful factor of strengthening of both Russian and Belarusian states.

Key words: state, integration, Union Belarus and Russia, ideology.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 16. – P. 72–76)

Разного рода интеграционные инициативы на постсоветском пространстве начали возникать практически сразу же после распада СССР. Это само по себе свидетельствует об объективной необходимости объединения бывших союзных республик. Вместе с тем, каких-либо кардинальных сдвигов, прорывных достижений на пути интеграции за истекшие более чем два десятка лет не достигнуто.

Это в полной мере относится и к такой, наиболее тесной на сегодняшний день в рамках СНГ,

форме объединения, как Союзное государство Беларуси и России.

В этой связи, цель данной работы – проанализировать, применяя исторический и логический методы, наработанный за прошедшую четверть века богатейший исторический опыт для того, чтобы выявить как возможные причины некоторого «торможения» интеграционных процессов, так и условия и средства интенсификации строительства союзной государственности.

Адрес для корреспонденции: e-mail: golubev_sergei1962@mail.ru – С.В. Голубев

Материал и методы. Поскольку непосредственные истоки современной геополитической ситуации лежат, очевидно, в распаде-разрушении СССР, начнем с анализа причин этого распада. Прежде всего, отметим, что распространенные рассуждения о том, что СССР «развалился в силу главным образом экономических причин», так как «советская экономика не выдержала соревнования с западной» и «оказалась в кризисе» и т.п., представляют собой не указание на факт, а интерпретацию. Дело экономистов – решать, был ли в СССР в 80-х годах XX века экономический кризис или не было, но, как хорошо известно, экономические кризисы бывают во всех странах и далеко не всегда, точнее почти никогда не ведут к распаду государства.

Исторический опыт последних десятилетий особенно убедительно свидетельствует о том, что экономический кризис, даже фактическое разрушение экономики не влечет за собой разрушение государственности. Так, во многих из бывших советских республик уровень экономического развития, особенно в натуральных показателях, даже по официальным данным не достигает уровня конца 80-х годов. Все это не приводит, однако, образовавшиеся на постсоветском пространстве государства к распаду, во всяком случае, явному. С другой стороны, можно сослаться на примеры относительно благополучной Чехословакии, распад которой был непосредственно не связан с экономическими причинами, и Югославии, которая распалась, как известно, в силу религиозных и этнических противоречий. Из самых свежих новостей можно вспомнить пресловутые «дефолты» Греции или Кипра, отнюдь не разрушившие эти государства.

Результаты и их обсуждение. Тот факт, что постсоветские государства, как впрочем, и многие другие, в которых экономика находится на еще более низком уровне и практически в постоянном кризисе, не проявляют тенденции к распаду не отменяет, конечно, возможности говорить о том, что: «все равно в будущем», «в конечном счете» и т.п., «экономический фактор сыграет свою роль». Но в качестве футурологических подобные рассуждения остаются за рамками объективного исследования.

Что касается СССР, то согласно общепринятому мнению, он был государством, в котором идеология преобладала над экономикой. Уже из этого преобладания априори вы-

текает возможность распада советской государственности вследствие распада советской идеологии. То, что именно эта возможность и реализовалась в действительности, подтверждается не только тем обстоятельством, что экономические кризисы сами по себе по общему правилу, не приводят к разрушению государства, но и тем, что конкретно в СССР к 1985 году фактически не наблюдалось ни сколько-нибудь заметного снижения уровня жизни, ни повышения политической активности населения. Тем не менее, Советский Союз распался в мгновение, по историческим меркам, сроки.

Всякий претендующий на объективность анализ того, почему это произошло, не может игнорировать тот факт, что этот распад был распадом *социалистического* государства. Социалистическая идеология была необходимым системообразующим элементом последнего, соответственно, отказ от нее неминуемо должен был привести к разрушению советского социалистического строя. Его *перестройка* началась, как известно, с провозглашения *нового мышления*. Новизна состояла в отказе от «классового подхода» в пользу «общечеловеческих ценностей», а так как «классовый подход» является, по существу, неотъемлемым элементом социалистической идеологии, отказ от первого означал отказ и от вторых. Неизбежным следствием этого стала дезориентация государственного аппарата (который в СССР был фактически частью руководствовавшегося социалистической идеологией партийного аппарата), и тем самым, потеря управляемости страной, что в кратчайшие сроки и привело к разрушению социалистического государства. Показательно, что это разрушение не было остановлено и даже не было замедлено тем объективным обстоятельством, что советская экономика представляла собой единый, теснейшим образом интегрированный «народно-хозяйственный комплекс».

Из этих наглядных исторических уроков следуют вполне определенные выводы. Важнейший из них – понимание сравнительного значения экономического и идеологического факторов в строительстве и укреплении государственности. Это понимание особенно актуально для современного этапа развития Союзного государства Беларуси и России, когда основное, если не исключительное, внимание уделяется вопросам именно экономической интеграции. Но экономические свя-

зи, даже весьма тесные, как показывает опыт, не могут компенсировать недостаток политико-идеологической общности. И в этом отношении, что называется, есть над чем работать. Особенно политическому классу современной России. Если в Республике Беларусь выстроена достаточно четкая система государственной идеологии, то о Российской Федерации этого, пожалуй, сказать нельзя. А недостаточная идеологическая определенность российской политики не может, очевидно, способствовать укреплению союзной государственности, также, впрочем, как и укреплению собственно российской.

Заметим, кстати, что известная идеологическая невятность принципиально отличает общественно-политическую ситуацию в РФ не только от ситуации в РБ, но также и от стран Запада, где фактически обеспечено безусловное господство одной определенной идеологии. Показательно, в этой связи, положение дел в США, где достигнут принципиальный общественный консенсус по базовым ценностям, которые и объединяют американскую нацию, начиная от негра-безработного или вчерашнего эмигранта и заканчивая миллиардером или президентом. Все они не хотят *другого порядка*, другой страны и верят в *американскую мечту* (или, во всяком случае, не имеют никакой другой), что и является, если не самым, то одним из самых значимых факторов прочности американской государственности.

Стоит, наверное, заметить, что и во внешнеполитическом плане экспансия «американской мечты», широкое распространение в современном мире веры в американские ценности, американский образ жизни также является важнейшим фактором обеспечения глобальной мощи, мирового влияния американского государства. На это обращал внимание, в частности, такой знаток и практический деятель мировой политики как З. Бжезинский, писавший в «Великой шахматной доске», что «культурное превосходство является недооцененным аспектом американской глобальной мощи» [1, с. 38]. Надо сказать и о Китае – одном из лидеров современного мира. Здесь именно сохранение конфуцианских устоев общественного сознания, «китайской специфики», позволило, несмотря на инфльтрацию марксизма, сохранить основы национально-государственной жизни и обеспечить ее долгосрочную перспективу. Можно, таким образом, утверждать, что ценност-

ный консенсус, наличие, если угодно, господство в обществе определенной идеологии является необходимым условием устойчивого государственного развития и, соответственно, достижения стабильных успехов в социально-экономической жизни общества.

То, что в России, на сегодняшний день, нет государственной идеологии (во всяком случае, таковая не предъявлена обществу, а значит и не существует в качестве действенного фактора общественной жизни), в отличие от тех же США и Китая, и приводит на практике к невозможности четко сформулировать и определить стратегические приоритеты и конкретные цели как национально-государственного, так и союзного строительства и развития.

Говоря о роли идеологии в государственной жизни, необходимо отметить ещё одно принципиальное и, тем не менее, часто упускаемое из виду обстоятельство. Идеология может служить и практически всегда служит либо позитивным *мобилизующим* (сосредоточивающим), либо (при провозглашении ложных неадекватных целей или официальной «деидеологизации»), напротив, негативным демобилизующим (разлагающим) фактором общественного сознания и индивидуального поведения. Для «прагматиков», верящих исключительно в силу материальных, экономических причин, отметим в самом общем виде, что отношение субъекта к наличной ситуации объективно является важным элементом последней и весьма значимым фактором ее изменения. Другими словами, наличное состояние и, в особенности, перспективы того или иного общества в очень значительной степени зависят от того, какая их оценка преобладает в общественном сознании. Если она в целом негативна и пессимистична, если нет цели, то можно вполне основательно предполагать, что обществу, в котором господствуют такие настроения, вряд ли удастся справиться с трудностями и уверенно двинуться вперед, даже если для этого имеются объективные материальные предпосылки. И, наоборот, оптимистическое восприятие перспективы даже при объективно тяжелом кризисном положении, само по себе служит действенным фактором, способствующим улучшению ситуации. И это еще один важнейший вывод – урок, преподанный историей последних десятилетий.

В качестве конкретных примеров можно привести, соответственно положение дел в

нашей стране в 40–60-е годы, когда советская идеология, чтобы сегодня не говорили некоторые «историки», неплохо справлялась со своей главной задачей – консолидировать общество и стимулировать созидательную активность его членов; и 80–90-е, когда официальная «деидеологизация» обернулась практической демобилизацией и прогрессирующим распадом государства и общества, ростом настроений апатии и безысходности. То, что сегодня этот распад остановлен, еще не означает, что устранены его глубинные *идейные* причины. И вопрос о том, что можем мы, в Беларуси и России, противопоставить «американской мечте» остается открытым.

Из этого следует, что необходимым условием укрепления союзной государственности является адекватная «настройка», если угодно, патриотическая «перезагрузка» общественного сознания, что невозможно без выработки и «внедрения в массы», отвечающей современным требованиям (*вызовам*) «интеграционной» идеологии. Именно в ее рамках можно было бы определить принципиальные основания и конкретные цели единения наших народов, желательное для них общественно-государственное устройство. О значении идеологии для государственного строительства хорошо сказал П.Н. Савицкий, один из лидеров евразийского движения и первопроходцев геополитики: «Вдумываясь в исторические процессы, можно дать еще более резкую формулировку: всякое дрящееся правление, будь оно единодержавным, народодержавным или иным, есть та или иная форма осуществленного идеалоправства» [2, с. 127].

Однако в общественном сознании и Беларуси, и, особенно, России преобладают представления о «вторичности» идеологии, идеологического фактора государственной жизни (что нашло свое отражение, в частности, в известной статье В.В. Путина «Новый интеграционный проект»). Это касается как так называемых широких масс населения, так и представителей элиты, в том числе и политической, властной. Вместе с тем, и в обществе, и во властных кругах наших стран, в последнее время много говорят о защите национальных интересов, обеспечении национальной безопасности. И это, конечно, можно только приветствовать, но должно быть четкое понимание того, что одними политико-экономическими мерами здесь не обойтись. Ведь что такое национальная безопасность – это, очевидно, способность обеспечить на-

циональные интересы. Национальные интересы, по определению, состоят в реализации, достижении национальных целей. Национальные цели принципиально состоят в сохранении, приумножении и развитии национальных ценностей. Определение национальных ценностей оказывается, таким образом, точкой отсчета для выстраивания системы обеспечения национальной безопасности. Но национальные ценности исходно, сущностно определяются национальной идеей, иначе говоря, национально-государственной идеологией, которая, собственно и должна представлять собой нечто иное, как системным образом разработанную концептуальную форму национальной идеи.

Для союзной государственности, соответственно необходима объединяющая идеология, такая, которая смогла бы предложить концептуально оформленную систему ценностей, общую для Беларуси и России и прелекательную для их граждан. Кроме того, дело также и в том, что национально-государственный суверенитет, по существу своему, заключается в обладании политической субъектностью, в бытии в качестве самостоятельной политической индивидуальности. Как говорит Гегель, в аспекте внешнего государственного права: «государство есть отдельный индивидуум в его отношении к другим отдельным индивидуумам» [3, с. 350]. Материальным основанием (фактором) такого бытия (национально-государственного суверенитета) являются население и территория, но этого основания самого по себе недостаточно. Обладать телом не значит еще быть индивидуальностью. Необходимо также (как и для всякой субъектности, индивидуальности) *идеальное*, духовное основание. Всякая действительная самостоятельность (суверенитет) есть, очевидно, самостоятельность не только физическая, материальная, но и духовная, *идейная*. И значимость последней не стоит недооценивать. Ведь не надо доказывать, что если общество хочет существовать в национально-государственной форме, то оно должно обладать территориальной определенностью, то есть фиксировать внешнюю форму своего бытия, иметь государственные границы. Но внешнее бессмысленно, да и не может существовать без внутреннего, необходимо обладать еще и соответствующей внутренней определенностью. Другими словами, общество должно иметь свое собственное содержание, социо-

культурное, социально-политическое своеобразие, свою внутреннюю форму. Национальная идея и представляет собой фиксацию, фундамент внутренней формы национально-государственного бытия общества. Ее неотрелективированность в общественном сознании неизбежно ведет к размыванию политической индивидуальности и ослаблению политической субъектности данного общества, а на уровне отдельного гражданина – к равнодушию, отказу от ответственности за судьбу страны. И это третий вывод – урок современной истории.

Для Союза Беларуси и России отсутствие идеологического основания представляет особенную опасность. Прежде всего, потому что союзная государственность и так имеющая в силу весьма недолгой истории своего политического существования (как, впрочем, и в силу ряда других факторов), ослабленную политическую субъектность и недосформированную политическую индивидуальность, без разработки государственной идеологии не сможет обрести стратегическую устойчивость и стабильность в качестве определенной формы государственного бытия.

Заключение. Отметим следующее: прочный и взаимовыгодный союз Беларуси и России может и должен стать источником силы, как для российской, так и для белорусской государственности, залогом ее свободного и гармоничного развития наших народов. Такой Союз – это своеобразный, целостный и самодостаточный мир. Его самостоятельность, процветание и стабильность является необходимым условием для сохранения и приумножения культурно-цивилизационного богатства и разнообразия человечества. Надлежащее идейно-концептуальное обоснование этого может стать мощным созидательным фактором строительства союзной государственности.

Литература

1. Бжезинский, З. Великая шахматная доска / З. Бжезинский. – М.: Аспект-Пресс, 1999.
2. Савицкий, П.Н. Континент – Евразия / П.Н. Савицкий. – М.: Аграф, 1997.
3. Гегель, Г.В.Ф. Философия духа / Г.В.Ф. Гегель // Энциклопедия философских наук / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Наука, 1977. – Т. 3.

Поступила в редакцию 28.06.2013 г.

Принята в печать 30.12.2013 г.

УДК 378.4(476.5)

Вуз глазами студентов

Кривоносова Е.Э.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В статье рассматриваются актуальные проблемы социализации личности студентов в учебном процессе. Дан анализ эмпирического материала, полученного в ходе репрезентативного социологического опроса студентов старших курсов. В частности, изучен вопрос мотивации получения высшего образования молодыми людьми. Значительное внимание уделено отношению студентов к различным аспектам внутривузовской жизни: организации учебного процесса, методической работы, свободного времени. Анализ оценочных суждений выпускников носит прежде всего прикладной характер. Полученные результаты социологического исследования об оценках, ориентациях и предпочтениях студентов могут быть использованы различными структурными подразделениями вуза в дальнейшем совершенствовании всего комплекса учебно-воспитательной работы и пространственно-временного компонента образовательной среды.

Ключевые слова: высшее образование, учебный процесс, социальные ценности молодежи, профессиональные качества, имидж вуза.

(Ученые записки. – 2013. – Том 16. – С. 77–82)

University through Students' Eyes

Krivososova E.E.

Educational establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The article deals with urgent issues of socialization of the personality of the student in the educational process. The article contains the analysis of the empirical material received in the course of a representative sociological survey of the students of senior courses. In particular the article deals with the issue of young people's motivation in higher education. Considerable attention is paid to the attitude of students to various aspects of internal life of the university: organization of educational process, methodological work and free time. The analysis of estimates of graduates has primarily applied character. The results of sociological research about assessments, attitudes and preferences of students may be used by different structural units of the university in the further improvement of the whole complex of educational work and spatial-temporary component of the educational environment.

Key words: higher education, educational process, social values of young people, professional quality, image of the university.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 16. – P. 77–82)

Современный человек живет в плотном информационном поле, но не все каналы, способы и средства коммуникации нацелены на формирование научного мировоззрения и гуманитарного мироощущения. Главная цель высшей школы – формирование нравственной, ответственной и свободной личности, творчески мыслящего, способного продуктивно работать специалиста. Высшая школа с хорошими научными и культурными традициями является залогом того, что в стране не исчезнет интеллектуальный слой, способный осмыслить и решить не только

конъюнктурные, но и стратегические задачи. Исторически сложившееся совмещение в вузе фундаментального и специализированного образования с общекультурными функциями позволяет ему не замыкаться только на обучении молодых людей, но и взаимодействовать с окружающей социокультурной и политической средой, вносить в нее стабилизирующее и ориентированное на длительную перспективу начало, поскольку сегодняшние выпускники завтра станут полноценными трудовыми ресурсами и носителями определенного культурного кода общества.

Адрес для корреспонденции: e-mail: crielena@yandex.ru – Е.Э. Кривоносова

Теоретическим аспектам подготовки специалиста в стенах вуза, роли последнего в социализации личности студента посвящено огромное множество исследований. Деятельность вуза определяется обязательными для всех нормативными документами и распоряжениями свыше. Вместе с тем каждый вуз имеет свою специфику, которая обусловлена демографической ситуацией в регионе, качественным уровнем ППС, структурой и направлением подготовки специалистов. Результативность деятельности вуза зависит от многих факторов: уровня удовлетворенности студентов организацией учебно-воспитательного процесса, свободного времени, условиями быта, состоянием морально-психологического климата, взаимоотношениями в коллективе, материально-технической базой и др.

Цель статьи – изучение мнения студенческой молодежи о важнейших аспектах организации внутривузовской жизни.

Материал и методы. Использован эмпирический метод сбора социологической информации путем анкетирования студенческой молодежи, а также теоретический анализ полученного эмпирического материала. Достоверность результатов исследования определяется его репрезентативностью.

Результаты и их обсуждение. Признание образования ценностью подтверждается конституционно закрепленным правом человека на образование. Ценностная характеристика образования имеет государственный, общественный и личностный аспекты. Государственная и общественная потребность в качественном образовании состоит в том, что данные субъекты заинтересованы в интеллектуально и духовно зрелых гражданах, способных не только продуктивно наращивать экономический потенциал государства, но и участвовать в развитии культурного пространства. Личностная ценность образования для каждого индивида своя.

В нашем исследовании рассматривался вопрос ценности высшего образования для молодого поколения. Полученные ответы ранжировались следующим образом:

56,5% – обучение в вузе позволяет стать образованным человеком;

52,3% – престижно для молодого человека в современном обществе;

35,2% – позволяет занять более высокое положение в обществе;

33,7% – позволяет получить интересующую профессию;

30,6% – дает возможность в будущем хорошо зарабатывать;

29,4% – дает возможность реализовать свои способности;

10,4% – создает условия для приобщения к научной работе;

0,5% – дает возможность работать за границей.

В то же время стремление студентов к добросовестной подготовке к занятиям, высокому уровню оценок по различным дисциплинам только на 16,6% детерминировано желанием быть эрудированным человеком; на 30,2% – интересной информацией по изучаемым предметам; на 33,7% – наличием интереса к профессии. Превалирует же в мотивации – величина стипендии (41,8%), подкрепленная внешним стимулированием и санкциями со стороны ППС в виде различных форм контроля (48,4%) и высокой требовательности (24,0%). Результаты опроса свидетельствуют, что для значительной части респондентов высшее образование вряд ли можно назвать интериоризованной ценностью, оно выступает, скорее, неким «джентльменским минимумом» для многих современных молодых людей. Иными словами, иметь высшее образование в настоящее время является одной из ценностей высшего порядка для многих студентов не потому, что демонстрирует их собственное стремление к личностному совершенствованию, самоактуализации, а потому, что позволяет повысить социальный статус, является своеобразной реакцией на давление извне общественного мнения (престижно!) и дисциплинарного контроля. Но будут ли за дипломом стоять реальные знания, навыки? При отсутствии нацеленности на овладение конкретной профессией, высшее образование будет иметь тенденцию к девальвации.

При этом потенциал вузовской среды огромен и должен быть востребован. Современные вузы выполняют многочисленные социальные функции, которые не сводятся только к производству кадров, они должны быть инкубаторами новых идей и хранителями фундаментальных культурных ценностей, двигателями социально-экономического развития. На первый план выходят формирование у студентов восприимчивости к новому; стимулирование творческого потенциала, умения адаптироваться к постоянно меняющимся условиям, предприимчивости; развитие стремления к дальнейшему профессиональному росту, способности к рефлексии; усвоение коммуникативной культуры, иными словами, интеллектуальные способности, а не способность к усвоению определенного объема полидисциплинарной информации, которая достаточно быстро устареваает. Правда, оценка студентами ролевого предназначения вуза не всегда совпадает с эталонной моделью (см. таблицу 1).

Таблица 1

Вуз и формирование личностных качеств будущего специалиста

Обучение в вузе способствует	Да, %	Не совсем, %	Нет, %
Развитию коммуникативных, информационных способностей	60,0	39,4	0,6
Развитию аналитических способностей, мировоззренческих позиций и ценностей личности	54,6	45,7	0,3
Развитию интеллекта, творческих способностей, эрудиции	44,9	54,4	0,6
Утверждению высокой морали	27,1	56,7	16,2
Формированию ценностей здорового образа жизни, физкультурно-спортивной активности	25,9	48,6	25,5
Глубокому постижению профессии	16,2	69,9	13,9

О значимости высшего образования свидетельствуют и данные переписи населения 2009 г. По данным переписи, в стране на 1000 молодых людей приходилось 189 человек с высшим образованием (по переписи 1999 года – 140) [1]. Это означает, что вопрос получения образования важен, так как он определяет в будущем социальный статус гражданина, высшее образование – важнейший атрибут престижности, социальной значимости современного человека. 46,8% респондентов признались в стремлении получить диплом о высшем образовании для последующего решения жизненных вопросов.

Перед многими стоит дилемма, какой вуз выбрать. Чем труднее получение образования, и чем более высокий статус в обществе оно обеспечивает после его получения, тем оно более отвечает показателям престижности определенных групп. Чем доступнее высшее образование и бесполезнее для дальнейшего роста общественного статуса потребителя образовательных услуг, тем менее оно связано с таким понятием как «престиж».

Выбор будущей профессии – очень ответственный шаг для молодого человека. Но давайте посмотрим, чем этот выбор обусловлен. На вопрос, что побудило Вас выбрать для обучения УО «ВГУ им. П.М. Машерова», ответы распределились следующим образом: 58,5% опрошенных указали, что в этом вузе есть интересующая их специальность; 27,1% высказали желание стать высокообразованными специалистами, профессионалами в своем деле; 24,4% оценивают свои способности как больше соответствующие профилю данного вуза. 15,5% респондентов признались в гедонистическом желании пожить интересной студенческой

жизнью. Вместе с тем настораживает то, что каждый четвертый из опрошенных (24,4%) выбрал вуз из-за близкого расположения к месту проживания, 15,8% – из-за низкого конкурса при поступлении. Получается, что для значительной части респондентов все равно, какую профессию приобретать, лишь бы был диплом о высшем образовании, ценятся не столько знания, сколько документ о наличии определенного уровня квалификации. О чем это свидетельствует? Предположений несколько: о недостаточно эффективной профориентационной работе, о падении престижа труда школьного учителя, о незрелости личности, которая не в состоянии построить жизненную стратегию (кстати, только каждый третий (27,1%) признал ответственным за свое будущее себя). Около 3% респондентов выбрали ВГУ, потому что либо не поступили в другое высшее учебное заведение, либо надо было чем-то заняться после окончания школы, либо отсрочить военную службу, либо устраивает низкая оплата за обучение, по сравнению с другими вузами, либо слышали хорошие отзывы выпускников прошлых лет о качестве подготовки специалистов в нашем вузе.

Каждое высшее учебное заведение стремится формировать и поддерживать свой эффективный имидж, что влияет на усиление позиций на локальном рынке образовательных услуг и в значительной мере сказывается в целом на имидже образования.

Имидж вуза как сложившийся в массовом сознании эмоционально окрашенный образ, транслируемый во внешнюю среду и призванный оказывать психологическое влияние на конкретные группы социального окружения, складывается из ряда показателей:

- *ценность образовательной услуги* (представления о востребованности получаемой специальности на рынке труда, уровне зарплаты и карьерного продвижения, качестве знаний и практических умений, возможностях для самореализации, состоянии учебно-материальной и научной базы);

- *имидж потребителей образовательной услуги* – студентов, их родителей, работодателей (представления об образе жизни, общественном статусе потребителей);

- *внутренний имидж вуза* (представления преподавателей и студентов об организационной культуре, управлении персоналом, образовательной среде, социально-психологическом климате учреждения);

- *имидж руководителя и преподавателей вуза* (представления о способностях, компетентности, культуре, социально-демографическом статусе, установках, ценностных ориентациях и психологических характеристиках работников на основе восприятия внешности, особенностей вербального и невербального поведения, образа жизни, хобби);

- *визуальный имидж вуза* (представления об организации, основой которых являются зрительные ощущения, при восприятии интерьера и экстерьера зданий, аудиторий, вспомогательных помещений вуза, внешнего облика преподавателей и студентов, символики вуза, интернет-сайта);

- *социальный имидж вуза* (представления о социальных целях и роли образовательного учреждения в социально-экономической, культурной жизни города, региона, формируемые посредством информирования общественности о социальных аспектах его деятельности, таких, как обучение и воспитание

молодежи, осуществление научной деятельности, участие в крупных региональных проектах, содействие конкретным лицам в решении их социальных проблем);

- *бизнес-имидж вуза* (представления о вузе как субъекте коммерческой деятельности, обусловленные деловой активностью организации, индикаторами которой являются: разнообразие, продвижение и объем продаж образовательных услуг; относительная доля рынка; инновационность образовательных технологий; ценовая политика, знаменитые выпускники) [2].

В целях имиджевого самоконтроля руководству любого вуза важно знать, какие факторы и в какой мере способствуют укреплению позитивного имиджа учреждения, на какие из них следует обратить особое внимание, проводить аналитическую работу по выявлению этих факторов.

Очень важна для формирования и поддержания репутации вуза оценка учебно-воспитательного процесса основными потребителями образовательных услуг – выпускниками. Оправдал ли вуз их надежды? Четверть (26,2%) опрошенных ответили: «да, вполне», 55,4% – «частично», 17,8% – «не оправдал», 0,6% затруднились ответить. Как видим, каждый шестой выходит из стен университета разочарованным в профессии (24,0%), материальной базой вуза (29,4%), низким уровнем преподавания дисциплин (18,9%), морально-психологическим климатом в коллективе (17,8%), организацией свободного времени (15,5%).

В таблице 2 ранжированы оценки студентами некоторых сторон деятельности вуза, определенных проблем, требующих разрешения.

Таблица 2

**Степень удовлетворенности студентов
различными аспектами жизнедеятельности университета**

Стороны жизнедеятельности вуза	Вполне удовлетворен, %	Не совсем удовлетворен, %	Не удовлетворен, %
Организацией, качеством питания и ценами в студенческой столовой	16,6	37,3	46,1
Обеспеченностью необходимыми учебными пособиями, информационными материалами	21,3	41,9	36,8
Организацией и медицинским обслуживанием в студенческом профилактории	49,6	17,1	33,3

Окончание таблицы 2

Условиями для интересного проведения свободного времени, саморазвития	32,1	35,8	32,1
Отношением руководства вуза к организации учебного процесса, проблемам студентов	20,5	50,5	29,0
Организацией учебного процесса (расписанием, наличием аудиторий, информированностью по вопросам учебного процесса и т.п.)	27,5	44,1	28,4
Бытовыми условиями жизни в общежитии (если Вы там проживали)	10,8	61,0	28,2
Оснащенностью библиотеки вуза современными информационными технологиями	36,8	36,5	26,7
Условиями для подготовки к учебным занятиям в общежитии (если Вы там проживали)	12,0	62,5	25,5
Отношением руководства факультета к организации учебного процесса, проблемам студентов	26,3	48,9	25,1
Условиями для проведения интересного досуга, занятий физическими упражнениями в общежитии (если Вы там проживали)	12,7	62,5	24,8
Состоянием и эстетическим оформлением аудиторий вуза, его территории	26,7	51,3	22,0
Условиями для занятий физическими упражнениями, спортом	37,5	40,8	21,7
Оснащенностью учебного процесса современными информационными технологиями	26,7	54,7	18,6
Содержанием (планированием) и организацией практик по специальности	35,6	46,2	18,2
Организацией трудоустройства выпускников вуза	39,5	43,1	17,4
Условиями для проявления самостоятельного творчества	41,0	44,3	14,7
Величиной стипендии и надбавками к ней	51,1	34,6	14,3
Отношением преподавателей к своим обязанностям, проблемам студентов	34,4	51,7	13,9
Отношениями среди студентов группы, курса, факультета	54,2	32,3	13,5
Условиями для проведения студенческих научных исследований	38,7	48,2	13,1
Организацией и содержанием воспитательной работы	43,0	47,0	10,0
Уровнем преподавания гуманитарных дисциплин	56,2	43,0	0,8
Отношением методистов (руководителей, преподавателей, учителей и т.д.) к обеспечению качественной практики студентов по специальности	49,6	49,6	0,8
Оценкой знаний и умений со стороны преподавателей на зачетах и экзаменах в соответствии с их реальным уровнем у студентов	45,7	53,5	0,8
Уровнем преподавания специальных дисциплин	51,1	48,3	0,6

Как видно из таблицы, студенты достаточно высоко оценили труд профессорско-преподавательского состава, уровень преподавания гуманитарных и специальных дис-

циплин, организации практик, содержание идейно-воспитательной работы. Это важные позитивные оценки вуза, поскольку речь идет о приоритетных направлениях его деятельно-

сти. В то же время достаточно низка оценка студентами бытовых условий жизни в общежитиях, условий подготовки к занятиям и проведения досуга в них, организации и качества питания в студенческих столовых.

В ходе опроса студентам была предложена гипотетическая ситуация. Они должны представить себя руководителем вуза и ответить на вопрос: на что нужно обратить первоочередное внимание:

- 56,2% – улучшение условий жизни в общежитиях;
- 51,1% – совершенствование методического обеспечения учебного процесса;
- 43,0% – совершенствование системы материального стимулирования качественного труда;
- 34,1% – компьютеризацию учебного процесса;
- 25,1% – эстетическое оформление интерьера;
- 19,7% – совершенствование организации свободного времени студентов;
- 19,3% – повышение дисциплины от студентов до администрации вуза;
- 15,8% – улучшение благоустройства территории;
- 14,3% – повышение эффективности НИР;
- 13,5% – повышение эффективности воспитательной работы среди студентов.

Вполне понятно и объяснимо стремление современной молодежи к комфорту, материальному поощрению добросовестной учебы. В то же время позитивным моментом является заинтересованность студентов в укреплении методической базы образовательной деятельности и внедрении информационных технологий. Это говорит о том, что значительная часть респондентов ориентирована на качественную профессиональную подготовку.

Заключение. Организация учебно-воспитательного процесса призвана обеспечить условия для реализации возможностей каждого студента в приобретении им не только знаний, но и навыков саморегуляции учебной деятельности, в более широком аспекте – условий для социализации и проявления всего комплекса личностных качеств, востребованных современным обществом.

Таким образом, полученные результаты исследования отчасти подтверждают современную тенденцию, что под повышением уровня

образования подразумевается увеличение доли населения с высшим образованием, а не квалификации работников. Но не имеет смысла гордиться количественными показателями там, где есть недостаток качества. Все это требует повышения качества учебно-методической, научно-исследовательской и воспитательной работы в вузе, внедрения новейших технологий в учебный процесс. К сожалению, не все зависит от преподавателей. Вступительные кампании доказывают корреляцию подготовки специалистов высшего образования с уровнем школьной подготовки: каково «сырье», таков «продукт». Но и на школу пенять нельзя, ведь становление личности в значительной мере обусловлено активностью самого человека, его стремлением к познанию себя и высших смыслов существования, к самореализации. Возможно, тогда реализуется поставленная Государственной программой развития высшего образования на 2011–2015 гг. цель – «обеспечение подготовки высококвалифицированных специалистов на основе новейших достижений науки и техники для удовлетворения потребностей государства, приведение качества подготовки специалистов с высшим образованием в соответствие с требованиями современного уровня инновационного развития отраслей экономики и социальной сферы, а также обеспечение развития способностей и интеллектуально-творческого потенциала личности, ее идейно-нравственного воспитания» [3].

Литература

1. Образовательный уровень населения Республики Беларусь: статист. сб. – Том 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://belstat.gov.by/homep/ru/perepic/2009/itogi_1.php – Дата доступа: 01.02.2012.
2. Васюков, И.Л. Деловая репутация и имидж вуза как условие и результат качественного образования / И.Л. Васюков, А.Н. Волков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.proza.ru/2004/12/22-194>. – Дата доступа: 30.01.2012.
3. Государственная программа развития высшего образования на 2011–15 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.brsu.by/sites/default/files/ucheb/gosudarstvennaya_programma... – Дата доступа: 01.02.2012.

Поступила в редакцию 19.11.2012 г.

Принята в печать 30.12.2013 г.

УДК 1(091)(470)

Русский философский ренессанс и проблема поиска пути исторического развития восточнославянской цивилизации

Романов О.А.

Учреждение образования «Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы», Гродно

В статье рассмотрен феномен русского философского ренессанса в контексте поиска пути исторического развития восточнославянской цивилизации. Выявлены предпосылки его возникновения и развития, показано духовное состояние русского общества как фактора очерчивания предметной области философских исследований. Определено место сборника «Вехи» в системе творческих исканий философской мысли начала XX столетия. Раскрыто идейно-мировоззренческое содержание «Вех», продемонстрирована социокультурная обусловленность его проблемного поля. Особое внимание автор уделил реконструкции двух взаимосвязанных проблем: духовному состоянию интеллигенции и перспективам революционных преобразований общества. Показано, что веховцы резко негативно относились к возможности революционного переустройства социальной системы, полагая данный проект плодом глубокого духовного заблуждения, носителем которого в первую очередь является интеллигенция. В статье отмечено, что рассуждения мыслителей русского философского ренессанса о необходимости духовного просветления личности как залога прогрессивного развития всего общества являются весьма актуальными для современных восточнославянских стран, переживающих в начале XXI века глубокие социальные трансформации.

Ключевые слова: русская философия, национальная философия, восточнославянские народы, сборник «Вехи», революция, история, интеллигенция, нигилизм, атеизм.

(Ученые записки. – 2013. – Том 16. – С. 83–87)

Russian Philosophical Renaissance and the Problem of Questing for the Course of Historical Development of East Slavic Civilization

Ramanau A.A.

Educational establishment “Grodno State Yanka Kupala University”, Grodno

The article deals with the phenomenon of Russian philosophical renaissance in the context of questing for the course of historical development of East Slavic Civilization. The author reveals the premises of its origin and development, shows the spiritual state of Russian society as a factor of outlining of the subject area in philosophical study. Place of the Collected Articles “Vehi” (Landmarks) has been defined within the system of creative search of the philosophical thought of the early 20th century. Ideological world-view of “Vehi” as well as social and cultural stipulation of its problem area have been exposed. The author devoted special attention to reconstruction of two interconnected problems that is moral state of intelligentsia and prospects of revolutionary transformation of the society. It is pointed out that “Vehi” followers strongly opposed the possibility of revolutionary reorganization of social system considering realization of the project a result of profound spiritual delusion. The author develops the thought that the reasoning of the key figures of Russian philosophical renaissance on the need of spiritual enlightenment of a person as an essential condition for progressive development of the whole society is highly timely and pressing for the modern Eastern Slavic countries that experience profound social transformations in early 21st century.

Key words: Russian philosophy, national philosophy, East Slavic peoples, the Collected Articles “Vehi”, revolution, history, intelligentsia, nihilism, atheism.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 16. – P. 83–87)

В начале XX века в России начинается духовное движение, получившее название русского религиозно-философского ренессанса. Его возникновение совершенно естественно и гармонично было обусловлено всем предшествующим развитием русской и мировой философии. В это время обнаружилась неудовлетворенность тотальным господ-

Адрес для корреспонденции: e-mail: oromanov@inbox.ru – О.А. Романов

ством позитивизма и марксизма, определявших культурный облик рубежа веков. Отрицание крайностей узко рационалистической философии было осуществлено на пути развития религиозно-идеалистического мировоззрения, позволяющего преодолеть односторонность позитивистской методологии и открывающему простор свободному развитию духа. У русской философии были все необходимые средства для решения этой задачи. К ним относятся: богатая традиция религиозно-философского творчества, не прерывавшаяся даже в петербургский период; повышенный интерес к метафизическим проблемам человеческого бытия; глубокая проработка метафизики всеединства, осуществленная славянофилами и В.С. Соловьевым. Вообще влияние Соловьева на русский философский ренессанс и поэзию Серебряного века трудно переоценить. Уже вскоре после кончины мыслителя его имя становится символом духовных исканий.

Еще одной причиной бурного расцвета философского творчества в России начала XX столетия стало нарастание апокалиптических предчувствий и ожиданий. Наиболее сильные и чуткие умы этой эпохи чувствовали приближение масштабных катастроф и нарастание трагизма истории. Это было время всеобщего беспокойства и духовного смятения. Как вспоминал позже Н.А. Бердяев, «было возбуждение и напряженность, но не было настоящей радости». Общее мироощущение было трагическим, наполненным смутными ожиданиями грядущих потрясений.

Двадцатый век... Еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла,
Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла, – предрекал
А. Блок.

Целью данной статьи является раскрытие теоретико-мировоззренческого содержания русского философского ренессанса в контексте поиска пути исторического развития восточнославянской цивилизации.

Материал и методы. Теоретико-методологическим основанием работы выступает цивилизационный подход к пониманию истории, предполагающий множество очагов историчности, каждый из которых самостоятельно генерирует импульсы собственного развития. Вторым основанием стал диалектический подход к анализу социальных явлений с его принципами развития, восхождения от абстрактного к конкретному,

единства логического и исторического. Избранная методология обусловила выбор историко-генетического метода, а также метода исторической реконструкции.

Результаты и их обсуждение. Поиски нравственного идеала на пути духовного обновения и легли в основу культурного феномена, названного русским религиозно-философским ренессансом. Здесь необходимо разобраться с происхождением названия. Во-первых, он означал возврат к самобытной русской религиозной философии после кратковременного увлечения в 80–90-х гг. XIX века позитивизмом и марксизмом. Можно сказать, что одной из важных тем русской философии этого периода было критическое переосмысление марксистских идей. Эта задача была блестяще решена рядом выдающихся русских философов (С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, П.Б. Струве), которые, пройдя в юности через увлечение марксизмом, перешли на идеалистические позиции и подвергли марксистскую философию и идеологию глубокой критике. Она была тем более опасной для ее сторонников и носителей, что исходила от мыслителей, прекрасно знавших марксизм изнутри. Во-вторых, термин «ренессанс» использовался для обозначения расцвета отечественной философии начала XX века еще и потому, что по силе духовной мощи, по богатству полученных результатов он не только не уступал европейскому ренессансу XV–XVI веков, но и во многом его превосходил. Более того, европейское возрождение было глубоко противоречивым явлением, что прекрасно показано А.Ф. Лосевым в «Эстетике Возрождения», а П.А. Флоренский называл европейский Ренессанс «началом конца» западной культуры. Теоретически и мировоззренчески русский ренессанс имел совершенно иную направленность, что позволило получить и более крупные и более жизнеспособные результаты.

В начале XX века русская философия вступила в эпоху зрелости и «цветущей сложности», характеризовалась разнообразием оригинальных творческих достижений как рационалистического (А.А. Богданов, Г.Г. Шпет, Д.И. Менделеев, А.И. Введенский), так и религиозно-метафизического (С.Н. и Е.Н. Трубецкие, Н.О. Лосский, В.В. Розанов, Н.Ф. Федоров, П.А. Флоренский) характера. Особое место занимают авторы сборника «Вехи» (С.Л. Франк, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, П.Б. Струве), о котором речь пойдет ниже. Высокого профессионального уровня достигла университетская

философия, в том числе философско-правовая мысль (Б.Н. Чичерин, П.И. Новгородцев, И.А. Ильин). К этому надо прибавить также духовно-академическую философию, развивавшуюся в четырех духовных академиях – в Москве, Киеве, Петербурге и Казани. Достаточно сказать, что в Московской духовной академии философию преподавал П.А. Флоренский, «русский Леонардо да Винчи», как его называли впоследствии – универсальный гений в области философии, богословия, математики, естественных и технических наук.

Важно отметить, что русский религиозно-философский ренессанс был очень широким явлением общественной мысли, охватившим все ее проявления – философию, богословие, художественную литературу, поэзию, публицистику, музыку, результатом которого стал беспрецедентный взлет интеллектуального и художественного творчества. Ему сопутствовала столь же беспрецедентная социально-культурная активность интеллигенции, выразившаяся в появлении разнообразных кружков, обществ и т.п., в проведении всевозможных диспутов, вечеров, собраний. «По своему духовному напряжению, по страстности исканий, по богатству принесенных им плодов период этот имеет мало параллелей в истории русской культуры», – утверждал известный исследователь русской философии С.А. Левицкий [1, с. 251].

Одним из наиболее значительных и замечательных культурных событий начала XX века стал выход книги «Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции» (1909). Резонанс от выхода сборника был колоссальным. Достаточно сказать, что в течение 1909 года вышло пять изданий «Вех», а в печати с марта 1909 по февраль 1910 г. появилось 218 откликов на него. В 1909–1910 гг. были опубликованы пять книг, в которых дебатировалась проблематика «Вех», в России и за границей устраивались обсуждения сборника, а П.Н. Милюков предпринял лекционное турне против «Вех».

О чем свидетельствует грандиозный успех сборника и что он обозначает как веха (что значит «значковый шест», по В.И. Далю) в истории русской культуры? Прежде всего «Вехи» были «значком» того высокого уровня интеллектуального и общекультурного влияния, которого достигла философия в России начала XX века. Ведь «Вехи» – это не какой-то политический памфлет (от политики авторы сборника принципиально дистанци-

ровались), а философское произведение, замечательный образец вольного философствования, посвященного оценке своеобразия национальной психологии, мирозерцания русской интеллигенции, ее отношения к религии, философии, праву, морали. В это время была осознана «существенная оригинальность» (слова В.Ф. Эрна) собственно русской философской традиции, которая была открыта подобно тому, как в предыдущем столетии Н.М. Карамзин «открыл» русскую историю. Веховцы глубоко осмыслили эту оригинальность как в самом сборнике, подчеркнувшем особое значение религиозной философской мысли П.Я. Чаадаева, славянофилов, Ф.М. Достоевского и В.С. Соловьева, так и за его пределами.

Концептуальным центром сборника стала проблематика связи человека и истории, мировоззренческих оснований исторического процесса. Непосредственным поводом к такой постановке вопроса стало поражение революции 1905–1907 гг. Однако осмысление данной темы вышло далеко за пределы политической злободневности, превратившись в проблему культурно-философскую. Авторы «Вех» (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, М.О. Гершензон, А.С. Изгоев, Б.А. Кистяковский, П.Б. Струве, С.Л. Франк) выступили против тех, кто, отрицая естественность и органичность исторического процесса, призывал сделать скачок «из царства необходимости в царство свободы». Веховцы осуждали радикальную интеллигенцию не за то, что они применяли неверные методы революционной борьбы, а за саму попытку нарушить объективный ход истории. Суть дела, как писал Струве, «не в том, как делали революцию, а в том, что ее вообще *делали*», подчеркивая, что смысл его утверждения связан именно с понятием «делание», выражающим волюнтаристское вмешательство в исторический процесс.

Веховцы совершенно не отрицали необходимости проведения реформ, соответствующих внутренней логике исторического процесса. Революцию же они рассматривали как насильственную ломку самой этой логики, подрыв и разрушение глубинных оснований общественной жизни людей. Этот тезис вытекал из историсофской концепции сборника, суть которой состоит в том, что история и культура есть объективация (выражение вовне) внутренних духовных ценностей личности. Поэтому решение задачи совершенствования общественной жизни должно своей исходной точкой иметь преобразование души

человека. Именно мировоззрение человека, содержание его внутреннего мира и иерархия ценностей есть подлинный источник исторического процесса. Другими словами, не отрицая наличие взаимосвязи между духовной жизнью и материальными социальными институтами, веховцы утверждали первичность сознания перед мертвыми формами социальных учреждений.

Все авторы исходили из признания самоценности внутренней жизни личности как творческой силы человеческого бытия, из признания, что именно она, а не самодовлеющее начало политического порядка является основанием для любого общественного строительства. Веховцы крайне негативно относились к нравственному релятивизму революционной интеллигенции, противопоставляя ему идею абсолютности моральных принципов, в которых виделись гарантии от всех видов духовного, а затем и политического рабства. В этом же и состоял один из упреков, высказанных в адрес интеллигенции: культивируя общественность, стремясь к улучшению ее форм, она упустила из виду личность, момент творчества и созидания, чем был нанесен серьезный вред культуре как процессу «самовоспитания» и объективации человеческого духа.

Значительная часть сборника посвящена анализу специфики восточнославянской интеллигенции. Повышенное внимание к этой проблеме неслучайно. Дело в том, что сознание интеллигенции, система ее убеждений и идеалов стала одной из причин революционных потрясений России. Интеллигенция обосновала необходимость революции, своим авторитетом освятила ее насилие и оправдала колоссальные жертвы. Веховцы отчетливо осознавали насколько деструктивным является такой тип мировоззрения и к каким пагубным последствиям он может привести. Поэтому они дали развернутую критику интеллигентского сознания и предложили пути его исправления. В первую очередь авторы «Вех» указали на «отщепенство» отечественной интеллигенции от народа, его быта и образа жизни. Субъективно желая блага народу, искренне стремясь ему послужить, в реальной жизни интеллигенция совершенно не знала его нужд и чаяний, зачастую имела превратное представление о подлинных потребностях народа. Такое положение дел приводило к выдвиганию интеллигенцией ложных идеалов и способов переустройства народной жизни.

Объектом критики стала и другая черта интеллигентского сознания – нигилистический морализм, в основе которого лежал пафос служения земным нуждам народа, идее своеобразно понятой социальной справедливости. Нигилизм означал подчинение любых высших ценностей интересам революционной борьбы, порождая «раскольничью» мораль с ее нетерпимостью и фанатизмом. Этот нигилистический морализм породил тип интеллигента, саркастически названный С.Л. Франком «воинствующим монахом нигилистической религии земного благополучия» [2, с. 364]. Так, например, интеллигенция предложила такое понимание истины, при котором она являлась лишь орудием общественного переворота, ибо «основное моральное суждение интеллигенции укладывается в формулу: да сгинет истина, если от гибели ее народу будет лучше жить, если люди будут счастливее; долой истину, если она стоит на пути заветного клича «долой самодержавие» [3, с. 17–18]. В итоге в философских построениях интеллигенции не осталось места ни для свободы, ни для личности, поскольку и свобода и личность были подчинены целям революционной борьбы, идеям социального радикализма. Преодолеть это, считали авторы «Вех», возможно только через «смирение» перед истиной, иными словами, через признание ее самоценности, через освобождение духовного творчества от диктата политики.

Закономерным следствием нигилизма, утверждали авторы «Вех», являлся воинствующий атеизм интеллигенции, не принимающий ни религии (церкви), ни религиозного сознания в любом из его проявлений (в том числе и в виде академической религиозной философии). Исторически сложилось так, что восточнославянский образованный класс с «легкой руки» Радищева, Белинского, Писарева и т.п. формировался как атеистический – безбожие было краеугольным камнем интеллигентского сознания. Важно отметить, что крайне редко атеизм был следствием углубленной работы мысли и чувства. Как правило, он был следствием легкомыслия, малообразованности и внутренней пустоты. Совершенно точно данное качество интеллигенции определил Ф.М. Достоевский – «ну не верь, так хоть помысли». Это неприятие религии авторы «Вех» рассматривали как симптом бесперспективности интеллигентского сознания, невозможности построить на его основе сколь-нибудь жизнеспособную программу развития русского общества. Способом вы-

хода из кризиса веховцы считали покаяние – качественное изменение самих оснований мировоззрения. В религии – в «религиозной философии» (Бердяев), в «христианском подвижничестве» (Булгаков), в «религиозном гуманизме» (Франк) – виделось спасение интеллигенции, путь к преодолению отщепенства от народа.

Однако призыв к покаянию был осмеян интеллигенцией, а теоретические положения «Вех» встречены не разумным обсуждением, но резкой и, как правило, легковесной и бессодержательной критикой. Идеи «Вех» отождествляли с «православием, самодержавием, народностью», называли «кошунством», «мемуарами унтер-офицерской вдовы», «Цусимой литературы, аферизма и фарисейства». В советской литературе утвердилось презрительное прозвище, данное «Вехам» Лениным, – «энциклопедия либерального ренегатства».

Предостережения «Вех» не были услышаны. Интеллигенция, в полной мере сохранившая все свои качества, стала одной из движущих сил революций 1917 года. По итогам этих революций (буржуазной и социалистической) веховцы выпустили новый сборник «Из глубины. Сборник статей о русской революции», написанный в 1918 г. В новой книге еще раз была предпринята попытка убедить общественность в тупиковости переделки внешних форм жизни без предварительного изменения сознания. Авторы писали, что «положительные начала общественной жизни укоренены в глубинах религиозного сознания и что разрыв этой связи есть несчастье и преступление». Но это был уже голос вопиющего в пустыне. Услышать новые предостережения уже никто не мог по той простой причине, что тираж сборника был арестован и уничтожен большевистской властью. (Один экземпляр был вывезен Бердяевым в эмиграцию.)

Заключение. Название сборника стало пророческим. «Из глубины» – это первые слова одного из псалмов «De profundis»: «Из глубины к тебе воззвал я, Господи», который обычно исполняется при погребении. Сбор-

ник знаменовал конец русского религиозно-философского ренессанса. В 1922 году на кораблях «Пруссия» и «Обербургомистр Хакен» за границу в вынужденную эмиграцию была отправлена большая группа деятелей культуры, в том числе и практически все русские религиозные философы. Высылка была актом подрыва большевистским безнациональным интернационалом высоких достижений восточнославянской духовной культуры. Ведь русская философия, тесно связанная с православной религией и основами восточнославянской цивилизации, представляла «лицо России», лучшие образцы ее духовного творчества. Россия их потеряла, а Запад их неожиданно приобрел.

Сам акт высылки и ее разрушительные культурные последствия представляются как сбывшиеся предостережения «Вех». С.Н. Булгаков определил характер русской революции как интеллигентский, что верно не только по отношению к событиям 1905–1907 гг., но и к последующим переломам в восточнославянской общественной жизни, включая горбачевскую перестройку и ельцинские реформы. Плоды интеллигентской революции суть явления вненациональные, беспочвенные, никак не связанные коренными основами и традициями русской жизни, с христианской религией. Единственным перспективным путем для России, утверждали веховцы, является сохранение ее собственной духовной культуры и самостоятельное определение путей исторического развития.

Литература

1. Левицкий, С.А. Очерки по истории русской философии / С.А. Левицкий. – М.: Канон, 1996. – 496 с.
2. Франк, С.Л. Этика нигилизма / С.Л. Франк // Вехи. Из глубины. – М.: Правда, 1991. – 606 с.
3. Бердяев, Н.А. Философская истина и интеллигентская правда / Н.А. Бердяев // Вехи. Из глубины. – М.: Правда, 1991. – 606 с.

Поступила в редакцию 28.05.2013 г.

Принята в печать 30.12.2013 г.

УДК 811.161.1

Лингвокультурный аспект языковой личности поэта Витебщины

Маслова В.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Исследование посвящено выявлению особенностей языковой личности витебского поэта. Для ее описания нами была разработана модель языковой личности. Введено понятие лингвокультурной личности, под которой следует понимать закрепленный в языке (преимущественно в лексике и синтаксисе) базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, составляющий невременную и инвариантную части структуры личности. Реально для ее исследования возможны два пути: ассоциативный эксперимент и анализ текстов (прежде всего художественных).

В статье показано, что стихотворение представляет собой текст, созданный не только на базе вербального языка, но и на базе того или иного образного кода или нескольких кодов региональной этнокультуры. Метафорическое выражение любви, казалось бы, должно быть универсальным, но в нем нашла отражение наша суровая северная природа.

Ключевые слова: языковая личность, лингвокультурный, пространство культуры, языковое сознание.

(Ученые записки. – 2013. – Том 16. – С. 89–95)

Lingual and Cultural Aspect of the Language Personality of the Poet in Vitebsk Region

Maslova V.A.

Educational establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The article dwells upon finding out features of the language personality of the Vitebsk poet to describe which we have worked out the model of the language personality. The concept of lingual and cultural personality has been introduced, which should be understood as basic national and cultural prototype of the carrier of the language, which is fixed in the language (mainly in the vocabulary and syntax) and makes up the outer temporal and invariant part of the structure of the personality. To study it two ways are really possible: association experiment and text analysis (first of all fiction).

It is shown in the article that a poem is text which is created not only on the basis of verbal language but also on the basis of this or that image code or some codes of the regional ethnic culture. Metaphoric expression of love may seem to be universal but our severe Northern nature has found its reflection in it.

Key words: language personality, lingual and cultural, space of culture, language consciousness.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 16. – P. 89–95)

Человек – сложное, многогранное и трудноопределяемое понятие, которому посвящена обширная литература, потому что проблема человека является центральной для большей части гуманитарных наук – психологии, этнографии, медицины, биологии, философии, социологии, лингвистики и др. И.В. Гете вообще считал, что главным предметом изучения всего человечества является человек.

Именно антропоцентрическая парадигма в лингвистике переносит акцент в своих исследованиях на человека в языке. Французский лингвист К. Ажеж писал: «Лингвистика, изучая самое человеческое, что есть в человеке,

никак не может быть замкнутой областью знания...» [1]. Отсюда интерес к смежным наукам, выливающийся в междисциплинарные подходы. Как утверждает В.З. Демьянков, в эпоху междисциплинарных подходов есть два типа лингвистов: теоретик-экспортер, который экспортирует знания своей науки в другие, и теоретик-импортер, который свежие идеи из других наук переносит в лингвистику. При исследовании проблемы человека важно использовать оба подхода.

Цель исследования – выявление лингвокультурного аспекта языковой личности поэта Витебщины.

Адрес для корреспонденции: e-mail: kobirusyaz@vsu.by – В.А. Маслова

Материал и методы. Сейчас для номинации человека в русском языке существует целый ряд слов: *человек, фигура, лицо, особа, индивид, индивидуум, индивидуальность, личность, персоне, деятель, душа, создание, существо, личина, маска, морда, харя*, а также многочисленные наименования по полу и возрасту. Разные науки предпочитают работать с одним или несколькими из этих терминов. Наиболее популярен термин *личность*, который и используется в нашей работе. Понятие «личности» многопланово, поэтому личность является объектом изучения многих наук – философии, социологии, психологии, лингвистики, этики, эстетики, педагогики и др. У каждой из наук – свои аспекты личности, свои методы и приемы исследования.

Методы, применяемые нами для исследования языковой личности витебского поэта, – моделирование, метод сплошной выборки из поэтических текстов, наблюдение.

Лексема *личность* встречается с XV века; *лицо* в деловых документах используется в значении «отдельный человек, ответственный за свои поступки перед законом» – *важное лицо, ответственные лица*. С XVII в. используется слово *личина* = *маска, актерская харя* [9]. В XIX в. слово *личность* вытеснило слово *человек* как самое высокое именование индивидуальности в рамках человеческого коллектива. Сейчас оба слова выражают приблизительно одинаковые значения, что подтверждается возможностью их сочетаемости: *человеческая личность*.

Материалом для исследования послужили сборники поэтов Витебщины – Елены Крикливец, Нины Давыденко, Давида Симановича, Натальи Соловьевой, Тамары Красновой-Гусаченко, Николая Наместникова, Анатолия Бесперстых и др.

Результаты и их обсуждение. На сегодняшний день можно говорить о взаимосвязи и взаимообусловленности терминов «человек–индивид–личность». При этом личность понимается как субъективное воплощение индивида, его идеальная представленность в других людях, его инобытие в них и в себе как «другом», то есть его персонализация [13, с. 349]. Уход индивида (человека) из жизни не сопровождается забвением, если он был личностью. Сам термин ‘личность’ представляет собой перевод латинского слова *persona* – маска актера.

На сегодняшний день можно выявить несколько своеобразных пониманий личности, которые возникли в разных науках. Так, с

точки зрения психологов, личность – не только объект и продукт общественных отношений, но и активный субъект деятельности, общения, сознания, самосознания. Личность – это все, что есть в человеке надприродного, исторического, культурного. Выделяют еще один термин – «индивидуальность» – особенность конкретной личности, непохожесть ее на других. В нашей работе на материале поэтических текстов выявляется в большей степени индивидуальность, но и общее в структуре языковой личности поэта.

У личности есть природные свойства – темперамент, способности, характер и другие. По определению философского энциклопедического словаря (1998), личность представляет собой содержание, центр и единство актов, интенционально направленных на другие личности. Многие современные определения личности опираются на понятия диалогической (некартезианской) парадигмы, основы которой связаны с работами нашего соотечественника, литературоведа, языковеда и философа М.М. Бахтина. Как каждому субъекту принадлежит объект и каждой личности принадлежит другая личность, всякому Я принадлежит Ты. Человеческий индивид наделен волей и стремлениями, настроениями и оценками, соединен с другими такими же человеческими индивидами, обладающими своей манерой обращения, высказывания, поведения (в том числе и речевого).

Когнитивные теории личности основаны на понимании человека как субъекта, понимающего и анализирующего мир, интерпретирующего его в своем сознании. Представитель этого направления Джордж Келли считал, что человек – это своеобразный исследователь, стремящийся понять, интерпретировать, предвидеть и контролировать мир своих личных переживаний, делать прогнозы. Он полагал, что люди воспринимают свой мир при помощи четких систем или моделей, которые он назвал *конструктами*. Личностный конструкт – это мысль или идея, которую человек использует, чтобы осознать или интерпретировать, объяснить или предсказать свой опыт. Личность понимается здесь как организованная система более или менее важных конструктов, которые использует человек.

В лингвистике сейчас широко используется понятие *языковая личность*, первое обращение к которой связано с именем немецкого ученого Л. Вейсгерберга (*Sprachliche Personlichkeit*). Хотя языковая личность ис-

следует целым рядом наук, наилучших результатов достигли именно лингвисты.

В отличие от психологии, где в центре внимания чаще находятся эмоционально-волево-мотивационные проявления личности, ее социальные характеристики и структура, в отличие от философии, где систематизируются свойства личности, позволяющие охарактеризовать ее как языковую, правовую и др., лингвистов прежде всего интересуют интеллектуальные, когнитивные, коммуникативные характеристики индивида, имеющие языковое выражение. Поэтому, определяя языковую личность как объект лингвистического изучения, мы основываемся на главных свойствах языка, базовых понятиях языкознания и психологии.

В русской лингвистике первые шаги в этой области сделал В.В. Виноградов, который выработал два пути изучения языковой личности – личность автора и личность персонажа [3]; о говорящей личности писал А.А. Леонтьев [10, с. 228]. Само понятие языковой личности начал разрабатывать Г.И. Богин, он создал модель языковой личности, в которой человек рассматривается с точки зрения его «готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [2, с. 1]. Ввел же это понятие в широкий научный обиход Ю.Н. Караулов, который считает, что языковая личность – это человек, обладающий способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся «а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью» [7, с. 206].

В концепциях языковой личности других авторов в модифицированном виде представлена концепция Ю.Н. Караулова. В известных нам концепциях языковая личность – это «многослойная и многокомпонентная парадигма речевых личностей» [8, с. 323]. А далее Ю.Е. Прохоров уточняет: «Если языковая личность – это парадигма речевых личностей, то, наоборот, речевая личность – это языковая личность в парадигме реального общения, в деятельности» [14, с. 59]. Именно на уровне речевой личности проявляются как национально-культурная специфика языковой личности, так и национально-культурная специфика самого общения.

В современной лингвистике, перешедшей на антропоцентрическую парадигму, изучается личность в ее способности к общению, речевому общению, речевому поведению, речевому мышлению, т.е. в центре различных

концепций (Г.И. Богина, Ю.Н. Караулова, В.И. Карасика и др.) находится «человек говорящий» (*homo loquens*).

Как утверждают современные лингвисты, языковая личность всегда национальна и принадлежит определенному лингвокультурному сообществу [5, с. 49]. По мнению автора, «языковая личность представляет собой срединное звено между языковым сознанием (коллективным и индивидуальным) и речевым поведением» [5, с. 85].

На сегодняшний день известны различные подходы к изучению языковой личности, определяющие статус ее существования в лингвистике: полилектная (многочеловеческая) и идиолектная (частночеловеческая) личности (В.П. Нерознак), этносемантическая личность (С.Г. Воркачев), элитарная языковая личность (О.Б. Сиротинина, Т.В. Кочеткова), семиологическая личность (А.Г. Баранов), русская языковая личность (Ю.Н. Караулов), языковая и речевая личности (Ю.Е. Прохоров, Л.П. Клобукова), языковая личность западной и восточной культур (Т.Н. Снитко), словарная языковая личность (В.И. Карасик), эмоциональная языковая личность (В.И. Шаховский), коммуникативная языковая личность (К.Ф. Седов, С.А. Сухих), когнитивный аспект языковой личности (А.П. Бабушкин, В.В. Красных), языковая личность в аспекте культурного пространства (В.И. Карасик, В.В. Колесов) и т.д.

В самых разнообразных трактовках языковой личности, появившихся в 80–90-е гг. прошлого века, выделяются два магистральных направления – лингводидактическое (Г.И. Богин, Ю.Н. Караулов и др.) и лингвокультурологическое (В.В. Колесов, Г.С. Воркачев и др.). В центре лингводидактического направления – индивид как совокупность речевых способностей. Для второго направления характерно исследование национально-культурного прототипа определенного языка [4], т.е. языковая личность в пространстве культуры.

Для нашего исследования используем лишь лингвокультурную личность в ее национальном аспекте. Национальная языковая личность – социальное явление, но в ней есть и индивидуальный аспект. Индивидуальное в языковой личности формируется через внутреннее отношение к языку, через становление личностных языковых смыслов; но при этом не следует забывать, что языковая личность оказывает влияние на становление языковых

традиций. Каждая языковая личность формируется на основе присвоения конкретным человеком всего языкового богатства, созданного предшественниками. Язык конкретной личности состоит в большей степени из общего языка и в меньшей – из индивидуальных языковых особенностей.

Исходя из вышеизложенного понимания языковой личности, попытаемся построить лингвокультурную модель личности поэта Витебщины, в содержание которой включаются такие компоненты:

1. Ценностные, мировоззренческие компоненты, т.е. система ценностей или жизненных смыслов. Мы исследуем в своей работе такую ценность, как *любовь*. Язык обеспечивает первоначальный и глубинный взгляд на данный феномен, образует тот языковой образ объекта и иерархию духовных представлений, которые лежат в основе формирования данного образа.

2. Культурологический компонент, т.е. освоение культурой данного феномена. Привлечение фактов культуры изучаемого языка, связанных с правилами речевого и неречевого поведения личности поэта, что способствует формированию навыков адекватного употребления и эффективного воздействия на партнера по коммуникации.

3. Личностный компонент, т.е. индивидуальная языковая личность, ее идиосфера в представлении данного образа.

Культурологический аспект языковой личности чрезвычайно важен для исследования лингвокультурной личности, т.к. языковое самосознание, составляющее основу языковой личности, является частью культурного самосознания. «Между осознанием элементов языка и других элементов культуры нет четко выраженной границы... В переломные исторические эпохи родной язык становится символом национального самосознания. Существенно также, что осознание элементов языка или языковой структуры текстов совершается теми средствами и идет по тем путям, которые предоставляет личности культура» [12, с. 35].

Культура, к которой мы принадлежим, воспринимается как через язык, так и через различные невербальные процессы – эмоциональные реакции и оценки, которые формируются ценностной ориентацией социума и сами, в свою очередь, формируют уникальный для каждой культуры этос. (Этос культуры – это «ее моральный и эстетический аспект, ее оценочные элементы и ее тональ-

ность ... моральный и эстетический стиль и вкус народа» [11, с. 41].)

Таким образом, под лингвокультурной личностью следует понимать закрепленный в языке (преимущественно в лексике и синтаксисе) базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, составляющий вневременную и инвариантную части структуры личности. Реально для ее исследования возможны два пути: ассоциативный эксперимент и анализ текстов (прежде всего художественных). Первый путь – более простой, но менее чистый, т.к. любая анкета навязывает испытуемому модель поведения при ассоциировании, тем самым «искажает характер отражаемого в эксперименте фрагмента ассоциативно-семантической сети» [6, с. 103]. Второй путь в ряде случаев (например, при исследовании личности другой исторической эпохи) является единственно возможным. Исследование здесь осуществляется на материале текстов одной личности, нескольких личностей, всего национального сообщества. При этом следует помнить, что многое зависит не только от личности творца, но и от жанра, к которому принадлежит исследуемый текст (тексты). В нашем случае исследуется жанр лирической поэзии.

Мы полагаем, что для выявления лингвокультурных особенностей личности поэта достаточно личностных смыслов и ассоциативных контекстов, образующих идеосферу языковой личности.

Изучая лингвокультурный аспект личности поэта, мы имеем для этого один материал – поэтический язык, который отличается от других форм речевой деятельности тем, что он подчинен созданию художественных образов. Поиски самого нужного, единственно возможного слова в том или ином случае сопряжены с большими творческими усилиями поэта. При этом поэтическая речь не является набором каких-либо особых поэтических слов и оборотов, любое языковое средство может стать у конкретного поэта стержневым в построении поэтического образа.

Для строительства языкового образа поэты используют всю палитру языка, поэтому выявление лингвокультурной личности поэта должно проводиться на лексико-семантическом, грамматическом, синтаксическом уровнях, на уровне тропов и фигур.

В творчестве поэтов Витебщины были выявлены различные виды тропов (эпитеты, метафоры, сравнения, метонимии, синекдохи, ги-

перболы, литоты, олицетворения, перифразы, аллегория, многосоюзие, оксюморон, параллелизм, ирония, риторический вопрос, риторическое обращение, умолчание, эллипсис, эпифора, анафора, антитеза, градация, инверсия и др.). Нами было установлено, что изобразительно-выразительные средства (эпитеты, сравнения, метафоры и т.д.) сами по себе, вне контекста, не являются признаком художественности. Стихотворение может не иметь ни единого тропа, но быть вершиной лирики.

В статье проанализирована только метафора, на примере которой вырисовывается личность поэта. Метафора (от греч. *metaphora*) означает перенос названия предмета (действия, качества) на основании сходства, это словосочетание, имеющее семантику скрытого сравнения. Именно в метафоре ярче всего раскрываются личностные смыслы, образующие идеосферу языковой личности.

В метафоре выделяют три элемента: информация о том, что сравнивается; информация о том, с чем сравнивается; информация об основании сравнения, т.е. о признаке, общем в сравниваемых предметах (явлениях), которые носителю языка (читателю) требуется увидеть либо отгадать. И чем больше усилий требует метафора для того, чтобы сознание превратило скрытое сравнение в открытое, тем выразительнее и ярче сама метафора. В отличие от двучленного сравнения, в котором приводится и то, что сравнивается, и то, с чем сравнивается, метафора содержит только второй компонент. Это и придает ей образность и компактность. Метафора может быть простой, тогда она построена на сближении предметов и явлений по одному какому-либо общему признаку – «Колеса бегут по рельсам» (Елена Крикливец, сборник «На грани света»).

Развернутая метафора построена на различных ассоциациях по сходству: «Облака серым шелком вышиты» (Елена Крикливец, сборник «На грани света»).

С помощью каких метафор представляет витебский поэт любовь? Самая большая группа – это восприятие любви как явления природы. Любовь – это и время года, и луч, и свет, и безоблачный простор: Пусть кругом туманы и дожди – / У любви – безоблачный простор (Григорий Кузьменков); Любовь уходила тихо, / ... Листком осенним спускалась. (Нина Давыденко); Клопочет всеми фибрами весна – / Спешит меня любовью окропить / Весны напитков пьют всегда до дна, / А иначе совсем не стоит пить (Анатолий

Бесперстных); Пусть этот луч, как тоненькая нить, / Колеблется от одного дыханья (Елена Крикливец).

Любовь – небо, воздух, вода, солнце: И в моей душе на дне / солнце зазвучало (Давид Симанович); Я ищу каждый звездный вечер / На востоке свою звезду (Григорий Кузьменков); Обожглась ледяной водой... / Но с бессмысленностью отчаянья / В непрерывной борьбе с судьбой / Все пытаюсь начать с начала я (Елена Крикливец); И когда это станет привычкой, / Вас, как воздух, окружит любовь (Тамара Краснова-Гусаченко); И только солнышком сияет / Любовь ушедших навсегда (Тамара Краснова-Гусаченко). Любовь – состояние природы: Не унять метель жестокою, / Ту, что сердце холодит (Елена Крикливец).

Следующая группа метафор связана с гедонистическими настроениями: В нее входят семь подгрупп: «любовь – счастье», «любовь – надежда», «любовь – это мед», «любовь – сказка», «любовь – тайна», «любовь – келья», «любовь – это колодец» (стихотворения Нины Давыденко, Давида Симановича, Натальи Соловьевой, Анатолия Бесперстных, Григория Кузьменкова, Елены Крикливец): Счастье – это любовь без границ / А любовь – волшебная сила!; Малый краешек надежды / Чуть забрезжил вдруг. / Очень гулко под одеждой / Сердце тук, тук-тук (Нина Давыденко); А мне любить тебя нельзя – / Твой мед небесный с горечью (Наталья Соловьева); Любовь, что колодец с живительной влагой / И труса любого напоит отвагой (Анатолий Бесперстных); Любовь так прекрасна, / как сон или сказка. Улыбка твоя бесконечно нежна! (Григорий Кузьменков).

В стихах витебских поэтов любовь – это не только удовольствие, но и разочарование. В следующей группе любовь становится болью, оставляет раны и шрамы, поэты сравнивают любовь с кабалой, занозой, узлом: Тупая боль в груди застряла, / Но можно справиться с тревогой (Елена Крикливец); Жизнь пульсирует еле-еле, / Утомленное сердце болит (Нина Давыденко); Душа – вся суть моей натуры, / Ей больно от незримой раны (Нина Давыденко); Не одна хожу я с болью, / Сколько жарких слез ни лей: / Награжденные любовью / Чаще всех болеют ей (Тамара Краснова-Гусаченко). В целом в этой группе стихотворений любовь предстает как несчастье, обман: Напрасно я отзвук страсти / Во взглядах твоих ловлю / Видно мое несчастье /

В том, что тебя люблю (Григорий Кузьменков); *Как сладок нам любви обман / Ему как правде склонны верить* (Нина Давыденко).

Итак, любовь это – интимное и глубокое чувство, устремленность на другую личность. Как показывают метафорические контексты, любовь включает в себя и порыв и волю к постоянству, приносит и радость, и разочарование, и несчастья. Она одновременно и дар Божий, и связывающие человека по рукам и ногам оковы. Любовь возникает как самое свободное и постольку «непредсказуемое» выражение глубин личности; ее нельзя усилием воли ни вызвать, ни преодолеть. Важность и сложность любви определяются тем, что в ней, как в фокусе, пересеклись противоположности биологического и духовного, личностного и социального, интимного и общезначимого.

Заключение. Таким образом, языковая личность поэта Витебщины предстает как сложное многоуровневое образование и требует изучения с самых разных позиций, и прежде всего с позиций языкового сознания. В структуре языковой личности поэта Витебщины можно выделить несколько уровней: вербально-семантический, который исследуется в лингвистике давно и успешно, когнитивный, коммуникативный, прагматический и лингвокультурный, интерес к которым возник только в последние десятилетия.

Мы в своем исследовании полагаем, что каждая языковая личность уникальна, она владеет собственным когнитивным пространством, т.е. знанием языка и границами его использования. Значит, исследовать языковую личность необходимо прежде всего с когнитивных позиций – когнитивного пространства, ментальности, языковой картины мира, системы ценностей и стереотипов. В структуре каждой языковой личности есть ивариантный компонент, который обусловлен национально-культурными традициями, идеологией, типом языка и т.д. Но есть и вариативный компонент, к которому мы относим, например, возраст, исследуя языковую личность молодежи Витебщины. Тогда получается, что ЯЛ – нечто среднее между языковым сознанием и речевым поведением.

Индивидуальная языковая личность поэта реализуется на уровне идиолекта. Хотя лингвистическая персонология предлагает исследовать идиолектные различия на всех уровнях системы языка – как фонологические, лексические, грамматические, синтаксические особенности, мы считаем, что для выявления особенностей языковой личности поэта дос-

таточно личностных смыслов и ассоциативных контекстов, образующих идеосферу языковой личности. В данной статье представлен еще более узкий взгляд – через метафорический образ любви.

Не вдаваясь в подробный анализ всего поэтического материала, который во многом представляется нам сырым, плохо обработанным с точки зрения техники стиха (не всегда удачная рифма, неправильные ударения) и нормативной грамматики, скажем лишь о метафоре. Многие метафоры просты, неудачны (*солнце зазвучало*), перерастают в речевой штамп (*Вновь волнуется море любви / Ожиданьем таинственной встречи*), противоречат сами себе (*Любовь – мой самый яркий свет. / Мой сумрак несказанный*).

Например, в четверостишье Давида Симановича *Кто-то Припять широкую сузил, / Заковал ее панцирем льда / И как будто любви нашей узел / Крепко стянута в узел звезда* прямое значение лексемы «узел» в последней строке совсем утрачивается, и самое главное, не рождается в представлении читателя художественный образ. Аналогичная ситуация в двустишии Натальи Соловьевой *От любви как от помарок / Бесконечно устаю*. Лексемы «помарка» и «любовь» не образуют ассоциативного контекста и поэтому не создают поэтического образа.

Справедливости ради нужно отметить, что есть и удачные образы-метафоры: *Я целую те гвозди, / Что пробили мне сердце, / Я сияю той болью, / Что хранится до смерти / И зовется любовью* (Наталья Соловьева).

Литература

1. Ажеж, К. Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки / К. Ажеж. – М., 2003. – 149 с.
2. Богин, Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов / Г.И. Богин. – Л., 1984. – 383 с.
3. Виноградов, В.В. История слов / В.В. Виноградов. – М.–Л., 1959.
4. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 63–67.
5. Карасик, В.И. Оценочная мотивировка, статус лица и словарная личность / В.И. Карасик // Филология – Philologica. – 1994. – № 3. – С. 17–24.
6. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М., 1987. – 384 с.

7. Караулов, Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю.Н. Караулов // Язык и личность: сб. ст. / отв. ред. Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1989. – С. 3–8.
8. Клобукова, Л.П. Феномен языковой личности в свете лингводидактики / Л.П. Клобукова // Междунар. юбил. конф., посвященная 100-летию академика В.В. Виноградова: тез. докл. – М., 1995. – С. 321–323.
9. Колесов, В.В. Мир человека в слове Древней Руси / В.В. Колесов. – Л., 1986. – 241 с.
10. Леонтьев, А.А. Словарь ассоциативных норм русского языка / А.А. Леонтьев. – М., 1977. – 228 с.
11. Лурье, С.В. Историческая этнология / С.В. Лурье. – М., 1998. – 311 с.
12. Никитина, С.Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре / С.Е. Никитина // Язык и личность: сб. ст. / отв. ред. Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1989. – С. 34–40.
13. Петровский, В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности / В.А. Петровский. – Ростов н/Д: Феникс, 1996. – 512 с.
14. Прохоров, Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль при обучении русскому языку иностранцев / Ю.Е. Прохоров. – М., 1996. – 325 с.

Поступила в редакцию 02.12.2013 г.

Принята в печать 30.12.2013 г.

УДК 811.161.1

Польский и российский политический дискурс. Этнолингвистическая интерпретация

Коженевска-Берчинска И.
Варшавская школа экономики

Статья посвящена исследованию языка политики. В ней рассматриваются российский и польский политические дискурсы, выявляются общее и различное в политическом языке двух стран. В статье показано, что на рубеже веков возникла убежденность в том, что тоталитарный новояз – реликт прошлого, но оздоровление языка оказалось временным; и на авансцену возвращается язык, выражающий ненависть, агрессивность, которые нацелены на всех, кто не разделяет мнений властей. В России оплевывается советскость и мифологизируются капиталистически-рыночные отношения, а в Польше – так называемая коммунистичность.

В исследовании доказывается, что современный политический дискурс не всегда можно отождествлять с коммуникативным событием, потому что ему присуща чрезмерная агрессивность, что приводит к коммуникативным шумам и коммуникативным конфликтам и, в конце концов, затрудняет конструктивный диалог.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивная лингвистика, этнолингвистика, политический дискурс.

(Ученые записки. – 2013. – Том 16. – С. 96–99)

Polish and Russian Political Discourse. Ethnolinguistic Interpretation

Kozhenevska-Berchynska J.
Warsaw School of Economics

The article dwells upon the study of the language of politics, Russian and Polish political discourses are considered in it, the general and the different in the political languages of the two countries are found out. It is shown that at the borderline of centuries, assurance in the fact that totalitarian new language is outdated, emerged, but the recovery of the language turned out to be temporary; the language, which expresses hatred, aggression towards all those who do not share the ideas of the authorities, returns. Soviet way is disgraced in Russia, capitalist market relations are mythologized, while in Poland – the so-called communist way.

It is proven in the article that contemporary political discourse can not always be equaled with the communicative event, since it is characterized by excessive aggressiveness, which causes communicative noises and communicative conflicts and, finally, makes constructive dialogue difficult.

Key words: discourse, discourse linguistics, ethnolinguistics, political discourse.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 16. – P. 96–99)

В наши дни язык политики стал предметом заинтересованности многочисленных гуманитарных дисциплин. В данном тексте внимание сосредоточено на дискурсе, понимаемом за ван Дейком как *коммуникативное событие* [1, с. 40]. Оно включает в себе еще и экстралингвистические факторы: *знания о мире, мнения, установки, цели адресата* [1, с. 41]. Таким образом, дискурс – это *речевое поведение, форма которого зависит от того, кто говорит, к кому обращается, в какой ситуации и с какой целью* [2].

Цель исследования – акцентировать метафорическое осмысление сути дискурса, который есть *речь, погруженная в жизнь* [3, с. 121]. А «политическая жизнь» есть неотъемлемый элемент и нашего существования, и нашей национальной картины мира.

Материал и методы. Методы, применяемые нами в данном исследовании, – наблюдение, описание, метод сплошной выборки.

Материалом для исследования послужили русские и польские центральные газеты за 2000–2012 годы.

Результаты и их обсуждение. В первые перестроечные годы в СССР и период бархатной революции в Польше (1989–1990) можно отметить симптомы оздоровления политического дискурса, причем в Польше – это второй этап оздоровления; первый произошел в ранние восьмидесятые годы, во время «девятой» *Солидарности*. Исчезает бессмертная, как бы казалась, штампованность; текст становится достоянием личности. Исчезает напористая военизация, а дискурс ставит перед собой цель индивидуального осмысления бурных событий. И его форма и содержание однозначно располагают к диалогу.

На этой основе возникает в те годы убежденность в том, что тоталитарный новояз – и это в обоих этносах – реликт прошлого. Однако оздоровление оказалось временным и на авансцену возвращается язык, выражающий ненависть, презрение, агрессивность, которые нацелены на всех, кто не разделяет мнений актуально властвующих. В перестроечном СССР оплевывается тотально советскость и мифологизируются капиталистически-рыночные отношения, а в Польше – так называемая коммунистичность. С этой целью используется набор давно знакомых экспрессивных средств выражения, а вместе с тем, рождаются все новые идеологемы.

Слово сызнава становится предметом практически неограниченной манипуляции, а экспрессивность дискурса повышается за счет наличия инвективных образований и новообразований. С лингвистической точки зрения они имеют неоднородный характер; это широко понимаемая метафоризация, проявления антонимии, эвфемизмы, перифразы, это открытые еще Клеппером «иронические кавычки», посредством которых обличаются «не так мыслящие». Многообразные окказионализмы с этнолингвистической точки зрения являются богатым источником информации не только о «политизированном менталитете», но и о социальных распрях, о морали и нравственности создателей политизированных речевых актов.

Вышеназванные, а также другие свойства, ярко выражены в «публицистическом имени», причем агрессивный характер анализированных дальше номинаций противоречит довольно распространенной убежденности в том, что названное свойство типично для тоталитарного политического дискурса [4].

В наше, казалось бы, демократическое время агрессивность не иссякает, а интригующие инвективные номинации адресованы, в первую очередь, тем, кто не одобряет новый

рыночно-капиталистический миропорядок. Как в Польше, так и в России – это речетворчество лиц, называющих себя демократами. Они заняты не только тотальной критикой прошлого (в обоих социополитических пространствах), но и конструкцией нового «черно-белого мира».

Сюжет полной дискредитации недавнего прошлого есть смысловой стержень дискурсов где-то с половины девяностых. Они выискивают «ростки старого» в организуемом новом мироустройстве. (Кстати, такое поведение любых носителей «единственно правильного учения» ксендз И. Тишнер назвал адекватно *диктатурой благонравных*.)

В данном тексте в центре нашего внимания находится сюжет абсолютной дискредитации уходящих вместе со своими зрителями актеров политической сцены. В Польше, начиная с половины 90-х гг. чаще всего и лучше всех слышен голос правых экстремистов. Ярко выражены установки «антикоммунистических большевиков», т.е. – *разношерстных большевиков, которые идеологическое разногласие сводят к борьбе с определенной группой, стремясь устранить ее, используя приемы самой настоящей политической ожесточенности*. Ментальный большевизм проявляет себя в нетолерантности, нежелании слушать, полемизировать, наконец – в глухой ненависти к любым инакомыслящим. Здесь к месту процитировать окказиональную метафору польский *Савонарола* – символ и собирательное имя всех, кто готов лечить общество, насильственно осчастливливать его, насаждая новые ценности и новое мышление (при этом никто не умеет ответить на вопрос, что же делать со старым?) Предлагаю примеры: *nosiciele pustostanów umysłowych* (*носители умственных вакуумов*), *bandycka żydokomuna; kryptokomuchy; slugusy lewicowego środowiska; czerwone karaluchy komuny* (*красные тараканы*); *spadkobiercy ducha czarnej sotni spod znaku PZPR* (*наследники духа черной сотни из-под флагов Польской объединенной рабочей партии*); *ideologiczni dewianci; byli staliniści* и т.п. Их мерзкое лицо отображается также в зеркале противопоставления, например: *bezbożnicy vs katolicy; patrioci vs agenci; Polacy-katolicy vs neoeuropejczycy*.

Такая беспощадная атака вызывает, разумеется, ответные реакции также посредством агрессивных выражений обличаются антикоммунисты: *wojujący antykomuniści; szalbierze i koniunkturaliści; prawicowo-klerikalne oszołomy; „mściciele” wszelkiego typu; zasłużeni antykomuniści; łobuzy z prawicy* (*правые прохво-*

сты); *zawodowi patrioci antykomuniści; cudownie rozmnożeni depozytariusze prawdy* (носители единственно правильного учения); *antykomuniści-bolszewicy*.

Перейдем к более широким примерам, подтверждающим агрессивный характер дискурса, в котором нет обмена аргументами, нет желания понять друг друга, зато бушует страсть уничтожить морально, стереть с лица земли, продемонстрировать ненависть и презрение. Этот дискурс закрепляет образ антиподов; черный мир, заселенный коммуняками и их ущербными во всех отношениях сторонниками, и безупречный мир, в котором обитают правые носители белых одежд. Тон задают правые экстремисты, суть экзистенции которых есть *борьба с красным врагом не на жизнь, а на смерть; обнаружив врага, они страстно стремятся к его уничтожению*.

Свобода как высшая ценность начинается со свободы слова. В польском языке политики после кратковременного катарсиса в девяностые годы можно отметить как превалирующее, произвольное, безответственное использование слова как орудия беспощадной борьбы с идеологическим противником. Таким образом, излюбленная поляками свобода оказалась в области слова разрушительной силой: *Мы живем в вечном споре, в ауре ненависти всех ко всем (...), выполняя Сизифов труд вкатывания в гору камня нашей безответственности и глупой свободы*. О катастрофически ширящемся человеконенавистничестве говорит исполненный иронии пассаж: *Выселению из Польши подвергаются, по мнению близнецов Качинских (начало 2010 года), аферисты, секты, коммуняки, педерасты, феминистки, азиаты, арабы, украинки, шефы крупных универсамов, криминалисты и жительницы домов терпимости*. Такой же нарратив подсказывает, как нужно вести себя, живя в Польше: *Назови себя неприкосновенным авторитетом – ты боролся за благополучие народа с преступной системой, моральное превосходство за тобой. Любой рассуждающий иначе и замечающий твои ошибки есть ненавистный посткоммунист*.

Суммируя рассуждения на тему современного польского политического дискурса, надо отметить следующее. Подобно тоталитарной действительности, которая создавалась посредством не выявления, но сокрытия фактов, а также беззастенчивой лжи, и сегодня, хотя мы обитаем в ауре свободы, методология общения власти с народом остается прежней.

Происходит семантическая деструкция слов, которые лишаются своей когнитивной

функции. Ее заменяет функция «эмотивного лома», которым можно не только ударить, но и вообще обезвредить противника навсегда.

Современный политический дискурс пронизан агрессией, врагоманией и цинизмом. С целью утихомирить сонмы очередной раз обманутых, властвующими ведутся интенсивные поиски виновников. Продолжается парад отречения от так называемого коммунистического прошлого. В нем принимают участие и конъюнктураллисты, и архитекторы нового манихейского миропорядка, в котором имеется раса благородных господ (на языке их противников – это *solidaruchy*) и субраса недостойных, порочных во всех отношениях (на языке их противников – *komuchy*).

С целью «сохранить лицо» и отдельный человек, и тем более – этносы не должны отказываться от своего прошлого, ибо беспмятство разрушает. Кстати, нация имеет не только право, но и обязанность учитывать опыт прошлого; строить новый дом на руинах невозможно. Однако у нас политики пытаются *разрушить все до основания*. На такой почве ширится новая националистически-католическая индоктринация, питаемая речевыми средствами насилия, ненависти, нетолерантности. Эту ситуацию адекватно оценивает Михник: *W prawicowych ostepach (в дебрах) czają się diabeł waśni (раздора) z szatanem zemsty (мести), i kuszą, i nęcą i każą jątrzyć, wskazując nienawiść jako najwyższe dobro*.

Таким образом, кропотливо восстанавливаемая сетка значений и сеть социальной коммуникации, которая возрождалась в Польше еще в восьмидесятые годы, а затем укреплялась в 1989 году, подверглась процессу уничтожения. Превалирует (кстати, в обоих дискурсах) произвольное, безответственное использование слова.

В российском политическом дискурсе уже с 1990 года обличаются коммунистические ортодоксы, т.е.: *не могущие поступаться принципами* (подобно Нине Андреевой) [5], *«единомышленники-ленинцы, заклятые враги перестройки, проклятые коммуняки, бояры-коммунисты, номенклатурные коммунисты (типа Зюганова), а кроме того – перекрасившаяся коммунистическая номенклатура, воинствующие антикоммунисты, классовые расисты, недобитые коммунисты, комиссары в шлемах, возвращенцы в коммунизм*. Рядовые россияне, пораженные коммунистической проказой, это, например, *вечные иждивенцы, послушные рабы обстоятельств, духовные рабы, идеологические жрецы*. Как собирательное имя для всех, кто не отыскал

путь в *светлое капиталистическое будущее*, употребляется просто неоднозначная номинация *бывший советский человек*.

На основе примеров можно судить о полярном восприятии нового миропорядка. С одной стороны, мы имеем дело с вербальной привязанностью к советскому прошлому, с другой – с тотальным, часто неаргументированным оплевыванием недавнего прошлого.

Содержание российского политического дискурса изобилует советизмами в новой функции, а именно – обличения нового, демократического миропорядка, например: *вселенские временщики, питомцы пролетарской колыбели* (те же временщики), *цексовские выкоремыши, доблестные рыцари НКВД* (о современной службе госбезопасности). Подобные словосочетания и фразеологизмы имплицитно выражают ментальную преемственность, особенно – стана исполнительной власти. Кстати, сказанное отмечено Юрием Астафьевым в одном из медиальных высказываний: *Чисто советское: усилить, повысить, ужесточить, дать чрезвычайные полномочия (...). Быстрым шагом к светлому прошлому. Наши цели ясны, задачи определены. Вперед, т.е. – назад.*

На определенное мировосприятие эксплицитно указывают семантически полярные оценки, выраженные такими, например, антропонимами: *патриоты vs демократы, большевики vs неолевыевики* (демократы), *народные патриоты vs западники* (руссофилы и руссофобы).

Приведенный беглый анализ не дает права делать фундаментальные выводы. Тем не менее, изученный материал показывает, что язык, на котором общаются новые вершители судеб, в обоих социокультурных пространствах во многом схож. Встает вопрос: по каким причинам конструкторы дискурса используют средства новояза прошлых времен, этого набора средств «общения» власти с народом и властвующим с оппозицией.

Заключение. Можно предполагать, что агрессивные тона, доминирующие в этих какофонических опусах, возникают как результат живучести извечной, задающей тон и в польской, и в российской жизни, парадигмы *наши–не наши; свои–чужие*, причем «свои» – это всегда мы, т.е. – *носители единственно правильного учения*, которым нечего доказывать, ибо все доказано. В свою очередь, чу-

жие – это опасность, чужие – это враги, которые, как таковые, постоянно организуют заговоры, а значит, предстоит императив борьбы с ними, начиная с «благородных» разоблачений.

Подобные ментальные процессы – основа вербальной агрессии по отношению к врагам, а также всевозможных манипуляционных действий, управляемых воскресшим лозунгом, его новой ипостасью: *Всевозможное (демократическое) учение. Верно, потому что правильно.*

Общие свойства обоих дискурсов – это также:

- бескомпромиссные негативные оценки, которым подчинены значения;
- ритуальные инвективно-уничжительные номинации, обличающие действительных и мнимых врагов;
- магически-ритуальные заклинания как набор испробованных средств идеологизации новых, удобных для власти имущих, значений. На этой почве происходит процесс разрушения семантики слов;
- упорное навешивание ярлыков на всех, кто имеет смелость не одобрять «демократичность».

Итак, как польский, так и российский политический дискурс наших дней есть несомненно *речь, погруженная в жизнь*. Однако, вряд ли его можно отождествлять с коммуникативным событием. Его агрессивность приводит и к коммуникативным шумам, и к коммуникативным конфликтам. Такое положение вещей исключает диалог как имманентную форму любой коммуникабельности.

Литература

1. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика / А.П. Чудинов. – М.: Изд. «Флинта», 2006. – 254 с.
2. Grabias, S. Język w zachowaniach społecznych / S. Grabias. – Lublin, 1994. – 311 S.
3. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М., 1999. – 637 с.
4. Купина, Н.А. Тоталитарный язык / Н.А. Купина. – Екатеринбург–Пермь, 1995. – 141 с.
5. Андреева, Н. Не могу поступаться принципами / Н. Андреева // Советская Россия. – 1988. – 13 марта.
6. Гуревич, П. Философия культуры / П. Гуревич. – М., 1995. – 384 с.

Поступила в редакцию 05.12.2013 г.

Принята в печать 30.12.2013 г.

УДК 821.161.3.09“19/20”

Падзейна-прыгодніцкі напрамак мастацкай інтэрпрэтацыі беларускай гісторыі ў творах канца XX – пачатку XXI стагоддзя

Навасельцава Г.В.

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя П.М. Машэрава”, Віцебск

У артыкуле на прыкладзе беларускамоўных твораў вядомых пісьменнікаў (Леаніда Дайнекі, Вольгі Іпатавай, Вітаўта Чаропкі, Генрыха Далідовіча) і рускамоўных твораў маладых аўтараў канца XX – пачатку XXI стагоддзя аналізуецца спецыфіка мастацкай інтэрпрэтацыі беларускай гісторыі ў падзейна-прыгодніцкім рэчышчы. У беларускай прозе гэтага перыяду істотна пашырыўся тэматычна-праблемны і стыльвы дыяпазон мастацкіх палотнаў пра айчыннае мінулае. Увага мастакоў слова засяроджваецца на падзеях і вядомых асобах XI–XV стагоддзяў, адметных перыядах гісторыі XVI – пачатку XX стагоддзя. У зямальнай форме пісьменнікі расказвалі пра выбраную гістарычную падзею, у цэнтры мастацкага дзеяння ставілі вядомую асобу (уладара, дзеяча культуры). Прыгодніцкая лінія не толькі забаўляла чытача, але і дынамізавала апавед, чым прадвызначала адметную стыльвую спецыфіку твораў пра гістарычнае мінулае гэтага мастацкага напрамку.

Ключавыя словы: беларуская літаратура, інтэрпрэтацыя беларускай гісторыі, паэтыка гістарычнага пісьма, падзейна-прыгодніцкі напрамак, творы канца XX – пачатку XXI стагоддзя.

(Ученые записки. – 2013. – Том 16. – С. 100–106)

Event and Adventure Direction of Artistic Interpretation of the History of Belarus in the Works of the Late XX – Early XXI Century

Navaseltseva G.V.

Educational establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

In this paper on the example of Belarusian-language works of famous writers (Leonid Dayneko, Olga Ipatova, Vytautas Charopka, Henry Dalidovich) and Russian works of young authors of the late XX – early XXI century specific artistic interpretation of the Belarusian history in the event and adventure vein is analyzed. In Belarusian prose of that period thematic and problem as well as stylistic range of artistic canvases about domestic past increased significantly. Attention of writers focuses on the events and famous people of the eleventh to the fifteenth centuries, the distinctive periods of the history of the XVI – early XX centuries. The writers narrate about the chosen historical even in a funny form; the center of artistic activity becomes a known personality (the lord, a cultural figure). Adventure line was not only to entertain the public, but also made the story dynamic with which it predetermined distinctive stylistic specificity of the works of the historical past of this artistic movement.

Key words: Belarusian literature, the interpretation of the Belarusian history, poetics of historical writing, event and adventure direction, the works of the late XX – early XXI century.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 16. – P. 100–106)

Э стэтычнае асэнсаванне мінулага пісьменнікамі канца XX стагоддзя адбывалася ў грамадска-палітычных умовах аднаўлення і развіцця беларускай дзяржаўнасці. Мастацкая інтэрпрэтацыя гістарычных рэалій стала шматвектарнай у тэматычным, жанравым, стыльвым планах.

Разам з далейшай распрацоўкай такіх традыцыйных тэм, як паўстанне 1863 года, лёс дзеячаў культуры, значнае месца заняло ўвасабленне так званых «белых плям»: стварэнне і развіццё беларускай дзяржаўнасці, шматлікія войны, дзейнасць гістарычных асоб, пра якіх раней не было прынята згадваць. На-

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: Novoseltseva70@mail.ru – Г.В. Навасельцава

прыканцы XX стагоддзя ўмацоўваецца і развіваецца падзейна-прыгодніцкі напрамак у мастацкім увасабленні гісторыі. Ён характарызуецца падкрэслена творчай апрацоўкай фактычнага матэрыялу, дынамічнымі сюжэтнымі лініямі, выкарыстаннем элементаў знешняй займальнасці, героем, які пастаянна самасцвярджаецца праз пераадоленне цяжкасцей. Гэты напрамак ярка прадстаўлены ў творах Леаніда Дайнекі, Вольгі Іпатавай, Вітаўта Чаропкі і некаторых іншых аўтараў, што абумоўлівае мэту працы – выяўленне спецыфікі падзейна-прыгодніцкага напрамку мастацкай інтэрпрэтацыі беларускай гісторыі ў творах канца XX – пачатку XXI стагоддзя.

Матэрыял і метады. Аб'ектам даследавання ў дадзенай працы сталі творы пра значныя падзеі беларускай гісторыі як вядомых пісьменнікаў (Л. Дайнекі, В. Іпатавай, В. Чаропкі, Г. Далідовіча), так і адносна маладых аўтараў памежжа XX–XXI стагоддзяў (М. Галдзянкова, С. Зайцава, Ю. Татарынава). Базавымі для даследавання з'яўляюцца прыёмы канкрэтна-гістарычнага і кампаратыўнага метадаў, якія дазваляць найбольш выразна выявіць жанравую і стыльвую спецыфіку рэпрэзентацыі айчыннага мінулага названымі мастацкімі словамі.

Вынікі і іх абмеркаванне. Л. Дайнека першым у беларускай прозе пра мінулае стварыў гістарычны раманы цыкл (“Меч князя Вячкі”, 1987; “След ваўкалака”, 1988; “Жалезныя жалуды”, 1993). Яго творам уласцівы разгалінаваныя сюжэтныя лініі, шматгеройнасць, спалучэнне дакументальнага матэрыялу з мастацкім вымыслам, значная ўвага да асэнсавання канфесійных праблем на славянскіх землях. Галоўны герой першага рамана – князь Вячка, мужны абаронца роднай зямлі. Большасць герояў рамана “Меч князя Вячкі” – рэальныя асобы, пра якіх гаворыцца ў “Хроніцы Лівоніі”, напісанай Генрыхам Латвійскім у 1224–1227 гадах. Вячка княжыў у Кукенойсе, крайнім фарпосце полацкай зямлі ў Ніжнім Падзвінні, калі нашы продкі разам з балтыйскімі народамі адчулі моцны націск крыжаносцаў, што заснавалі ў вусці Заходняй Дзвіны горад Рыга і імкнуліся распаўсюдзіць свой уплыў на ўсё Падзвінне. Полацкія ўладанні Кукенойс і Герцыке першымі апынуліся на шляху тэўтонаў і трапілі ў эпіцэнтр барацьбы. Тэма процістаяння крыжаносцам айчыннымі пісьменнікамі XX стагоддзя ў жанры рамана да Л. Дайнекі фактычна не асэнсоўвалася. У

скарбніцу сусветнай літаратуры ўвайшоў раман “Крыжаносцы” польскага празаіка XIX стагоддзя Генрыка Сянкевіча, дзе галоўнымі героямі выступаюць выдуманыя асобы. Князь Вячка з роду слаўных Рагвалодавічаў паказаны беларускім аўтарам патрыётам, народным заступнікам. На полацкім вечы Вячка заклікае да аб'яднанай барацьбы з крыжаносцамі, спрабуе далучыць да гэтага змагання літоўскага кунігаса Даўгерута, наўгародцаў і эстаў. У 1224 годзе Вячка ўзначаліў палачан, наўгародцаў і эстаў, але гераічна загінуў пры абароне ад тэўтонаў горада Юр'еў. Л. Дайнека ў маральным плане супрацьпаставіў Вячку рыжскага біскупа Альберта і полацкага князя Уладзіміра, якія кіраваліся толькі сваімі інтарэсамі. Пісьменнік звычайна знізіў вобраз полацкага князя. Яго Уладзімір дбае больш пра свой пасадак, чым пра барацьбу з ворагамі княства, бачыць у Вячку найперш палітычнага суперніка, а не саюзніка. Л. Дайнека ўвёў у раман вобраз летапісца-сведкі. Гэта храніст Генрых, латгал па паходжанні, вывезены ў маленстве на чужыну і выхаваны ў духу адданаці каталіцкай царкве. Аўтар пратэўтонскай “Хронікі Лівоніі”, Генрых занатоўвае для гісторыі найперш такія звесткі, якія прыніжалі тых, з кім крыжаносцы змагаліся, але і ён не мог не выказаць захаплення сілай духу Вячкі. Калі Г. Сянкевіч паказаў барацьбу з крыжаносцамі пераважна праз шляхецкія гераічныя вобразы-тыпы, то ў раманах Л. Дайнекі народ – адзін з галоўных герояў твора. Яркія прадстаўнікі народа – Якаў з Гарэлай Весі па мянушцы “Палачанін”, у характары якога ўвасоблены лепшыя народныя рысы: смеласць, прыродны розум, разважлівасць, любоў да роднай зямлі; летапісец Клімята, Мірошка і іншыя.

Мінулае праз паказ драматычных момантаў жыцця вядомай гістарычнай асобы асвятлялася ў раманах Л. Дайнекі “След ваўкалака”. У аснову сюжэта пакладзены сапраўдныя гістарычныя факты: у 1067 годзе пасля бітвы на рацэ Няміга полацкі князь Усяслаў паспрабаваў дамовіцца пра мір з братамі Яраслававічамі, але разам з сынамі Расціславам і Барысам трапіў у кіеўскі пюрб. Пісьменнік мэтанакіравана акцэнтуюе ўвагу на самым незвычайным з жыцця полацкага князя. Неўзабаве пасля зняволення Усяслава палавецкія орды хана Шарукана рушылі на Кіеў, што выклікала народныя хваляванні. Кіяне вызвалілі Усяслава і даверылі яму сваё войска. Полацкі князь абараніў Кіеў, але

адмовіўся ад вялікакняжацкага пасаду і вярнуўся ў Полацк. Патрыятызм Усяслава не заўсёды дарэчна падкрэсліваўся ў творы Л. Дайнекам. У Арлоў справядліва адзначыў камізізм эпізода, калі героі “паскідаўшы кальчугі, сядзяць вакол вогнішча і цюмраць печаную ў прыску бульбу. Ім можна было б пазаздросціць, каб не адна акалічнасць: бульбу завезлі ў Еўропу з Амерыкі толькі ў XVI стагоддзі, а на Беларусі наш цяперашні другі хлеб з’явіўся яшчэ гадоў праз дзвесце” [1, с. 60–61]. Землі ўсходніх славян, у трактоўцы Л. Дайнекі, былі прадметам вострай палітычнай барацьбы іншых дзяржаў. У рамане “След ваўкалака” ёсць эпізадычны вобраз пасланца з Канстанцінопаля Тарханіёта, які распальваў княскія міжусобіцы, каб падначаліць усходніх славян інтарэсам Візантыі. Л. Дайнека паглыбляў нацыянальна-гістарычны міф пра славу тага полацкага князя Усяслава Чарадзея. Паводле пісьменніка, Усяслаў – неардынарная асоба, спасцігнуць сутнасць якой не маглі нават родныя дзеці.

Вобраз стваральніка беларуска-літоўскай дзяржавы Міндоўга пададзены ў рамане “Жалезныя жалуды”. Спачатку Л. Дайнека прадстаўляе Міндоўга як дробнага літоўскага кунігаса, аднак рашучасць і палітычная дальнабачнасць хутка робяць князя прыкметнай фігурай на балта-славянскіх землях. Падчас стварэння Вялікага княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага ўсе дзеянні князя, нават прыняцце веравызнання, падначальваюцца ўмацаванню асабістай улады і дзяржавы. Міндоўг лёгка пераходзіць з язычніцтва ў праваслаўе, потым мяняе праваслаўе на каталіцтва, але не здраджвае роднай зямлі. Ён гаворыць сыну: “Маці мая, мяне нарадзіўшы, скуру мне дала. Глядзі на голую скуру маю. Гэта – першая вера мая, адвечная вера прадзедаў. Потым летняе адзенне я апрануў. Гэта руская вера. Апрану зімовы кажух. Гэта будзе рымская вера. А перад смерцю скіну з сябе чужыя адзежы і зноў вярнуся голы ў лона агню свайго і веры сваёй” [2, с. 203]. Пісьменнік акцэнтуюе ў характары Міндоўга мэтанакіраванасць, клопат пра лёс дзяржавы, бязлітаснасць, уладальобства, упэўненасць у сваёй беспакаранасці. Эпізодам смерці Міндоўга ад рук пляменнікаў падкрэсліваў пісьменнік, што сіла і ўціск заўсёды нараджаюць процідзеянне. Л. Дайнека супаставіў Міндоўга і яго сына Войшалка. Сын Міндоўга пашырае межы і ўмацоўвае Навагрудскую дзяржаву. Ён у маральных адносінах стаіць

вышэй за бацьку. Па характары гэта руплівы дойд, а не ваяр. Навагрудскі княжыч Далібор цэніць Войшалка за клопат пра росквіт дзяржавы, за адукаванасць, за вернасць мове і звычаям крывіцка-дрыгавіцкай зямлі. Сэнсаўтваральнымі ў рамане выступаюць сімвалічныя вобразы жалезных жалудоў, якія браталюбыва таемна падкідваюць беларуска-літоўскім уладарам, заклікаючы іх такім чынам да мудрасці і справядлівасці. У “Жалезных жалудах”, як і ў іншых раманах пісьменніка, шмат этнаграфічна-бытавых апісанняў. Аповед у творы вядзецца ад трэцяй асобы, але аўтар праз няўласна-простую мову дае магчымасць “выгаварыцца” самім гістарычным асобам. Каб акцэнтаваць драматызм становішча нашых продкаў, аўтар увёў у сістэму персанажаў вобраз чужаземца Сіверта. Рыцар-крыжаносец пасля некалькіх гадоў знаходжання сярод славян і літоўцаў пераконваецца ў іх розуме і высакародстве, таму вырашае ехаць у Рым, каб прасіць Папу паслаць мір на гэтыя землі, але рыцары забіваюць Сіверта.

Насычана падзеямі, мастацкім этнаграфізмам проза Вольгі Іпатавай. Асноўным прадметам эстэтычнага пазнання там выступае эпоха Сярэднявечча. У аповесці “За морам Хвалынскім” (1989) Іпатава расказала пра вымушаныя вандроўкі нашых продкаў у вялікі свет падчас праўлення Усяслава Чарадзея; у аповесці “Агонь у жылах крэменю” (1989) паспрабавала рэканструяваць псіхалагічную атмасферу пасля прыняцця Брэсцкай царкоўнай уніі; у “Чорнай княгіні” (1989) – пра часы магнатскай усёдазволенасці, пра трагічны лёс Гальшкі Астрожскай і яе прыслужніцы Евы, пра складаны шлях асветніцкіх ідэй у XVI стагоддзі. У суб’ектнай арганізацыі аповесці “Чорная княгіня” існуе некалькі апавядальніцкіх пластоў, але асноўны апавядальнік – прыслужніца князёўны Астрожскай Ева Касцевіч. Яна згадвае пра адносіны паміж шляхтай і магнатамі, пра значную ролю Боны Сфорцы ў дзяржаўным і культурным жыцці ВКЛ. Яркае ўяўленне пра норавы таго часу дае кароткая характарыстыка Евай яе бацькі: “Бацька мой быў чалавек з гонарам, але перад знатнымі гнуўся, як трыснёг перад ветрам” [4, с. 234]. У цэнтры аповесці лёсы дзвюх жанчын – беднай шляхцічкі Евы Касцевіч і князёўны Астрожскай, гістарычныя падзеі таго часу згадваюцца мімаходзь (інтрыгі каралеўскага двара і магнатаў, Рэфармацыя ў

Еўропе). Асветнік Сымон Будны, яго паплечнік Кавячынскі, магнаты Радзівілы і Астрожскія, Пётр Скарга – эпізадычныя героі аповесці. В. Іпатава ў мастацкай форме выказала меркаванне, што распаўсюджванне ідэй кальвінізму і антытрынітарызму было спробай часткі магнатаў і асветнікаў увесці новую рэлігію дзеля аб'яднання народа. Творам “Агонь у жылах крэменю” праз лёс братаў Яноўскіх, дзе старэйшы брат вызнаваў праваслаўе, а малодшы Казімір-Алесь стаў апантаным каталіком, пісьменніца сцвярджала: Брэсцкая ўнія была скіравана на раз'яднанне беларусаў.

Развіццё беларускай дзяржаўнасці ў канцы XX стагоддзя стымулявала ўвагу пісьменнікаў да гісторыі Вялікага княства Літоўскага. В. Іпатава стала аўтарам рамана-цыкла “Уладары ВКЛ”, куды ўвайшлі раманы “Залатая жрыца Ашвінаў” (1997–1999), аповесць “Вяшчун Гедзіміна” (2000), раманы “Альгердава дзіда” (2001). Галоўнымі героямі тут выступаюць створаныя аўтарскай фантазіяй жрыца Жывена і яе нашчадкі, вачамі якіх пісьменніца глядзіць на першых асоб Вялікага княства і на эпоху. Для ўзнаўлення часу праўлення Міндоўга ў рамане “Залатая жрыца Ашвінаў” канцэптуальна выкарыстоўваліся народныя паданні, фальклорна-міфалагічныя вобразы, дакументальныя звесткі. Пісьменніца адлюстроўвала эпоху, калі веравызнанне ў многім выяўляла духоўныя запатрабаванні чалавека, калі суіснавалі язычніцтва і хрысціянства. Станаўленне Вялікага княства Літоўскага выступала фонам для паказу лёсу жрыцы храма Ашвінаў Жывены. Сэнсаўтваральным сюжэтным матывам у прозе пісьменніцы стаў матыў падарожжа, які дапамагае паказаць асобнае самасцвярджанне героя, параўнаць жыццё людзей у розных кутках свету. Аповед у творы падначальваўся ідэі пра ўзаемазвязанасць гісторыі і культур народаў. Аповесць “Вяшчун Гедзіміна” расказвала пра першую трэць XIV стагоддзя, калі на чале ВКЛ быў князь Гедымін, пры якім Вільня стала сталіцай княства. Паводле легенды, Гедымін загадаў заснаваць Вільню, паколькі так парадзіў вяшчун Ляздзейка. Палітыка Гедыміна садзейнічала ўмацаванню дзяржавы ў перыяд, калі суседзі імкнуліся далучыць да сваіх уладанняў тэрыторыю княства. Пісьменніца супастаўляла ў маральным плане Гедыміна і Давыда Гарадзенскага, адзначала, што дзеянні Гедыміна падпарадкоўваліся

ўмацаванню асабістай улады, а дзеянні Давыда Гарадзенскага – служэнню Радзіме. Іпатава падала ў творы ўласную версію лёсу Ляздзейкі, узаемаадносін вешчуна і вялікага князя. Яе Ляздзейка – чалавек, адораны назіральнасцю, розумам, нянавісцю да халустства, таму стасункі з Гедымінам у яго складаныя. Князь лічыць, што сын смерда павінен быць удзячны яму за набліжанасць да двара, для Ляздзейкі ж вышэй за ўсё свабода думкі і дзеяння. Цэнтральны герой “Альгердавай дзіды” – сын Гедыміна Альгерд, справядлівы, мудры, уладарны кіраўнік дзяржавы, пры якім Вялікае княства Літоўскае дасягае сваёй магутнасці. Аповед пра Альгерда вядзецца паралельна з аповедам пра Лозку – праўнучку Жывены. Непераможная дзіда, якую Лозка выкавала Альгерду, – сімвал духоўнай велічы нашых продкаў. Мастацкае адлюстраванне гісторыі ў творах В. Іпатавай насычана падзейнасцю, меладраматычнымі любоўнымі сюжэтнымі лініямі, філасофскай падсветкай сюжэта і праблематыкі, спалучае лірычны і эпічны пачатак з акцэнтацыяй драматызму айчынай гісторыі перыяду Сярэднявечча.

Складаныя падзеі канца XV – пачатку XVI стагоддзя знаходзіліся ў цэнтры рамана “Храм без Бога” (1991) В. Чаропкі. Там апавядалася пра змаганне нашых продкаў са знешнімі ворагамі ВКЛ, пра закалоты магнатаў. Як тонка зазначыла В.К. Шынкарэнка, “аб'ектыўна-апавядальны свет рамана В. Чаропкі, гістарычныя рэаліі, складаныя перыпетыі чалавечых лёсаў на працягу ўсяго дзеяння рыхтуюць, высноўваюць план абгульняючай філасофскай думкі аб сэнсе жыцця, яго высокім прызначэнні, а з другога боку, яго хісткасці, залежнасці ад няўмольных абставін, экзістэнцыйнай невырашальнасці некаторых праблем. Досыць часта чалавек пад націскам выпрабавальных акалічнасцей, віхураў гісторыі, па асаблівых прычынах вымушаны адступаць ад маральных прынцыпаў, ранейшых перакананняў, г.зн. нішчыць у сабе выбаўданы светлы Храм і Бога” [6, с. 157]. В. Чаропка паказаў Клецкую бітву 1506 года з татарамі, згадаў пра шматлікія войны з Маскоўскім княствам, унутрыдзяржаўныя канфлікты. Сярод персанажаў твора шмат гістарычных асоб. Гэта вялікія князі Аляксандр і Жыгімонт Стары, гетман Міхайла Глінскі, княгіня Настасся Слуцкая, побач з якімі знаходзяцца выдуманя героі (Мацей Кузьмініч, Яня Каліноўская і іншыя). Супярэчлівай асобай паказаны ў рамане

Міхайла Глінскі. Маршалак Вялікага княства Літоўскага, мужны воін і ўдалы дыпламат, ён перамагае татар пад Клецкам, прысягае на вернасць Жыгімунту, а потым здраджвае. Спачатку Глінскі ўпэўнены, што не збіраецца крывёй і жорсткасцю здабываць веліч сабе і Літве, аднак надалей ён распальвае міжусобную вайну, каб вярнуць былыя пасады і ўладу, абвясчае сябе абаронцам праваслаўнай веры і беларускага народа ад польскага ўціску. Многія ўчынкі Глінскага абумоўлены карыслівымі планамі іншых людзей. У вачах канцлера Мікалая Радзівіла Глінскі – сродак знішчэння палітычных супернікаў, узвелічэння роду і набліжэння да кіравання дзяржавай. Выкарыстоўвае князя і Жыгімонт, якому для ўмацавання асабістай улады быў патрэбны высокі аўтарытэт Глінскага сярод шляхты. Вялікі князь Маскоўскі Васіль III падтрымліваў мяцежніка таму, што спадзяваўся з яго дапамогай завалодаць землямі ВКЛ. У фінале твора адзінокі і расчараваны Глінскі разумее марнасць сваіх ранейшых памкненняў. У адрозненне ад літаратурных папярэднікаў, Чаропка ў трактоўцы паводзін М. Глінскага на першы план вылучаў асобныя матывы ўчынкаў гэтага гістарычнага персанажа. Слуцкі дружыннік Мацей Кузьмініч таксама ўвесь час знаходзіцца перад выбарам: служыць сваёй княгіні ці Глінскаму. Кузьмініч робіць шмат злачыннага, губляе свой духоўны храм. Этычны імператывы ў рамане Чаропкі, такім чынам, узыходзілі да хрысціянскіх заповедзей, парушэнне якіх, паводле пісьменніка, прыводзіць чалавека, незалежна ад яго сацыяльнага статуса, да жыццёвай катастрофы. Падзейная лінія і надалей дамінуе ў прозе В. Чаропкі, як паказвае яго аповесць “Архангел святой Ганны” (2007). Яна напісана ў форме дзённіка (мова твора стылізаваная пад старабеларускую) шляхціца Міхайлы Асташавіча, якому Мікалай Радзівіл загадаў злавіць рабаўніка па мянушцы “Чортаў Бацька”. Па сюжэце твора Міхайла закахаўся ў дачку “Чортавага Бацькі” Ганну. Дзяўчына па трагічнай выпадковасці атруцілася. Міхайла фундуе ў Вільні будаўніцтва касцёла святой Ганны. З рыцара каханай ён ператвараецца ў яе архангела: “Заўсёды памятаў я на княжну Ганну. Не відзеў аблічнасці яе, то прасіў я з картыны вобраз Божай Маці намалюваць і даць сэрцу маёму суцяшэнне” [5, с. 96]. У фінале твора дэтэктыўна-прыгодніцкая лінія саступіла месца паглыбленаму псіхалагізму ў

абмалёўцы сярэднявечнага чалавека, вернага Богу і каханню. Гісторыю знакамітага віленскага касцёла святой Ганны, такім чынам, праявілі падаў рамантычнымі фарбамі.

Асобныя моманты, звязаныя з утварэннем беларускай дзяржаўнасці, адлюстраваны ў рамане “Кліч роднага звона” (1997) Г. Далідовіча. Аўтар паказаў працэс станаўлення Вялікага княства Літоўскага, узвышэнне ў Навагародку сына Міндоўга Войшыля. Ваявода Усяслаў – галоўны герой рамана, прадаўжальнік спраў Усяслава Чарадзея. Сярод іншых навагародскіх баяр ваявода вылучаецца дабрачыннасцю, клопамат пра княства і родную зямлю. Усяславу пакінуў свой наказ-запавет навагародскі князь Ізяслаў, што страціў у бітвах родных сыноў. Князь Ізяслаў з Рагвалодавічаў працягваў палітыку сваіх продкаў – полацкіх князёў і асветнікаў, што ў дзяржаўным будаўніцтве аддавалі перавагу гаспадарчай і дыпламатычнай дзейнасці. Ён упэўнены, што менавіта Міндоўг павінен стаць новым гаспадаром Навагародскага княства: “Міндоўг павінен будзе заявіць пра сваё хрысціянства, змусіць ахрысціцца сваіх баяр-язычнікаў, перабрацца з Руты ў Навагародак, слухаць нашу Раду і навагародскае веча, падпарадкаваць Навагародку Літву – гэта значыць, дзе словам, а дзе і сілаю зрабіць першы крок да нашага адзяржаўлівання” [3, с. 93]. Пасля смерці Ізяслава Усяслаў становіцца навагародскім пасадыкам, знаходзіцца побач з новым князем, каб дбаць пра веліч княства. Усяслаў – этычны антыпод Міндоўга: “Міндоўгава радасць была зусім зразумелая: Яго вялікасць выпадак, а то і адзіны ў жыцці шанец ці нават сам гістарычны лёс выводзіць яго з лясных глухіх нетраў і сцяжын на прасцяг і высокія навагародскія ўзгоркі, дзе, ужо навідавоку, яго, Гаспадара немалых зямель, чакае нямала непрадбачанага, але ваблівага і, можа, слаўнага. А хто, скажыце, з зямнога люду, няхай сабе простага ці княскага, не прагне іх, велічы і славы?!” [3, с. 226]. Пісьменнік тэндэнцыйна падкрэсліваў, што культурна-гістарычная, духоўная аснова фарміравання новай дзяржавы знаходзілася ў Навагародку з яго высокаадукаванымі і мудрымі людзьмі.

Эвалюцыя ў мастацкай інтэрпрэтацыі адносна блізкай гісторыі беларускімі пісьменнікамі яркая выяўляецца ў раманах Г. Далідовіча “Пабуджаныя” (1988) і “Свой дом” (1989). Аўтар “Пабуджаных” яшчэ шырока выкарыстоўваў прыёмы ўвасаблення

гісторыі, прынятыя ў савецкай літаратуры, але змясціў новы дакументальны матэрыял пры апаведзе пра падзеі 1917 года, пра дзейнасць масонаў, бальшавікоў, БСГ. Хранікальная падача падзей, дакументальныя ўстаўкі стваралі ілюзію даставернасці апаведу. Значнае месца адводзілася даследаванню псіхалогіі гарадскіх і вясковых беларусаў, сялянства і інтэлігенцыі пачатку XX стагоддзя. На перыферыю сюжэта былі выведзены вобразы пісьменнікаў (М. Багдановіча, З. Бядулі, Я. Купалы, Ядвігіна Ш., К. Каганца, Ф. Шантыра, Ц. Гартнага), мімаходзь згадвалася дзейнасць “Беларускай хаткі” ў Мінску. У цэнтры сюжэта спачатку знаходзіўся служачы Міхайлаў (Фрунзе). Ён у паказе пісьменніка не адхіляе нацыянальны лозунгі, але аддае перавагу класавым. Праз іх падрабязна асвятляў палітыку ў так званым беларускім пытанні Мяснікова, Крывашэіна, Ландара, Алібегавы, Позерна. Фрунзе ў творы супрацьпастаўлены Ландару, які заклікаў беларусаў паглыбіць да такой ступені нацыянальныя пачуцці, каб пераўтварыць іх у інтэрнацыянальныя. “Свой дом” – раман пра гісторыю абвясчэння БССР. Тут значна большая ўвага надаецца вобразам беларускіх дзяржаўных дзеячаў, найперш Цішку Гартнаму. Надзвычай прыкметная ў творы тэндэнцыя да дэраізацыі бальшавікоў і паасобных дзеячаў нацыянальна-вызваленчага руху. Вобраз гістарычнага часу ствараўся праз насычэнне рамана падзеямі, спалучэнне іх героіка-рамантычнага і рэалістычна-бытавога адлюстравання. Раман Г. Далідовіча быў напоўнены цытатамі з дакументаў пачатку XX стагоддзя. Дакумент у рамане выступаў адначасова сродкам узмацнення даставернасці апаведу, формай спасціжэння гістарычнай рэчаіснасці, доказам правамернасці аўтарскай канцэпцыі мінулага.

Мастацкая практыка пачатку XXI стагоддзя сведчыць пра актуалізацыю падзейна-прыгодніцкага напрамку ў асэнсаванні пісьменнікамі гісторыі. Дынаміка апаведу і займальнасць, уключэнне дэтэктыўных момантаў выкарыстоўваюцца імі пры ўвасабленні складаных, раней мала асветленых момантаў сусветнага і беларускага мінулага. У прыгодніцкай лініі мастацкай інтэрпрэтацыі гісторыі абазначылася некалькі напрамкаў. Папершае, гэта паказ гістарычных падзей і звязаных з імі чалавечых лёсаў пэўнага часу на аснове прыняцця мастацкага гістарызму з выкарыстаннем алузій, рэмінісцэнцый, элементаў дэтэктыву (“Апошнія ахвяры свяшчэннага дуба”, 2006, “Знак вялікага магістра”, 2008

В. Іпатавай; “Пярсцёнак апошняга імператара”, 2001, “Золата забытых магіл”, 2003 і інш. Л. Рублеўскай; рускамоўная трылогія “Пан Кміціч”, 2012 М. Галдзянкова; “Амерыканская адысея Тадэвуша Касцюшкі”, 2004, “Літоўская адысея Тадэвуша Касцюшкі”, 2009, “Глеб Менскі”, 2005 Я. Конева і інш.). Неадназначныя адносіны, з пункту гледжання ўвасаблення гістарычных асоб, выклікае, напрыклад, цыкл раманаў «Пан Кміціч», што складаецца з кніг: “Вогненны вершнік” (2011), “Сцежкаю ваўка” (2011), “Паядынак” (2012) пра трагічныя моманты вайны 1654–1667 гадоў на беларускай зямлі. Пісьменнік узнавіў пачатак вайсковых дзеянняў, грамадскія настроі падчас ваеннага ліхалецця і па заканчэнні вайны Масковіі з Рэччу Паспалітай. Несумненна вартасць раманага цыкла ў імкненні аўтара дэталёва перадаць атмасферу складанага перыяду. М. Галдзянкоў звярнуўся да ўвасаблення жыцця сапраўдных гістарычных асоб, шмат увагі надаў гісторыка-этнаграфічным рэаліям. Галоўны герой трылогіі – аршанскі шляхціц Самуэль Кміціч, пляменнік Філона Кміты-Чарнабыльскага, славыты сваімі подзвігамі на вайне 1654–1667 гадоў. Гэта гістарычная асоба стала прататыпам Анджэя Кміціца ў рамане Г. Сянкевіча “Патоп” (1886). Г. Сянкевіч і М. Галдзянкоў апавядалі пра перыяд, калі Рэч Паспалітая з’яўлялася арэнай барацьбы шведскіх і маскоўскіх войскаў, калі рускі цар Аляксей Міхайлавіч прагнуў пашырыць межы маскоўскага царства і атрымаць каралеўскую карону, шведскі кароль Карл X Густаў захопліваў польскія землі, а польскі кароль Ян Казімір праяўляў слабасць і нерашучасць. У такіх абставінах уплывовыя магнаты Радзівілы хацелі аддзяліць Вялікае княства Літоўскае ад Рэчы Паспалітай. Г. Сянкевіч паказвае найперш шведскі “патоў”, беларускі ж пісьменнік галоўным чынам прасочвае падзеі вайны з Масковіяй. Абодва аўтары захапляюцца гераічным учынкам Кміціча пры абароне Чанстахоўскага манастыра. Разам з тым Сянкевіч падкрэсліў самавольства Анджэя, які разганяе мясцовы соймак, выкрадае панну Аляксандру Білевіч, здэкуецца і забівае шляхціцаў і таму вымушаны працягваць далейшае змаганне пад прозвішчам “Бабініч”. Думаецца, гэтым пісьменнік хацеў паказаць розніцу паміж рыцарам з этнічнай Польшчы і рыцарам з Літвы. Галдзянкоў жа падае свайго героя ўзорам рыцарскіх паводзін. Беларускі пісьменнік супярэчыць Сянкевічу і трактоўкай вобразаў князёў Радзівілаў. Калі для польскага аўтара Януш і Багуслаў Радзівілы – здраднікі,

што імкнучца забіць караля дзеля ўласнага ўзвышэння, то Галдзянкоў адзначае патрыятызм Радзівілаў. Цікава, што ў рускамоўным творы князі Радзівілы размаўляюць па-беларуску. Братазабойчая вайна, у якой гінуць лепшыя прадстаўнікі шляхты, становіцца ў рамане прадметам мастацкага даследавання, асабліва ў рамане “Сцежкаю ваўка”. Спалучэнне прыгодніцкіх элементаў, дакументальнасці і мастацкага вымыслу дало М. Галдзянкову мажлівасць для ўвасаблення часу, калі вайна стала ладам дзяржаўнага жыцця, але пры гэтым аўтар адхіліўся ад рэальнай гісторыі.

Па-другое, гэта творы, у якіх гісторыя – фон для захапляльнага аповеду пра прыватныя чалавечыя лёсы, дзе на перыферыі сюжэта могуць эпізадычна з’яўляцца гістарычныя асобы (“Перамагаючы – азірніся”, 1986, “Попел і снег”, 2003 рускамоўнага пісьменніка С. Зайцава; “Вераадступнік”, 1996, “Якая палоніць грацыяй”, 1998, “Яцвягі”, 2004 Ю. Татарынава і інш.). Так, у рамане С. Зайцава “Перамагаючы – азірніся” расказваецца пра жыццё ўсходніх славян у IV стагоддзі, фонава згадваюцца працэсы племяннога аб’яднання на тэрыторыі сучаснага Прыдняпроўя, заняпад Вялікай Рымскай імперыі, шматлікія напады готаў і гунаў – “варвараў” – паводле рамеяў, заснаванне Канстанцінопаля, скліканне Першага Усяленскага сабора і ўзнікненне арыянства. “Попел і снег” – раман пра напалеонаўскае нашэсце. Адступленне рускіх войскаў на пачатку ваеннай кампаніі, Барадзінская бітва, захоп французамі Масквы, іх адступленне па старой Смаленскай дарозе паказваюцца вачыма герояў, што знаходзяцца ў супрацьлеглых лагерах, – полацкага лекара Аляксандра Мантуса і капрала французскай арміі Анры Дзюплесі, шчырага прыхільніка Напалеона, актыўнага ўдзельніка ваенных паходаў. Спалучэнне дэтэктыўнай лініі з меладраматызмам і вольнае абыходжанне з гістарычнымі фактамі характэрна творам “Вераадступнік” (1996), “Якая палоніць грацыяй” (1998), “Яцвягі” (2004) Юрыя Татарынава. Па-трэцяе, гэта колькасна нешматлікая лінія, скіраваная на парадзіраванне гісторыі (рускамоўны раман-дысертацыя “Карона Вялікага княства” (1999) У. Бутрамеева).

Заклучэнне. У беларускай прозе канца XX стагоддзя істотна пашырыўся тэматычна-

праблемны і стыльовы дыяпазон твораў пра айчыннае мінулае, узмацнілася тэндэнцыя да асэнсавання гісторыі з пазіцыі нацыянальнага і сусветнага маштабаў, паглыбіўся псіхалагізм у адлюстраванні персанажаў, акцэнтавалася ўвага найперш на асобных якасцях гістарычных дзеячаў. Побач з усведамленнем гісторыі як адбітку жыцця існавала яе ўсведамленне як загадкі, таямніцы. Пісьменнікі нярэдка звярталіся да ўключэння ў структуру твораў гістарычных дакументаў ці стылізаваных аўтарам падсапраўдных гістарычных крыніц, да лаканічнага ўзнаўлення гісторыка-этнаграфічных рэалій праз маналогі, гутаркі, рэплікі персанажаў. Падзейна-прыгодніцкі напрамак у інтэрпрэтацыі гісторыі беларускімі празаікамі канца XX стагоддзя істотна розніўся ад так званай забаўляльнай літаратуры, бо прыгодніцкая лінія ўжывалася не толькі для таго, каб забаўляць чытача, але і дынамізаваць апавед, актывізаваць чытацкую цікавасць да гісторыі роднай зямлі. Аднак у пачатку XXI стагоддзя пісьменніцкая інтэрпрэтацыя гісторыі стала ўсё больш прыкметна развівацца па лініі, абвешчанай Аляксандрам Дзюма, дзе аўтар мае поўную свабоду ў мастацкім мадэляванні гістарычных падзей і асоб, што зніжае пазнавальны патэнцыял твораў і не заўсёды павышае іх эстэтычны ўзровень.

Літаратура

1. Арлоў, У. Таямніцы Полацкай гісторыі / У. Арлоў. – Мінск: Беларусь, 1994. – 463 с.
2. Дайнека, Л. Жалезныя жалуды: раман / Л. Дайнека. – Мінск: Юнацтва, 1993. – 301 с.
3. Далідовіч, Г. Кліч роднага звона: раман, апавяданні, мініяцюры / Г. Далідовіч. – Мінск: Юнацтва, 1997. – 414 с.
4. Іпатава, В. За морам Хвалынскім: апавесці і апавяданні / В. Іпатава. – Мінск: Маст. літ., 1989. – 351 с.
5. Чаропка, В. Архангел святой Ганны: апавесць / В. Чаропка // Польшча. – 2007. – № 2. – С. 66–69.
6. Шынкарэнка, В.К. Нястомных пошукаў дарога: праблемы паэтыкі сучас. беларус. гіст. прозы / В.К. Шынкарэнка. – Мінск: Беларус. навука, 2002. – 208 с.

Паступіў у рэдакцыю 16.09.2013 г.

Прыняты ў друк 30.12.2013 г.

УДК [9(476)+2(=411.16)]“1920”

Назвы синагог і іўдзейскіх малітоўных дамоў Беларусі ў другой палове 1920-х гг. (на прыкладзе Віцебскай акругі БССР)

Карпекін К.Р.

Установа “Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці”, Віцебск

У артыкуле на аснове дакументаў справаводства, якія захоўваюцца ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь і Дзяржаўным архіве Віцебскай вобласці, аналізуецца паходжанне назваў іўдзейскіх культавых будынкаў, якія выкарыстоўваліся ў другой палове 1920-х гг. (на прыкладзе Віцебскай акругі Беларускай ССР).

Аўтарам зроблены вывад, што назвы мела пераважная большасць іўдзейскіх культавых будынкаў (каля 85%). Выключэнне складалі тыя малітоўныя збудаванні, якія з’яўляліся адзінымі ў пэўным населеным пункце, а таксама некаторыя синагогі і малітоўныя дамы вялікіх гарадоў. Усю разнастайнасць назваў можна звесці да 9-ці асноўных тыпаў. Самымі шматлікімі сярод іх з’яўляліся тыя, што сведчылі пра размяшчэнне культавага будынка ў пэўнай частцы населенага пункта (у тым ці іншым квартале, вуліцы) (31,03% ад агульнага ліку назваў), прыхільнасць вернікаў да пэўнай плыні іўдаізму (17,24%), утварыліся ад імёнаў пэўных асоб (старазапаветных герояў, а таксама суайчыннікаў, якія карысталіся павагай у абшчыне) (14,48%), адлюстроўвалі знешні выгляд іўдзейскіх культавых будынкаў (13,11%) і час іх узвядзення (11,03%). Акрамя таго, існавалі найменні, у якіх адбіліся асаблівасці іўдзейскай рэлігіі, размяшчэнне синагогі ці малітоўнага дома непадальк ад пэўнага адметнага збудавання, заняткі вернікаў-іўдзеяў.

Ключавыя словы: іўдаізм, культавыя будынкi, паходжанне назвы.

(Ученые записки. – 2013. – Том 16. – С. 107–112)

Names of Synagogues and Judaic Houses of Worship of Belarus in the Late 1920-ies (on the Example of Vitebsk District of BSSR)

Karpekin K.R.

Establishment “State Archive of Vitebsk Region”, Vitebsk

In the article on the basis of office-work documents which are stored in the National Archive of Belarus and the State Archive of Vitebsk Region, the origin of names of Judaic cult buildings, which were used in the late 1920-ies (on the example of Vitebsk district of the Belarusian Soviet Socialist Republic), is analyzed.

The author draws a conclusion that the majority of Judaic cult buildings (about 85%) had names. The exception was made by those buildings of worship, which were the only in certain settlements, and also some synagogues and houses of worship of big cities. All the variety of names can probably be reduced to 9 basic types. The most numerous among them were those which testified to a finding of a cult building in a certain part of settlement (in this or that quarter, street) (31,03% from total number of names), adherence of believers to a certain current of Judaism (17,24%), built from names of certain persons (conservative heroes, and also compatriots, who were held in respect in the community) (14,48%), reflected appearance of Judaic cult buildings (13,11%) and time of their erection (11,03%). Besides, there were names in which features of Judaic religion, place of a synagogue or a house of worship near a certain perceptible building, business of believers-Jews, were reflected.

Key words: Judaism, cult buildings, name origin.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 16. – P. 107–112)

У другой палове 1920-х гг. на тэрыторыі БССР знаходзілася больш за 860 будынкаў синагог і іўдзейскіх малітоўных дамоў. Значная частка гэтых культавых збудаванняў мела свае асобныя назвы. Іх выкарыстанне было выклікана жыццёвай неабход-

насцю, паколькі ў адным горадзе ці мястэчку магло знаходзіцца па некалькі синагог і малітоўных будынкаў. Дадзеныя назвы – гэта адно з праяўленняў рэлігійных традыцый, якія адлюстроўваюць асаблівасці іўдзейскага светаўспрымання.

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: karpekin07@mail.ru – К.Р. Карпекін

У сваіх працах даследчыкі гісторыі іўдзейскіх абшчын Беларусі практычна не надаюць увагі дадзенай з’яве. Зрэдку назвы іўдзейскіх культавых будынкаў згадваюцца ў сувязі з аналізам антырэлігійнай палітыкі саветскай улады 1920-х – 1930-х гг. [1, с. 262; 2, с. 13]. Яшчэ радзей навукоўцы робяць спробы вызначыць паходжанне назваў асобных культавых будынкаў [3, с. 134–136]. Вялікую цікавасць уяўляе даследаванне В.А. Барысевіч, у якім закранута праблема паходжання назваў культавых будынкаў Беларусі, у тым ліку іўдзейскіх, але яно прысвечана іх сучаснаму стану [4].

У сувязі з гэтым мэтай дадзенай працы з’яўляецца вызначэнне асаблівасцей назваў синагог і малітоўных дамоў Беларусі. Храналагічна яно ахоплівае другую палову 1920-х гг., паколькі ў гэты час дзейнічала дасвяткова вялікая колькасць іўдзейскіх культавых будынкаў. Указаную праблему можна даследаваць на прыкладзе Віцебскай акругі БССР. Для гэтага былі высветлены назвы ўсіх без выключэння синагог і малітоўных дамоў, якія знаходзіліся на гэтай тэрыторыі.

Матэрыял і метады. Артыкул падрыхтаваны на аснове дакументаў афіцыйнага справаводства, якія захоўваюцца ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь і Дзяржаўным архіве Віцебскай вобласці. У прыватнасці, былі выкарыстаны спісы малітоўных збудаванняў па Высачанскім, Езяршчанскім, Лёзненскім, Сенненскім, Суражскім раёнах Віцебскай акругі за кастрычнік–лістапад 1924 г. [5, арк. 1, 10–10 адв., 13, 19, 51 адв.], аналагічныя спісы па г. Віцебску за 1926 г. [6, арк. 268–270], Бешанковіцкаму, Віцебскаму, Высачанскаму, Сенненскаму, Сіроцінскаму, Чашніцкаму раёнах Віцебскай акругі за 1926 г. [7, арк. 19, 25 адв. – 26, 31–32, 36, 39, 42], па Віцебскай акрузе за 1928 г. [8, арк. 13–16 адв.]. Таксама крыніцамі даследавання паслужылі пратаколы пасяджэнняў Цэнтральнай камісіі па аддзяленні царквы ад дзяржавы пры Цэнтральным Выканаўчым Камітэце БССР за 1929 г. [9, арк. 9, 12 адв., 22].

Даследаванне праведзена з дапамогай агульнанавуковых і спецыяльнагістарычных метадаў: аналізу, сінтэзу, індукцыі, дэдукцыі, гісторыка-генетычнага, гісторыка-сістэмнага, метаду гнездавой выбаркі.

Вынікі і іх абмеркаванне. У другой палове 1920-х гг. на тэрыторыі Віцебскай акругі БССР знаходзіўся 141 іўдзейскі культавы будынак (сярод іх былі як дзеючыя, так і зачы-

неныя), пры гэтым 21 з іх (або 14,89% ад агульнай колькасці) быў безыменным.

Што да спецыфікі ўказанай групы, то 10 культавых будынкаў былі адзінымі ў сваім населеным пункце. З гэтай прычыны ў членаў мясцовых іўдзейскіх абшчын не ўзнікала неабходнасці даваць ім асобныя назвы, каб адрозніваць іх сярод іншых синагог ці малітоўных дамоў. У архіўных крыніцах яны абазначаны як “синагога” або “малітоўны дом” і згадваюцца разам з назвай горада ці мястэчка, у якім размешчаны. У прыватнасці, на тэрыторыі Віцебскай акругі знаходзіліся такія населеныя пункты з адной синагогай ці малітоўным домам, як Багушэўск, Бачэйкава, Дабрамыслі, Любічы, Прудзіны, Слабада, Соржыца, Цуракі, Чаркасы і Шуміліна. Акрамя таго, 1 безыменны малітоўны дом знаходзіўся ў Астроўне – мястэчку з 3-ма іўдзейскімі культавымі будынкамі [5, арк. 1, 35; 7, арк. 17, 31, 36, 39; 8, арк. 15–16]. У Віцебску, дзе налічвалася 74 яўрэйскія малітоўныя збудаванні, 10 з’яўляліся безыменнымі. У згаданых вышэй спісах яны адрозніваюцца толькі дзякуючы свайму адрасу. Напрыклад, у акруговым цэнтры меліся безыменныя малітоўныя дамы па Набярэжнай ракі Віцьбы, 6; па Суражскаму тракту, 62; 3 синагогі па Караваяўскай вуліцы і іншыя [8, арк. 13–13 адв.].

Пераважная большасць іўдзейскіх культавых будынкаў Віцебскай акругі (120 будынкаў або 85,11%) мелі пэўныя назвы, а некаторыя з іх – па некалькі. У прыватнасці, адна з синагог Сянно называлася як *Іерусалімскай*, так і *Рамесніцкай* [7, арк. 26; 8, арк. 14], а сярод назваў малітоўнага дома *Іосэ-Хайкес* у Віцебску сустракаюцца такія, як *Варварынскі* і *Гурвіцкі* [6, арк. 269; 8, арк. 13 адв.]. Дадзены вывад атрыманы шляхам супастаўлення розных спісаў синагог і малітоўных дамоў. У сувязі з гэтым асноўнай назвай намі вырашана лічыць тую, якая выкарыстоўвалася часцей.

Неабходна адзначыць і такую акалічнасць: калі ў большасці выпадкаў назвы іўдзейскіх культавых будынкаў складаліся з 1 слова (95 назваў або 79,17%), то пэўныя з іх мелі ў сваім складзе 2 ці 3 словы (25 назваў або 20,83%). Асновай для ўзнікнення назваў паслужылі розныя аб’екты і з’явы, найбольш тыповымі з якіх з’яўляліся наступныя:

1) размяшчэнне культавага будынка ў пэўнай частцы населенага пункта (назвы синагог і малітоўных дамоў, аднесеных да ўказанага тыпу, утварыліся ад тапонімаў). На тэрыторыі Віцебскай акругі выяўлена 45 такіх

назваў (31,03%). У межах вылучанага тыпу можна акрэсліць шэраг разнавіднасцяў назваў:

а) утвораня ад найменняў кварталаў ці вуліц. Традыцыйна часткі пэўнага горада ці мястэчка мелі свае асобныя назвы, што давала нагоду для асацыявання з ёй размешчанага там малітоўнага будынка. Напрыклад, у Лёзне мелася *Новаслабодская*¹ сінагога, у Віцебску – 3 *Слабодскія* малітоўныя дамы [5, арк. 19; 6, арк. 269]. Адзначым, што ў многіх беларускіх населеных пунктах існавалі “слабоды” – асобныя кварталы, жыхары якіх карысталіся пэўнымі прывілеямі. Таксама ў Віцебску знаходзіліся *Вялікі Загразны* малітоўны дом, *Нова-Загразная* сінагога [6, арк. 269]. Свае назвы яны атрымалі дзякуючы наяўнасці ў горадзе Гразнай вуліцы, у раёне якой яны размяшчаліся. Найбольш верагодна, што назвы такіх віцебскіх малітоўных дамоў, як *Нова-Прасмушкінскі* і *Стара-Прасмушкінскі*, і сінагогі *Русі* [8, арк. 13 адв.] – гэта вытворныя ад найменняў раёнаў Прысмушкі і Русь, якія меліся ў горадзе [10, с. 322]. Частка назваў іўдзейскіх культавых збудаванняў дакладна паўтарала назвы вуліц, на якіх яны знаходзіліся. Прыкладамі могуць служыць *Лугавы*, *Нова-Грамадскі*, *Падольскі*, *Палявы*, *Сазонаўскі* малітоўныя дамы ў Віцебску, *Валадарскі* малітоўны дом у Гарадку [8, арк. 13–13 адв., 15 адв.];

б) утвораня ад назваў населеных пунктаў. Па-першае, даць назвы сінагогам і малітоўным дамам маглі населеныя пункты, якія прылягалі або знаходзіліся на адлегласці да 100 км ад горада ці мястэчка з іўдзейскім культавым будынкам. Указаныя населеныя пункты вызначылі назвы вуліц, накіраваных у іх бок, а тыя ў сваю чаргу далі назвы сінагогам і малітоўным дамам, якія былі там узведзены. Напрыклад, у Янавічах мелася *Віцебская* сінагога, якая знаходзілася на аднайменнай вуліцы (яна вяла ў напрамку да Віцебска, які знаходзіўся за 30 км ад Янавічаў). Аналагічнымі былі прычыны ўзнікнення назваў *Езярышчанскай* сінагогі ў Рудні, *Лёзенскай* і *Смаленскай* – у Янавічах, *Янавіцкай* – у Кальшках, *Талачынскай* – у Чашніках, *Заронаўскага* і *Цярэспальскага* малітоўных дамоў – у Віцебску. Ёсць вялікая верагоднасць таго, што менавіта на ўказаных

вуліцах пражывалі вернікі, якія наведвалі ўзведзеныя там культавыя будынкі і менавіта яны ахвяравалі грошы на іх будаўніцтва. Што да *Смялянецкай* сінагогі ў Чашніках, то яна стала так называцца дзякуючы вёсцы Смялянцы, якая знаходзілася ў непасрэднай блізкасці ад горада [5, арк. 10 адв., 19, 51 адв.; 7, арк. 39]. Па-другое, шэраг назваў утварыўся ад найменняў гарадоў, размешчаных на адлегласці больш за 200 км ад населеных пунктаў з культавымі будынкамі. Яны маглі размяшчацца як на тэрыторыі Беларусі, так і за яе межамі. У прыватнасці, у Чашніках дзейнічалі *Віленская* і *Гродзенская* сінагогі, у Сянно – *Іерусалімскай*, а ў Бешанковічах – *Нью-Ёркская* сінагогі [6, арк. 270; 7, арк. 39, 42];

в) узніклія ад назваў пэўных вадаёмаў (як правіла, рэк), непадалёку ад якіх знаходзіліся малітоўныя будынкі. Напрыклад, варта згадаць *Задзвінскую* і *Закасплянскую* сінагогі ў Суражы (праз горад прыцякаюць рака Заходняя Дзвіна і яе прыток Каспля), *Першую Лучоскую* малітоўную школу і *Лучоскі* малітоўны дом у Віцебску (Лучоса з’яўляецца прытокаам Заходняй Дзвіны, на якой стаіць Віцебск). Акрамя таго, у акруговым цэнтры працякаў ручай Дунай [10, с. 322, 326], які даў назву *Задунайскай* сінагозе [5, арк. 10 адв.; 8, арк. 13 адв.];

2) прыхільнасць вернікаў да пэўнай плыні іўдаізму. Такіх назваў на тэрыторыі Віцебскай акругі налічвалася 25 (17,24% ад агульнага ліку). Сярод іх мноства мэтазгодна вылучыць некалькі разнавіднасцяў:

а) узніклія ад назвы хасідызму – містычнай плыні іўдаізму, якая ўзнікла ў другой чвэрці XVIII ст. [11, с. 134]. У межах даследаванай тэрыторыі дадзеная разнавіднасць прадстаўлена адзіным прыкладам: *Нова-Хасідская* сінагога ў Сянно [5, арк. 51 адв.];

б) утвораня ад назвы вучэння ХаБаД (гэта абрэвіятура, якая з’яўляецца другой назвай любавіцкага хасідызму, атрымана з першых літар слоў – асноўных прынцыпаў прыхільнікаў вучэння: “хохма” – “мудрасць”, “біна” – “разуменне”, “даат” – “веды”). У прыватнасці, у Бешанковічах у другой палове 1920-х гг. дзейнічала *Хабадская* сінагога, у Віцебску – *Нова-Хабадскі* і *Стара-Хабадскі* малітоўныя дамы, у Сіроціне – сінагога *Хабадка* [7, арк. 39; 8, арк. 13];

в) вытворныя ад найменняў месцаў размяшчэння рэзідэнцый заснавальнікаў разнастайных напрамкаў хасідскага вучэння, якія сфарміраваліся ў другой палове XVIII – пачатку XIX ст. Сярод іх былі наступныя

¹ Тут і далей назвы іўдзейскіх культавых будынкаў прыведзены згодна з іх напісаннем у архіўных крыніцах.

мястэчкі: Любавічы (зараз – вёска ў Руднянскім раёне Смаленскай вобласці Расійскай Федэрацыі), Стараселле (зараз – вёска ў Шклоўскім раёне Магілёўскай вобласці) і Ляхавічы (зараз – раённы цэнтр у Брэскай вобласці). Напрыклад, па адной *Любавіцкай* синагозе функцыянавала ў Сіроціне, Астроўне і Сянно, у Віцебску меліся *Вялікая Любавіцкая* і *Любавіцкая* синагогі, 2 *Нова-Любавіцкія* малітоўныя дамы [6, арк. 269–270; 7, арк. 25 адв., 32, 36, 42]. Па адной *Старасельскай* синагозе мелася ў Гарадку і Чашніках. Прыкладам дадзенай разнавіднасці назваў службы і *Старасельскі* малітоўны дом хасідаў, які існаваў у Сянно [8, арк. 13 адв., 14, 15 адв.]. У гонар ляхавіцкага хасідызму называліся *Ляхавіцкімі* 1 синагога і 2 малітоўныя дамы Віцебска [6, арк. 269–270]. Падставай сцвярджаць, што назвы кшталту *Любавіцкая*, *Старасельская*, *Ляхавіцкая* ўтварыліся менавіта ад месцаў размяшчэння буйных хасідскіх цэнтраў, а не ад назваў звычайных гарадоў і мястэчак, з’яўляецца сам факт наяўнасці значнай колькасці малітоўных будынкаў з падобнымі назвамі ў разнастайных населеных пунктах;

г) узніклі ад назвы яшчэ адной плыні іўдаізму – міснагедызму (гэтым тэрмінам хасіды называлі сваіх праціўнікаў) [11, с. 135]. У вывучаных дакументах зафіксавана 1 такая назва – *Міснагідская* синагога ў Сянно [7, арк. 25 адв.];

3) імёны пэўных асоб. У вывучаных крыніцах утрымліваўся 21 такі выпадак (14,48%). У межах дадзенага тыпу можна вылучыць 2 самастойныя разнавіднасці:

а) назвы, звязаныя з імёнамі асоб, якія згадваюцца ў Старым Запавеце і з’яўляюцца цэнтральнымі персонамі старажытнай яўрэйскай гісторыі. У першую чаргу гэта патрыярхі яўрэйскага народа, а таксама цары Ізраіля (“эпохай патрыярхаў” – прабацькоў народа Ізраіля – называюць першую палову II тыс. да н.э.) [11, с. 13–14]. Так, у Лёзне існавалі *Аўраамаўская* синагога, якая атрымала назву ў гонар Аўраама – першага патрыярха, родапачынальніка яўрэйскага народа. У тым жа мястэчку мелася *Мала-Ісаакаўская* синагога, названая ў памяць пра Ісаака, які лічыўся другім патрыярхам і быў сынам Аўраама. У назвах шэрагу синагог было ўвекавечана імя трэцяга патрыярха – Іакава (сына Ісаака). Напрыклад, у тым жа Лёзне ў другой палове 1920-х гг. дзейнічалі *Якаўлеўская* і *Ізраільская* синагогі, а ў Віцебску – синагога *Едас-Ешурун* [5, арк. 19;

8, арк. 13 адв.] (Іакаў меў розныя імёны, у тым ліку Ізраіль і Ешурун).

У асяроддзі іўдзейскіх абшчын Беларусі было дастаткова папулярным імя Давіда – другога цара Ізраіля, які кіраваў дзяржавай у 1004–965 гг. да н.э. [11, с. 21]. У прыватнасці, синагога *Давіда* была ў Чашніках, а ў Гарадку функцыянавала синагога *Башэс*, назва якой паходзіла ад аднаго з імёнаў Давіда – Іш-Башэс. Таксама ў Віцебску меўся малітоўны дом *Бэйс-Шмуэль* (*Дом Шмуэля*) [7, арк. 42; 8, арк. 13 адв.]. Шмуэль (Самуіл), як і ўсе пералічаныя вышэй асобы, з’яўляўся старазапаветным героем, а менавіта – прарокам і суддзёй старажытнага Ізраіля, дзейнасць якога прыходзілася на XI ст. да н.э. [11, с. 20];

б) другую разнавіднасць складаюць назвы синагог і малітоўных дамоў, у якіх адлюстраваліся прозвішчы людзей, якія жылі не так даўно. Можна меркаваць, што ў сваім горадзе ці мястэчку яны вялі праведнае жыццё, аказвалі ўсялякую дапамогу абшчыне. У знак удзячнасці вернікі назвалі ў іх гонар культавыя будынкі. Напрыклад, у Віцебску былі малітоўныя дамы *Керліна*, *Малкіна*, *Герцаля*, *Пісарэўскага*, 2 малітоўныя дамы *Угораца*, а таксама малітоўныя дамы *Рэб-Айзік* і *Іосэ-Хайкес*. Падобная традыцыя існавала і ў іншых населеных пунктах: у Суражы мелася *Школа Лібінсона*, у Чашніках – синагога *Абрама Меера* [7, арк. 31–32; 8, арк. 13 адв.; 9, арк. 22];

4) знешні выгляд іўдзейскага культавага будынка (19 назваў ці 13,11%). У сваю чаргу дадзены тып прадстаўлены наступнымі разнавіднасцямі:

а) назвы, якія сведчылі пра памер будынка. У іўдзейскім асяроддзі ўжываліся, як правіла, такія найменні, як *Вялікі* і *Малы*. Напрыклад, *Вялікія* малітоўныя дамы існавалі ў Бабінавічах і Калышках, *Вялікая Вакзальная Каменная*, *Вялікая Любавіцкая* синагогі і *Вялікі Загразны* малітоўны дом – у Віцебску; *Малая* синагога – у Бабінавічах, *Малая Каменная* – у Віцебску, *Мала-Ісаакаўская* синагога – у Лёзне [7, арк. 19; 8, арк. 13, 16]. Дзве ўказаныя разнавіднасці назваў нярэдка ўжываліся парамі ў адных і тых жа населеных пунктах. Пры гэтым назвы *Вялікі* і *Малы* часам з’яўляліся сінонімамі словаў *Стары* і *Новы*. У прыватнасці, віцебскі *Вялікі Загразны* малітоўны дом таксама называўся *Стара-Гразным*, а больш распаўсюджанай назвай *Малага Любавіцкага* малітоўнага дома ў Віцебску была *Нова-Любавіцкі* [6, арк. 269; 8, арк. 13–13 адв.]. У такім выпадку можна

дапусціць, што ўказаныя назвы маглі азначаць не толькі памер будынку, але і час яго будаўніцтва, статус;

б) найменні, якія адлюстроўвалі будаўнічы матэрыял, выкарыстаны для сінагогі. У межах даследаванай тэрыторыі ўжываліся такія назвы, як *Каменны* і *Драўляны*. 4 *Каменныя* сінагогі было ў Віцебску, 2 – у Гарадку і 1 – у Суражы. *Драўляны* малітоўны дом у Віцебскай акрузе быў усяго адзін (размяшчаўся ў Віцебску) [8, арк. 13, 14 адв., 15 адв.]. Такія нераўнамерныя суадносіны дзвюх вылучаных разнавіднасцяў выглядаюць зусім заканамерна, паколькі будаўніцтва малітоўнага будынка з каменю ці цэгля само па сабе з’яўлялася дастаткова рэдкай, а таму прыкметнай з’явай. Пераважная большасць сінагог і малітоўных дамоў Беларусі была драўлянай [12, с. 116]. Адлюстроўваць апошняе ў іх назвах было немэтазгодным, бо гэта ў значнай ступені ўскладніла б разуменне таго, пра які будынак ідзе гаворка;

в) назвы, якія абазначалі колеры. У другой палове 1920-х гг. у межах Віцебскай акругі культавых будынкаў, чые назвы паходзілі ад колераў, існавала няшмат. У якасці прыкладаў можна прывесці *Зялёную* сінагогу ў Суражы і *Пунсовую* ў Віцебску [5, арк. 10 адв.];

5) час узвядзення будынка. У даследаваным рэгіёне існавала 16 назваў (11,03%), утвораных ад указанай з’явы. Ключавымі словамі ў дадзеным выпадку з’явіліся *Новы* і *Стары*. Да прыкладу, *Новыя* сінагогі размяшчаліся ў Суражы і Калышках, *Нова-Рынкавая* – у Бешанковічах, *Нова-Хасідская* – у Сянно; *Старая* – у Калышках, *Стара-Малітоўная* і *Стара-Невельская* – у Гарадку, *Стара-Любавіцкая* – у Чашніках, *Стара-Прасмушкінскі* і *Стара-Хабадскі* малітоўныя дамы – у Віцебску [5, арк. 51 адв.; 6, арк. 270; 8, арк. 15–16];

6) асаблівасці іўдзейскай рэлігіі. Вылучаны тып налічвае 8 назваў (5,52%). Прыкладамі з’яўляюцца віцебскія сінагога *Едас-Ешурун* і малітоўны дом *Хеўра-Кадыша Угорац*, а таксама чашніцкая сінагога *Васікін* [7, арк. 42; 8, арк. 13 адв.]. Першыя 2 назвы паходзяць ад яўрэйскіх тэрмінаў, якімі абазначаліся рэлігійныя супольнасці: эйдэ – “рэлігійная абшчына”, хеўра-кадыша – “святая грамада” (так звычайна называліся дабрачынныя пахавальныя арганізацыі). У сваю чаргу найменне сінагогі ў Чашніках утворана ад назвы іўдзейскай ранішняй малітвы – васікім (“на самым досвітку”) [11, с. 45].

Этымалогія шэрагу назваў звязана са спецыяльнымі тэрмінамі для абазначэння іўдзейскіх малітоўных будынкаў. У якасці канкрэтных прыкладаў варта прывесці сінагогу *Бэс-Мэдрэс* у Янавічах і сінагогу *Кнэсас* у Калышках [8, арк. 14 адв., 16]. Відавочна, што яны паходзяць ад слоў “бэт-мідраш” і “бэт-кнэсат”, якія ў перакладзе з мовы іўрыт азначаюць адпаведна “дом навучання” і “дом сходу” [11, с. 42]. Таксама на назвы ўплываў асаблівы статус сінагогі ці малітоўнага дома сярод іншых культавых будынкаў. У архіўных дакументах выяўлены прыклады, якія маюць адносіны да Віцебска: тут знаходзіліся *Галоўная* і *Харальная* сінагогі [6, арк. 269];

7) знаходжанне культавага будынка побач з іншым адметным збудаваннем. Указаная група ўключае 4 назвы (2,76%). Гэта *Нова-Рынкавая* сінагога ў Бешанковічах, *Вялікая Вакзальная Каменная* сінагога, *Нова-Манастырскі* і *Шпітальны* малітоўныя дамы ў Віцебску [6, арк. 269–270; 7, арк. 39];

8) лічэбнікі. У Віцебскай акрузе налічвалася 4 назвы (2,76%), у склад якіх уваходзілі лічэбнікі. Яны служылі для адрознівання іўдзейскіх культавых будынкаў, якія размяшчаліся ў адным і тым жа населеным пункце і мелі аднолькавыя найменні. У прыватнасці, у Гарадку існавалі *Першыя* і *Другая Каменныя* сінагогі [5, арк. 28 адв.];

9) заняткі вернікаў, якія наведвалі малітоўны будынак. У межах Віцебскай акругі існавала 3 такія назвы (2,07%). Гэта *Мясніцкая* сінагога ў Гарадку, *Малочны* малітоўны дом і *Салдацкая* сінагога ў Віцебску [8, арк. 13 адв.].

Заклучэнне. Такім чынам, архіўныя крыніцы дазваляюць сцвярджаць, што назвы мела пераважная большасць іўдзейскіх культавых будынкаў (каля 85%). Выключэнне складалі тыя малітоўныя збудаванні, якія з’яўляліся адзінымі ў пэўным населеным пункце, а таксама некаторыя сінагогі і малітоўныя дамы вялікіх гарадоў. Усю разнастайнасць назваў можна звесці да 9-ці асноўных тыпаў. Самымі шматлікімі сярод іх з’яўляліся тыя, што сведчылі пра размяшчэнне культавага будынка ў пэўнай частцы населенага пункта (у тым ці іншым квартале, вуліцы) (31,03% ад агульнага ліку назваў), прыхільнасць вернікаў да пэўнай плыні іўдаізму (17,24%), утварыліся ад імёнаў пэўных асоб (старазапаветных герояў, якія найбольш шанаваліся ў іўдзейскім асяроддзі,

а таксама суайчыннікаў, якія карысталіся павагай у абшчыне) (14,48%), адлюстроўвалі знешні выгляд іўдзейскіх культавых будынкаў (13,11%) і час іх узвядзення (11,03% назваў). Акрамя таго, існавалі найменні, у якіх адбіліся асаблівасці іўдзейскай рэлігіі, размяшчэнне синагогі ці малітоўнага дома непадалёк ад пэўнага адметнага збудавання, заняткі вернікаў-іўдзеяў. У цэлым, назвы культавых будынкаў другой паловы 1920-х гг. адлюстроўваюць багатую гісторыю іўдаізму ў Беларусі.

Літаратура

1. Каганович, А. Речица. История еврейского местечка Юго-Восточной Беларуси / А. Каганович. – Иерусалим, 2007. – 447 с.
2. Шульман, А. Местечко Марка Шагала / А. Шульман. – Минск: Медисонт, 2010. – 116 с.
3. История Могилевского еврейства: документы и люди: научно-популярные очерки и жизнеописания: в 2 кн. / сост. А. Литин. – Минск: Юнипак, 2006. – Кн. 2, ч. 1 / А. Литин. – 2006. – 388 с.
4. Борисевич, О.А. Экклезионимия Беларуси: структурный, номинативный, лингвогеографический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / О.А. Борисевич; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2012. – 24 с.
5. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Фонд 118. – Оп. 4. – Д. 11: Переписка о регистрации религиозных обществ и сведения о них.
6. ГАВО. – Фонд 2356. – Оп. 1. – Д. 32: Списки памятников архитектуры, взятых на учет, государственных учреждений, церквей, костелов, синагог, молитвенных домов, служителей религиозных культов г. Витебска за 1926 г.
7. ГАВО. – Фонд 2356. – Оп. 1. – Д. 31: Списки церквей, синагог, молитвенных домов по районам Витебского округа за 1926 г.
8. ГАВО. – Фонд 289. – Оп. 1. – Д. 76: План работы исторического архива на март–сентябрь 1928 г., переписка с ЦАУ БССР, учреждениями г. Витебска об обработке и сохранности архивных документов.
9. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 750. – Оп. 1. – Д. 567: Протоколы заседаний Центральной комиссии по отделению церкви от государства при НКВД БССР и переписка с комиссией и окружными прокуратурами о нарушениях в деле проведения антирелигиозной пропаганды, рассмотрении заявлений граждан об открытии закрытых церквей и молитвенных домов.
10. Верхнее Поднепровье и Белоруссия. Полное географическое описание нашего Отечества / сост.: В.П. Семенов (Тян-Шанский) [и др.]. – Минск: БелЭН, 2006. – 456 с.
11. Шураки, А. История иудаизма / А. Шураки; пер. с фр. Н.Ю. Лебедевой. – 13-е изд. – М.: АСТ-Астрель, 2008. – 192 с.
12. Локотко, А.И. Архитектура европейских синагог / А.И. Локотко. – Минск: Ураджай, 2002. – 156 с.

Паступіў у рэдакцыю 04.07.2013 г.

Прыняты ў друк 30.12.2013 г.

УДК 821.161.1-31.09

Апокалипсис в романе Л. Леонова «Пирамида»

Здольников В.В.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

*«В чём же конечная цель цивилизации с её
сомнительными обольщениями, с переизбытком
всяких блистательных и полубеспольных вещей?»*

Л. Леонов «Золотая карета», 1994 год

*Нас дотащили понемногу
От колеса – аж до ракет.
От стрел до ядерных зарядов...
Сгодилось всё лишь на войне.*

В. Иванов «Забавы инопланетян», 2009 год

В статье рассматривается одна из «вечных тем» мировой литературы, среди многих других художественно реализованная в философском романе Л.М. Леонова «Пирамида». При анализе автор акцентирует внимание равно на идейно-содержательной и художественно-эстетической составляющих темы Апокалипсиса, как она представлена в романе. Что даёт возможность сделать вывод о нетрадиционном её восприятии русским классиком XX века. Это прежде всего новый взгляд на традиционную концепцию прогресса, внедрённую в общественное сознание ещё просветителями XVIII века. У Леонова прогресс работает по принципу бумеранга, а Апокалипсис – это не поражение сил Добра в его вечном противостоянии силам Зла, не окончательная гибель земной цивилизации. Это – «генеральный спуск человечества с горы», куда оно опрометчиво устремилось в гордыне своей, возвращение «в объятия матери-природы», «на колени Бога».

В философском романе Леонова дана альтернатива постиндустриальной потребительской цивилизации, которая уже завела человечество в духовно-нравственный тупик.

Ключевые слова: апокалипсис, альтернатива, концепт, коннотация, мифологема, прогресс, самосохранение, футурология, цивилизация.

(Ученые записки. – 2013. – Том 16. – С. 113–120)

Apocalypse in the Novel by L. Leonov “Pyramid”

Zdolnikov V.Vl.

Educational establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

*“What is the final goal of civilization with
its dubious flattering, with the excess of
different glamorous and half useless things?”*

L. Leonov “Gold carriage”, 1994

*Нас дотащили понемногу
От колеса – аж до ракет.
От стрел до ядерных зарядов...
Сгодилось всё лишь на войне.*

В. Иванов “Забавы инопланетян”, 2009

One of the eternal topics of world literature, which, among others, is artistically implemented in the philosophical novel by L.M. Leonov “Pyramid”, is considered in the article. While analyzing the author stresses the attention both on ideal and content and artistic and aesthetic components of the topic of Apocalypse as it is presented in the novel. It makes it possible to conclude about the non traditional character of its perception by the Russian classical writer of the XX century. It is first of all a new glimpse on the traditional concept of progress, which was introduced into public consciousness by XVIII century enlighteners. Leonov’s progress works on the principle of the boomerang and Apocalypse is not the defeat of the forces of Good in its eternal counteraction against the forces of Evil, not the final perish of the Earth civilization. It is a “general slide of the mankind down from the mountain” where it thoughtlessly strived in its pride, return to the “mother-nature’s hugs”, “onto God’s knees”.

Адрес для корреспонденции: 210022, г. Витебск, Московский пр-т, 19/2, корп. 1, кв. 50 –
В.В. Здольников

In the philosophical novel by Leonov alternative to the postindustrial consuming civilization, which has already lead the mankind into the spiritual and moral dead end, is given.

Key words: *apocalypse, alternative, concept, connotation, mythologeme, progress self-preservation, futurology, civilization*

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 16. – P. 113–120)

Многие из так называемых «вечных тем» в мировой художественной литературе имеют евангельские истоки, и среди них – тема конца света, Апокалипсиса. Слово это греческого происхождения, в переводе означает «откровение» и изначально не несет в себе ничего эсхатологического. А вот библейский Апокалипсис – это первообраз катастрофы, и в традиции не только клерикальной, но и светской литературы интерес к этой теме перманентно устойчив в подобном семантическом поле, особенно во время кризисных ситуаций в обществе. Именно такая складывалась в СССР 70–80-х годов прошлого века и стимулировала интенсивнейшую работу писателя в сложнейшем жанре прозы – философском романе, где художественно анализировались негативные последствия «однобокого» развития не только советского общества, но и всей мировой цивилизации.

Цель обращения автора к анализу романа Л.М. Леонова «Пирамида» в данной статье – определение оригинальности художественной разработки писателем одной из «вечных тем» мировой литературы, показ нетрадиционности эстетического переосмысления автором языческого и христианского мифов.

Материал и методы. Эмпирическим материалом для анализа по теме статьи стали художественные тексты романов Л. Леонова («Пирамида», «Соть», «Скутаревский», «Дорога на океан»), трагедии Эсхила «Прометей прикованный», поэм Гесиода «Теогония», «Труды и дни», Библия. Используемые методы исследования – аналитический и сравнительный.

Результаты и их обсуждение. В итоговом романе классика русской литературы советского периода Л. Леонова «Пирамида», от замысла и до завершения которого прошло более полувека, среди других «вечных сюжетов» оригинально разработан сюжет Апокалипсиса (главы IV–VII третьей части романа). В них очень убедительно, в композиционном и художественном аспектах повествования, выстроены эсхатологическая картина грядущей судьбы современной цивилизации и оптимистическая ей альтернатива. В двух вариантах живописует будущее студент Никанор Шамин, которому автор и поручил функцию рассказчика. Руководимый профессором Ша-

таницким, он подвизается в дебрях модной науки под названием «футурология» и пророчествует с присущим только юности бесстрашием, когда уверен, что тебя лично минёт чаша сия.

Первый вариант Апокалипсиса, «ускоренный», выглядел у футуролога как-то очень буднично, почти без фантастических домыслов. Когда, благодаря «триумфам передовой науки» (читай – ядерной физики) было изобретено и впервые применено «новое гуманное средство войны – без боли и крови», наступил финал истории человечества [6, с. 290]. «Сорвавшийся с графитового ошейника уран» совместно с непомерно разросшейся гордыней первооткрывателей тайн, покорителей природы (читай – служителей науки) и прочими «расшалившимися стихиями» превратил Землю в непригодную для «продолжения бытия» пустыню, в громадную коллективную могилу человечества. Где посетившие Землю позже другие разумные существа из Вселенной обнаружили лишь «сохранившийся деревянный памятник» в виде столба с прибитой к нему фанеркой, на которой была «намалёвана надпись: «Здесь сотлевают земные боги, раздавленные собственным могуществом» [6, с. 330].

«Заправской учёной жутью» веяло от никаноровых пророчеств; и его единственный слушатель (сам автор) попытался усомниться в таком финале земной цивилизации, даже упрекнул начинающего футуролога в чрезмерном пессимизме. Шамин ничуть не смутился: скорей всего сомневался и сам в своём радикализме. И предлагает слушателю второй вариант развития цивилизации – эволюционный, безболезненный.

На заре её истории люди, пользуясь украденным у богов огнём, положили начало «необузданной деятельности разума», именуемой теоретиками прогресса то «шестивем к звёздам», то «восхождением на гору», то «штурмом неба» и тому подобными красивыми метафорами-иносказаниями. Все силы разума были сконцентрированы на познании, «выяснении секретов природы», целью имевшем всё более полное удовлетворение материальных потребностей жизни. Но у этого процесса был и побочный результат, мало заметный и потому не вызывающий тревоги большинст-

ва. Начиналась атрофия того чувства бессмертия, которое «в самой ничтожной примеси к хлебу, стали и бетону упрочняло сооружения нашей цивилизации во времени» [6, с. 303].

А способствовали этой атрофии «жрецы разума», чья «беспечная мысль развенчивала самые священные табу», «обнажала крайнюю эфемерность жизни». Воду на мельницу духовной деградации усиленно качало и «техническое могущество, не уравновешенное равновеликими моральными ценностями». Вездесущие «машины массового внушения» (так Леонов называет все современные – от печатных до электронных – средства массовой информации) твердили доверчивой рядовой массе, что это и есть поступь прогресса, неуклонное восхождение человечества на гору, где, согласно мифам многих народов, обитают боги. Жрецы науки и техники, эти «интеллектуальные машины» с их «машинной моралью» в конце концов добились-таки того, что «состоялось желанное исцеление от мифа, отболели древние, дремучие связи человека с чудом, ... разум заглушил видения детства и юности» под благовидным предлогом «постигнуть взаимоотношения вещей глубже, чем они отразились в поэтических уравнениях античного мифа». И теперь «бесконечно нищее в своём неисчислимом материальном избытке» уже не «восходило», а «тащило человечество на гору ... Вот только неведомо – зачем» [6, с. 313].

Человечество оказалось лишённым духовного смысла своего существования, а прошедшая «постепенную стрижку умов» с помощью «средств массового внушения» толпа непосвящённых продолжает аплодировать «безгрешной науке». Её достижения в романе определены убийственным эпитетом – «арсенальные», а её жрецы словно не замечали «разорения, производимого варварским вторжением в кругооборот живой природы, более того, тайно готовились испробовать почти самое трагическое из своих изобретений». Футуролог-повествователь имеет в виду генетику и связанные с ней биотехнологии. «Учёная знать» подбрасывает на алтарь познания всё больше и больше якобы судьбоносных проблем под благовидными предлогами «поиска большой пищи применительно к возрастающей численности земного населения», а также «улучшения человеческой природы» [6, с. 333]. Осознавшие свои способности люди продолжили ещё более стремительное восхождение на гору. И оказались жестоко обманутыми в своих иллюзиях освобо-

диться от божьей опеки, сравниться в могуществе с ним, раскрыв все тайны Творца. Непомерная гордыня злую шутку сыграла с «оскользнувшимися» поработителями природы, со всем родом человеческим, подтолкнув его к самоубийству.

Сбой извечной «биологической настройки бытия», «гармоничная стандартность вида» взамен «прежнего физиологического разнообразия», «единый для всех эталон счастья» – такие перспективы дальнейшего движения прогресса вперед, пробудив атавистический инстинкт самосохранения, положили конец терпению человечества. Так начался невиданный доселе «странный мятеж» народов, не против режима или старины, но против мнивших себя благодетелями и локомотивами цивилизации учёных мужей, мятеж, лишивший науку и технику «ореола неприкосновенной святости». В результате «бунта профанов» (по определению «учёных волхвов») были повергнуты наземь вчерашние кумиры, «совершалось великое возвращение назад», под «материнское крыло природы» устремились люди, торопясь в счастливое детство. А барды в своих шедеврах поведали потомкам «о счастье ходить по траве босыми ногами и ... до конца оставаться птенцом за пазухой у великой матери» [6, с. 340].

Второй вариант развития земной цивилизации, а точнее – ее движения вспять, изложенный в романе футурологом Шаминам, не столь пессимистичен, как первый. Его даже Апокалипсисом назвать нельзя; просто состоялось спасение: возвращение блудного сына – человечества в лоно своей матери – природы. Он и авторский взгляд на будущее человечества отражает, вероятнее всего. Таков эсхатологический аспект этой «вечной темы» в романе, оригинальное ее переосмысление. Апокалипсис, по Леонову, – это не «ядерная зима», не второй всемирный потоп, не день Божьего гнева и Страшного суда, после которого останется на Земле сто сорок четыре тысячи «избранных» и «запечатленных» [2, с. 291]. Но, хоть и запоздавшее чуть-чуть, прозрение человечества, лишённого, по воле «учёной знати», способности предвидеть последствия своего «шествия к звёздам». Ощутившего на себе тяжёлое бремя издержек прогресса, понявшего, что никакому Атланту «было уже не под силу держать на себе содрогающуюся махину цивилизации» [6, с. 334]. И в нём проснулся, «сработал» первобытный инстинкт самосохранения. Это предвидение не конца света, а «генерального спуска с горы», где челове-

ство в гордыне своей стремилось сравниться с богами, спуска в долину, в «объятия матери-природы», «на колени Бога». Так в романе явлена «вечная тема» конца света, впервые художественно интерпретированная в оптимистическом ключе. Её оптимизм «подкреплён» здесь и библейским (о блудном сыне) и языческим (о Прометее) мифами. И если первый не однажды до «Пирамиды» присутствовал в художественном арсенале писателя [4, с. 199–201], то прометеевская мифологема впервые у Леонова использована здесь, и опять же в оригинальной интерпретации.

В древнегреческом пантеоне языческих богов Прометей – самая любопытная и загадочная по своим функциям фигура. Ослушник, мудрый провидец, изобретатель, бунтарь, жертва божественного гнева, несломленный мученик ... И олицетворением скольких ещё с его именем связанных человеческих качеств служит он! ... Идеально подходит, чтобы стать основой мифологемы, наиболее часто транслируемой в письменном литературном творчестве при создании характеров героев. Не литературных персонажей, а именно героев. Потому что интерес этого бога к судьбам людей, к повседневной жизни смертных в отличие от интереса других бессмертных лично бескорыстен, более того – жертвенен. Традиции этой начало положили сами древние в классическом периоде развития культуры и литературы античного мира. Вроде бы положили...

В поэмах Гомера – первых письменных памятниках этого периода – нет ни одного упоминания о Прометее, хотя все другие олимпийцы удостоились этой чести. Что касается «Илиады», то здесь понятно почему. Этот бог не учил людей воевать и убивать друг друга, тем более не покровительствовал такому занятию – и ему не место в столь воинственной поэме. Но вот в главном герое «Одиссеи» очень много прометеевских черт. Но нет ни слова о небесном покровителе его – загадка бытования языческого божества, а вернее, отсутствия его образа у первого автора античной цивилизации, пытавшегося сблизить мир смертных и богов. После полумифического Гомера второй античный автор, исторически реальный рапсод Гесиод (ок. 700 г. до н.э.) продолжил его дело – художественную обработку мифологии. В обеих его поэмах Прометей присутствует наряду с остальными олимпийскими божествами. В «Трудах и днях» он представлен как

«...хитроумный, / Искуснейший в замыслах хитрых», который Зевсу-отцу «...разум обманом опутал / На величайшее горе себе и людским поколениям». Ибо они, по воле Прометей, «возлюбят то, что гибель несёт им» [3, с. 170]. В «Геогонии» этот бог украшен еще более выразительными эпитетами, подчеркивающими основное качество его характера. «Прометей с хитрым искусным умом...»; «Прометей, на выдумки хитрый, / тягался он в мудрости с Зевсом сверхмогущим»: «И возражая ему, отвечал Прометей хитроумный, / Мягко смеясь, но коварных повадок своих не забывши» [3, с. 206–207].

Так что «отец трагедии» Эсхил может считаться отцом прометеевской мифологемы лишь отчасти. Он в «Прометее прикованном», следуя традиции Гомера, «очеловечил» образ именно этого бога, силой искусства приблизил его к людям. Читая монологи Прометей о благодеяниях, свершённых им ради и для смертных, мы воспринимаем их не только как собственную апологию, не только как косвенное обвинение Зевсу. Но и как гимн человеку, его неограниченным возможностям. Такова первая составляющая прометеевской мифологемы. Вторая, возможно, самим Эсхилом и не предполагаемая, – это превращение бога в символ протеста, бунта, совсем еретическая для синкретично-мифологического ещё сознания самого автора, искренне верящего в мудрость «великого властелина богов» Зевса. Но у Эсхила намечена и третья смысловая или символическая ипостась этой мифологемы, остававшаяся не востребованной в художественной литературе вплоть до середины XX века.

В первом эпизодии, говоря о своей вине, Прометей ограничивается констатацией свершившегося: «...искру огнеродную / Тайком унес я: всех искусств учителем / Она для смертных стала и началом благ. / И вот в цепях, без крова, опозоренный / За это преступленье отбываю казнь». Прометей искренне считает, что Зевс невзлюбил его за то, «что меры не знал я, смертных любя» [9, с. 141]. Но предводительница хора, с которой он затем ведет диалог, допытывается у собеседника: «Ни в чем ты больше не был виноват? Скажи». Ей трудно поверить, что строгий, но справедливый к людям Зевс столь жесток только за украденный для них огонь. И Прометей признаётся: «Ещё у смертных отнял дар предвидения». Ну отнял так отнял, мало ли какие другие боги сделали своей монополией те или иные функции разума. А предво-

дательница, понимая, что такая болезнь должна же быть нейтрализована и каким-то лекарством, вопрошает дальше этого благодетеля человечества: «Каким лекарством эту ты пресёк болезнь?». Поразителен ответ его: «Я их слепыми наделил надеждами». Ничего себе лекарство! Не случайно предводительница отзывается репликой с подтекстом явно ироничным: «Благодаянье это, и немалое». А далее уже серьёзно завершает этот диалог: «Иль не видишь ты, / Что виноват был? Не хочу вины твоей / Касаться: это больно и тебе и мне» [9, с. 147]. Мы не будем здесь уточнять, почему «больно»; нам важно лишь подчеркнуть, что уже первый художественно-литературный интерпретатор мифа о Прометее видел не только заслуги, но и вину этого бога перед смертными.

Средневековье да и раннее Возрождение не особенно жаловали религиозные воззрения, миропонимание и концепцию человеческой личности, выработанные культурой античного мира. Именно поэтому не найдем мы в литературе и искусстве этого периода зримых следов прометеевской мифологемы. Другое дело – более поздние века европейской культуры, времена господства культа разума в общественном сознании, времена активного бунтарства не только в политической, но и в литературной жизни. Классицисты, романтики, реалисты, модернисты – кого только не привлекал образ языческого бога, кто только не использовал эту мифологему в своём творчестве. От Вольтера и Гёте до Т. Манна, А. Камю, Д. Апдайка. Особенно часто прибегает к ней поэзия. Не будем здесь цитировать Байрона и Шелли, Шатобриана и Гюго: для пылких романтиков подобный образ бунтаря – источник и вдохновения и возвышенного поэтического метафоризма. Но и столетие с лишним после них русский поэт Дмитрий Кедрин писал в поэме «Рембрандт», подчёркивая созидательный аспект характера прометеевского типа:

Скажите тем, кто будет после нас,
Как мы боролись, жили и мечтали.
Чтоб грёзы те, что нам живили дух,
До их сердец, пылая, долетели,
Чтобы вовек в сердцах их не потух
Живой и чистый пламень Прометей
[5, с. 325].

Образ Прометей прошёл сквозь фильтры поколений двух с половиной тысячелетий, после Гесиода и Эсхила, ассоциируясь только с истинным гуманизмом, высоким предназна-

чением земного человека. Концепты «пламень Прометей», «прометеевский огонь», «прометеевский бунт», «прометеевские страдания» прочно вошли в образно-метафорическую систему мировой литературы именно в позитивной коннотации. Она использовала прометеевскую мифологему как некое универсальное иносказание (или символ), характеризующее творческое, созидательное, бунтарское, мятежное и даже жертвенное начала человеческого характера. Демонстрируя тем самым романтически экзальтированное восприятие и сюжетного и психологического архетипов. Обращение к нему на протяжении тысячелетий удивляет односторонностью и постоянством интерпретации. Иное дело – роман русского автора второй половины XX века, где впервые «вечная тема» причинно не связывается с кознями против Творца его непримиримого антагониста – хозяина преисподней.

Рассмотрим далее, как функционирует прометеевская мифологема в романе Леонова «Пирамида», как «вписана» она вообще в контекст художественного творчества писателя. Ее использование в «Пирамиде» имеет иные художественные задачи. Здесь Прометей из спасителя и благодетеля человечества, примера нравственного совершенства и свободолюбия стал олицетворением иных качеств. Живописуя перипетии движения человечества по пути прогресса, Леонов все зигзаги, ухабы и нежелательные для человека последствия его связывает с культом жрецов Разума – детей Прометей с их «изнурительной гонкой за ускользящими иллюзиями взамен истинных безвозвратно утрачиваемых ценностей бытия» [6, с. 335]. Апофеозом этой гонки стал «Прометеев костер», разожжённый на алтаре прогресса. Увлёкшись баловством с «Прометеевым огоньком», «священным огнем поиска», человечество вдруг неожиданно для себя ощутило, как он может обжигать, этот огонь, насколько он «оплавляет до безликости фаворитов Божьих» – людей. Так традиционно устоявшаяся в своей художественно-эстетической роли мифологема под пером Леонова приобрела иную, неожиданную, окраску.

Впрочем, так ли уж неожиданную, если вспомнить романы Леонова тридцатых годов «Соть», «Скутаревский», «Дорога на океан». Где автор художественно осмысляет общую реальность – строительство, созидание новой жизни и новых отношений между людьми в

советской России. А прометеевская мифология традиционно носит характер созидательный, позитивную коннотацию. И интуитивно, в подтексте «примеряется» автором к своим героям, хотя и не упоминается в художественном тексте ни разу. Главные персонажи названных романов Увадьев, Скутаревский и Курилов по складу своего характера – натуры несомненно прометеевского типа, все они «подстёгивают историю», торопят, каждый в своей области, прогресс. Но в подтекстах авторской характеристики, острых сюжетных ситуаций, их диалогов с другими персонажами – не восхищение, а пусть скрытая, мягкая, но все же ирония слышится.

Увадьев возглавляет стройку, под его руководством тысячи собранных здесь людей «в геройском безумии вступили в рукопашную схватку с Сотьёю». Первая жертва этого «геройства» – убитая саженным обломком бруса при прорыве разбушевавшейся рекой западни одиннадцатилетняя девочка, и «несчастье по нелепости своей походило на убийство» [7, с. 173–174]. Не совпадает по интонации с традиционным прометеевским мифом и прямая авторская характеристика героя: «Увадьев вообще не любил ничего, что крошилось под грубым рубанком его разума...; в простом он, тугодум, чувствовал себя крепко покомиссарски» [7, с. 8, 276].

Профессор Скутаревский из одноименного романа значительно сложнее Увадьева прежде всего в своей психической организации, более широким спектром эмоций и реакций на препятствия как внешнего, так и внутреннего происхождения. Но он далек от политики – идола, которому поклоняется Увадьев. У профессора есть свой идол: «Мои электроны не подчиняются декретам правительства, они разбегаются прежде, чем я успеваю запрячь их» [8, с. 211]. Им владеет «прекрасная человеческая жадность – знать». Может, немного рисуясь перед Женей, профессор раскрывает ей свою цель ученого-исследователя: «Держа атом в руке, я уже пытался – хотя бы любопытства, а не власти ради – откулулпнуть ноготком его электроны. Я окружал материю капканами, и вот, в крайнее мгновение, когда я ею овладевал..., она взорвалась» [8, с. 213]. Так отвечает природа на чересчур панибратское обхождение с нею жрецов от науки. Увадьев, практик-строитель, хотел усмирить, приручить природу во образе бурной реки Соты; Скутаревский, ученый-исследователь, ту же цель преследует на уровне физики атомного ядра. Природа этой страсти одна, ее прометеевские

истоки несомненны. Но и эта благородная возвышенная страсть, безоговорочное следование ее зову не греет ни того, ни другого. Парадоксальная складывается в обоих романах сюжетная ситуация по воле автора: социальное и научное творчество не приносит ни радости, ни успеха их субъектам. Герой третьего романа Курилов – Прометей мечты, полета фантазии в далёкое будущее. Но и такая возвышенная мечта оказывается уделом смертельно больного человека, и он сквозь призму своей фантазии лишь острее видит красоту нынешнего, реального, мира. Можно сказать, что гимном высокому чистому пламени Прометея эти романы не стали. Научно некорректно, может быть, утверждать, что таков был изначальный авторский замысел. Хотя в контексте созидательного энтузиазма в стране тридцатых годов они несомненно представлялись читателям и критикам исполненными именно такого пафоса. Но и трудно опровергнуть их интерпретацию как переосмысление традиционно позитивной прометеевской мифологии. Что подтверждает прежде всего лексика приведенных цитат.

Более убедительным аргументом в пользу нашей гипотезы является последний роман писателя «Пирамида». Художественно обрабатывая в нём миф о конце света, писатель впервые вопреки традиции связал подобную катастрофу, объясняя причины её и следствия, с двумя мифами: древнегреческим языческим – о Прометее и христианским – о блудном сыне. Уподобив последнему человечество, уверовавшее, благодаря Прометею, в свою «божественную чрезвычайность» и исключительность и потому чересчур заигравшееся с «Прометеевым огоньком». Но лишённое дара предвидения, опять же благодаря Прометею, оно вступило на путь самоуничтожения.

Заключение. Тема Апокалипсиса у Леонова – это новый взгляд на традиционную концепцию прогресса, внедрённую в общественное сознание ещё со времён просветительства XVIII века. Согласно которой прогресс – это генеральный путь человечества вперёд и вверх, он неостановим, потому что благодотворен для цивилизации. Засомневалась в ней впервые, правда, робко, с оговорками, научно-фантастическая литература ещё в конце девятнадцатого века. И лишь почти столетие спустя Леонов в романе «Пирамида» как художник-философ показал, что прогресс движется, «работает» по принципу бумеранга, который, возвращаясь в случае промаха, мо-

жет серьёзно навредить пославшему его на цель.

Апокалипсис у Леонова – это не конец, не смерть земной цивилизации, хотя и такой вариант излагает бесстрастный футуролог Ша-мин. И не «страшилки» современных писателей в жанре «фэнтези» о нашествии инопланетян, всяких гоблинов, о бунте роботов против человека – не поражение в извечном противостоянии добра и зла сил первого. Это – «генеральный спуск человечества с горы», куда оно опрометчиво устремилось в гордыне своей, поверив жрецам Разума. Это его спасительное бегство из предсказанного Хаксли «прекрасного нового мира», ставшего увертюрой к полной духовной смерти, к унификации, стандартизации человека даже как биологического вида. Мира, где всё устроено по законам Разума рационально, а по сути, как правило, вопреки естественным законам природы. Бегство прозревшего человечества, оказавшегося на краю бездны небытия благодаря «непогрешимым жрецам науки», этих носителей прометеевского огня.

Промахнулись просветители XVIII века, доверив судьбу земной цивилизации исключительно Разуму, как высокооктановому топливу, на котором только и может работать прогресс. Он (прогресс) теперь бумерангом бьёт по человечеству; и чтобы не погибнуть окончательно, оно по инстинкту самосохранения «спускается в долину» в «объятия матери-природы», «на колени Бога».

Традиционная тема у Леонова, таким образом, звучит оптимистично и художественно убедительно, что не часто случается в литературе подобного пафоса. И происходит так именно у Леонова, на наш взгляд, потому, что переосмысляя «вечную тему», он искусно использует и «вечные характеры-мифологемы» – языческую и библейскую. Первая, прометеевская художественно «работает» в негативной коннотации. Как первопричина, приведшая человечество к краю пропасти: интеллектуально-деятельное начало в человеке, символом которого, олицетворением стал языческий бог Прометей, парадоксально обернулось против человека. Леонов, используя традиционную прометеевскую мифологему, впервые художественно актуализировал её именно в негативной коннотации, обозначенной ещё первым литературным интерпретатором роли этого языческого божества Эсхилом. Но под пером последующих мастеров художественного слова, обращавшихся к об-

разу Прометея, он стал канонически позитивным персонажем, вернее символом. У Леонова же в «Пирамиде» он – символ «ненасытной и бессовестной любознательности алхимиков людского блага», то и дело подталкивающих человечество на «штурм заповедных тайников природы». И в контексте эсхатологической темы Апокалипсиса предстает как главный его провокатор.

Не случайно «многие сомнения одолевают Хозяина (имеется в виду Сталин), когда он задумывается над проблемами дальнейшего развития цивилизации. И не всем им находит он «лекарство радикального действия». Но в целесообразность одного из них он, кажется, верит; именно потому и пригласил в Кремль командированного Небом на Землю ангела. Не случайно с ним «без протокола и стенограммы» обсуждает вопрос, «как обуздать немножко резвость поисковой мысли, которая ... никогда не считалась со святынями». И предлагает свой вариант: «Нам с тобой, товарищ ангел, предстоит поубавить излишнюю резвость похотей и мыслей для продления жизни на земле» [6, с. 618].

Это оптимистическая альтернатива постиндустриальной потребительской цивилизации, которая уже завела человечество в духовно-нравственный тупик. Но ни воля Хозяина, ни критика «профессоров всяких наук» не сделают эту альтернативу реальностью – нужна смиренность человечества, чтобы пригасить Прометеев костёр на алтаре науки, «маленько убавить фитиль в светильнике Разума». Так возникает в романе ещё одна, библейская, мифологема о Блудном сыне. Но акцентирована она у Леонова не на дидактической, а на бытийно-философской цели: дать человечеству нравственно-этическую установку, единственную необходимую для спасения цивилизации.

Когда в 60–70-е годы прошлого столетия структуралисты и теоретики постмодернизма так много говорили о смерти Автора, о смерти романа как жанра, ответом им может служить «Пирамида», создававшаяся именно в те годы. Роман этот – художественное подтверждение мысли, высказанной С. Аверинцевым, о том, что «мифологические модели отнюдь не рискуют потерять свою ценность и притягательность для творцов современной литературы» [1, с. 877]. Конечно же при условии, когда современному автору есть с чем идти к читателю, есть что сказать ему. И не только о себе, любимом, но о своём времени, сказать с болью, тревогой и надеждой.

Литература

1. Аверинцев, С. Мифологема / С. Аверинцев // Краткая литературная энциклопедия. – М., 1967. – Т. 4.
2. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета. – М., 1994. – 303 с.
3. Гесиод. О происхождении богов. – М.: «Советская Россия», 1990. – 170 с.
4. Здольников, В.В. Мифологемы «блудного сына» и «горы» в творчестве Л. Леонова 20–30-х гг. XX века / В.В. Здольников // Наука – образованию, производству, экономике: материалы XVIII (65) Регион. конф. преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, 13–14 марта 2013 г.: в 2 т. / Вит. гос. ун-т; редкол.: А.П. Солодков [и др.]. – Витебск, 2013. – Т. 2. – С. 199–201.
5. Кедрин, Д. Рембрандт / Д. Кедрин // Чистый пламень. – М., 1978. – 350 с.
6. Леонов, Л.М. Пирамида. Роман-наваждение: в 2 т. / Л.М. Леонов. – М., 1994. – Т. 2. – 680 с.
7. Леонов, Л.М. Соть / Л.М. Леонов // Собр. соч.: в 10 т. – М., 1981–1984. – Т. 4.
8. Леонов, Л.М. Скутаревский / Л.М. Леонов // Собр. соч.: в 10 т. – М., 1981–1984. – Т. 5.
9. Эсхил. Прометей прикованный / Эсхил // Трагедии. – М.: «Искусство», 1978. – 368 с.

Поступила в редакцию 02.09.2013 г.

Принята в печать 30.12.2013 г.

УДК 070:004.738.5(476)

Проблематика современной региональной веб-журналистики Беларуси

Градюшко А.А.

Белорусский государственный университет, Минск

В последние годы существенно изменилась структура белорусского медиарынка. Стремительное развитие сектора онлайн-медиа потеснило традиционные средства массовой информации и вызвало заметное перераспределение финансовых, рекламных и кадровых потоков. У большинства печатных СМИ появились электронные версии. Кроме того, возникли многочисленные новые интернет-издания для различных групп читателей, слушателей и зрителей. Значительная часть аудитории традиционных СМИ переориентировалась на интернет. В статье рассматриваются важнейшие тенденции развития региональной интернет-журналистики. Выявляются основные характеристики социальных медиа. Анализируется влияние интернет-технологий на творческую деятельность журналиста. Раскрываются некоторые закономерности функционирования интернет-СМИ. Автор исследует различные медиа-стратегии газет, применяемые в интернете, рассматривает опыт изданий для того, чтобы выявить наиболее эффективные методы функционирования в сети. Также в данной статье описываются процессы дигитализации и конвергенции и их влияние на развитие традиционных медиа в цифровой среде. Трансформации, по мнению автора, связаны с такими отличительными свойствами этого нового информационно-коммуникационного канала, как его онлайн-овая и гипертекстная природа, конвергентные и интерактивные возможности.

Ключевые слова: конвергенция, информационные и коммуникационные стратегии, газета, интернет, СМИ Беларуси, региональный медиарынок, онлайн-медиа, новые медиа, интернет-газеты, интернет-аудитория, менеджмент СМИ.

(Ученые записки. – 2013. – Том 16. – С. 121–125)

Sets of Problems in Modern Belarusian Region Web-journalism

Hradziushka A.A.

Belarusian State University, Minsk

Structure of Belarus media market has dramatically changed in recent years. Rapid development of online media sector put competitive pressure on traditional Mass Media and caused apparent reallocation of financial, advertisement and personnel streams. Majority of printing mass media has acquired electronic versions. Moreover numerous new online publications for different groups of readers, listeners and audience have arisen. Significant part of traditional mass media audience redirected to the Internet. The article considers the main tendencies of region Internet-journalism development. The main characteristics of social mass media are revealed. The analysis of influence of digital technologies on journalists' creativity is given. Some objective laws governing the function of Internet mass media are presented. The author investigates different media strategy of newspapers, presented at a variety of digital platforms, and explores the experience of newspapers to identify the most effective methods of functioning on the Internet. Also the author describes the process of digitalization and convergence and their impact on traditional media. The article is devoted to the changes happening in the journalistic text in the Internet environment. From the author's perspective, these transformations are connected with the interactivity, hypertext nature, convergent and interactive abilities of this information and communication channel.

Key words: convergence, information and communication strategies, newspaper, the Internet, mass media of Belarus, regional media market, online media, online newspaper, new media, online audience, media management.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 16. – P. 121–125)

Параметры и ландшафт национального сегмента сети интернет меняются каждый день, но неизменным остается только одно – общий вектор стремительного развития. Современный этап развития региональных средств массовой информации Беларуси характеризуется структурными трансформациями.

Пока что сектор национальных интернет-СМИ еще слишком молод, процесс их развития и информационно-коммуникационной модернизации продолжается. В этой связи несомненный интерес для исследования представляет проблематика современной региональной веб-журналистики Беларуси.

Адрес для корреспонденции: e-mail: webjourn@gmail.com – А.А. Градюшко

Сегодня в Беларуси сформирован конкурентоспособный информационный рынок. В последнее время в национальном сегменте интернета наблюдается количественный рост различных СМИ. В то же время, к сожалению, приходится констатировать тот факт, что на современном этапе освоения традиционными медиапредприятиями веб-пространства у редакций региональных СМИ отсутствуют четкое представление о линии поведения в интернете и общепринятая успешная модель функционирования, что является серьезной научной и практической проблемой.

В условиях превосходящей конкурентоспособности российских и других зарубежных интернет-ресурсов незначительное количество интернет-СМИ Беларуси, в первую очередь государственных, развито на достаточно высоком уровне и имеет значительную аудиторию. Многие медийные ресурсы не в полной мере осознают специфику интернета, что напрямую влияет на их качество и посещаемость.

Среди наиболее ценных работ, посвященных теоретическим и практическим проблемам развития веб-журналистики в современных условиях, следует назвать труды российских авторов А.А. Амзина [1], А.А. Калмыкова [2], М.М. Лукиной [3]. Особый вклад в изучение региональной интернет-журналистики внесла Л.В. Экгардт [4]. В Беларуси попытки исследования веб-журналистики как нового сегмента системы СМИ предприняты в отдельных работах ученых Белорусского государственного университета Л.П. Беляковой [5], С.В. Дубовика [6], В.И. Ивченко [7].

Целью настоящего исследования является определение наиболее оптимальной модели функционирования современных региональных интернет-СМИ Беларуси, позволяющей им определить успешную стратегию присутствия в интернете. Для достижения указанной цели в статье систематизированы и обобщены данные о текущем состоянии региональной веб-журналистики Беларуси, выявлены тенденции и определены перспективы ее развития на ближайший период.

Материал и методы. В ходе выполнения исследования определены основные направления модификации творческих приемов региональных интернет-СМИ Беларуси. При помощи методов эмпирического анализа выявлены новые методики написания текстов в веб-журналистике. Проведен комплексный концептуальный анализ эволюции творческой

деятельности веб-журналиста в традиционных и социальных медиа.

Доказательная база исследования выстроена на примерах деятельности региональных интернет-СМИ с критическим переосмыслением принятых подходов, а также на анализе современной практики взаимоотношений власти и средств массовой информации. Предложены новые способы оптимизации деятельности редакций в условиях глобальных изменений медиасреды. В ходе эмпирического анализа 137 сайтов региональных интернет-СМИ Беларуси определена модель, позволяющая прогнозировать ключевые тенденции их развития на период до 2020 г. Выявлено, что в условиях жесткой конкуренции с социальными медиа издателям и редакторам газет нужно экспериментировать с новыми творческими концепциями, распространяя конвергентный контент на различных медийных платформах.

На примере наиболее успешных интернет-СМИ показано, что при написании текстов в первую очередь трансформируется значение заголовков. В интернет-изданиях наиболее востребованы информативные заголовки с ключевыми словами и глаголами. Кроме того, научно обосновано, что журналистам приходится адаптировать заголовки под формат социальных сетей. В ходе анализа региональных интернет-СМИ также определено, что модификация творческих методов и приемов касается также самих текстов. Установлено, что в интернет-СМИ немалое значение придается визуализации контента.

Результаты и их обсуждение. В Беларуси осенью 2013 г. было зарегистрировано 137 государственных изданий (10 областных, 9 городских и 118 районных газет), учредителями которых выступают областные, городские и районные исполнительные комитеты. По областям государственная региональная пресса распределена следующим образом: Брестская – 20, Витебская – 25, Гомельская – 24, Гродненская – 18, Минская – 24, Могилевская – 26 изданий.

В Брестской области в первую очередь можно выделить сайт городской газеты «Вечерний Брест» vb.by. На информационное поле региона он вышел раньше всех – в 2007 г., когда другие газеты даже не задумывались о создании собственных веб-представительств. Сегодня редакция позиционирует его как главный информационно-справочный портал Бреста и Брестского

региона с ежедневной аудиторией более 2000 уникальных посетителей.

По популярности сайт vb.by занимает второе место среди всех информационных интернет-ресурсов, зарегистрированных в Брестской области. Веб-ресурс содержит 80% оригинальной информации, которую читатели не найдут в других интернет-изданиях. Сайт работает по стандартам западной интернет-журналистики. Все публикации адаптируются для интернета, содержат мультимедийные элементы (фото, видео), часто комментируются. Сайт успешно продвигается и в социальных сетях [8].

В данном контексте особенно показателен тот факт, что информационное пространство Бреста отличается высокой степенью конкуренции. В городе достаточно много новостных веб-ресурсов. К наиболее известным можно отнести веб-сайт «Брестской газеты» b-g.by, городской портал «Виртуальный Брест» virtual.brest.by, проект «Твое окно в мир интересных новостей» tomin.by и ряд других качественных контент-ресурсов.

С нашей точки зрения, неплохо зарекомендовал себя на информационном поле также сайт областной газеты «Заря» zaarya.by. Обладая достаточно большим тиражом печатной версии, издание имеет около 1000 уникальных посетителей сайта в сутки. Обновление материалов происходит регулярно, к каждому из них можно оставить комментарий. Если же говорить о сайте областной газеты «Народная трибуна» tribune.by, необходимо отметить, что он значительно уступает «Заре» по интерактивности, мультимедийности и, соответственно, посещаемости.

Среди районных государственных изданий Брестской области нет явных лидеров. По современным стандартам новостной веб-журналистики созданы сайты газет «Драгічынскі веснік» drogichin.by (г. Дрогичин), «Чырвоная звызда» janow.by (г. Иваново), «Івацэвіцкі веснік» ivatsevichy.by (г. Ивацевичи), «Кобрынскі веснік» vkobrine.by (г. Кобрин), «Полесская правда» pinsknews.by (г. Пинск), «Раённыя будні» budni.by (г. Пружаны).

Сайт частной барановичской газеты «Intex-press» intex-press.by также заметен на информационном поле Брестской области. Веб-ресурс обладает неплохими показателями посещаемости и цитируемости. Наполнение его достаточно качественное. Присутствует аудио- и видеоконтент, PDF-архив номеров. Несколько жур-

налистов ведут на сайте свои блоги. Популярный раздел «Народные новости».

На информационном поле Витебской области работает немало качественных веб-проектов. С 1 июля 2013 г. в области начало выходить общественно-политическое издание «Витебские вести», созданное путем слияния редакций «Віцебскага рабочага» и «Народнага слова». Судить о популярности нового сайта vitvesti.by пока рано. Из районных газет можно отметить сайты изданий «Браслаўская звызда» braslavstar.by (г. Браслав), «Веснік Глыбоччыны» vg-gazeta.by (г. Глубокое), «Дняпроўская праўда» dubrovno.by (г. Дубровно), «Пастаўскі край» postawy.by (г. Поставы), «Голас Расоншчыны» rossonka.by (г. Россоны), «Голас Сенненшчыны» sennno.by (г. Сенно). Высокие показатели посещаемости и цитируемости имеет также сайт городской газеты «Витьбичи» vitbichi.by (г. Витебск).

Приведем в качестве успешного примера районную газету «Браслаўская звызда». Первая версия сайта была создана в 2009 г. и не пользовалась популярностью. Среднее количество посетителей не превышало 30 человек в день. Новая версия braslav-star.by была запущена в середине ноября 2011 г. Посещаемость сайта в 2013 г. достигла 200–250 уникальных пользователей в сутки. Во многом этому способствует тот факт, что на сайте газеты информация подается в более полной мере, чем в печатной версии.

В Витебской области активно развиваются частные интернет-ресурсы, например, проект «Народные новости Витебска» news.vitebsk.cc. Это современная ежедневная онлайн-газета. Новые технологии позволяют донести информацию о событиях гораздо быстрее, чем традиционное бумажное издание. Кроме этого, сайт имеет намного большую интерактивность. Оно представляет собой симбиоз газеты с блогом.

Показателен пример Гомельской области, интернет-рынок которой представляется весьма перспективным. Гомель является вторым по величине городом Беларуси. В области имеется немало популярных новостных интернет-ресурсов. К числу наиболее цитируемых относится «Гомельская праўда». Сайт имеет один из самых высоких показателей посещаемости среди всех государственных региональных газет (более 2000 человек в сутки). Веб-ресурс снабжен современным функционалом, соответствует всем характе-

ристикам качественного интернет-СМИ, отличается привлекательным дизайном.

При анализе районных газет области следует выделить «Жыццё Палесея» mazu.by (г. Мозырь), «Маяк» sozhnews.info (г. Гомель), «Авангард» budakosh.by (г. Буда-Кошелево), «Свободные слова» slova.by (г. Рогачев), «Дняпровец» dneprovec.by (г. Речица), «Светлагорскія навіны» sn.by (г. Светлогорск). Например, на сайте slova.by особое внимание уделяется комментариям читателей, а также различным мультимедийным сервисам. Все заголовки этого сайта адаптированы для интернета, с ключевыми словами и указанием местности. Веб-ресурс активно продвигается в поисковых системах и социальных сетях.

Перспективен и рынок интернет-СМИ Гродненской области. Как и в Гомеле, лидирующее место на информационном пространстве региона в сегменте государственных изданий занимает областная газета. Сайт «Гродзенскай праўды» grodnopnews.by позиционирует себя как информационный портал Гродненской области. Веб-ресурс имеет несложный, но функциональный и удобный дизайн. Вся информация на главной странице разделена на тематические блоки.

Сайт предлагает посетителям базовый набор интерактивного функционала. Это возможность комментировать публикации, счетчик числа просмотров материалов, кнопки социальных сетей под каждой записью. На сайте присутствует активная аудитория, которая пользуется всеми представленными выше возможностями. Посещаемость сайта достигает 1800–2000 уникальных пользователей в сутки. Интеграция с социальными медиа полностью отсутствует, но в этом кроется значительный потенциал для роста.

Среди районных изданий Гродненской области стоит обратить внимание на сайты газет «Астравецкая праўда» ostrovets.by (г. Островец), «Ашмянскі веснік» osh.by (г. Ошмяны), «Воранаўская газета» voran.by (г. Вороново), «Бераставіцкая газета» beresta.by (г. Берестовица), «Іўеўскі край» ivuenevnews.by (г. Ивье), «Польшыя» polymia.by (г. Кореличи).

Достаточно серьезными конкурентами сайтов региональных газет являются частные городские порталы и блоги [9]. Наиболее ярким примером в этом смысле можно назвать гродненский городской блог s13.ru. Появившись в сентябре 2005 г., сайт стал одним из лидеров рынка, сделав ставку на новости для гродненцев с точки зрения рядового горожа-

нина. На сайте постоянно обновляются новости, присутствует интеграция с социальными медиа. Посещаемость s13.ru составляет около 18 тысяч уникальных пользователей. Блог имеет весьма простой дизайн и собирает значительную аудиторию благодаря качественному локальному контенту.

Популярные частные проекты есть и в Минской области, к их числу в первую очередь можно отнести новостной ресурс «ex-Press.by» из Борисова. Проект начал работу в декабре 2010 г., став преемником «Борисова Электронного». Помимо обновленной структуры и дизайна, новый сайт имеет совершенствованные Web 2.0 опции: интерактивность, мультимедиа, мобильный доступ. Издание отличается современным дизайном, постоянным обновлением. Присутствует интеграция с социальными медиа. Отсюда и высокая посещаемость (около 5000 уникальных пользователей в сутки), приносящая рекламные деньги.

Для сравнения, сайт областной газеты «Мінская праўда» ежедневно собирает на свою площадку minpraud.by немногим больше 400 уникальных посетителей. Это один из самых слабых сайтов областных газет. Представляя собой «клон» печатной версии, он напрочь лишен интерактивных возможностей. Это же можно сказать и о ряде районных газет Минской области. Среди региональных СМИ Минщины мы можем выделить газеты «Адзінства» edinstvo.by (г. Борисов), «Жодзінскія навіны» zhodinonews.by (г. Жодино), «Нарачанская зара» narachanka.by (г. Мядель), «Узвышша» dzr.by (г. Дзержинск), «Маладзечанская газета» mgazeta.by (г. Молодечно).

Показательно состояние интернет-СМИ в Могилевской области. Сайт областной газеты «Могилевская правда» mogpravda.by. представляет собой шаблонный вариант. Обновление происходит два раза в неделю. К публикациям невозможно оставить комментарии. Соответственно поток посетителей совсем низкий, около 100 человек в сутки. Более популярен сайт областной газеты «Могилевские ведомости» mogved.by. В первом квартале 2013 года названные газеты были объединены в единое информационное агентство «Могилевские ведомости», которое, помимо выпуска самих газет, занялось еще и ведением новостного ресурса mogilevnews.by.

В Могилевской области издается самое большое количество районных изданий. Среди них можно выделить сайты газет «Маяк Прыдняпроўя» bykhov.by (г. Быхов), «Горацкі

веснік» gorkiv.by (г. Горки), «Прыдняпроўская ніва» pniva.by (г. Могилев) и некоторые другие, которые обладают неплохими показателями посещаемости и цитируемости. Несколько крупных региональных сайтов также существует в Бобруйске.

Подробнее рассмотрим технологии продвижения сайта на примере быховской районной газеты «Маяк Прыдняпроўя». Первая публикация на сайте bykhov.by была размещена в феврале 2010 г. Обновлением информации, как правило, занимается один из корреспондентов. Эта работа занимает не менее 5 часов ежедневно, включая выходные и праздничные дни. Сайт также делает акцент на продвижение сайта в поисковых системах.

Помимо сайтов, освещающих жизнь конкретного района, в Беларуси получили распространение межрегиональные новостные ресурсы. К числу наиболее популярных можно отнести информационно-новостной портал Krai.by (Край. бай), ежедневно сообщающий о новостях 12 городов: Молодечно, Вилейка, Мядель, Воложин, Логойск (Минская область), Сморгонь, Островец, Ошмяны (Гродненская область), Глубокое, Докшицы, Браслав, Поставы (Витебская область). Над сайтом работает штат профессиональных журналистов. Кроме новостей, веб-ресурс содержит фотогалерею, раздел объявлений, справочную информацию. Материалы печатаются на русском и белорусском языках.

Заключение. Таким образом, современный этап развития веб-журналистики Беларуси характеризуется трансформацией проблематики. Происходят существенные изменения в деятельности журналиста. Возникают новые высокотехнологичные методы сбора, обработки и передачи новостей. Появляются новые методики написания текстов для интернет-СМИ.

В настоящий момент не все медийные ресурсы Беларуси в полной мере осознают специфику массово-информационной деятельности в интернете, не пользуются возможностями продвижения посредством поисковых систем и социальных сетей, что напрямую влияет на их качество и посещаемость. Тем не менее, в национальном сегменте сети интернет есть примеры качественных интернет-СМИ, работающих с учетом специфики интернета.

Это, в свою очередь, дает возможность говорить о перспективе развития сектора в целом.

Белорусским региональным СМИ необходимо, в первую очередь, начать наполнять сайты востребованным контентом, изменять формат подачи материалов. Важным направлением работы является интеграция с социальными медиа. Необходимо также серьезно подойти к наполнению сайтов мультимедийными материалами. Как правило, одной из основных проблем региональных интернет-СМИ является недостаток профессиональных кадров.

Литература

1. Амзин, А.А. Новостная интернет-журналистика: учеб. пособие для вузов / А.А. Амзин. – М., 2011.
2. Калмыков, А.А. Интернет-журналистика / А.А. Калмыков, Л.А. Коханова. – М., 2005.
3. Интернет-СМИ. Теория и практика / под ред. М.М. Лукиной. – М., 2010.
4. Эггардт, Л.В. Региональная интернет-журналистика: современное состояние и перспективы развития (на материале контент-анализа тверских интернет-ресурсов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Л.В. Эггардт; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2012.
5. Белякова, Л.П. Аналитическая журналистика печатной периодики (теория, методика, творческий опыт): учеб.-метод. пособие / Л.П. Белякова. – Минск, 2012.
6. Дубовік, С.В. СМІ постсацыялістычнай Беларусі: пошук новай рацыянальнасці / С.В. Дубовік. – Мінск, 2003.
7. Іўчанкаў, В.І. Медыярыторыка: рытарычныя асновы журналістыкі, лінгвістыка публіцыстычнага тэксту, дыскурсны аналіз сродкаў масавай інфармацыі: курс лекцый / В.І. Іўчанкаў. – Мінск, 2009.
8. Петроченко, А.Г. Инфографика как инновационный метод современной региональной прессы // Международная журналистика-2013: глобализация и регионализация информационного пространства: материалы Второй международ. науч.-практ. конф., Минск, 20 фев. 2013 г. / под общ. ред. Т.Н. Дасаевой; сост. Б.Л. Залесский. – Минск, 2013. – С. 206–211.
9. Спиридонова, В. Анатомия Интернет-СМИ. Как раскрутить провинциальный региональный новостной Интернет-сайт / В. Спиридонова, Я. Андреев, К. Семенов. – Режим доступа: <http://novmarketing.ru/anatomy-internet-smi.html>.

Поступила в редакцию 29.10.2013 г.

Принята в печать 30.12.2013 г.

УДК 821.161.1-3.09+821.161.3-09

Топос как структурный элемент хронотопа и объект научного исследования (на примере творчества В. Астафьева и В. Козько)

Крикливец Е.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

В статье предпринята попытка выявить основные исследовательские подходы к определению понятия «топос», проследить генезис данного понятия в литературоведении. Топос рассматривается как структурная единица хронотопа, являющаяся в то же время образной универсалией, которая служит языком межкультурной коммуникации. Через ключевые топосы дома и дороги исследуется специфика пространственно-временной организации произведений В. Астафьева и В. Козько. Данные топосы анализируются на реальном, перцептуальном и концептуальном уровнях внутренней структуры в сравнительно-типологическом аспекте. Такой подход позволяет охарактеризовать пространственно-временные модели мира, представленные в прозе писателей, и приблизиться к более глубокому пониманию идейно-художественной концепции произведений.

Ключевые слова: топос, хронотоп, художественное пространство и время, внутренняя структура топоса, сравнительно-типологический анализ, проза, русско-белорусские взаимосвязи.

(Ученые записки. – 2013. – Том 16. – С. 126–131)

Topos as a Structural Element of the Chronotope and Object of Scientific Research (on the Example of Works by V. Astafiev and V. Kozko)

Kriklivets E.V.

Educational establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article attempts to identify the main research approaches to the definition of “topos”, to trace the genesis of this concept in literature studies. Topos is considered as a structural unit of chronotope, which is at the same time image universal, which is the language of cross-cultural communication. Through key toposes of home and road the specifics of spatial-temporal organization of works by V. Astafiev and V. Kozko is investigated. These toposes are analyzed on the real perceptual and conceptual levels of the internal structure in the comparative-typological aspect. This approach allows us to characterize the spatial-temporal model of the world presented in the prose of the writers, and to get closer to a deeper understanding of the ideological and artistic concept of works.

Key words: topos, chronotop, art space and time, the internal structure of topos, comparative-typological analysis, prose, Russian-Belarusian relationships.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 16. – P. 126–131)

Несмотря на многовековую историю бытования термина «топос», вокруг него возник ряд нерешенных вопросов. Неоднозначность топоса была обусловлена употреблением Аристотелем данного термина одновременно в трех трактатах: «Физике», «Риторике» и «Топике», в каждом из которых выявлялся иной оттенок смысла. Это повлекло за собой выход термина за пределы логики и риторики и спровоцировало путаницу в его определении литературове-

дами: одни сводят его к месту действия или пространству текста, актуализируя пространственный аспект понятия, которое в переводе с греческого дословно обозначает «место»; другие акцентируют внимание на его повторяемости в истории литературы, стереотипности, закреплённости в строго определенной вербальной форме; третьи указывают на связь топоса с пространством мышления, знания, выдвигая на первый план гносеологический и эпистемологический аспекты.

Адрес для корреспонденции: e-mail: kriklivec@mail.ru – Е.В. Крикливец

Цель данной статьи – выработка методологии исследования ключевых топосов в произведениях В. Астафьева и В. Козько.

Материал и методы. Методологическую базу исследования составляют работы белорусских, российских и зарубежных ученых, посвященные топики и традиции толкования топоса. В качестве объекта исследования выступает художественная проза В. Астафьева и В. Козько. В статье использованы культурно-исторический и сравнительно-типологический методы анализа.

Результаты и их обсуждение. Основателем литературной традиции толкования топосов является Э.Р. Курциус (E.R. Curtius), автор фундаментального труда «Европейские литературы и латинское средневековье» [1]. Он определил топосы как «твердые клише или схемы мысли и выражения, запечатлевающие формулы, фразы, обороты, цитаты, стереотипные образы, эмблемы, унаследованные мотивы» [1, с. 122]. Исследователь обозначает новую функцию топоса, переводя его из риторического пространства в пространство собственно литературное, говоря о его значимости не только для эпохи «готового слова», но и для литературы нового и новейшего времени. Сравнивая топос в риторике, выступающий в виде «аргумента», и топос в литературе, Э.Р. Курциус выводит происхождение последнего из коллективного сознания, проявляющегося в художественных произведениях в виде образов-архетипов. По его мнению, некоторые топосы возникли как литературные и только потом перешли в риторику. Литературный топос, выполняя свою отличную от риторической функцию, становится обиходной поэтической формулой [1, с. 125], которую можно использовать в каждом жанре и которая является ключевой для конкретного литературно-культурного стиля. Перефразируя выражение В.Г. Лейбница, можно сказать, что как за разнообразием культур стоит универсальный набор базовых понятий, так и за всем многообразием мировых литератур – набор топосов. В такой традиции исследовали топос в литературе западноевропейские ученые – последователи Э.Р. Курциуса: Л. Борншеуэр (L. Bornscheuer), У. Шмидт-Биггеман (W. Schmidt-Biggeman), Х. Лаусберг (H. Lausberg), Р. Грубель (R. Grübel), Р. Вахе (R. Vachem), Р. Николози (R. Nicolosi), Р. Лахманн и др.

Однако в советской науке термин «топос», по словам А.М. Панченко, не прижился, хотя было очевидно, что, например, фольклор и

древнерусская литература – каноничные пласты культуры – «завещали нам взгляд на искусство как на эволюционирующую топику» [2, с. 214]. В русской научной традиции регулярно повторяющиеся элементы текста получили другие названия. Так, И.П. Смирнов и А.М. Панченко выделили ряд так называемых «ядерных образов», составляющих концептуальное ядро русской поэзии [2]. В.М. Жирмунский писал о «словесных темах» [3]. Л.Я. Гинзбург размышляла об «отстоявшихся формулах», корни которых кроются в мифологическом мышлении и которые в трансформированном виде передаются из поколения в поколение в художественных текстах [4]. О.М. Фрейденберг, изучая поэтику сюжета и жанра и реконструируя исторические корни образов, высказала идею о невозможности создания писателем новых форм [5]. По ее мнению, все формы созданы первобытным мышлением и хранятся в глубинах коллективного сознания. Существовали также и другие термины для определения специфики топоса: «поэтологические константы» (А.Д. Михайлов [6]), «кристаллизовавшиеся виды и формулы поэтической выразительности» (М.Б. Храпченко [7]), сквозные образы, образы-мотивы, схематические образы, слова-мифы, лейтмотивы и др. Следовательно, топосы в классическом литературоведении понимаются как регулярно повторяющиеся в творчестве писателя и системе культуры формулы, мифы, мотивы и другие разновидности художественного образа, имеющие особые пространственные характеристики.

Одним из спорных вопросов, касающихся топики, является определение ее функций в истории литературы и культуры. На этот счет существуют различные точки зрения, которые можно объединить в две большие группы. Во-первых, топику определяют как устойчивую жанрово-стилевую среду, представленную в виде «заданных литературных норм и канонов» (В.В. Виноградов [8]). По мнению В.В. Виноградова, смена стилей в истории культуры и литературы «не есть самостоятельная эволюция именно стиля», а только «смена элементов внутри определенных художественных систем» [8, с. 49]. То есть совокупность топосов, их эволюция и сдвиги в семантике детерминируют смену стилей. Данная функция топики отражается в концепции внеличного характера искусства. Во-вторых, под совокупностью топосов понимается метаязык культуры, абстрагированный от исторического материала, на-

ционального менталитета, «структуры универсальные, надвременные, статичные» (В.Е. Хализев [9]). Топосы в данной концепции выступают в качестве архетипа, символа, мифа. При этом актуализируется идея двойственной природы топоса, сочетающего в себе канон и новации [10]. Принадлежность топики к традиции обусловлена тем, что топосы выполняют мнемоническую функцию, то есть заключают в себе генетический код культуры, обеспечивая тем самым преемственность литературного и культурного процессов, связь времен. В культурном континууме топос выполняет функцию образной универсалии. В этом качестве топос функционирует не только в произведениях одного писателя или литературного направления, он является актуальным на протяжении всей культуры человечества. Значимость топики как совокупности универсалий заключается и в том, что она является своеобразным языком межкультурной коммуникации и облегчает процесс рецепции художественного произведения «чужим» культурным сознанием [10].

Для выделения топоса из ряда других подобных ему элементов важным представляется выявление специфики его структуры. Поскольку топос выступает в произведении и как составляющая хронотопа, и как разновидность художественного образа (универсальный образ), он имеет не только реальный, предметный, или конкретно-чувственный план («топос всегда наделен некоторой предметностью» [11, с. 37]), но и абстрактный, понятийный, подразумеваемый. Структура топоса в предметном плане представляет собой разветвленную сеть пространственных образов (локусов), объединенных различными смысловыми связями и отношениями. При этом, как отмечал Ю.М. Лотман, она «выступает в качестве языка для выражения других, непространственных отношений» [11, с. 71]. Локусы как элементы топоса отражают не абстрактное пространство в целом, а конкретное место в данном континууме (место действия). Если под топосом понимают «открытые» пространственные образы, то под локусом – «закрытые».

Однако проблема соотношения топоса и пространства остается не до конца выясненной. При ее рассмотрении следует учитывать два аспекта: пространство текста и образ пространства. По мнению некоторых литературоведов, топос в художественном тексте может выступать в качестве элемента, организующего пространство произведения. Среди сторонников данной концепции топоса –

В.С. Баевский, употребляющий топос в значении «место действия», а также пространства («топос дома», «топос природы» и т.п.) [12]. В рамках понятия «образ пространства» топос будет иметь иное значение. Данное понятие связано с отражением пространственных образов в произведении. Согласно О. Шпенглеру, пространство является «прасимволом» культуры, из которого выводится язык ее форм. Следовательно, топос, отражающий пространственные характеристики, связан с культурой и языком ее форм. Пространственные категории значимы в культуре и могут восприниматься как «язык моделирования» (Ю.М. Лотман), с помощью которого выразимы самые различные смыслы. То есть топос как определенная формула с заданными пространственными характеристиками может служить языком описания пространственных образов в тексте художественного произведения. По мнению З.Г. Минц, на основе языка пространственных отношений можно выявлять черты сходства в различных текстах, устанавливать генетические связи между произведениями разных эпох, то есть он важен для построения различного рода типологий и культурных моделей [13]. Н.С. Цветова говорит о возможности использования топики «как исследовательского инструмента исторической компаративистики» [14, с. 9]. Последние замечания представляются особенно важными для нашей работы, предполагающей сравнительный аспект.

Принимая во внимание двойственную природу топоса, мы будем рассматривать его как структурную единицу хронотопа, являющуюся в то же время образной универсалией, которая служит языком межкультурной коммуникации.

Поскольку топос – категория многозначная, наделенная различными функциями в произведении, представляется целесообразным выделить в его структуре несколько уровней: реальный, перцептуальный и концептуальный. На каждом из этих уровней топос имеет особое значение и выполняет соответствующие функции. Во-первых, в любом литературном произведении автор отражает реальный мир, создавая свой пространственный универсум и размещая в нем те конкретные места, где происходят какие-либо события. Это реальный уровень внутренней структуры топоса, где он приобретает значение места действия. Однако подобное восприятие топоса представляется ограниченным.

Второй уровень – перцептуальный. Он отражает индивидуальное преломление реаль-

ного мира в сознании художника и тексте произведения. Реализуясь на данном уровне своей внутренней структуры, топос получает субъективную аксиологическую нагрузку и выполняет функцию образа, актуализируя все его свойства: он эмоционален, индивидуализирован, отличается жизненностью, актуальностью, многозначностью, имеет предметно-чувственный характер. Это дает основание говорить о топосе как об образе-символе. В случае устойчивой повторяемости какой-либо темы в творчестве писателя топос может выполнять функцию мотива. Следовательно, на перцептуальном уровне топос реализует абстрактный план, отходя от предметной составляющей своей структуры.

Отметим, что, анализируя конкретный топос, мы обращаемся не только к творчеству отдельного писателя, но вычлняем его в культурном направлении, литературном стиле, художественной системе. В этом случае мы апеллируем к концептуальному уровню внутренней структуры топоса. Так как концептуальный уровень является самым высоким уровнем, то именно здесь осуществляется выход из пространства текста в пространства культуры, основными принципами которого являются контекст и диалог, выдвинутые М.М. Бахтиным. На концептуальном уровне происходит обращение к глубинным, мифопоэтическим представлениям, топос функционирует как архетип или мифологема (если топос включает в себя не только мифологические образы, но и мифологические мотивы, сюжеты или их части). Следовательно, в зависимости от того, на каком из уровней мы рассматриваем топос, будут изменяться его семантика и функции в художественном произведении.

Нам представляется, что анализ топоса, его значения, структуры и функционирования в художественном произведении будет способствовать более глубокому проникновению в суть авторского замысла, а также позволит вписать произведение в широкий литературный и культурный контекст на уровне синхронии и диахронии. Наибольший интерес в данном случае представляют топосы, которые отражают и сохраняют национально-ментальную специфику, являясь средствами идентификации культуры.

Особенности пространственно-временной организации произведений В. Астафьева и В. Козько представляется целесообразным исследовать через ключевые топосы, универсальные как для русской, так и для белорусской культурной традиции. На наш взгляд, таковыми можно считать *топосы дома и дороги*.

Топос дома в прозе В. Астафьева и В. Козько полисемичен. На реальном уровне своей внутренней структуры он приобретает семантику места действия, которая конкретизируется локусами с пространственным значением (населенные пункты, топонимы, различные типы жилища).

На перцептуальном уровне *топос дома* актуализирует социальный и экологический аспекты. Реализуясь в социальном аспекте, *топос дома* в произведениях В. Астафьева и В. Козько включает в свою парадигму следующие модели: *дом-семья, внутренний дом, мир нации (родина), антидом*, которые воплощают различные формы взаимодействия героев с социумом. Ключевой моделью *дома* в творчестве обоих прозаиков выступает *дом-семья*, где герой усваивает духовные, культурные, эстетические ценности. В прозе В. Астафьева *дом* является отправной точкой сюжетного движения и функционирует как открытое, расширяющееся пространство. В произведениях В. Козько *дом* становится финальной точкой развития сюжета и представляет собой сужающееся, ограниченное пространство. Реализуясь в экологическом аспекте, *топос дома* отражает систему отношений «человек–природа» и выполняет функцию прогноза, предостережения. Используя *топос дома* в указанном значении, писатели предупреждают не только об экологическом кризисе, но и о его экзистенциальных последствиях.

На концептуальном уровне *топос дома* в творчестве В. Астафьева и В. Козько актуализирует мифологический аспект, включая в свою парадигму образы с мифологическим, архетипическим значением. *Топос дома* представлен трехчастной моделью *дома-вселенной*, стягивающегося к сакральному центру (избе). Мифологический аспект *топоса дома* в прозе В. Козько является доминирующим и обуславливает мифологическое, или уединенное, сознание большинства героев писателя. В произведениях В. Астафьева превалирует социальный аспект *дома*, соответственно, тип сознания его героев можно определить как дискурсивный, или конвергентный. *Мотив разрушения дома*, утраты *домом* изначальной сакральности обусловил наличие в прозе писателей элементов утопии (сакрализация *дома-семьи*, жизнь в гармонии с природой) и антиутопии (грубое разрушение изначальной гармонии). *Разрушение дома* в произведениях В. Астафьева приобретает апокалипсическое значение, в прозе В. Козько – отражает эсхатологические представления. Конституирующими признаками

дома в прозе обоих писателей выступают неизменность, постоянство, следовательно, пространство *дома* утрачивает временную зависимость. *Топос дома* включает в себя всю совокупность бытовых и бытийных представлений В. Астафьева и В. Козько, определяет этическую и эстетическую направленность их произведений.

Топос дороги, воплощающий горизонтальную ось движения, отражает как перемещение героя из одного места действия в другое (реальный уровень внутренней структуры топоса), так и приобретает значение его жизненного пути. Актуализируя социальный аспект, *топос дороги* представлен в произведениях В. Астафьева и В. Козько двумя противоположными моделями движения. В прозе В. Астафьева преобладает центробежная модель перемещения героя *из дома в мир*, соотносящаяся с приоритетным для русского этноса процессом расселения, рассеяния, освоения новых территорий. *Топос дороги* выражает семантику становления, взросления героя, изучения им нового жизненного пространства. При этом возвращение героя в *дом* невозможно и не является необходимым, так как герой совершает путь в *мир* и обретает себя в *мире*. Модель перемещения героя *из дома в мир* обуславливает линейное движение времени в произведениях В. Астафьева и подчиненность всех сюжетных схем общему типу сюжета становления.

В прозе В. Козько доминирует модель движения героя *из мира в дом*, поскольку для белорусской ментальности основополагающим является движение к *дому*, корням, малой родине, воплощающее идею национального возрождения. Процесс формирования личности, по В. Козько, – это процесс осознания героем своей связи с национальной почвой, с *домом*, следовательно, начальным этапом развития сюжета становится этап, с которого начинается возвращение героя домой. Центростремительная модель движения героя обуславливает циклическое время и циклический тип сюжета в произведениях белорусского прозаика. *Топос дороги* в прозе В. Астафьева и В. Козько, кроме социального, актуализирует экологический и мифологический аспекты. В первом случае *топос дороги* выражает общую для обоих писателей идею цикличности жизни природы. Во втором – выявляет представление о *дороге* как о *последнем пути*. Кроме того, в произведениях В. Козько, ориентированных на мифологиче-

ское мировосприятие, этапы жизненного пути героя совпадают с мифологическими представлениями об этапах жизненного пути человека (то есть мифологический аспект топоса в творчестве белорусского писателя преобладает). В прозе В. Астафьева и В. Козько с *топосом дороги* связаны такие формы художественного времени, как биографическое время, историческое время, календарное время. *Топос дороги*, выражающий значение движения по горизонтали, таким образом, определяет представления писателей о месте человека в мире и во времени.

Воплощая вертикальную ось движения, *топос дороги* в прозе В. Астафьева и В. Козько приобретает значение духовной эволюции или деградации личности. Оба прозаика, обеспокоенные нравственным обликом современника, предлагают путь выхода из экзистенциального и общественного кризиса, путь духовного возрождения. Жизненный путь героев В. Астафьева представляет собой поиск себя в *мире*, следовательно, их духовная эволюция также связана с поиском моральных ориентиров во внешнем мире. Поскольку творчество самого писателя эволюционирует от богоборческих мотивов к пантеизму и деизму, в качестве таковых на разных этапах литературной деятельности В. Астафьева выступают жизнь в гармонии с природой, христианские заповеди. Герой, вставший на путь деградации, с точки зрения В. Астафьева, не имеет возможности нравственного возрождения.

Так как в творчестве В. Козько центральной становится идея вечного возвращения, его герои ищут духовную гармонию в своем прошлом, в своих воспоминаниях, в своем внутреннем мире. *Топос дороги* обусловил появление в прозе белорусского писателя мотивов суда и утраченного рая, с которыми связаны первый и второй этапы его творчества. «Грехопадение» героя, по В. Козько, не исключает возможности последующего возрождения, напротив, выступает поворотным этапом к нему. С точки зрения белорусского писателя, только возвращаясь в свое прошлое, к корням, к истокам, человек обретает нравственные ориентиры, вообще получает право называться человеком.

Будучи тесно связанным с нравственной проблематикой, *топос дороги* отражает эволюцию центрального героя в прозе писателей: автобиографический герой → попытка постижения специфики русского и белорус-

ского национального характера → герой, совершивший духовное восхождение ценой испытаний и жертв (у В. Астафьева); герой, вернувшийся в «правремя», воскресивший традиции предков (у В. Козько).

Заключение. Структурным элементом пространственно-временной организации художественного мира является топос. Однако топос – это не только единица хронотопа, но и образная универсалия, благодаря которой осуществляется межкультурная коммуникация. В связи с этим категория топоса представляется нам наиболее репрезентативной с точки зрения сравнительно-типологического исследования творчества русского и белорусского писателей.

Пространственно-временные координаты художественного мира В. Астафьева и В. Козько определяются топосами дома и дороги. Сопоставительный анализ функционирования данных топосов в прозе писателей позволяет выявить общность идейных и нравственных исканий авторов-современников, а также определить национальную и индивидуальную специфику их эстетических приемов. Так, эстетические системы обоих прозаиков на этапе становления преодолевают каноны соцреалистического метода, в 1960-е – 1980-е гг. отражают мировоззренческие позиции почвенников («деревенской прозы»). С конца 1980-х гг. писатели работают в русле разных литературных направлений. Творчество В. Астафьева усваивает и обогащает парадигму классического реалистического искусства, а художественная система В. Козько по сей день открыта в современную реальность, подвержена влиянию модернистских тенденций (что особенно отчетливо проявляется в романе «Бунт незапатравава нага праху»). Национальная идея в творчестве В. Козько выражена с помощью неомифологических приемов моделирования художественной реальности. Особенности эстетических подходов к осмыслению действительности, выявленные в прозе В. Астафьева и В. Козько, тем не менее, не исключают общего способа художественной завершенности их произведений. В творчестве и русского, и белорусского писателей герой стремится установить гармонию между собственным «я» и объективной реально-

стью. Следовательно, единым для обоих прозаиков становится идиллический модус художественности.

Литература

1. Curcius, E.R. Literatura europejska I lacińskie średniowiecze / E.R. Curcius; tłum. i oprac. A. Borowski. – Krakow, 1997. – 384 s.
2. Панченко, А.М. Топика и культурная дистанция / А.М. Панченко // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения: сб. ст. / АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. – М.: Наука, 1986. – С. 263–276.
3. Жирмунский, В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика / В.М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1977. – 348 с.
4. Гинзбург, Л.Я. О лирике / Л.Я. Гинзбург. – Л.: Советский писатель, 1974. – 358 с.
5. Фрейденберг, О.М. Поэтика сюжета и жанра / О.М. Фрейденберг; подг. текста и общ. ред. Н.В. Брагинской. – М.: Лабиринт, 1997. – 286 с.
6. Михайлов, А.Д. От Франсуа Вийона до Марселя Пруста. Страницы истории французской литературы Нового времени (XVI–XIX века): в 3 т. / А.Д. Михайлов. – М.: Языки славянских культур, 2010. – Т. 3.
7. Храпченко, М.Б. Сквозь призму восприятия / М.Б. Храпченко // Вопросы литературы. – 1981. – № 10. – С. 15–22.
8. Виноградов, В.В. Поэтика русской литературы: избр. тр. / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1976. – 512 с.
9. Хализев, В.Е. Теория литературы / В.Е. Хализев. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 2002. – 436 с.
10. Булгакова, А.А. Топика в литературном процессе / А.А. Булгакова. – Гродно: ГрГУ, 2008. – 106 с.
11. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.
12. Баевский, В.С. К поэтике пространственно-временных отношений у Фета, Блока и Пастернака / В.С. Баевский // Пространство и время в литературе и искусстве. Конец XIX – XX век: метод. материалы по теории литературы. – Даугавпилс: Даугавп. пед. ин-т им. Я.Э. Калнберзина, 1987. – С. 4–6.
13. Минц, З.Г. Поэтика Александра Блока / З.Г. Минц. – СПб.: Искусство, 1999. – 726 с.
14. Цветова, Н.С. Эсхатологическая топика русской традиционной прозы второй половины XX века / Н.С. Цветова. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. – 220 с.

Поступила в редакцию 23.10.2013 г.

Принята в печать 30.12.2013 г.

УДК 811.161.1'373'0(043.3)+811.111'373'0(043.3)

Аналогичные негативно-оценочные семантические изменения в разных языках

Никитенко Т.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Статья посвящена рассмотрению негативно-оценочных семантических моделей в однословных лексических единицах. Анализ проводится на материале слов современного литературного английского и русского языков. Установлены некоторые аналогичные семантические переходы в сравниваемых языках, обусловленные не языковыми контактами, не генетическим фактором. Автор приходит к выводу, что в различных языках могут быть аналогичные оценочные реакции, которые мотивируют появление схожих негативно-оценочных значений. Кроме того, в работе еще раз подтверждается тезис, что словам свойственна регулярная многозначность, являющаяся следствием семантической деривации. Причем регулярная многозначность выявляется не только в пределах одного языка, а в разноструктурных языках с различной социальной историей, какими являются английский и русский языки.

Ключевые слова: семантические изменения, пейорация (ухудшение значения слова), негативная оценка, семантическая модель, семантическая структура слова.

(Ученые записки. – 2013. – Том 16. – С. 132–135)

Similar Negative Evaluation Semantic Changes in Different Languages

Nikitenko T.V.

Educational establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article is devoted to the analysis of pejorative derivational semantic patterns in one-word lexical units. The research is carried out on the basis of modern English and Russian words. Some similar derivational semantic patterns in both of the languages have been found out. They appeared as a result of neither areal factors nor genetic ones. The author has come to the conclusion that in different languages there may be similar evaluative reactions which lead to appearing similar negatively-loaded meanings. Apart from that, in the article the statement about regular derivational semantic patterns is proved. And regular derivational semantic patterns are found not only within a certain language but in different languages from the point of view of their structure and social history. The English and Russian languages belong to these ones.

Key words: semantic changes, pejoration, negative evaluation, derivational semantic pattern, semantic word structure.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 16. – P. 132–135)

Согласно Е.В. Падучевой, слову свойственна многозначность, и прежде всего регулярная многозначность, которая является следствием семантической деривации. Таким образом, основная масса производных значений слова формируется за счет определенного множества семантических переходов, или моделей семантической деривации [1, с. 148–149]. В связи с этим ряд лингвистов выдвигают предложение – создать каталог моделей семантических переходов, т.е. произвести их инвентаризацию, что вписывается в парадигму сегодняшних филологических исследований, «характеризуемой установкой на объяснительность» [2, с. 13].

Однако не всегда в вопросе существования регулярной многозначности слов наблюдалось единодушие среди ученых. Достаточно вспомнить тезис об отсутствии системности в языковой диахронии, который выдвигал Ф. де Соссюр [3]. Также высказывались сомнения о наличии закономерностей в лексико-семантических изменениях по причине того, что значение тесно связано с культурой. Необходимо знать социокультурную ситуацию общества в тот период, когда изучался язык, а культурный фактор, в свою очередь, «особенно специфический фактор, на основании которого нельзя делать выводы о других изменениях» [4, с. 175]. В то же время М.М. Покровский говорил, что

Адрес для корреспонденции: e-mail: tatnikita@gmail.com – Т.В. Никитенко

«вариации значений слов, с виду капризные, в действительности подчинены определенным законам» [5, с. 36]. По словам О.Н. Трубачева, «все изменения значений слов (даже так называемые «окказиональные») по своему закономерны, все дело в нашем знании или, чаще, незнании всего семантического контекста, который состоит не только из лингвистических, но и культурных звеньев» [6, с. 10].

Таким образом, актуальность данной работы заключается в том, что современные синхронные исследования лексики в структурно-семантическом и функциональном аспектах, обуславливают необходимость обращения к фактам диахронии, поскольку синтез языковых данных диахронии в рамках синхронного исследования обладает в наивысшей мере объяснительной силой.

Известно, что в основных значениях многозначных слов доля семантической информации больше, нежели в производных, которые характеризуются большим преобладанием информации прагматического характера [7, с. 141]. Следовательно, оценка, будучи категорией прагматики, чаще находит выражение в производных значениях многозначных слов.

Таким образом, цель настоящей статьи – выявление некоторых аналогичных деривационных моделей в разных языках, по которым развиваются производные негативно-оценочные значения слов. Анализируемыми языками явились русский и английский.

Материал и методы. Материалом исследования для русского языка стала картотека негативно-оценочных слов (ЛСВ), извлеченная путем сплошной выборки из «Большого толкового словаря русского языка» (БТС). Данный словарь является универсальным справочником по современному русскому языку, рассчитанным на широкую пользовательскую аудиторию. В словаре содержится лексика всех стилистических пластов и литературных жанров, в которых функционирует русский язык на протяжении XX в. Первое издание словаря вышло в 1998 году, второе, без изменений и дополнений, – в 2008 году, которое легло в основу составления картотеки. Изучаемые слова представлены всеми знаменательными частями речи. Тематически лексика является разнородной. Полный объем изучаемых русских лексико-семантических вариантов составил **808** единиц.

Материалом исследования для английского языка стала картотека негативно-оценочных слов (ЛСВ), извлеченная путем сплошной выборки из толкового словаря

«Shorter Oxford English Dictionary», 6-е издание которого вышло в 2007 году. Негативно-оценочные английские слова (ЛСВ) представлены всеми полнозначными частями речи. Тематически лексика является разнородной. Полный объем изучаемых английских лексико-семантических вариантов составил **975** единиц.

Основными методами, используемыми в данной работе, являются описательный, сопоставительный, в рамках которого проводится историко-семантический анализ, метод словарных дефиниций, также применялся прием сплошной выборки материала из лексикографических источников.

Результаты и их обсуждение. Как показывает языковой материал, лексемы, указывающие на социальное происхождение человека, а особенно низкое, с особой легкостью подвергаются процессам пейорации и начинают функционировать в неодобрительном или уничижительном значениях. Примеры подобных слов в достаточном количестве обнаруживаем в обоих исследуемых языках – русском и английском, что дает основание говорить о существовании такой модели изменения слов, как ‘человек низкого социального происхождения’ → ‘грубый, вульгарный человек’.

В русском языке такие единицы, как *лакей, плебей, холоп, челядь* и т.д., в XIX в. подверглись процессу ухудшения значений. Ср.: *Ну, будь мы какие-нибудь плебеи, необразованные, тогда бы помирилась я с этим житьем, <...>* (А.П. Чехов. *Конь и трепетная лань*, 1885–1886). В словаре под ред. С.А. Кузнецова в семантической структуре лексемы *плебей* фиксируется значение ‘о человеке невежественном, грубом, с вульгарными манерами’ (БТС). В английском языке также выделяется группа оценочных номинаций человека, связанных с его положением в обществе. Так, в ранний новоанглийский период объектом оценки становится человек незнатного происхождения, младший по званию, рангу и т.д. Например, прилагательное и существительное *plebeian* (<лат. *plēbēi-us* ‘относящийся к плебейам’ + *-an*) в английском языке впервые отмечены в 1566 г. и 1533 г. соответственно. У существительного исходное значение определялось как ‘плебей, римский гражданин незнатного происхождения’. В 1586 г. указанная лексема зафиксирована в расширительном значении ‘человек низкого происхождения, простолоудин’, а со второй половины XVII в. она начала употребляться в образном негативно-оценочном значении ‘плебей, низкий, некультурный человек’, ср.: *If the Philosophers themselves be such fools, what are*

the Plebeians? ‘Если сами философы такие глупцы, то что говорить о невеждах?’ (1668) (OED, XI). У прилагательного современное негативно-оценочное значение ‘низкий, некультурный, вульгарный’ отмечено раньше, чем у существительного – в 1615 г. (OED, XI).

В данном случае на расширение семантической структуры слова оказывает влияние внеязыковой фактор. Очевидно, помимо определенного пренебрежения к людям низшего сословия со стороны правящих кругов, можно констатировать отсутствие у первых доступа в то время к элитному образованию, благородному воспитанию, а также безграмотность и т.д. Все это привело к появлению стереотипа: человек низкого социального происхождения – некультурный и грубый человек. Любопытно, что в английском и русском языках впервые негативно-оценочные значения в рассмотренных примерах фиксируются, по крайней мере по письменным источникам, в период становления нормы и развития литературных языков на национальной основе. В английском языке – XVII в., в русском – XIX в.

Еще одним примером аналогичного оценочного перехода может послужить модель семантической деривации ‘помещение для солдат’ → ‘некрасивое, унылое здание’. Так, в русском языке заимствованное слово *казарма* [< нем. *Kasarm* (-е), *Kaserne* < итал. *caserma* < фр. *caserne*] впервые отмечено в самом начале XVIII в. в значении ‘помещение для солдат, боеприпасов и др. под городским валом, в крепостной стене; каземат’ (СлРЯ XVIII в., вып. 9). Известно, что в XIX в. оценочных значений у данной единицы не фиксировалось (СЦСРЯ, II), а в первой половине XX в. уже отмечено переносное неодобрительное значение с пометой *разг.* ‘некрасивое, неуклюжее здание, построенное по казенному шаблону’ (ТСРЯ, I). Подобный переход отмечаем в семантической структуре лексемы *барак*. Известно, что данная единица была заимствована в начале XVIII в. [< исп. *barraca*, через фр., нем. *baraque*] и употреблялась в значении ‘легкое строение для солдат, для больных (в лагере, в крепостном валу)’ (СлРЯ XVIII в., вып. 1). Как свидетельствует корпус текстов, примерно со второй половины XIX в., рассматриваемое слово употребляется в презрительном значении. Ср.: <...> *В контракте только сказано, что выстроить столько-то зданий, такой-то величины, но каким способом – не указано.* [Мирович (выйдя, наконец, из себя и тоже сильно уже возвыся голос)]. *Но ведь-с вы-*

строены не здания, а бараки! [А.Ф. Писемский. Ваал, 1873].

В английском языке лексема *barrack* также является заимствованием [< фр. *baroque* < итал. *baracca* или < исп. *barraca*] второй половины XVII в. Первоначально слово употреблялось в двух значениях ‘a temporary hut or cabin’ (‘временная хижина’), которое в настоящее время считается вышедшим из употребления, и ‘a set of buildings used as a residence for soldiers’ (‘ряд строений, используемых для размещения солдат’), которое употребляется до сих пор. От этого значения в результате метафорического переноса возникает негативно-оценочное значение ‘any large austere building suggestive of a military barracks’ (‘любое большое неприветливое здание, напоминающее военную казарму’) и впервые фиксируется в письменных источниках в начале XIX в. (SOED, I).

Аналогичные оценочные семантические преобразования некоторых слов, не обусловленные ни контактами, ни генетическими факторами, позволяют говорить о некоторых универсальных оценочных тенденциях. В качестве следующего примера рассматриваются, с одной стороны, русские слова *любитель*, *дилетант* и с другой – английские *amateur*, *dilettante*.

Лексема *дилетант*, которая в современном русском языке имеет неодобрительное значение ‘о ком-л., плохо разбирающемся в чем-л.’ (БТС), согласно Л.П. Крысину, является заимствованием из итальянского языка при немецком посредничестве [< нем. *Dilettant* < итал. *dilettante* < *delettare* ‘развлекать, веселить’] (Крыс.). Лексикографически слово впервые фиксируется в «Словаре церковно-славянского и русского языка» (1847) (СЦСРЯ, I) в единственном значении как музыкальный термин ‘занимающийся пением или игрой на каком-либо инструменте по любви к музыке, а не по обязанности’. Слово *любитель* впервые отмечено в письменных памятниках русского языка XI в., и до XVIII в. оно функционировало в единственном нейтрально-оценочном значении ‘тот, кто имеет склонность, пристрастие к чему-л.’ (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 8). В.В. Виноградов, анализируя историю лексем *любитель* и *дилетант*, писал: «Изменения в экспрессивной окраске слов отражают общественную переоценку тех или иных явлений и понятий. Например, слова *любитель* и *дилетант* до 20–30-х гг. XIX в. при господстве дворянско-аристократической речевой культуры были окружены светлым, положительным эмоциональным ореолом. <...> Затем с углублением профессионализации и демократизации литера-

турная речь сближается со специальными и научными языками. Слово *профессионал* делается антонимом слов *любитель*, *дилетант*. <...> В середине же XIX в. – в связи с этой переоценкой понятий – укрепляются новые образования с презрительным оттенком» [8, с. 773].

Подобный процесс наблюдается и в английском языке. Латинское заимствование через французское посредничество *amateur* [< фр. *amateur* < лат. *amatorem* < *amare* ‘любить’] известно по письменным источникам с 1784 г. в положительно-оценочном значении ‘любитель чего-л.; тот, кто разбирается в чем-л.’ (OED, I). Его синоним итальянского происхождения *dilettante* [< итал. (прич. наст. времени < *dilettarsi*) < лат. *delectare* ‘восхищать’], впервые отмеченный в XVIII в., также употреблялся в положительном значении ‘любитель изобразительного искусства’ (OED, IV). В первой половине XIX в. у обоих слов – *amateur* и *dilettante* – фиксируется презрительное значение ‘непрофессионал’ (OED, I; OED, IV).

Таким образом, можно говорить об аналогичной оценочной семантической модели ‘любитель’ → ‘дилетант, непрофессионал’, которая зафиксирована и в английском, и в русском языке. Развитие пейоративных значений по данной модели произошло в результате бурного научно-технического развития, политических и экономических событий в XIX в., которые существенным образом влияли на лексику языка.

Наше исследование показало, что семантические изменения являются одним из основных источников пополнения подсистемы пейоративной лексики современных русского и английского языков. И в русском, и в английском языке можно наблюдать аналогичные модели, по которым оформляются производные негативно-оценочные единицы, не обусловленные ни генетически, ни контактами языков.

Принятые сокращения

OED – The Oxford English dictionary: in 20 vol. / prepared by J.A. Simpson, E.S.C. Weiner. – 2nd ed. – Oxford: Clarendon Press, 1989. – 20 vol.

SOED – Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles: 2 vol. / ed. by L. Brown (ed.-in-chief) [and others]. – 6th ed. – New York: Oxford University Press, 2007. – Vol. 1: A – M; Vol. 2: N – Z. – 3742 p.

БТС – Новейший большой толковый словарь русского языка / [авт. и рук. проекта, гл. ред.

С.А. Кузнецов]. – СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ: РИПОЛ классик, 2008. – 1536 с.

Крыс. – Крысин, Л.П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов: свыше 25000 слов и словосочетаний: 2000 иллюстраций: наиболее употребительные иностранные слова, вошедшие в русский язык в XVIII–XX и начале XXI века / Л.П. Крысин; РАН. – М.: Эксмо, 2008. – 863 с.

СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв.: в 27 вып. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: Р.И. Аванесов (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1975–2006. – 27 вып.

СлРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века: в 16 вып. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: Ю.С. Сорокин (гл. ред.) [и др.]. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984–2006. – 16 вып.

СЦСРЯ – Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отд-нием Императ. Акад. наук: в 4 т. – СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1847. – 4 т.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка: в 4 т. / редкол.: Д.Н. Ушаков (гл. ред.) [и др.]. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»: ОГИЗ, 1935–1940. – 4 т.

Литература

1. Падучева, Е.В. Динамические модели в семантике лексики / Е.В. Падучева. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
2. Зализняк, А.А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» / А.А. Зализняк // Вопросы языкознания. – 2001. – № 2. – С. 13–25.
3. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр; пер. с фр. А.М. Сухотина, перераб. по 3-му изд. А.А. Холодовичем, вступ. ст. А.А. Холодовича // Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр; пер. и под ред. А.А. Холодовича. – М.: Прогресс, 1977. – С. 31–285.
4. McMahon, A.M.S. Understanding language change / A.M.S. McMahon. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 361 с.
5. Покровский, М.М. Избранные работы по языкознанию / М.М. Покровский. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 382 с.
6. Трубачев, О.Н. Труды по этимологии: слово, история, культура: в 2 т. / О.Н. Трубачев. – М.: Яз. слав. культуры: А. Кошелев, 2004. – Т. 1. – 798 с.
7. Апресян, Ю.Д. Избранные труды: в 2 т. / Ю.Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры»: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. – 767 с.
8. Виноградов, В.В. История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / В.В. Виноградов; отв. ред. Н.Ю. Шведова; РАН, Ин-т рус. яз., Отд-ние лит. и яз. – М.: Толк, 1994. – 1136 с.

Поступила в редакцию 08.11.2013 г.

Принята в печать 30.12.2013 г.

УДК 811.111'271

Англоязычные сокращения чата как явление межкультурной коммуникации

Воробьева О.И.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машиерова», Витебск

В статье рассматривается функционирование широко распространенных в англо- и русскоязычных компьютерных чатах английских сокращений в аспекте межкультурной коммуникации. В ходе проведенного исследования выявлены причины появления многочисленных сокращений в чатах, определены их функции, охарактеризованы особенности образования и употребления англоязычных сокращенных единиц различных структурно-семантических типов, обозначены межкультурные различия в использовании сокращений на русском и английском языках, обнаружены основные способы их перевода на русский язык. Выявлено, что выбор того или иного способа передачи английских сокращений на русском языке в целях эффективного межкультурного общения зависит от таких факторов, как анализ контекста и структуры сокращенной единицы, учет сферы общения в чате, установившихся традиций передачи определенных групп сокращений и прагматического значения аббревиатуры.

Ключевые слова: сокращения, чат, межкультурная коммуникация.

(Ученые записки. – 2013. – Том 16. – С. 136–143)

English Chat Shortenings as a Phenomenon of Cross-cultural Communication

Vorobyova O.I.

Educational establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article deals with the functioning of English shortenings widespread in the English and Russian language chats in the aspect of cross-cultural communication. In the process of the carried out research reasons for the appearance of numerous shortenings in computer chats are stated, their functions are defined, peculiarities of the formation and usage of English shortened units of different structural and semantic types are characterized, intercultural differences in the use of Russian and English shortenings are marked, main methods of their translation into Russian are found out. It is stated that the choice of the way of rendering English shortenings into Russian in search for effective intercultural communication depends on such factors as contextual analysis, shortening structure, chat sphere of communication, settled traditions of rendering certain shortening groups and pragmatic meaning of an abbreviation.

Key words: shortenings, chat, cross-cultural communication.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 16. – P. 136–143)

В условиях расширяющегося информационного пространства роль компьютерно опосредованной коммуникации возрастает, поскольку она протекает практически в режиме реального времени и позволяет эффективно решать проблемы различного характера – бытовые, деловые, коммерческие и др. В текстах виртуальной коммуникации в сети Интернет объективируются как индивидуально-психологические характеристики адресанта, так и специфические особенности лингвокультурной общности, представителем которой является коммуникант. В условиях принадлежности коммуникантов к разным лингвокультурным рам увеличивается степень риска появления

коммуникативного сбоя и недопонимания. В случае недостаточной подготовки коммуникантов к реализации социальных ролей, незнания закономерностей коммуникативных отношений, в которые они вступают в рамках этих ролей, несоответствия языков, кодовых систем, тезаурусов отправителя сообщения и реципиента возникают коммуникативные межъязыковые барьеры. Успешная коммуникация представителей различных лингвокультур детерминирована выбором языковых средств и их речевым оформлением, а также следованием участниками процесса общения единым коммуникативным стратегиям. Межкультурное взаимодействие эффективно, если адекватно

Адрес для корреспонденции: e-mail: olhav@rambler.ru – О.И. Воробьева

«расшифрованы» вербальные и невербальные коды, паттерны поведения коммуникантов.

Пользующийся популярностью в настоящее время чат представляет собой средство обмена сообщениями по компьютерной сети в режиме реального времени. Стиль общения в нем свободный, непринужденный и спонтанный, это стиль «легкой беседы». В то же время, это и стиль «быстрого» спора, обсуждения, возможно, серьезного. Чат значительно облегчает стандарты деловой переписки, в нем, как известно, решаются деловые проблемы, разрабатываются проекты, заключаются договоры, осуществляется сотрудничество с компаниями на мировом уровне. Таким образом чат становится каналом диалога, каналом миграции культурных смыслов, каналом влияния на процесс самоидентификации субъекта культуры. Чат создает многокультурную среду общения, он калькирует «мозаичность» современной культуры.

Обмен электронными сообщениями несет в себе возникновение новых форм взаимодействия, выработку своеобразного интернет-этикета, предусматривающего формирование собственной нормы и системы экспрессивных клише. Текст в «электронных беседах» пишется так, как слышится: опускаются слова, переставляются части фраз, широко используются идиоматические выражения и т.д. «Цветами красноречия» электронного дискурса становятся свойственные разговорной речи короткие, рубленые фразы, лаконизмы, а также эмодзи – эмоционально-окрашенные значки, выполняющие роль своеобразных компенсаторов визуального контакта и призванные передать ту невербальную информацию, которая традиционно присутствует в реальном устном общении (мимику, жесты). В число таких риторических средств попадают и многочисленные сокращения, без знания которых человеку, общающемуся в сети для налаживания контактов, позитивной самопрезентации, культурного обмена, не обойтись. Современный мир межкультурной компьютерно опосредованной коммуникации отличается использованием англоязычных сокращений, что требует корректной трактовки сокращений современного английского языка.

Цель данного исследования – определение специфики употребления английских сокращений в чате, выявление способов их перевода на русский язык, что должно, на наш взгляд, обеспечить более эффективное межкультурное взаимодействие.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили англоязычные сокра-

щения, отобранные методом сплошной выборки из текстовых сообщений англо- и русскоязычных чатов различной тематической направленности (бизнес, работа, учеба, знакомства, любовь, дети, развлечения, здоровье, музыка, кино, спорт и др.) [1–3], а также из электронных словарей, содержащих английские аббревиатуры и их перевод на русский язык [4]. Для решения поставленных задач использовались структурные методы морфемного и словообразовательного анализа, для исследования лексического значения применялись семантический и контекстный анализ. Методологической основой работы послужили труды лингвистов, посвященные лингвистическим, психолингвистическим и когнитивным аспектам формирования аббревиатур, их переводу [5–7], а также исследования в области электронного дискурса и межкультурной коммуникации [8–11].

Результаты и их обсуждение. На протяжении последних десятилетий в современных европейских языках увеличивается количество аббревиатур и возрастает частота их употребления, а аббревиация становится одним из ведущих способов словообразования. Сокращения в современных языках являются достоянием всего языкового сообщества, отражая важные социальные понятия, которые употребляются для обозначения предметов реальной действительности, в повседневной жизни, политике, науке, экономике и т.д. Аббревиация как лингвистическое явление встречается в различных стилях речи, обнаруживается в текстах разнообразного характера: рекламных объявлениях, газетных статьях, инструкциях, научно-публицистических трудах, научных, профессиональных текстах. Чаты изобилуют аббревиатурами, и это неудивительно, так как главное здесь – скорость ответа. Новые сокращения появляются ежеминутно, наиболее характерны сокращения по первым буквам, а также комбинированные аббревиатуры и акронимы. Ряд сокращенных единиц употребляется в ограниченном контексте, предназначенном для определенной социальной группы. Так, в чатах, где общается сообщество программистов, можно встретить множество аббревиатур профессиональной компьютерной сферы, а если чат посвящен какой-то игре, то, соответственно, общаться там будут на языке геймеров, т.е. игроков. У неопытного русскоговорящего пользователя могут возникнуть трудности с английскими сокращениями слов типа *lol*, *imho* и т.д. Это устоявшиеся сокращения шаблонных англий-

ских фраз. Поскольку Интернет впервые появился в Соединенных Штатах Америки и долгое время преобладающим языком сети оставался именно английский, весь сетевой жаргон имеет англоязычные корни.

Проблемы сокращенных лексических единиц как специфического языкового явления в современных языках привлекали внимание многих исследователей. В трудах лингвистов выявлены лингвистические факторы появления и активизации сокращений в современном английском языке, рассмотрены подходы к их исследованию и классификации, проанализированы внешние факторы развития процесса аббревиации. Особый исследовательский интерес представляют механизмы образования сокращенных слов, их структурно-семантические особенности, специфика функционирования в современном английском языке. Однозначного определения сокращений в настоящее время не существует, различны мнения ученых и о специфике функционирования аббревиатур в языке. До сих пор остается много неясного в вопросе о природе сокращений, об их взаимосвязи с системой языка, нет строгой, четкой классификации структурных типов сокращенных единиц, не приведен строгий научный анализ особенностей отдельных структурных типов. Чрезвычайно много неясного в вопросе о лексико-семантических особенностях сокращений, закономерностях их семантического развития. Перевод аббревиатур и сокращений всегда являлся актуальной темой для изучения, но в последнее время ему уделяется особое внимание.

Сокращение определяется как единица письменной или устной речи, созданная из отдельных элементов графической или звуковой оболочки исходной полной формы (слова или словосочетания), с которой данная единица находится в определенной лексико-семантической связи. Аббревиация присуща не только английскому, но и другим языкам, и причины, вызывающие ее развитие, следует искать в общих законах развития человеческого общества, организации человеческой памяти и восприятия.

Проблема происхождения сокращений имеет важное значение для понимания их сущности и закономерностей их функционирования в языке. Одна из причин употребления сокращений в интернет-сети – тяготение к необычности, словесным новшествам. Интернет активизирует внимание коммуникантов к тем языковым средствам, которыми они пользуются. В чате можно спокойно писать

opinion (англ. *opinion* 'мнение'), на это просто никто не обратит внимания. Зато использование *imho*, или *IMHO* = *in my humble opinion* 'по моему скромному мнению', – признак того, что человек не первый день в Интернете, а значит, с ним, теоретически, есть о чем разговаривать. Кроме того, виртуальные личности становятся творцами новых вербальных и невербальных средств общения, творят не только само виртуальное пространство, но и язык, на котором этот социум общается. Особенно ярко это проявляется в чате, где реализуется базовое стремление человека к творческому самовыражению. «Раскрепощение личности в Интернете, ликвидация психологических барьеров, смещение акцента с результата, то есть с потребления текстов, на сотворческий процесс их созидания несомненно вызовет волну языкового творчества, нового отношения к языку, не только как к средству производства, но и как к форме выражения собственных творческих способностей» [8, с. 64].

К причинам появления сокращений, наряду с направлением к созданию экспрессивных единиц или «требованием к эмоционально-стилистическому разнообразию», относится установка на экономию. Суть аббревиации заключается в обеспечении передачи максимального количества информации (смыслового содержания) при минимальном использовании материальной оболочки языка (звуковой оболочки и графической формы), то есть в повышении эффективности коммуникативной функции языка. Распространению аббревиатур в языке способствует их броский, необычный, экстравагантный вид, полная адекватность ускоренному ритму жизни, спрессованности событий; особо уместны сокращенные единицы в Интернете, где сам человек оказывается редуцированным до набора вербальных сообщений (разной степени истинности и подробности). Таким образом, анализ сокращений позволяет выделить ряд их функций в чате, таких, как компрессия информации, экономия трафика и времени пребывания в сети, повышенная маркированность текста, передача эмоционального состояния коммуникантов, языкотворческий процесс, в который они вступают.

Классификация сокращений крайне затруднена специфичностью их структуры, большой вариативностью, возможностью взаимодействия различных способов аббревиации с другими способами словообразования. Помимо структурных, в современном

языкознании разрабатываются также прагматические основания для классификации аббревиатур [12]. Сокращения подразделяются в зависимости от таких параметров, как территориальный, этнический, классовый, половой, возрастной, профессиональный и, соответственно, от использования сокращений в речи различных социальных, профессиональных, этнических и возрастных групп.

Все сокращенные единицы принято разделять на лексические и графические. Лексическое сокращение – это единица языка, обладающая не только внешней (звуковой) стороной, но и внешне выраженным значением и функционирующая как нечто уже существующее и лишь воспроизводимое в речи. Общепринятой [5; 6] классификацией лексических сокращений является следующая: усечения, слова-портмоне (или стяжения, слияния) и акронимы. Ряд ученых разделяют понятие «акроним» и «аббревиатура» и предлагают интегральный термин для их обозначения «инициализм». Акронимами называют ряды начальных букв (иногда начальных морфем слова или слогов), образующих новую лексическую единицу. Слова-портмоне определяются как слова, образующиеся путем сочетания одной словообразовательной основы (либо ее заместителя в виде сокращения) с окончанием второй исходной основы. Усечение – это сокращенное слово, образованное из начала, середины или конца исходного слова.

Под графическими сокращениями подразумеваются сокращения, применяющиеся только в письменной речи, не имеющие своей особой звуковой формы, реализующейся в устной речи как соответствующая несокращенная форма. Графические сокращения традиционно применяются в письменной речи для обозначения мер, единиц или величин (*kg* = *kilogram* ‘килограмм’, *mph* = *miles per hour* ‘миль в час’). Особую подгруппу составляют графические сокращения латинских слов, в речи воспроизводимые по-английски (*i.e.* = латинское *id est*, английское *that is* ‘то есть’). К тому же типу графических сокращений относятся и принятые на письме обозначения некоторых денежных знаков, например *l* (лат. *libra*, англ. *pound* ‘фунт’). Специфически английский подтип сокращений – полусокращения, т.е. комбинации аббревиации одного члена словосочетания с полной основой другого (*A-bomb* = *atomic bomb* ‘атомная бомба’; *V-day* = *Victory day* ‘день Победы’). Подобные полусокращения близки к символам, что подтверждается и широким рас-

пространением слова *X-mas* ‘Рождество’, первая часть которого не что иное, как замена имени *Christ* ‘Христос’ символом креста. Графические сокращения также подразделяются на точечные, дефисные, косослинейные, курсивные, нулевые, комбинированные.

В чате легко обнаруживается тематическая обусловленность сокращений. В зависимости от «комнаты» – темы чата, в которой происходит общение, сокращенная единица может относиться к одной из следующих сфер: 1) интимно-личной (*SUP* = *what's up* ‘как дела?’; *BF* = *BoyFriend* ‘любимый парень’; *TTFN* = *Ta ta for now* ‘пока’); 2) социальной (*PMJI* = *Pardon My Jumping In* ‘простите, что вмешиваюсь’; *WLC* = *you are welcome* ‘пожалуйста’); 3) сфере информационных технологий (*SEO* = *search engine optimization* ‘SEO (поисковая оптимизация)’; *DL* = *distribution lists* ‘список рассылки’); 4) экономической сфере (*IMF* = *International Monetary Fund* ‘Международный валютный фонд’; *IT* = *income tax* ‘подходный налог’; *F.O.T.* = *free of tax* ‘освобожденный от обложения налогом’). Употребляются сокращения, выражающие приветствие (*WB* = *welcome back* ‘с возвращением’, *LTNT* = *long time no type* ‘долго не писал’), положительные эмоции (*GR8* = *Great* ‘великолепно’), недовольство (*ONNA* = *Oh no, not again* ‘о нет, не опять’), благодарность (*10X* = *Thanks* ‘спасибо’; *TFHAOT* = *Thanks for help ahead of time* ‘заранее спасибо за помощь’), используемые при знакомстве (*F2F* = *Face to face* ‘лицом к лицу’; *SUP* = *What's up* ‘как дела’), прощания (*WBW* = *With Best Wishes* ‘с наилучшими пожеланиями’; *HAND* = *have a nice day* ‘хорошего дня’), в качестве устойчивых выражений (*TIE* = *take it easy* ‘не волнуйся’; *AFAIK* = *as far as I know* ‘насколько я знаю’, *ASAP* = *as soon as possible* ‘насколько возможно’, *BTW* = *by the way* ‘между прочим’).

В ходе исследования мы выявили, что среди лексических сокращений в чате преобладают сокращения инициального типа, составленные из начальных букв компонентов словосочетания, т.е. аббревиатуры: *IT* = *Information Technologies* ‘информационные технологии’; *IP* = *Internet Protocol* ‘протокол интернета’; *IRC* = *Internet Relay Chat* ‘специальный сервер в сети Интернет, обеспечивающий возможность проведения интерактивной конференции в реальном времени’. Реже встречаются аббревиатуры из сочетания начальной части (буквы) слова с целым словом, не подвергшимся сокращению, напри-

мер, *intercommunication* = *international communication* ‘международная коммуникация’, сокращения, отличительной чертой которых является включение в структуру аббревиатуры финальной части слова: *e-zine* = *electronic magazine* ‘электронный журнал’; *Wizop* = *Wizard Sysop* ‘великолепный системный оператор’; *Ebone* = *European backbone* ‘Европейская опорная магистральная сеть’, а также сокращения слогового типа, т.е. составленные из начальных слогов слов, образующих словосочетание, например: *Wi-Fi* = *Wireless Fidelity* ‘вай-фай’; *inco* = *International commerce* ‘международная торговля’. Достаточно употребительны сокращения-акронимы: *WAN* = *Wide Area Network* ‘глобальная сеть’; *forex* = *foreign exchange* ‘иностранная валюта’; *FIRST* = *Forum of Indecent Response and Security Teams* ‘Форум для координации действий при возникновении инцидентов и угроз для безопасности компьютерных сетей’; *SATAN* = *Security Administrator Tool for Analysing Networks* ‘средства администратора для анализа безопасности сети’; *VAT* = *value added tax* ‘налог на добавленную стоимость’. Среди усечений распространены апокопические слоговые сокращения, в которых сохраняется начальная часть слова, а его конечная часть усекается: *sig* = *signature* ‘подпись’; *interstit* = *interstitial advert* ‘промежуточная реклама, вставка’.

В результате анализа отобранного для исследования языкового материала мы обнаружили следующие группы графических сокращений, используемые в чате.

1. Инициальные сокращения, или сигли, являющиеся наиболее экономным типом графических сокращений в электронной коммуникации. Сокращаются отдельные слова: *l* = *laugh* ‘смех’; *s* = *smile* ‘улыбка’; *g* = *grin / giggle* ‘ухмылка / хихикание’; *h* = *hour* ‘час’; словосочетания: *atw* = *at the weekend* ‘на выходных’; *iow* = *in other words* ‘другими словами’; *otoh* = *on the other hand* ‘с другой стороны’; предложения: *iirc* = *if I remember correctly* ‘если я правильно помню’; *istm* = *it seems to me* ‘мне кажется’; *awgthtgta?* = *are we going to have to go through this again?* ‘мы должны будем пройти через все это опять?’. Сокращение часто используемых в разговорной речи словосочетаний и предложений представляет собой отличительную особенность аббревиации в чате.

2. Консонантные сокращения, или контратуры (*hrs* = *hours* ‘часы’; *pls* = *please* ‘пожалуйста’; *prpl* = *people* ‘люди’) и слоговые сокращения, или суспензии (*sig* = *signature file* ‘файл сигнатуры’; *exch* = *exchange* ‘обмен’; *enq* =

enquiry ‘запрос’; *excl* = *exclamation mark* ‘восклицательный знак’).

3. Сокращения, содержащие в своем составе буквенные (*tvm* = *thank you very much* ‘спасибо вам большое’; *wuw* = *wish you were here* ‘жаль, что вас здесь нет’; *ruok* = *are you OK* ‘все ли нормально’; *ICQ* = *I seek you* ‘я ищу тебя’), цифровые (*2bctnd* = *to be continued* ‘продолжение следует’; *2l8* = *too late* ‘слишком поздно’), буквенно-цифровые (*2g4u* = *too good for you* ‘слишком хорош для тебя’; *w4u* = *wait for you* ‘жду тебя’) символы вместо слов. Цифровые символы могут заменять в аббревиатуре полное слово или часть слова: *1LT* = *first lieutenant* ‘первый лейтенант’, *F2F* = *Double Frequency* ‘двухчастотный’; *m8* = *mate* ‘приятель, друг’. Числительные 2 (*two*) ‘два’ и 4 (*four*) ‘четыре’ употребляются вместо созвучных с ними служебных слов *to* и *for*: *B2B* = *Business to Business* ‘бизнес для бизнеса’; *j4f* = *just for fun* ‘просто для удовольствия’. Цифры могут также указывать на количество следующих друг за другом однобуквенных сокращений: в сокращенной единице *D2B* = *Domestic Digital Bus* ‘домашняя цифровая магистраль’ *D2* заменяет группу *DD*, то есть описывает структуру самой аббревиатуры.

4. Сокращения, передающие не звуковую сторону сообщения, а его содержание: слово, предложение или текст (т.е. пиктограммы). Иконические пиктограммы в чате представлены эмоджонами / эмограммами / смайлами (:*-D* означает, что человек смеется; :*-(* – что он расстроен). Существуют также символические пиктограммы, представляющие собой самые различные знаки, заменяющие понятия и не имеющие внешнего сходства: *X!* = *typical woman* ‘типичная женщина’; *Y!* = *typical man* ‘типичный мужчина’; *Cof\$* = *Church of Scientology* ‘Церковь Саентологии’.

Несмотря на распространение аббревиатур и в русском языке, авторы сообщения в русскоязычном чате стремятся использовать англоязычные сокращения или их перевод. Например: *А что это никто не спросил – а где ваши варианты перевода? :) В Штатах не прокатит (AFAIK) [2]. После курса антибиотиков (у ребенка был вирусный пиелонефрит в 6 месяцев) врач рекомендовала нам Бифидумбактерин форте ... кишечник восстановился быстро, никаких проблем не было. Привыкания тоже не было. ИМХО, не нужно ждать пока «само восстановится», зачем ребенка мучить... [3].*

Перевод аббревиатур осуществляется с помощью специализированных словарей сокращений, куда включены, как правило, традиционные устойчивые варианты употребления сокращений. Выбор того или иного способа передачи англоязычного сокращения на русский язык зависит от многих факторов, в том числе от структуры сокращения, установившихся традиций передачи тех или иных групп сокращений, а также от характера текста. При переводе сокращений чата необходимы анализ контекста, учет сферы общения в чате, анализ структуры сокращенной единицы, стилистический анализ сообщения. Например, в состав сокращений, помимо букв, могут входить дополнительные знаки: точки, косые линии, дефисы, скобки, элемент & и т.д. Переводчику нужно знать функции подобных знаков для того, чтобы грамотно расшифровывать сокращения. Так, косая линия может обозначать границы слов и частей слов, заменять предлоги и союзы, предоставлять дополнительную информацию к основной части (*F/C = flight control* ‘система управления полетом’; *o/no = order number* ‘номер заказа’; *L/A = lighter than air* ‘легче воздуха’; *DCS/O = Deputy Chief of Staff, Operations* ‘Заместитель начальника штаба по боевым действиям’).

К основным способам передачи на русский язык англоязычных сокращений в чате мы отнесли следующие: передача английского сокращения эквивалентной русской аббревиатурой, заимствование сокращения, транслитерация, транскрипция, перевод полной формы сокращения, перевод расшифровки (полной формы сокращения) и создание на его основе русской аббревиатуры, калькирование и описательный перевод сокращения.

В ряде случаев в чате сокращения передаются эквивалентной русской аббревиатурой. Например: *<badon> Should I buy 600 old computers and resell?* ‘Стоит ли мне купить 600 старых компьютеров и перепродать?’ *<Taso> PCs Don't Die. Ever wonder how PCs get recycled?!* ‘ПК не умирают. Когда-либо интересовались, как перерабатываются ПК?!’. PC (personal computer) – персональный компьютер (ПК).

Нередко можно встретить заимствование сокращения в исходном виде, то есть включение его в русский текст в той форме, в которой оно используется в языке-источнике. Например, *ROI = Return on Investment* – финансовый коэффициент, иллюстрирующий уровень доходности или убыточности бизнеса, учитывая сумму вложенных в этот бизнес инвестиций: *<MartinMc> I think social media*

marketing takes generally one of two roads: A, the super-low cost, high ROI bootstrapping way or B, the high end, professionally done job. ‘Я думаю, что социальный маркетинг СМИ идет по одной из двух дорог: А, супернизкая цена, высокий ROI, путь раскручивания или В, верхний уровень, профессионально сделанная работа’.

Для перевода некоторых инициальных сокращений может использоваться транслитерация сокращения русскими буквами: *<Taso> You need some guidance. If you stick to North American imports, such as from Canada and Mexico, you can take advantage of NAFTA. Outside North America, you can utilize brokers or distributors to handle things for you* ‘Вы нуждаетесь в некотором руководстве. Если Вы придерживаетесь североамериканского импорта, такого, как из Канады и Мексики, Вы можете использовать в своих интересах NAFTA. За пределами Северной Америки Вы можете использовать брокеров или дистрибьюторов, чтобы производить транспортную обработку грузов за Вас’. NAFTA (North American Free Trade Agreement) – Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА).

При передаче на русский язык многих акронимов широко применяется транскрипция. Например, *CPAP machine* в русском языке передается как *аннапам СИПАП*: *<krebs95> Does anybody know how much CPAP costs? ‘Кто-нибудь знает, сколько стоит аппарат СИПАП?’*

Вряд ли можно проследить, какие единицы транскрибируются / транслитерируются, а какие подлежат переводу. Намечается тенденция к перенесению без изменений более популярных, с международным значением сокращений: названия организаций, институтов, обществ. Широко распространенное в чатах сокращение *Lol*, включенное в Оксфордский словарь, может транслитерироваться в русском языке как *лол*, а может переводиться *смеюсь громко, ухахахаха, ржу не могу*. Порой, его можно перевести и так: *такую чушь лягнули, что я под столом валяюсь*, что, вероятно, зависит от прагматического основания употребления аббревиатуры (употреблена ли она с юмором, сарказмом, издевкой и т.д.).

Возможно также использование таких переводческих приемов, как калькирование аббревиатуры *message – месидж* (либо намеренно искаженное *месаг*), *device – девайс, to click – кликать* и описательный перевод: *B&B – Bed and Breakfast – услуги гостиницы, включаю-*

щие *ночлег* и *завтрак*. Широко применяется перевод расшифровки сокращения (полной формы), а также перевод полной формы и создание на базе перевода русского сокращения: «@Juzzy» *Wonder if I should try to make my game more like an rpg, where you gain levels and you can only attack: D* ‘Мне интересно, должен ли я попытаться сделать свою игру больше как **ролевою**, где Вы получаете уровни и можете только напасть’ «*tearner*» *Think it should be like an rpg, but ignore the concept of levels, instead of level think of some type of grid where action, reaction determines outcome.* ‘Думаю, что она должна быть как **ролевая**, но не используйте понятие уровней, вместо уровней подумайте о некотором типе сетки, где действие, реакция определяет результат’. RPG = role-playing game – ролевая игра; :D – пиктограмма, обозначающая смех.

При работе с сокращениями, при их расшифровке и переводе следует учитывать, в частности, то обстоятельство, что так называемая «расшифровка» (полная форма) не всегда раскрывает истинное значение сокращения. Особую трудность для перевода представляет окказиональная, или спонтанная, аббревиация, при которой адресант сообщения (он же автор аббревиатуры) не эксплицирует лексико-семантическую связь между исходным наименованием и аббревиатурой, которую он создает. При этом адресант в большинстве случаев полагает, что реципиенту (такому, каким он его себе представляет) все ясно и без расшифровки, то есть адресант действует абсолютно осознанно. Выбор способа перевода сокращения в данном случае будет зависеть от таких характеристик коммуниканта, как его социальная принадлежность и модальность его сообщения. Адекватный перевод аббревиатур в значительной степени зависит от наличия у переводчика знания о причине использования той или иной сокращенной единицы в конкретном контексте (в том числе и о том, почему была употреблена именно аббревиатура, а не единица полной номинации). В данном случае необходим тщательный анализ контекста употребления сокращенной единицы в чате, предпочтительны такие способы перевода, как полная расшифровка аббревиатуры и описательный перевод.

Главной причиной, вызывающей объективные сложности при переводе сокращений, является наличие у аббревиатур подлежащей логической реконструкции внутренней структуры. Вместе с тем, в ряде случаев сокращенные единицы легко поддаются расшифровке

именно благодаря мотивированности их внутренней структуры, как, например, *EuCom* = *European Command* ‘Европейское командование’, где отдельные компоненты аббревиатуры начинаются с прописной буквы.

Заключение. В настоящее время аббревиация стала одним из самых распространенных способов создания номинативных единиц. Различные экстралингвистические и внутриязыковые факторы ускоряют тенденцию к сокращению слов. Подобное явление наблюдается почти во всех странах и национальных языках и обнаруживает как сходство, так и различие в путях своего развития. Широкое использование сокращений в Интернете – это своего рода ответ языка на происходящие в мире глобализацию и интернационализацию. Сама сущность переводческой работы предполагает выполнение широкой задачи – обеспечение межкультурной коммуникации. Выбор того или иного способа передачи английских сокращений чата на русском языке зависит от многих факторов, в том числе от характера текста, структуры сокращенной единицы, установившихся традиций передачи тех или иных групп сокращений. Необходим учет прагматического значения аббревиатуры, которое включает информацию о статусе коммуникантов, экстралингвистическом контексте общения, дает возможность наблюдать прагматические факторы, обуславливающие употребление аббревиатур.

Процессы аббревиации, развивающиеся в современных европейских языках, необходимо рассматривать в связи со всеми существенными аспектами проблемы слова: его значения, семантизации внутренней формы слов, их парадигматических, мотивационных и деривационных отношений, информационной и дискурсивной обусловленности. Дальнейшее изучение сокращений компьютерной сети должно быть связано с расширением представлений о тезаурусных (фоновых) знаниях коммуникантов, способах расширения их информационного поля, а также путях билингвистического и бикультурного развития их личности, что, несомненно, будет способствовать оптимизации межкультурного общения.

Литература

1. Live Business Chat [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.livebusinesschat.com>. – Дата доступа: 09.09.2013.
2. Английский язык из первых рук [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.efl.ru>. – Дата доступа: 12.09.2013.

3. Ребенок.ВУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rebenok.by>. – Дата доступа: 17.09.2013.
4. Cambridge learner's dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dictionary.cambridge.org>. – Дата доступа: 18.09.2013.
5. Marchand, H. The Categories and Types of Present-day English Word-formation. A Synchronic-Diachronic Approach / H. Marchand. – Wiesbaden, 1991. – 220 p.
6. Баринава, С.О. Типология англоязычных сокращений, используемых в сети Интернет: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / О.С. Баринава. – СПб., 2008. – 27 с.
7. Галкина, Е.Н. Перевод аббревиатур и акронимов на русский язык / Е.Н. Галкина // Россия и Запад: диалог культур. – М., 2006. – 321 с.
8. Виноградова, Т.Ю. Специфика общения в Интернете / Т.Ю. Виноградова // Русская и сопоставительная филология: лингвокультурологический аспект. – Казань, 2004. – С. 63–67.
9. Бергельсон, М.Б. Языковые аспекты виртуальной коммуникации [Электронный ресурс] / М.Б. Бергельсон. – Режим доступа: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/b/bergelson-text07.doc. – Дата доступа: 21.09.2013.
10. Тер-Минасова, С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации / С.Г. Тер-Минасова. – М., 2008. – 344 с.
11. Lewis, R. When Cultures Collide. Managing successfully across cultures / R. Lewis. – London, 1996. – 771 p.
12. Варфоломеева, И.В. Аббревиатуры современного английского языка: когнитивно-дискурсивный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / И.В. Варфоломеева. – М., 2007. – 26 с.

Поступила в редакцию 05.11.2013 г.

Принята в печать 30.12.2013 г.

УДК 811.161.3+373.611

Словообразовательные типы сложных слов в белорусской лингвистике: проблема идентификации, анализа и определения

Ковалева И.Е.

Белорусский государственный университет, Минск

Статья посвящена проблеме выделения словообразовательных типов сложных слов в современном белорусском языке. Установлены критерии их выделения в научной лингвистической литературе. Выявлены словообразовательные типы композитов в соответствии с частеречной принадлежностью компонентов и проведен их количественный и качественный анализ. Так автор приходит к выводу, что исходя из частеречной принадлежности компонентов, самыми многочисленными по количеству типов являются группы прилагательных и наречий. Далее в порядке убывания количественного состава следует группа сложных существительных. Самой малочисленной оказалась структура к соответствующему словообразовательному типу. В статье обосновывается необходимость при выделении словообразовательных типов сохранять критерий принадлежности компонентов сложного слова к определенной части речи, поскольку каждая часть речи обладает своими особенностями, в том числе и сочетаемостными, что позволяет при дальнейшем изучении композитов объяснить их семантическую организацию.

Ключевые слова: белорусский язык, компонент сложного слова, лексическая единица, словообразовательный тип, сложное слово (композит), часть речи.

(Ученые записки. – 2013. – Том 16. – С. 144–149)

Word-building Types of Compound Words in Belarusian Linguistics: Problem of Identification, Analysis and Definition

Kovaleva I.E.

Belarusian State University, Minsk

The article is devoted to the problem of differentiating word-building types of compound words in the modern Belarusian language. The criteria for the differentiation of word-building composite types in the linguistic literature are given. The word-building types according to the part of speech are revealed and the results of their quantitative and qualitative analysis are presented. The author reaches the conclusion that according to the part of speech the greatest in number compound composites are adjectives and adverbs. Then the group of compound nouns goes. The least numerous one turns out to be the group of verbs. Also in the article the criteria for the classification of composites with an ambiguous structure to the corresponding word-building type are proposed. Besides, it is stated that the criterion based on the part of speech while differentiating word-building types of compound words should be taken into account as each part of speech has its own collocation peculiarities which influence the semantic organization of compound words.

Key words: Belarusian language, component of a compound word, lexical unit, word-building type, compound word (composite), part of speech.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 16. – P. 144–149)

Одним из центральных понятий системы словообразования белорусского языка является словообразовательный тип (далее – СТ), под которым традиционно понимается «формально-семантическая схема построения производных слов определенной части речи, отвлеченная от их конкретных свойств» [1, с. 37]. Таким образом, цель данной

статьи – выявление словообразовательных типов композитов в соответствии с частеречной принадлежностью компонентов и проведение их количественного и качественного анализа, а также предложение принципов отнесения композитов с неоднозначной структурой к соответствующему словообразовательному типу.

Адрес для корреспонденции: e-mail: inru@rambler.ru – И.Е. Ковалева

Актуальность нашего исследования обусловлена тем, что до сих пор не существует единого подхода в определении сложного слова среди белорусских исследователей, несмотря на то, что образование сложных слов является одним из самых продуктивных способов пополнения лексического состава белорусского языка.

Материал и методы. Материалом для анализа послужила картотека сложных слов, собранная методом сплошной выборки из художественных произведений современных белорусских писателей 2-й половины XX в., которая насчитывает более 2000 единиц. В ходе исследования применялись следующие методы: аналитико-описательный, процедура статистической обработки материала, в результате которой проработана частеречная принадлежность компонентов сложных слов в порядке их убывания.

Результаты и их обсуждение. Белорусская лингвистическая литература характеризуется различными подходами при выделении словообразовательных типов сложных слов, которые в структурном плане квалифицируются как единицы, состоящие из двух и более производящих основ (слов) [1–4], либо мотивирующих основ (слов) [5–7]. Разнообразие критериев свидетельствует о стихийно-субъективном характере выделения СТ. Сравнивая различные точки зрения [2–4; 6–12], мы обнаруживаем, что одними исследователями учитывается характер производящих основ, в частности: является ли компонент композита словом или основой. Согласно этому различаются:

1) словосложения – композиты с компонентами, равными самостоятельным словам (*царзвон, канапа-ложак, белы-белы, калі-нікалі*);

2) основосложения – сложные слова с опорным компонентом-основой (*старишакласнік, маслароб, чарназём, двухтысячны*);

3) основословосложения – сложные слова с первым компонентом-основой и опорным компонентом-словом (*лесатундра, законпраект, краявід, аўтацыстэрна, самазагарацца, нападўляжаць*);

4) сращения – сложные слова, образованные в результате соединения компонентов словосочетания в одно целое (*вечназялёны, глыбокапаважаны, малавывучаны, шматабцяцаючы, хто-ніхто, сёе-тое*);

5) сложносокращённые слова как один из видов аббревиатуры (*лясгас, спортінвентар*);

6) сложения со связанными компонентами (*тэкстолаг, фільмаскоп, бібліятэка, газавікаваць*). Под связанным компонентом обычно понимается компонент сложного слова, который не употребляется самостоятельно, а в

связи с другой основой или связанным компонентом [2; 3; 5]. В большинстве случаев связанные компоненты представляют собой заимствованные основы. В некоторых источниках для их обозначения используется понятие аффиксоид [6, с. 23 и др.].

Среди словосложений-существительных принято различать:

а) целостнооформленные лексические образования, в которых склоняется последний компонент (*кілават-гадзіна, генерал-лейтэнант, сарвігалава* и др.);

б) раздельнооформленные образования, состоящие из двух грамматически оформленных лексических единиц (далее – ЛЕ) (*сцежкі-дарожкі, дыван-самалёт, чалавек-тайна, школа-інтэрнат*).

Представляется, что выделяемые типы 4) – 6) могут быть включены в типы 1) – 3). Следовательно, СТ белорусских композитов, выделяемые по характеру компонентов – слово или основа – могут быть объединены в три типа: 1) *слово+слово*, 2) *основа+слово*, 3) *основа+основа*. Сложные существительные, относящиеся к типу *слово+слово*, делятся на целостно- и раздельнооформленные. Основа в типах *основа+слово* и *основа+основа* может усложняться аффиксами (в том числе и нулевым суффиксом), сокращаться либо представлять собой связанный компонент, как правило, иноязычного происхождения.

Некоторые белорусские лингвисты выделяют СТ по характеру основы (производная, непроизводная, усеченная), способу объединения компонентов и участию аффиксации (усложненная аффиксами либо нет) [2, с. 287–353; 3; 6, с. 108–120]. Таким образом композиты делятся на:

1) сложносуффиксальные слова (*збожжанарыхтоўчык, краязнавец, левабярэжны, сярэдневяковы, самаходам, штолета*);

2) нульсуффиксально-сложные слова (*лесавоз, буралом, пустацвет, даўганос, белавокі, стапяцідзесяты, штогод*);

3) префиксально-нульсуффиксально-сложные слова (*крыж-накрыж, перш-наперш*);

4) префиксально-суффиксально-сложные слова (*нападўдарозе, упаўголаса, паўсядзённы, паўсямесны*).

По мнению многих лингвистов (А.Н. Тихонов, М. Докулил, Е.А. Земская, Е.С. Кубрякова и др.) одной из характеристик ЛЕ, относящейся к определенному СТ, является общность части речи производящей основы. Следует отметить, что в белорусском языке выделение СТ сложных слов по частеречному критерию не достаточно систематизировано,

несмотря на то, что имеется ряд исследовательских работ. С учетом принадлежности компонентов композита к определенной части речи выделены типы сложных слов в докторской диссертации и монографии Н.Г. Пригодича [11; 7], сложных прилагательных в исследовательских работах В.Т. Гневко [8; 12], сложных существительных в диссертации З.Ф. Кравченко [9], сложносuffixальных существительных с глагольным компонентом в диссертационном исследовании Л.А. Годуйко [10].

В результате проведенного нами анализа научной и исследовательской литературы, предметом изучения которой является сложное слово, все разнообразие СТ, выделяемых по частеречному критерию, может быть представлено следующими типами.

Среди белорусских **сложных существительных**: 1) **S+S** *лесатундра, пчалапасека, бяфізіка, дзяўчына-кандуктар*; 2) **S+V** *водалячэнне, бензавоз, ледаход, байкапісец*; 3) **A+S** *сухафрукты, узаемадапамога, пласкагубцы, пустацвет*; 4) **A+V** *скараварка, хуткашывальнік, гучнагаварыцель*; 5) **V+S** *сарвігалава, прайдзісвет, абібок, перакаці-поле*; 6) **Adv.+S** *напаўдзікун, процііск, супрацьзаконнасць*; 7) **Adv.+V** *даматканка, дармаед, усюдыход*; 8) **Num.+S** *аднагодак, иматкрон'е, дваяборства, паўтаран, васьміног*; 9) **Num.+V** *першапраходзец, адналюб, пяціборац*; 10) **Pron.+S** *усеўладдзе, усясвет, ініародзец, самаадукацыя*; 11) **Pron.+V** *самаход, самадзержац, самаробка*.

Следует отметить, что среди сложных имен существительных встречаются образования со связанными компонентами (аффиксоидами). Например, **S+Afd** *лексікограф, тэксталаг*; **Afd+S** *стэрэакіно, телерадача, фотаконія, аўтабіяграфія, мікраарганізм, полівітамін*; **Afd+Afd** *паліграфія, стэрэафанія, псіхолаг, бібліяграф, тэлескоп*. Классификация подобных сложных слов с точки зрения частеречной принадлежности компонентов не представляется целесообразной.

Наиболее широко в белорусском языке представлены **сложные прилагательные**, среди которых выделяются такие типы, как: 1) **S+S** *злабадзённы, торфабрыкетны, рукакрылы, лапанысь, мясамалочны*; 2) **S+A** *цеплаўстойлівы, верагодны, жыццярэдасны, арэхападобны, вогнетрывады*; 3) **S+V** *крывяносны, рыбадоўны, міралюбівы, чарадзейны, летанісны*; 4) **A+S** *кароткахвалевы, белазубы, круглагадовы, старадарожскі, дабрадушны, буйнаплодны, лавабярэжны*; 5) **A+A** *глуханямы, медыкабіялагічны, цёмна-сіні, кісла-салодкі*; 6) **A+V** *новаўтвораны, скарастрэльны, ціхаходны*; 7) **Adv.+S** *паўавальны, высокакаль-*

турны, глыбоканавуковы; 8) **Adv.+A** *паўжывы, вечназялёны*; 9) **Adv.+V** *вышэйадзначаны, слабаразвіты, глыбокапаважаны, маладаследаваны, многаабяцуючы, доўгайграючы, вельмішаноўны*; 10) **Num.+S** *иматлікі, двухрогі, иматплодны, мнагамесны, аднагалосы*; 11) **Num.+A** *малазнаёмы*; 12) **Num.+Num.** *трыдзіны, трыдзявяты*; 13) **Pron.+S** *ініародны, усебаковы, штомесячны, самавольны, кожнадзённы, тагачасны*; 14) **Pron.+A** *усебеларускі, своеасаблівы, усеславянскі*; 15) **Pron.+V** *самаахварны, сябелюбівы, усёперамагаючы, самарэгулюючы, саматканы, самаакупны*; 16) **Pron.+Pron.** *тамтэйшы*.

В группе сложных прилагательных доминируют двухкомпонентные образования. Вместе с тем, встречаются и сложения, состоящие из трех и более корневых морфем. Например, **Präp.+Pron.+S** *патойбаковы, паўсядзённы*; **Pron.+Präp.+Pron.** *нішчымны, нікчэмны*. Кроме этого выделяется и СТ со связанным компонентом (аффиксоидом): **Afd+S** *бягены, геамагнітны, мікрапорысты*.

Наименее распространенным в репрезентации словообразовательных типов является **глагол**: 1) **Num.+S** *трыножыць*; 2) **S+V** *багатварыць, крываточыць*; 3) **V+V** *думаць-гадаць, адшыпець-адкіпець*; 4) **Adv.+V** *(на)паўляжаць, паўразарыць*; 5) **Pron.+V** *самаакупіцца, самазагарацца, самаабслугоўвацца*. Сложные глаголы также могут быть дополнены типами, включающими связанный компонент: **S+Afd** *газафікаваць, электрыфікаваць*; **A+Afd** *інтэнсіфікаваць, русіфікаваць*.

Разнообразная палитра типов характерна в силу своей специфики **наречиям**: 1) **S+S** *хлебасольна, крыж-накрыж, век-векам*; 2) **S+A** *векавечна, жыццярэдасна, верагодна*; 3) **S+V** *светаносна, дружэлюбна*; 4) **A+S** *дабрадушна, дабракаясна, басанож, добрасардэчна*; 5) **V+S** *відавочна*; 6) **Adv.+S** *напаўголосу, нападзілы*; 7) **Adv.+A** *(на)паўсур'эзна, нападчынена, паўасветлена*; 8) **Adv.+V** *(на)паўседзячы, дамасідна, мімаездам, мімалётам*; 9) **Adv.+Adv.** *дзе-нідзе, (на)паўсур'эзна, (на)паўдзіка, шытакрыта, шыварат-навыварат, далей-болей, даўным-даўно*; 10) **Num.+S** *аберуч*; 11) **Num.+V** *стократ, иматкроць, пяцікратна*; 12) **Num.+Num.** *адзін-адным, перш-наперш*; 13) **Pron.+S** *штоночы, штолета, штомесяц, тымчасова, своечасова*; 14) **Pron.+A** *своеасабліва*; 15) **Pron.+V** *самавукам, самаходам*; 16) **Pron.+Pron.** *сам-насам*.

Сочетаемость частей речи, выступающих в качестве первого и второго компонентов, иллюстрируется следующей таблицей.

Таблица 1

Частеречная принадлежность компонентов сложного слова в белорусском языке

Часть речи	Сложные сущ.		Сложные прил.				Сложные глаголы		Сложные наречия							
	S	V	S	A	V	Num.	Pron.	S	V	S	A	V	Adv.	Num.	Pron.	
2-й компонент																
1-й компонент																
S	+	+	+	+	+				+	+	+	+				
A	+	+	+	+	+					+						
V	+								+	+						
Adv.	+	+	+	+	+				+	+	+	+	+			
Num.	+	+	+	+		+		+		+		+		+		
Pron.	+	+	+	+	+		+		+	+	+	+				+

Исходя из частеречной принадлежности компонентов, среди рассматриваемых в нашем исследовании сложений (сложные существительные, прилагательные, глаголы и наречия) самыми многочисленными по количеству типов (16) являются группы прилагательных и наречий. В качестве первой части сложного прилагательного выступают существительные, прилагательные, наречия, числительные, местоимения. В качестве второй – существительные, прилагательные, глаголы, числительные и местоимения. Компонентами сложных наречий (как первым, так и вторым) могут быть существительные, прилагательные, глаголы, наречия, числительные, местоимения.

Далее в порядке убывания количественного состава следует группа сложных существительных, включающая 11 типов с первым компонентом существительным, прилагательным, глаголом, наречием, числительным, местоимением и вторым компонентом существительным или глаголом.

Самой малочисленной по результатам нашего анализа оказалась группа сложных глаголов: 5 СТ, в которых первый компонент – существительное, глагол, наречие, числительное, местоимение, а второй – существительное или глагол.

Словообразовательные типы композитов со связанным компонентом могут быть выделены дополнительно среди имен существительных (3 СТ), имен прилагательных (1 СТ) и глаголов (2 СТ). Отдельно следует также рассматривать СТ сложных слов, состоящих из более чем двух корневых морфем.

Однако в рамках рассматриваемых типов границы между частями речи диффузны, поскольку не всегда можно однозначно определить, от основы какой части речи образован тот или иной компонент. Так, среди **сложных существительных** сомнения вызывают такие ЛЕ, как *міратворац, кнігавыдавец* (S+S ‘выдавец кніг’ / S+V ‘выдаваць кнігі’); *законнарушальнік, водалячэнне* (S+S ‘лячэнне вадой’ / S+V ‘лячыць вадой’); *вальнадумства, чыстапісанне* (A+S ‘чыстае пісанне’ / Adv.+V ‘чыста пісаць’). Не всегда можно однозначно отнести компоненты типа *авія-, аўта-, вела-, кіна-, радыё-, электра-* и др. к усеченной основе существительного, прилагательного либо к связанному компоненту (аффиксоиду): *авіябомба, аўтацыстэрна, веламатацыкл, электрарухавік* и т.п.

В **сложных прилагательных** неоднозначность структуры мотивирующей основы наблюдается в ЛЕ типа *кнігагандлёвы, ільноўборачны* (S+S ‘уборка ільна’ / S+V ‘убіраць лён’); *вучэбна-спартыўны, балотна-сенажатны, азёрна-лясны* (S+S ‘возера і лес’ / A+A ‘азёрны і лясны’); *марозаўстойлівы* (S+A ‘устойлівы да марозу’ / S+V ‘устаяць у мароз’); *жыццярэдасны* (S+A ‘радасны да жыцця’ / S+S ‘радасць жыцця’); *густа-зялёны, цёмна-сіні* (A+A ‘цёмны і сіні’ / Adv.+A ‘цёмна-сіні’); *новаўтвораны, агульнавядомы, новавыбраны* (Adv.+A ‘выбраны па-новаму’ / Adv.+V ‘выбіраць па-новаму’), а также в прилагательных-сращениях *глыбоканавуковы, вострадэфіцытны* (A+S ‘востры дэфіцыт’ / Adv.+A ‘востра дэфіцытны’); *вельмішаноўны, свежапафарбаваны,*

доўгайграючы (Adv.+V ‘доўга іграць’ / Adv.+A ‘доўга іграючы’).

Спорным является отнесение к определенному типу **сложных наречий**, таких, как: *напаўголасу, нападзілы* (S+S ‘палова сілы’ / Adv.+A ‘напалову сілы’); *паўасветлена, (на)паўсур’эзна* (Adv.+A ‘напалову сур’эзна’ / Adv.+Adv. ‘напалову сур’эзна’); *жыццярадасна* (S+A ‘радасны да жыцця’ / S+S ‘радасць жыцця’ / з радасцю да жыцця’); Adv.+S ‘радасна да жыцця’); *дабравольна, дабраякасна* (A+S ‘добрая якасць’ / Adv.+Adv. ‘добра і якасна’ / A+A ‘добры і якасны’); *своеасабліва* (Pron.+A ‘асаблівы па-своему’ / Pron.+Adv. ‘асабліва па-своему’); *мімаходам, мімалётам* (Adv.+V. ‘міма ляцець’ / Adv.+Adv. ‘міма лётам’).

Причиной такой неоднозначности является, на наш взгляд, особенность системы белорусского языка. Во-первых, белорусский язык характеризуется хорошо развитой системой аффиксов, которые позволяют преобразовывать одни части речи в другие. Во-вторых, среди имен прилагательных наряду с качественными различаются относительные и притяжательные, которые, как правило, образуются от имен существительных. В-третьих, большинство наречий соотносится с именами прилагательными, поскольку преимущественно они являются основной базой для образования наречий на современном этапе развития языка. Необходимо отметить также, что в белорусском языке широко распространены причастия и деепричастия, основой образования которых является глагол, но сами они могут быть отнесены к прилагательным и наречиям.

В свете вышеизложенного при выявлении СТ сложных слов по частеречному критерию мы считаем целесообразным руководствоваться следующими принципами: 1) соотнести компоненты сложного слова с частями речи компонентов соответствующего словосочетания, зафиксированного в словообразовательном словаре; 2) при отсутствии ЛЕ в словообразовательном словаре трансформировать композит в словосочетание, которое является ближайшим структурно и семантически, и определить часть речи его компонентов; 3) в случае невозможности трансформировать композит в словосочетание либо в случае двойной мотивации принять за исходную часть речи ЛЕ, которая является первичной (непроизводной) основой образования соответствующего компонента слож-

ного слова. Кроме этого, немаловажным является, на наш взгляд, принятие во внимание контекстуального значения, а также частотность применения модели образования того или иного типа.

Проведенный анализ белорусской лингвистической литературы, предметом которой является сложное слово, свидетельствует о необходимости сохранения критерия принадлежности компонентов сложного слова к определенной части речи при выделении словообразовательных типов. Каждая часть речи обладает своими особенностями, в том числе и сочетаемостными, что позволяет при дальнейшем изучении композитов объяснить их семантическую организацию.

Список сокращений

A – прилагательное, **Adv.** – наречие, **Afd** – связанный компонент / аффиксоид, **Num.** – числительное, **Präp.** – предлог, **Pron.** – местоимение, **S** – существительное, **V** – глагол.

Литература

1. Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: более 145 000 слов: в 2 т. / А.Н. Тихонов. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – Т. 1. – 860 с.
2. Беларуская граматыка: у 2 ч. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства; рэд.: М.В. Бірыла, П.П. Шуба. – Мінск: Навука і тэхніка, 1985–1986. – Ч. 1: Фаналогія. Арфаэпія. Марфалогія. Словаўтварэнне. Націск / рэд. М.В. Бірыла, П.П. Шуба. – 1985. – 431 с.
3. Кароткая граматыка беларускай мовы: у 2 ч. / навук. рэд. А.А. Лукашанец. – Мінск: Беларус. навука, 2007. – Ч. 1: Фаналогія. Марфаналогія. Марфалогія. – 350 с.
4. Лукашанец, А.А. Словакладанне / А.А. Лукашанец // Беларуская мова: энцыклапедыя / пад рэд. А.Я. Міхневіча; гал. рэд. Б.І. Сачанка. – Мінск, 1994. – С. 515–516.
5. Русская грамматика: в 2 т. / редкол.: Н.Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1980. – Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н.С. Авилова [и др.]. – 1980. – 783 с.
6. Шакун, Л.М. Словаўтварэнне: вучэб. дапаможнік для філал. фак. ВДУ / Л.М. Шакун. – Мінск: Выш. шк., 1978. – 128 с.
7. Прыгодзіч, М.Р. Словакладанне ў беларускай мове / М.Р. Прыгодзіч. – Мінск: БДУ, 2000. – 227 с.
8. Гнеўка, В.Т. Складаныя прыметнікі ў сучаснай беларускай літаратурнай мове / В.Т. Гнеўка – Мінск: Выд. Мін-ва выш. сярэд. спец. і праф. адукацыі БССР, 1963. – 75 с.

9. Краўчанка, З.Ф. Складанья назоўнікі ў беларускай мове: дыс. ... канд. філал. навук: 10.02.01 / З.Ф. Краўчанка. – Мінск, 1965. – 375 л.
10. Гадуйка, Л.А. Словаўтваральныя гнёзды складанасуфіксальных назоўнікаў з дзеяслоўным кампанентам у беларускай і рускай мовах: дыс. ... канд. філал. навук: 10.02.01; 10.02.02 / Л.А. Гадуйка. – Мінск, 1996. – 129 л.
11. Прыгодзіч, М.Р. Словакладанне ў гісторыі беларускай мовы: дыс. ... д-ра філал. навук: 10.02.01 / М.Р. Прыгодзіч. – Мінск, 2000. – 249 л.
12. Гневко, В.Т. Сложные прилагательные в современном белорусском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / В.Т. Гневко; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1963. – 19 с.

Поступила в редакцию 08.11.2013 г.

Принята в печать 30.12.2013 г.

УДК 81.161.1'271

Прагматические особенности употребления частицы «ну» в речи студентов и старшеклассников

Лейко И.М.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Статья посвящена решению эмпирических задач современной прагмалингвистики, в ней затрагиваются вопросы прагматической лингвистики, которая занимается исследованием проблем элементарных речевых актов, прагматического значения и речевого общения. В статье рассматриваются особенности использования языка в конкретных ситуациях: диалогической и монологической речи студентов и старшеклассников г. Витебска, раскрываются интенции высказываний, содержащих частицу «ну», а также особенности употребления данной частицы в речи. При помощи количественного метода исследования проанализированы наиболее частотные интенции речевых актов характера высказываний, содержащих частицу «ну»: согласия, несогласия, прямого ответа, косвенного ответа, хетизации, оценки, уточнения, признания, отсылки к уже упомянутому или фонду знаний. В соответствии с наблюдениями автор выделяет следующие цели: эмоциональное усиление, прощание, приветствие, стимул к продолжению разговора.

Ключевые слова: прагмалингвистика, речевой акт, интенция, адресат, адресант, коммуникант.

(Ученые записки. – 2013. – Том 16. – С. 150–154)

Pragmatic Peculiarities of the Use of Particle “Well” in the Speech of Students and Senior Pupils

Leiko I.M.

Educational establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article is devoted to solving the problems of modern empirical pragmalinguistics, it touches upon issues of pragmatic linguistics which deals with the study of the issues of elementary speech acts, pragmatic meaning and speech communication. The article discusses the peculiarities of language use in certain situations: the dialogue and monologue speech of students and senior pupils of Vitebsk, reveals intentions of statements containing the particle ‘well’, and also peculiarities of the use of this particle in speech. The most frequent intentions of statements of the speech acts containing particle ‘well’ are analyzed using quantitative research method: agreement, disagreement, direct response, indirect answer, hesitation, evaluation, verification, recognition, the reference to the already mentioned or foundation of knowledge. In accordance with the observations, the author identifies the following intentions: emotional strengthening, farewell, greeting, stimulus to continue the conversation.

Key words: pragmalinguistics, speech act, an intention, the recipient, sender, communicant.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 16. – P. 150–154)

Когда человек высказывает мысль, он совершает определенное действие, которое направлено на адресата. «Это действие определяется целью (намерением) говорящего и называется в прагмалингвистике речевой акт, речевой поступок или речевое действие» [1, с. 33]. Прагматическая лингвистика занимается исследованием проблем элементарных речевых актов, прагматического значения и речевого общения. Проблемы прагматики разрабатывали и продолжают разрабатывать многие ученые: Ю.Д. Апресян,

Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, В.З. Демьянков, В.А. Звегинцев, В.И. Карасик, В.В. Красных, Г.М. Матвеева, Б.Ю. Норман, Е.В. Падучева, Г.Г. Почепцов, Л.В. Правикова, А.А. Романов, Л.П. Рыжова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, С.А. Сухих, В.Н. Телия и др. Адресант (говорящий), адресат (слушающий), коммуникант (участник коммуникативной ситуации), интенция (цель), речевой акт – это термины, которые используются в прагмалингвистике.

Каждый из участников речевого общения выполняет определенную функцию в процессе

Адрес для корреспонденции: e-mail: lim12@yandex.ru – И.М. Лейко

построения речевой ситуации. В основном эти функции сводят к передаче информации одним из коммуникантов и восприятию ее другим. Речевой акт определяют как высказывание, «порождаемое и произносимое с определенной целью и вынуждаемое определенным мотивом для совершения практического или ментального (как правило, адресованного) действия с помощью такого инструмента, как язык / речь» [2]. Одной из главных задач современной прагмалингвистики становится разработка теории интерпретации речевых произведений, появляющихся в тех или иных коммуникативных контекстах: «Объектом интерпретации является то, что принято называть прагматическим значением высказывания» [3].

Прагматическое значение В.З. Демьянков определяет как «то значение, которое представляет отношение между носителем информации и его функцией, т.е. отношение между употреблением высказывания и его результатом» [4]. В связи с этим ученый выделяет три основных аспекта прагматического значения: информативный, контролирующий и эмотивный.

К одному из условий использования коммуникантами языка в актах речевого общения В.В. Богданов относит коммуникативные цели собеседников.

В исследовании речевого общения Н.Д. Арутюнова при обращении к субъекту общения уделяет внимание явным и скрытым целям высказывания (иллокутивным силам), которые представляют собой сообщение информации или мнения, вопрос, приказ, просьбу, совет, обещание, извинение, приветствие, жалобу и т.п.; при обращении к адресату – косвенным и скрытым смыслом, вытекающим из прямого значения высказывания [5].

В последнее время намечается тенденция к исследованию дискурса, который является и процессом развертывания коммуникативного общения, и результатом этого процесса. Как следствие, актуальным становится изучение дискурсного акта, где исследуются речевые намерения адресата, стратегии, тактики при их реализации, оценки, эмоции по отношению к отражаемой действительности, адресату и содержанию сообщения. Поэтому некоторые ученые отказываются от речевого акта как от единицы анализа. Дискурсивный акт определяется как минимальная коммуникативная единица, которая «в каждом конкретном случае употребления в разговоре

имеет свое специфическое значение с точки зрения развития речи как системы действий, коммуникативных планов и стратегий» [1, с. 71]. Речевой акт может являться составной частью дискурсивного акта.

Целью нашего исследования является определение интенций высказываний, содержащих частицу «ну», а также рассмотрение особенностей употребления высказываний с данной частицей в дискурсе студентов и старшеклассников. Интерес к этому слову объясняется тем, что «ну» определяется учеными как частица, междометие, используется в качестве союза, то есть выполняет много функций. Кроме того, это одно из самых употребляемых слов, которое, не являясь самостоятельной частью речи, используется в речи самостоятельно.

Материал и методы. Материалом исследования послужило 280 высказываний с частицей «ну», взятых из письменно зафиксированной диктофонной записи устной неподготовленной диалогической и монологической речи студентов (ВГУ имени П.М. Машерова, ВГМУ, ВГТУ) и старшеклассников г. Витебска (СШ № 11, 3, 33, 10, 25) в условиях учебно-воспитательного процесса. В работе нашли применение аналитико-описательный метод, метод лингвостилистической интерпретации, процедуры статистической обработки материала. С помощью аналитико-описательного метода были выделены группы высказываний с частицей «ну», определены особенности каждой группы. Метод лингвистической интерпретации позволил выделить и объяснить интенции исследуемых высказываний. Статистическая обработка материала была проведена средствами программы Microsoft Office Excel 2007.

Результаты и их обсуждение. Считается, что слова-паразиты, встречаясь в большом количестве, загрязняют нашу речь. Так, в проанализированном нами материале слово-паразит «как бы» встречается 70 раз и больше в речи старшеклассников, чем в речи студентов. Частица «ну» встречается в 4 раза чаще на том же анализируемом отрезке речи, причем характерно ее употребление как для старшеклассников, так и для студентов. Но, полагаем, что строгую параллель провести нельзя, так как языковая подготовка у каждого человека разная. Слова-паразиты используются в речи школьников и студентов по-разному, в зависимости от привычек семьи, успешности учения, окружения, самообразо-

вания, влияния СМИ, общей культуры человека и т.д. Но проанализировав речевые ситуации употребления частицы «ну», мы пришли к выводу, что, проникая в речь, такие слова выполняют определенные функции, служат маркерами ситуаций, вызывают реакцию адресанта и влияют на нее.

В соответствии с нашими наблюдениями, проанализировав собранный материал, мы выделяем интенции, которые называет Н.М. Вахтель в учебно-методическом пособии: прямой ответ, косвенный ответ, уточнение, согласие, несогласие, коррекция диалога, оценка, отказ, хетизация, признание, вызов, непонимание, уступка, отсылка к уже упомянутому или фонду знаний, а также выделяем следующие интенции в ответных репликах: эмоциональное усиление, прощание, приветствие, стимул к продолжению разговора [6].

Раскроем данные интенции с частицей «ну».

1. Частица «ну», находясь в начальной позиции, выражает просьбу («Ну, пожалуйста, ну, дед!»). Встречается такое употребление частицы в общении между сверстниками, учителем и учеником, студентом и преподавателем. Интенция употребления данной частицы в такой ситуации не меняется при смене участников общения.

2. Выполняет функцию перехода от одной мысли к другой или от одного действия к другому («Выздоровливай!» – «Спасибо. Ну ладно!»). Особенно часто частицы в данной функции встречаются при прощании («Ну давай!», «Ну пока!», «Ну покедово!» и т.д.). Здесь «ну» подводит итог всему ранее сказанному, показывая, что продолжения разговора уже не может быть, и частица вводит этикетные слова прощания.

3. Студенты и старшеклассники используют частицу «ну», чтобы поразить, вызвать бурную реакцию, удивить своими словами («Ну я б купил островок в Тихом океане, ну, примерно, вот такой!»). В данном высказывании кроется скрытый вопрос: ну а что бы сделали вы? В подобных высказываниях говорится о невозможном, нереальном, недостижимом. Высказывания сопровождаются частицей бы (б), которая подчеркивает их ирреальность. Молчание или ответный сарказм являются, как правило, реакцией на такие выражения.

В другом случае, но тоже в качестве вызова, частица выражает противостояние в разговоре, отстаивание своей позиции, демонстрацию своего преимущества («Ну, попробуй!»).

4. Исследуемая в речи студентов и старшеклассников данная частица служит сигналом к прекращению дальнейшего разговора («Тишина должна быть!» – «Вот именно!» – «Да!» – «Да!» – «Тишина, я сказал!» – «М-м-м!» – «Умная сильно, или что?» – «Да!» – «Ну, вы достали уже, все реально!»). В коммуникативной ситуации конфликта, ссоры частица может употребляться самостоятельно («Ну!»), являясь конечным элементом речевого акта, но обязательно сопровождается особой интонацией, невербальными средствами общения (мимикой, жестами), без которых теряет свою силу и значимость.

5. Высказывания с частицей «ну» определяют ситуацию непонимания («Быть бою!» – «Ну почему?», «Ну, дед, ну друг же приехал! Можно я пойду?»). В таких высказываниях отмечается акцент на самой частице с последующей паузой.

6. Частица «ну» в неподготовленной речи выступает в качестве начала разговора («Ну что ж, знаете...», «Ну что ж, дорогие друзья!», «Ну, а теперь знакомые все лица!» и т.д.). С нее может начинаться как прощание, так и приветствие. Нами отмечено, что если первое приветствие произносится без частицы «ну», а второе – с ней, то второй коммуникант, произнося ответное «Ну привет!», ждет продолжения разговора, таким образом приглашая начать беседу. В этом случае частица «ну» служит стимулом к продолжению разговора. Если приветствие проходит без данной частицы, то разговор может закончиться сразу после формального приветствия друг друга в классе или аудитории. С этой же целью – стимула к продолжению разговора – частица может употребляться и самостоятельно («Алеша!» – «Ну?»). Здесь важную роль играет вопросительная интонация.

7. Употребление частицы «ну» для коррекции диалога мало характерно для речи студентов и старшеклассников («Хорошо, что ты еще про дневники забыл!» – «Ну, вот ты с этими песнями!», «Потому что сравнить наш Витебск и сравнить, что там – это...» – «Ну, Аня, что ты переживаешь?»). Это объясняется тем, что коммуникантам необходима психологическая зрелость, чтобы правильно оценить ситуацию, сменить тему беседы, тем самым уменьшить значимость переживаемых эмоций.

Многочисленными по встречаемости в речи студентов и старшеклассников г. Витебска являются интенции согласия, несогласия,

прямого ответа, косвенного ответа, хетизации, оценки, уточнения, признания, отсылки к уже упомянутому или фонду знаний. Употребление каждой из этих интенций составляет около 9% случаев.

8. Отсылка к уже упомянутому или фонду знаний.

Напоминание о ранее происходивших событиях, содержащее частицу «ну», усиливает эмоциональную составляющую высказываний («Три бутылки водки в салате оливье, спасибо тете Лене за танец на столе!» – «У вас не семья, а ужас какой-то!» – «Ну, было же, ну!»). В этом случае коммуниканта отсылают к только ему известным событиям, и здесь значимым является повтор частицы.

При отсылке к общеизвестным фактам студенты и старшеклассники сопровождают свои высказывания фразами «как говорится», «как известно», «как говорят», «тот же самый», «как меня родители научили», словами «какой-нибудь», «сейчас» и другими. Это проявляется в разговоре со взрослыми, например, учителем, воспитателем, преподавателем. Использование данных фраз необходимо для согласования параметров говорящего и адресата, необходимо студенту и старшекласснику, чтобы показать свои знания, кругозор, чтобы при их помощи появилась возможность самоутвердиться, выступить наравне со взрослыми («Но пловцы, насколько я знаю, они все довольно спортивного телосложения?» – «Ну у нас, как говорится, вода как бы обтесывает нас. Как гальку»; «Да, я люблю посидеть, ну, в том же самом контакте, хотя это такая надоедливая штука, страшная вещь» и др.).

9. Интенция признания частицы «ну» встречается в середине или конце беседы при определенном доверии к адресанту, предвосхищает раскрытие подробностей личной жизни адресата («А почему о голову стучишь?» – «Почему я стучу о голову? Обычное дерево, там дуб. Потому что, ну как, я с детства не отличался умом и сообразительностью, можно так сказать»). Признание в некоторых действиях может быть невыгодно адресату, поэтому он скрывает свой ответ еще и дополнительными словами. Особенно ярко это проявляется, когда коммуникант предполагает, что истинный ответ уже известен («А матом ругаешься?» – «Ну, когда как»). Признание может быть не только в каких-то негативных моментах. Частица «ну» может вводить и положительные по значе-

нию высказывания («У нас выступали на 31-й школе, там проводили, ну, наше выступление вот было там, нормально, мне нравится, наоборот»).

10. Уточнение. В качестве уточнения частица «ну» встречается в утвердительных («Каждый день?» – «Ну как, не каждый день, но когда погода...») и вопросительных предложениях («А она работает?» – «Ну а где она работает?»). В первом случае коммуникант, используя частицу «ну», удовлетворяет любопытство спрашивающего, а во втором случае намекает на то, что ответ уже давно известен, и спрашивающий просто забыл этот факт, о котором ему напоминают, не давая прямого ответа на вопрос. В подобных случаях частица «ну» сопровождается вопросительными словами («и сколько?»), («и когда?») и т.п.

11. Хетизация. При интенции хетизации (паузы для обдумывания, поиска слов для ответа) высказывание характеризуется длительной паузой и включением в состав высказывания выражений «я не знаю», «как сказать», «бывает», «может быть» и т.п., которые еще больше увеличивают паузу и тем самым дают дополнительное для обдумывания время коммуниканту («В чье имя?» – «Ну, я не знаю...»). Частица «ну» в таких случаях сопровождает процесс припоминания («А мне просто выйти?» – «Не, ну ты ж как это ... как бабушка энерджайзер!») или является конечным словом, когда при желании сказать адресат под влиянием различных факторов не решается в конечном итоге закончить свою мысль («Но, зато хоть в спорте были какие-то, как бы что-то было интересное. Ну...»). Конечно, в речи студентов и старшеклассников встречаются и паузы, которые связаны с отсутствием мыслей, знаний о предмете речи.

12. Также в высказываниях частица «ну» используется для выражения согласия или несогласия. Как правило, студенты и старшеклассники употребляют ее с последующими словами, определяющими значение высказывания («Ну, да»; «Ну конечно»; «Ну, знаю»; «Ну серьезно!»; «Ну, нет») или с предложением, в состав которого входит отрицательная частица («Ну, это еще не показатель!»). Являясь интенцией согласия, иногда частица «ну» встречается самостоятельно и произносится с утвердительной интонацией («И они слушаются?» – «Ну»). В таком случае частица выполняет функцию прямого ответа. В высказываниях несогласия данная частица самостоятельно не

встречается, в самом кратком варианте она стоит на втором месте («Да ну»).

13. Оценка в высказываниях с частицей «ну» многозначна, может быть положительной, отрицательной («Ну, спасибо вам!»), поддержки и сочувствия («Ну, как ты без него...»), осуждения, гордости («Я повидал, ну, я ездил по странам»), презрения, уважения («Ты что смотришь?» – «Это библия!» – «М-м-м. Ну, значит, тебе надо») и т.п. Сколько ситуаций, столько может быть и оценок. Частица в таких высказываниях усиливает оценку и в ситуации общения студентов и старшеклассников подчеркивает доверительный характер отношений между коммуникантами.

14. Косвенный ответ дает намек на то, что хотел сказать коммуникант («Китай ... Вьетнам». – «Ну хоть не Китай!»). Может даваться многозначный косвенный ответ («Впечатлений больше, или что еще?» – «Ну что в Беларуси? Ну, ты ж живешь тут, ты все знаешь, а надо ж поездить посмотреть мир»). Высказывание «Ну что в Беларуси?» можно трактовать как: 1) здесь все уже известно; 2) здесь нечего смотреть. Частица «ну» не дает точного ответа («Когда у тебя, действительно, на все времени хватает?» – «Ну, так, хватает так»). Последнее высказывание без частицы «ну» будет иметь противоположное значение. Иногда это может быть попыткой уйти от ответа, но даже в такой ситуации чувствуется намек на согласие или несогласие со сказанным ранее («Они у тебя такие длинные...» – «Ну, как вам сказать»).

Заключение. Таким образом, рассматривая устные по форме реализации речевые акты студентов и старшеклассников с частицей «ну», мы выделяем следующие интенции: прямой ответ, косвенный ответ, уточнение, согласие, несогласие, коррекция диалога, оценка, отказ, хетизация, признание, вызов,

непонимание, уступка, отсылка к уже упомянутому или фонду знаний, эмоциональное усиление, прощание, приветствие, стимул к продолжению разговора. Наиболее частотными в речи студентов и старшеклассников г. Витебска являются интенции согласия, несогласия, прямого ответа, косвенного ответа, хетизации, оценки, уточнения, признания, отсылки к уже упомянутому высказыванию или фонду знаний. Исследуя высказывания с частицей «ну» в дискурсе студентов и старшеклассников, мы продолжаем разрабатывать модели восприятия и интерпретации речевых актов, а также модели коммуникативного воздействия и использования языка в конкретных социокультурных ситуациях, что относится к эмпирическим задачам общей теории прагматики.

Литература

1. Маслова, А.Ю. Введение в прагмалингвистику: учеб. пособие / А.Ю. Маслова. – 3-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2010. – С. 33, 71.
2. Формановская, Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н.И. Формановская. – М.: Русский язык, 2002. – С. 111.
3. Арутюнова, Н.Д. Фактор адресата / Н.Д. Арутюнова // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1981. – Т. 40. 4. – С. 356.
4. Демьянков, В.З. О формализации прагматических свойств языка / В.З. Демьянков // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. – М., 1984. – С. 28–32.
5. Арутюнова, Н.Д. Прагматика / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 389.
6. Основы прагмалингвистики: учеб.-метод. пособие / сост. Н.М. Вахтель. – Воронеж: Издат.-полиграф. центр Воронеж. гос. ун-та, 2008. – С. 18.

Поступила в редакцию 05.09.2013 г.

Принята в печать 30.12.2013 г.

УДК 811.161.3

Категории «пространство» и «время» в учебных изданиях Беларуси по русскому языку как иностранному

Лазовская А.И.

Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический
университет имени М. Танка», Минск

В статье рассматриваются категории «пространство» и «время» в изданиях Беларуси по русскому языку как иностранному. Материалом исследования стали имена собственные (различные виды топонимов, антропонимы и др.), содержащиеся в учебниках и учебных пособиях для начального этапа обучения, изданных в Беларуси. Автор отмечает тенденцию к постепенному расширению пространства белорусской культуры: от отдельных упоминаний в учебных изданиях начала 2000-х гг. до достаточно подробного описания современных социокультурных реалий Беларуси и ее историко-культурного наследия в изданиях последних лет. Таким образом, анализ учебных изданий Беларуси по русскому языку как иностранному позволяет выявить тенденцию к повышению значимости языковых единиц, описывающих белорусское национальное пространство. Фактор языковой среды, нахождение обучаемых в русскоязычном языковом пространстве, которое в культурном плане является белорусским, приводит к тому, что учебная литература начинает отражать белорусские реалии, воссоздавая на своих страницах белорусскую национальную картину мира.

Ключевые слова: учебные издания, русский язык как иностранный, имена собственные, текст, пространство, время, социокультурные реалии, белорусская культура, белорусская национальная картина мира.

(Ученые записки. – 2013. – Том 16. – С. 155–161)

The Categories of Space and Time in Belarusian Textbooks on Russian as a Foreign Language

Lazovskaya A.I.

Educational establishment “Belarusian State Pedagogical M. Tank University”, Minsk

The categories of space and time in Belarusian editions on the Russian language as foreign are considered in the article. Proper names (different types of toponyms, anthroponyms etc.) in the manuals and textbooks for beginners, issued in Belarus, became the material of the study. The author points out the tendency to gradual expansion of the space of Belarusian culture: from some references in the textbooks of the early 2000-s to quite detailed description of contemporary social and cultural realities of Belarus and its historical and cultural heritage in the publications of the latest years. Thus, analysis of textbooks on Russian as a foreign language in Belarus makes it possible to find out a tendency to the increase of the significance of language units which describe Belarusian national space. The factor of language environment, student's presence in the Russian language space, which from the cultural point of view is Belarusian, results in the textbooks which reflect Belarusian realities, thus creating Belarusian national picture of the world on the pages.

Key words: textbooks, Russian as a foreign language, proper names, text, space, time, social and cultural realities, Belarusian culture, Belarusian national picture of the world.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 16. – P. 155–161)

Категории «пространство» и «время» давно перестали быть отвлеченными философскими единицами и вошли в понятийный аппарат многих дисциплин не только естественнонаучного, но и гуманитарного профиля. Исследователи разных направлений – культурологи, историки, политологи, социологи, филологи и др. – актуализируют понимание категорий пространства и времени в контексте своей дисциплины. Таким образом, можно с полным

основанием утверждать, что данные категории во второй половине XX – начале XXI века стали важным элементом научного анализа и предметом серьезного исследования в самых разных областях знания, в том числе искусствоведения [1], культурологии [2], языковедения и литературоведения. Современный российский языковед Н.К. Фролов отмечает: «Сугубо философское понятие “пространство”, интерпретируемое мыслителями как всеобщая форма

Адрес для корреспонденции: e-mail: lazovskanna@mail.ru – А.И. Лазовская

бытия материи, стало общепризнанным явлением научной лингвистики, реализуясь в словосочетаниях “языковое пространство”, “речевое пространство”, “ономастическое пространство”, “художественно-литературное пространство” [3]. Основа современных филологических исследований категорий пространства и времени была заложена М.М. Бахтиным и связана с введением понятия “хронотоп”, под которым лингвист понимал “существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе”» [4, с. 121].

Большое количество научных работ по филологии посвящено анализу категорий пространства и времени в языковой художественной картине мира писателей и поэтов разных эпох. Это исследования С.Б. Аюповой [5], Ю.Ю. Даниловой [6], И.В. Гендлер, С.О. Драчевой, И.В. Бибиной, Е.П. Багировой и многие другие. С.Н. Десяев рассматривает данные категории в языке средств массовой информации [7]. Появились также исследования категорий пространства и времени, выполненные белорусскими филологами Е.В. Крикливец [8], А.В. Квачек [9] и др.

В данной статье мы рассмотрим категории «пространство» и «время» в белорусском учебном дискурсе для иностранных студентов. В учебниках по русскому языку как иностранному задается хронотоп реального мира, организованный при помощи онимических единиц, в первую очередь топонимов и антропонимов. Исходя из утверждения, что «концепт “пространство” перспективно изучать в контексте ономастических понятий, среди которых основное место занимает топонимическая лексика» [3], мы предполагаем рассматривать онимические единицы как основные средства создания модели пространства и времени в учебном тексте.

Цель работы – выявление и описание модели окружающей действительности, предлагаемой в учебных изданиях Беларуси по русскому языку как иностранному (далее РКИ), ее функции транслятора национальной картины мира, учитывающей наиболее важные факты белорусской реальности – истории, культуры, искусства и т.д.

Материал и методы. Источником исследования послужили белорусские издания по русскому языку как иностранному для начального этапа обучения, изданные за последнее десятилетие и получившие офици-

альный статус учебных изданий, рекомендованных Министерством образования Республики Беларусь. Материалом для него стали имена собственные, содержащиеся в данных учебниках и учебных пособиях. В качестве основного метода исследования можно назвать описательный метод, важной составной частью которого является наблюдение за языковым явлением, его выделение из ряда других и интерпретация результатов.

Результаты и их обсуждение. В Беларуси исторически сложилась уникальная ситуация двуязычия, когда русский язык – один из шести мировых языков – выступает наряду с белорусским в статусе государственного языка, что является важным фактором, привлекающим иностранцев на учебу в нашу страну.

В результате распада СССР огромное русскоязычное языковое пространство оказалось разделенным национальными границами. Преподавание русского языка иностранным студентам в республиках бывшего Советского Союза еще долгое время опиралось на советские учебники. Следующей стадией стало появление собственно российских учебных пособий, которые активно использовались и за ее пределами. Белорусские учебные издания по русскому языку как иностранному начали появляться только в 2000-е годы и стали результатом нового подхода к обучению языку. Основным отличием данных изданий от их российских аналогов является установка на формирование у обучаемых представления о Беларуси как стране изучаемого языка. Этой цели авторы добиваются с помощью различных языковых средств, создавая на страницах учебников модель условного пространства и времени, ядром которой становятся белорусские реалии. Таким образом достигается формирование у иностранных учащихся в процессе изучения языка представления о стране, в которой они получают образование, ее географическом, историческом и культурном пространстве, что способствует их социальной адаптации и интеграции в белорусское общество.

Активная аккультурация – усвоение носителем одной национальной культуры основной информации о другой национальной культуре, ее традициях и ценностях – представляется чрезвычайно важной, а средства ее достижения требуют отдельного изучения. Языковые единицы неразрывно связаны с куль-

турой, историей и бытом народа, поэтому в процессе изучения языка иностранцы помимо собственно языковой подготовки получают необходимые для их адаптации социальные знания. Страноведческая информация позволяет снизить уровень психологического барьера перед новой страной обучения, способствует реализации основной функции языка как средства общения между людьми – коммуникативной – и позволяет достичь главной цели обучения. Таким образом, изучение языка становится основным способом подачи информации о стране, а усвоение русского языка становится путем интеграции иностранца в белорусское культурное пространство. Говоря об уникальной позиции Беларуси, нельзя не отметить взаимопроникновение русской и белорусской культуры, предпосылки для которого складывались исторически. Этот факт нашел свое отражение и в сложившейся практике обучения иностранных студентов в Беларуси на русском языке.

Анализ содержания базовых пособий по РКИ для начального этапа обучения, одобренных Министерством образования Республики Беларусь [10–12], позволяет говорить о разном уровне охвата страноведческого материала. Тем не менее, при сопоставлении учебных изданий наблюдается общая тенденция к все более подробному и тщательно-му описанию пространства Беларуси, созданию представления о ее современности, обращению к историческому прошлому страны.

Пространство данных изданий мы условно разделили на географическое и социокультурное. Последнее неразрывно связано с еще одной важной философской категорией – временем. Наиболее сильные позиции в процессе описания пространства имеют имена собственные, причем не только топонимы, но и самые различные виды онимов. Имена деятелей культуры, истории, литературы, имена музыкантов и ученых, о которых говорится в пособиях, – все они дают некоторые знания о времени и месте, где они жили и работали, историческом контексте эпохи. В процессе обучения иностранных учащихся вся эта информация должна сложиться в цельное представление о стране пребывания.

Если взять за основу рассмотрения географическую привязанность к определенному региону земли, то всю информацию о пространстве, содержащуюся в исследуемых пособиях, можно разделить на нейтральную, которая включает сведения о современных странах мира, а также об объектах природы, имеющих

всеобщее значение и широкую известность; и национально (территориально) окрашенную, то есть имеющую привязку к конкретной стране или региону. Так, в белорусских пособиях встречаются названия частей света (Африка, Азия, Европа и др.), стран, их столиц и некоторых городов (США, Вашингтон, Нью-Йорк; Индия, Дели; Япония, Токио; Иран, Тегеран и др.). Точно также они будут встречаться и в аналогичных изданиях, подготовленных в России, Украине и других странах. В то же время в качестве особенности белорусских изданий можно отметить, что наиболее частотно в них упоминаются названия стран, с которыми граничит Республика Беларусь (Россия, Украина) и тех стран, откуда в Беларусь приезжает наибольшее число иностранных студентов (Китай, Иран, Ливан, Сирия, Нигерия и др.). Таким образом, внеязыковая ситуация заметно влияет на процесс отбора материала для преподавания.

В пособиях мы можем встретить названия известных всему человечеству природных памятников (Красное море, река Амазонка, озеро Байкал, горы Гималаи и др.). Можно выдвинуть предположение, что данные топонимы являются примерами выдающихся в каком-либо плане объектов: самая длинная река – Амазонка, самое соленое море – Мертвое и т.д. Такая логика объясняет включение этих природных объектов, внешне весьма далеких от географического пространства Беларуси, в текст белорусских пособий по языку.

Для анализа пространства национальной культуры рассмотрим материал конкретных пособий по РКИ, изданных в нашей стране за последние годы. Авторы всех рассматриваемых пособий подчеркивают, что берут за основу страноведческий подход, делают особый акцент на Беларуси. Этот подход был реализован уже в самом первом пособии по РКИ, что подчеркивал во вступительной статье его автор В.Г. Будаев: «Русский с алфавита» – это впервые созданный в Беларуси учебник русского языка для начального этапа обучения иностранных студентов, которые получают образование в учебных заведениях республики» [10, с. 2]; с помощью данного учебника «учащиеся могут получить интересную информацию о стране изучаемого языка, о Беларуси» [12, с. 3]. Эта тенденция получила продолжение в последующих изданиях. Авторы пособия «Русский язык как иностранный (начальный курс)», обращаясь к студентам, пишут: «Этот учебник научит вас

говорить, читать и писать по-русски, познакомит вас с историей и культурой нашей прекрасной страны, с Беларусью» [11, с. 3]. Авторы учебного пособия «Русский язык как иностранный (базовый уровень)», вышедшего в 2012 году, подчеркивают: «Цель данного пособия – подготовить слушателей ... к коммуникации в языковой среде Беларуси» [12, с. 3]. Исходя из этого, «Текстовый материал пособия подобран в соответствии с социокультурным фоном Беларуси. Представленные учебные тексты связаны с историей, культурой и современной жизнью страны» [12, с. 3].

Итак, обратимся к описанию пространства. Можно отметить, что в пособии В.Г. Будая объем информации о пространстве России превышает белорусскую часть. Даются названия российских городов (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Иркутск и другие), называются и описываются водные объекты (озеро Байкал, Белое море, река Волга). Большое внимание уделено созданию образа Москвы. Столица России представлена именами собственными разных типов, среди которых названия линейных городских объектов (улица Тверская (Тверская улица), Ломоносовский проспект, Арбат и др.), названия городских площадей (Красная площадь), название определенной местности, района (Воробьевы горы), названия зданий и учреждений (Белорусский вокзал, Большой театр, Кремль, Третьяковская галерея, МГУ им. М.В. Ломоносова, Московский театр зверей имени В.Л. Дурова) и т.д. Многие объекты не просто упоминаются, а получают достаточно подробное описание на основе текстового материала. В то же время объем страноведческой информации о Беларуси ограничен тексто-тематическим блоком «Минск», а также блоком «Беларусь». Белорусский компонент в данном учебнике – это самые общие сведения о стране (называются областные центры и некоторые города: Минск, Брест, Могилев, Борисов и др., упоминается озеро Нарочь) и пространстве белорусской столицы (представлены топонимы (улица Немига, проспект Машерова, проспект Ф. Скорины, улица Козлова и др.), агоронимы (площадь Независимости и др.); различные виды урбанонимов, в том числе названия учреждений высшего образования (Белорусский государственный университет – БГУ, Белорусский национальный технический университет – БНТУ и т.д.); названия других официальных учреждений и

зданий (Академия наук, Национальная библиотека), названия гостиниц (гостиница «Беларусь»), ресторанов (ресторан «Мак Дональдс), названия некоторых спортивных объектов (Дворец спорта, стадион «Динамо»), кинотеатров («Мир», «Октябрь»), предприятий (завод «Горизонт»). В пособии встречаются названия ряда станций метро («Октябрьская» и др.).

Пособие «Русский язык как иностранный (начальный курс)» [11] более подробно описывает именно пространство Беларуси, сокращая объем информации о России до упоминания Москвы, Санкт-Петербурга и некоторых важных в культурном плане объектов этих городов (Московский университет, Большой театр, Университет дружбы народов, музей «Эрмитаж» и некоторые другие), предлагая описание единичных объектов (город Санкт-Петербург и музей «Эрмитаж») в качестве экскурсионных пунктов. Условный герой пособия либо посещает соседнюю страну, либо слышит рассказ от кого-то, кто был там. Основным местом действия становится пространство Беларуси. Однако подробное описание получает только белорусская столица, областные или культурные центры страны (Брест, Гомель и др.) только упоминаются в упражнениях, текстового оформления информация о них не получает. Пространство же белорусской столицы описано достаточно подробно. Его определяют следующие имена собственные: площадь Победы, площадь Независимости; Комаровский рынок; проспект Дзержинского, проспект Независимости, проспект Победителей, Троицкое предместье, улица Сурганова, улица Карла Маркса и др.; Дом правительства, Большой театр оперы и балета (Большой театр, Оперный театр), Дом дружбы, Художественный музей, Музей Великой Отечественной войны, Исторический музей, Дворец Республики; Белорусский государственный университет (БГУ), Белорусский государственный медицинский университет (БГМУ), Белорусская академия музыки, гостиница «Беларусь»; Центральный книжный магазин, магазин «ГУМ», магазин «Кирмаш», магазин «ЦУМ», магазин «Беларусь», магазин «Волгоград», кинотеатр «Москва», кинотеатр «Октябрь»; парк имени Горького, Ботанический сад; река Свислочь и некоторые другие. Встречаются городские хоронимы – названия районов города (Зеленый луг, Восток, Малиновка). В то же время авторы обращают вни-

мание на природную составляющую пространства Беларуси: в тексте пособия присутствуют гидронимы (река Западная Двина, озеро Нарочь, река Неман и др.), названия лесных массивов и заповедных зон (Беловежская пуца и др.).

Авторы учебного пособия, вышедшего в БГУ в 2012 году [12], создают еще более подробную модель Беларуси и белорусской столицы. В нем упоминается большое число белорусских городов: помимо столицы и областных центров авторы называют Полоцк, Заславль, Несвиж, Оршу, Мозырь, Пинск, Солигорск, Новополоцк и др., предлагают, таким образом, пример исторически насыщенного городского ландшафта либо пример современного города, знакомят иностранных учащихся с наиболее старыми центрами и совсем молодыми городами Беларуси. Ряд населенных пунктов упоминается в связи с тем, что они являются «малой родиной» известных людей (Адам Мицкевич и город Новогрудок; Михаил Огинский и город Слоним; Янка Купала и деревня Вязинка и т.д.) либо памятным местом, связанным с событиями Великой Отечественной войны (деревня Хатынь). В качестве наиболее интересных для иностранной аудитории белорусских городов авторы выбирают Полоцк и Витебск. Материал, посвященный данным городам, содержит упоминание о значимых в культурном и историческом планах внутригородских объектах. В текстах встречаются экклезионимы – названия соборов (Софийский собор, Спасо-Преображенская церковь, Спасо-Ефросиниевский монастырь в Полоцке), ойкодомонимы (Полоцкий государственный университет, Музей белорусского книгопечатания; Дом-музей Марка Шагала и др.), гидронимы (реки Западная Двина/Двина и Витьба, на месте слияния которых появился город Витебск и др.), годонимы (улица Покровская), названия памятников (памятник Франциску Скорине, памятник Евфросинии Полоцкой, памятник букве «Ў»), название международного музыкального фестиваля («Славянский базар»). В качестве значимых объектов природы авторы называют Браславские озера, озеро Нарочь, Минское море; Беловежскую пуцу/Государственный национальный парк «Беловежская пуца».

На страницах пособия большое внимание уделяется созданию образа города Минска. Авторы уже с первых страниц книги дают сведения о внутригородских объектах, улицах и

площадях белорусской столицы, постепенно наращивают информацию о географии города, добавляя названия различных улиц, проспектов, площадей и сведения о них (проспект Независимости, проспект Победителей, улица Ленина, улица Толстого, улица Немига, улица Московская и многие другие; площадь «Октябрьская», площадь Победы, площадь Свободы и т.д.). Использование именно этих годонимов и агоронимов объясняется расположением на данных улицах и площадях значимых в культурном, научном, образовательном и т.п. планах городских объектов – официальных учреждений (Дом правительства, Национальный банк Республики Беларусь, Академия наук Республики Беларусь, Городская ратуша и т.п.), учебных заведений и их структур (Белорусский государственный университет (БГУ), Институт журналистики БГУ, Белорусский хореографический колледж и другие), музеев (Дом-музей Максима Богдановича, Дом-музей Янки Купалы, Художественный музей и другие), зданий (Железнодорожный вокзал, аэропорт «Минск-2», Гостинный двор и др.), магазинов (магазин «Столица», магазин «Мир музыки» и др.), театров, кинотеатров, концертных площадок (Национальный академический Большой театр оперы и балета/Большой театр, театр имени Янки Купалы/Купаловский театр и т.д.; кинотеатр «Москва», кинотеатр «Киев» и др.; концертный зал «Минск» и т.п.), спортивных объектов (Ледовый дворец, стадион «Динамо» и др.), предприятий (Минский тракторный завод, Минский автомобильный завод и др.). Их упоминание, описание, а иногда и подробный рассказ о них позволяет представить Минск в качестве центра науки, культуры, образования, промышленности и т.п. В поле зрения попадают также районы либо части города: хоронимы Верхний город, Троицкое предместье обозначают наиболее известные в Минске туристические места. Авторы отмечают наличие в городском ландшафте рекреационной зоны, называя ряд парков (Центральный детский парк культуры и отдыха имени Горького/парк Горького, Купаловский парк/парк «Купаловский», парк Челюскинцев, Ботанический сад и др.) и реку Свислочь.

Сведения о России и российской действительности в данном пособии становятся фоновыми и привлекаются только на основании их связи с белорусскими реалиями, их смежности с теми или иными фактами белорусской современной действительности либо исторической общности. Например, рассказывая о Витебске,

авторы упоминают города соседних стран: «В это время в Витебске была построена железная дорога, которая связала этот замечательный город с Москвой, Киевом и Петербургом» [12, с. 199]; в биографическом тексте об Адаме Мицкевиче вспоминают о дружбе поэта с Александром Сергеевичем Пушкиным [12, с. 176–177] и т.д. Вопрос о соотношении текста белорусской и русской культуры может быть выделен в качестве проблемного в белорусской учебной литературе для иностранцев и требует тщательного рассмотрения.

В пособиях по русскому языку как иностранному редко упоминаются государственные образования и объединения современности и прошлого, в которые входит либо входила Республика Беларусь. Эта позиция авторов понятна и объясняется сложностью подачи исторического материала в иностранной аудитории, а также возможной неоднозначностью исторических трактовок. Например, в пособии «Русский язык как иностранный (начальный курс)» [11] упоминается Содружество Независимых Государств (СНГ), однако в целом данное издание старается не касаться вопросов истории, сосредоточивая взгляд на описании современного белорусского пространства. В учебном издании БГУ [12] в тексте, посвященном изучению языков, говорится о Содружестве Независимых Государств (СНГ), в странах которого изучают русский язык наряду с Россией, однако не называется Беларусь напрямую членом СНГ и не перечисляются другие страны содружества. Другая информация об историческом прошлом Беларуси является размытой и фрагментарной, дает только наброски исторического процесса, появляется в связи с описанием фактов биографии известных людей и порой требует уточнения. Так, в тексте о Михаиле Огинском читаем: «В те далекие годы Польша, Беларусь и Литва входили в состав Российской империи» [12, с. 196]. Текст об Адаме Мицкевиче содержит информацию: «Адам Мицкевич мечтал собрать много денег и освободить родину от власти русского царя» [12, с. 177]. В рассказе о Марке Шагале есть строки: «Марк Шагал родился в 1887 году. Его молодость прошла в этом прекрасном зеленом городе. Когда произошла Октябрьская революция 1917 года, он стал комиссаром новой художественной школы» [12, с. 201]. У человека непосвященного (иностранца) может возникнуть ложное впечатление, что революция произошла на территории Беларуси. Ряд исторических фактов далекого прошлого предлагает текст

«Рогнеда» [12, с. 219]. Так, город Полоцк упоминается как место рождения княгини Рогнеды, однако отсутствие комментария о том, что он являлся столицей первого белорусского государственного образования – Полоцкого княжества, не позволяет в полной мере понять его значимость для белорусской истории. Термины Русь, Древняя Русь, «Киевское» княжество не объяснены иностранной аудитории, спорным можно назвать расположение крепости Изяславль на «окраине «Киевского» княжества», а также предложенный комментарий: «Сейчас это небольшой городок Заславль, который находится недалеко от Минска» [12, с. 219].

Однако практически во всех изданиях, за исключением учебника В.Г. Будая [10], вспоминаются трагические события Великой Отечественной войны, рассказывается о местах памяти (площадь Победы, деревня Хатынь), традициях празднования Дня Победы. Этот факт позволяет утверждать, что данные события отложились в памяти белорусов как национальный образующий фактор, который осознается и транслируется белорусским обществом. Пособие В.Г. Будая рассказывает о «бывшем государстве» Советский Союз (СССР), называет Беларусь, Россию (Российскую Федерацию), Украину, Молдову, Литву и другие бывшие союзные республики, но более не дает никаких сведений о прошлом Республики Беларусь.

В целом, белорусские учебные издания по РКИ ориентированы на создание модели современной Беларуси. Этому способствует использование самых различных средств: в пособиях есть имена известных белорусских спортсменов, музыкантов, писателей и поэтов, ученых современности, людей, которые стали известными благодаря своей деятельности; подробно описывается городское пространство; встречаются названия государственных и общественных организаций; упоминаются названия произведений искусства – фильмы, книги и т.п., в фокус внимания авторов учебных пособий попадают проводимые в городе культурные мероприятия, программы белорусского телевидения, печатные издания – все это позволяет создать подробную модель пространства страны, которая поможет иностранцу открыть для себя Беларусь как реальную страну обучения. Анализ этого пласта лексики в изданиях для иностранцев, роли и функции имен собственных разных видов, способы работы с ними могут стать темой дальнейшего исследования.

Заключение. Таким образом, анализ учебных изданий Беларуси по русскому языку как

иностранному позволяет отметить тенденцию к повышению значимости языковых единиц, описывающих белорусское национальное пространство. Если в первом пособии по РКИ в Беларуси [10] еще преобладала географическая информация нейтрального характера (упоминания о различных городах, странах, всемирно известных природных объектах и т.д.) или же сведения о России (под влиянием российских изданий), то в последующих изданиях [11; 12] пространство белорусской национальной культуры становится основным. Можно по-разному оценивать данную тенденцию, однако нельзя не согласиться, что она соответствует современным белорусским реалиям и продиктована ситуацией официального двуязычия, закрепившего русский язык в статусе официального государственного языка Беларуси. Действие фактора языковой среды, нахождение обучаемых в русскоязычном пространстве, которое в культурном плане является белорусским, приводит к тому, что учебная литература начинает отражать белорусские реалии, воссоздавая на своих страницах с разной степенью достоверности национальную картину мира. Понимание Беларуси в качестве страны изучаемого языка легло в основу собственной школы подготовки учебных изданий по РКИ. Проанализированные издания были подготовлены в минских учреждениях высшего образования и дают наиболее подробную картину белорусской столицы, ориентируясь на студентов, обучающихся в Минске. В ситуации создания национального учебника, адресованного студентам любого вуза, информация о стране обучения должна быть более сбалансированной, в связи с тем, что большое количество иностранцев приезжает в университеты Витебска, Гродно, Бреста и других белорусских городов. В качестве проблемного вопроса можно также назвать необходимость поиска оптимального соотношения презентации национальной и всемирной культуры в данного рода учебных изданиях, определение сбалансированного количества страноведческой информации (о Беларуси, России и др.). Это особенно важно в ситуации, когда часть иностранных студентов ориентируется на завершение образования в Беларуси, а другая часть продолжает обучение за пределами нашей страны, прежде всего в высших учебных заведениях Российской Федерации.

Литература

1. Петров, В.М. Количественные методы в искусствознании: учеб. пособие для вузов / В.М. Петров. – М., 2000. – Вып. 1: Пространство и время художественного мира. – 204 с.
2. Осипов, А.И. Пространство и время как категории культуры: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / А.И. Осипов. – Минск, 1990. – 41 с.
3. Фролов, Н.К. О концепте «лингвономастическое пространство» (к постановке проблемы) / Н.К. Фролов // Пространство и время в языке, язык в пространстве и времени: сб. ст. – Тюмень, 2005. – С. 5–12.
4. Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе / М.М. Бахтин // Литературно-критические статьи. – М., 1986. – С. 121–290.
5. Аюпова, С.Б. Категория пространства и времени в языковой художественной картине мира (на материале художественной прозы И.С. Тургенева): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / С.Б. Аюпова. – Уфа, 2012. – 49 с.
6. Данилова, Ю.Ю. Категории пространства и времени в поэтических текстах З.Н. Гиппиус: лексико-семантический, грамматический, структурный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.Ю. Данилова. – Тюмень, 2007. – 24 с.
7. Десяев, С.Н. Категории пространства и времени в образной структуре телевизионной публицистики: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / С.Н. Десяев. – М., 2005. – 45 с.
8. Крикливец, Е.В. Пространство и время в литературоведении и художественной практике В. Астафьева и В. Козько / Е.В. Крикливец // Романо-германская филология в контексте гуманитарных наук: междунар. сб. науч. ст. – Новополоцк, 2011. – С. 230–234.
9. Квачек, А.В. Пространство и время в романах Ж.-М. Г. Леклезю: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.В. Квачек. – Минск, 2011. – 23 с.
10. Будай, В.Г. Русский с алфавита: практ. курс рус. яз.: учеб. пособие для иностр. студентов / В.Г. Будай. – Минск: Изд. центр БГУ, 2003. – 352 с.
11. Меренкова, Л.А. Русский язык как иностранный (начальный курс): учеб. пособие / Л.А. Меренкова [и др.]. – Минск: Элайда, 2010. – 432 с.
12. Вариченко, Г.В. Русский язык как иностранный (базовый уровень): учеб. пособие / Г.В. Вариченко, Е.В. Кишкевич, Ж.В. Прокопина. – Минск: БГУ, 2012. – 235 с.

Поступила в редакцию 10.10.2013 г.

Принята в печать 30.12.2013 г.

УДК 811.161.1'373.211.1(476.5)

Ойконимия Белорусского Поозерья как объект исследования

Васильева Т.Ю.

*Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск*

Белорусское Поозерье как чрезвычайно интересный в историческом и лингвистическом планах регион являлся объектом исследования многих ученых – лингвистов, фольклористов, этнографов, археологов и др.

В статье проводится обзор лингвистических исследований, посвященных рассмотрению названий населенных пунктов Белорусского Поозерья, и описываются ономастические словари, фиксирующие региональный ойконимный материал. Основная часть работы предваряется описанием географического положения региона, характеристикой исторических фактов, нашедших отражение в системе названий населенных пунктов. Дескриптивный анализ включает описание публикаций белорусских ученых-ономастологов, обращавшихся в своих трудах к рассмотрению структурных, семантических, лингвогеографических особенностей ойконимов региона. Отмечается, что ойконимия Белорусского Поозерья получила достаточно широкую лексикографическую фиксацию в ряде словарей. Устанавливается, что большинство исследований ойконимной системы не выходит за рамки описательной лингвистики, что предвещает перспективность изучения названий населенных пунктов данного региона с антропоцентрических позиций.

Ключевые слова: ойконим, ойконимия, Белорусское Поозерье, лингвистические исследования, ономастические словари.

(Ученые записки. – 2013. – Том 16. – С. 162–166)

Oikonymy of Belarusian Poozerye as the Object of the Research

Vasilieva T.Y.

Educational establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

Belarusian Poozerye as an extremely interesting region in the historical and linguistic framework is studied by many scholars – linguists, folklorists, ethnographers, archaeologists, etc.

The article provides a review of linguistic studies devoted to the names of settlements in Belarusian Poozerye. Onomastic dictionaries with the records of regional oikonymic data are described in the article. The research part itself is preceded by the description of the location of the region and the characteristics of some historical facts reflected in the system of settlement naming. Descriptive analysis includes the review of the publications by Belarusian scholars who have studied structural, semantic, linguistic and geographical peculiarities of the names of the settlements in the region. It is noted that the oikonymy of Belarusian Poozerye has vast lexicographical record in several dictionaries. It is ascertained that the majority of oikonymic studies don't go beyond the framework of descriptive linguistics. It explains the prospect of the oikonymic research based on the anthropocentrism.

Key words: oikonym, oikonymy, Belarusian Poozerye, linguistic studies, onomastic dictionaries.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 16. – P. 162–166)

Белорусское Поозерье как природный регион, выделяемый в результате физико-географического и ландшафтного районирования территории Беларуси, охватывает северную часть республики и ограничивается с юга линией, примерно проходящей по населенным пунктам Островец–Сморгонь–Вилейка–Докшицы–Псуя–Лепель–Новолукомль–

Толочин–Осинторф. В административном отношении Белорусское Поозерье занимает почти всю Витебскую область, северо-западную часть Минской и северо-восточную Гродненской областей. В лингвистических исследованиях территория данного региона ограничивается пределами Витебской области.

Адрес для корреспонденции: e-mail: vasilieva.vitebsk@yandex.by – Т.Ю. Васильева

Белорусское Поозерье представляет собой чрезвычайно интересный в историческом плане регион. В первых веках нашей эры здесь жили кривичи – представители одного из союзов восточнославянских племен. Они селились в укрепленных местах – городищах, располагавшихся на возвышенностях, на берегах рек и озер, и занимались земледелием, скотоводством и домашними ремеслами. Племена кривичей находились в постоянном ассимилирующем контакте с балтскими племенами. Следы такого взаимодействия и сегодня прослеживаются в топонимической лексике региона. С течением времени кривичи вместе с другими родственными племенами вошли в состав единой древнерусской народности, а на их землях сформировалось Полоцкое княжество – одно из первых государственных образований на территории современной Беларуси и мощная политическая единица древней Руси. Экономическому и культурному развитию региона способствовало размещение на пересечении важнейших транспортных путей. Здесь проходил древний торговый путь «из варяг в греки», сходились дороги, соединявшие Западную и Восточную Европу, начинался непосредственный выход к Балтийскому морю. Археологические раскопки, проведенные в Витебске, свидетельствуют о торговых контактах витеблян с Новгородом, Киевом, Москвой и другими городами и княжествами.

Исторические события прошлого оказали значительное влияние на складывание, становление и функционирование ойконимов Витебщины. Как и другие белорусские земли, Поозерье входило в состав Польши и Российской империи, о чем свидетельствуют топонимы региона, несущие на себе следы полонизации и русификации. Так, названия двух районных центров Витебщины *Лёзно* и *Мёры* во многих справочниках, на картах и указателях по-русски передаются как *Люзно* и *Миоры*, что отражает польское *Liozno* и *Miory*, где буква «i» указывает на мягкость предшествующего согласного. Воспроизведение русскими картографами полонизированных вариантов белорусских топонимов приводило к возникновению значительного количества искаженных названий, поэтому восстановление полноценной топонимической картины региона возможно только с учетом всех исторических фактов.

Белорусское Поозерье представляет собой весьма интересное явление в лингвистическом плане, поскольку данный регион «имеет бога-

тую историю письменности, отражает дославянские явления в ономастике, дает возможность изучить на диалектном уровне особенности не только белорусского языка, но и островных русских и польских говоров» [1, с. 3].

Важнейшие этапы жизни белорусского народа и языковые особенности Белорусского Поозерья отразились в системе названий населенных пунктов региона, в связи с чем ойконимы Витебщины представляют исследовательский интерес как в качестве культурологического материала, так и как лингвистический источник. Однако с 70-х гг. XX в. наблюдается активный процесс сокращения количества поселений региона. В словаре Е.Н. Рапановича приводятся следующие цифры: «В 1968 г. из 29342 населенных пунктов Беларуси на долю Витебской области приходилось 9007. На 1 января 1977 г. область имела 7785 поселений» [2, с. 5]. В настоящее время, по данным В.М. Генкина, территория Белорусского Поозерья насчитывает 6528 населенных пунктов [3]. Исчезновение населенных пунктов приводит к утрате значительного количества ойконимов, в связи с чем большой интерес вызывают исследования ойконимной системы региона, сделанные в разное время.

Цель нашей работы – проведение обзора лингвистических исследований, объектом анализа в которых выступает ойконимия Белорусского Поозерья.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили работы российских и белорусских ученых, посвященные лингвистическому рассмотрению ойконимов Белорусского Поозерья, а также лексикографические издания, включающие региональный ойконимный материал. Цель настоящего исследования предопределила использование преимущественно дескриптивного метода, реализованного в таких приемах, как изучение, обобщение и интерпретация материала. Применение данных приемов дает возможность определить степень изученности ойконимной системы региона и выявить перспективные направления дальнейших исследований в области ойконимики.

Результаты и их обсуждение. Лингвистическое изучение топонимов Белорусского Поозерья началось в последнее десятилетие XIX в. с появлением исследований А.А. Кочубинского, Ю.Ю. Трусмана, Е.Р. Романова. В 1897 г. выходит статья А.А. Кочубинского «Территория доисторической Литвы» (Санкт-

Петербург, 1897) [4], в которой автор, анализируя озерные и речные названия Минской, Виленской и Витебской губерний, указывает на наличие множества балтийских гидронимов на белорусских землях. Основываясь на полученных данных, исследователь предложил свою гипотезу прародины древних балтов, согласно которой балтийские земли в древности включали на юге северный бассейн реки Припять, на востоке – бассейн Березины, на западе – верхнюю часть бассейна реки Нарвы.

В это же время увидела свет работа Ю.Ю. Трусмана «Этимология местных названий Витебской губернии» (Ревель, 1897) [5], в которой исследуется языковая принадлежность и приводится предположительная этимология для более 7600 ойконимов и гидронимов. Следует отметить, что автором значительно преувеличивается роль и влияние балтийских языков на формирование топонимикона Витебщины, в связи с чем толкование многих топонимов в словаре представляется достаточно спорным.

В 1898 г. Е.Р. Романов публикует «Общий очерк Витебской губернии» [6], в котором большое внимание уделяется описанию названий больших и малых населенных пунктов, рек, ручьев, озер, лугов, возвышенностей, болот Велижского уезда¹ Витебской губернии. Анализ структурных и семантических особенностей топонимов позволил автору распределить названия поселений на четыре группы: 1) характеризующие «природу известного пункта, его флору и фауну, и его положение (*Рудня, Холмы, Амшарки, Заболотье, Осиновица, Козье* и т.д.)» [6, с. 273]; 2) характеризующие отличительные признаки (*Красное, Узкое*), расположение (*Клинобор*), время основания (*Новка, Старинка*) и тип поселения (*Починок, Слобода*); 3) связанные с человеком и его деятельностью (*Лесники, Тележники*); 4) названия неопределенного значения и происхождения (*Хухово, Вердынь*). По данным исследователя, самыми многочисленными являются ойконимы, связанные с человеком и его деятельностью, которые составляют две трети от общего числа проанализированных наименований.

¹ В настоящее время территория Велижского уезда (в границах на 1917 год) входит в состав Велижского района Смоленской области, Куньинского и Усвятского районов Псковской области, Западнодвинского и Жарковского районов Тверской области России и Витебского района Витебской области Беларуси.

Системные научные исследования белорусского ойконимного материала начались только во второй половине XX в. Изучением названий населенных пунктов в отечественной ономастике в это время занимаются Е.М. Адамович, Н.В. Бирилло, Э.К. Бирилло, П.С. Будько, М.Я. Гринблат, В.А. Жучкевич, Р.М. Козлова, В.П. Лемтюгова, Е.Н. Рапанович, А.Ф. Рогалев, П.П. Шуба, С.А. Янушкевич.

Определенная часть ойконимного материала Белорусского Поозерья стала объектом исследования Н.В. Бирилло и А.П. Ванагаса «Литовские элементы в белорусской ономастике» (1968) [7], посвященного выявлению литовских элементов в системе названий населенных пунктов Беларуси. В работе дается описание словообразовательных моделей литовского происхождения, очерчивается территория распространения и плотность размещения ойконимов каждой модели в пределах Беларуси, по возможности приводится лексическая характеристика ойконимообразующих основ. Авторы отмечают, что на белорусско-литовском пограничье, включающем часть Витебщины, широкое распространение имеют ойконимы с литовскими формантами *-шки, -аны, -они, -уны, -ейки, -ейши, -ели, -ойти, -ули, -уки, -ути, -ини, -ени, -оли*, префиксальные дериваты с приставками *па-, аж-, анта-* и сложные наименования балтийского происхождения.

Структурные особенности ойконимов Витебской области анализируются Л.Н. Григорьевой в кандидатской диссертации «Ойконимия Белорусского Подвинья» [8]. В ходе лингвистического анализа ойконимного материала исследователем устанавливается набор словообразовательных аффиксов, зафиксированных в структуре названий поселений региона, выявляются основные структурно-словообразовательные типы ойконимов, характеризуются продуктивность и локализация наименований каждого типа, выделяются и описываются неславянские и гибридные топонимы, определяется своеобразие ойконимного ландшафта Витебщины в сопоставлении с другими регионами Беларуси (Минщины, Гомельщины). В последующих публикациях автор обращается к рассмотрению вопросов отражения славяно-балтийских связей в системе названий населенных пунктов исследуемого региона [9; 10].

В конце XX – первом десятилетии XXI в. ойконимными данными Белорусского Поозерья пользуются в своих научных трудах Е.А. Валасенко, Е.В. Ковалева, И.Л. Копы-

лов, А.М. Мезенко, А.Ф. Рогалев, Н.А. Радивановская.

В настоящее время исследованием ойконимов Белорусского Поозерья в структурном и семантическом аспектах активно занимается В.М. Генкин. В книге «Ойконимия и катойконимия Белорусского Поозерья» (2009) [11] автором представлен системный обзор названий населенных пунктов Витебской области и производных от них наименований жителей. В первом теоретическом разделе работы («Ойконимия Белорусского Поозерья») рассматриваются структурные и грамматические модели названий поселений региона, дается формантная характеристика простых производных топонимов и описываются наиболее продуктивные топонимные типы, затрагиваются вопросы лексического, фонетического, орфографического, грамматического и словообразовательного варьирования ойконимов, приводится лексико-семантическая характеристика ойконимобразующих основ.

Ойконимия Белорусского Поозерья нашла отражение в ряде словарей. Следует назвать «Географический словарь древней Жомойтской земли XVI столетия...» И.Я. Спрогиса (1888), который включает около 10 тысяч преимущественно литовских топонимов, зафиксированных в актовых книгах Россиенского земского суда XVI в.

Большой интерес ономастов и краеведов вызывает «Список населенных пунктов Витебской губернии», вышедший в 1906 г. под редакцией известного ученого, краеведа и историка Витебщины А.П. Сапунова. Всего список включает 24734 названия населенных пунктов.

Значительное количество ойконимов Витебской области зафиксировано в «Кратком топонимическом словаре Белоруссии» В.А. Жучкевича (1974), содержащем толкования названий всех городов, городских поселений и крупных сельских поселений Белорусской ССР. Ойконимы приводятся на русском и белорусском языках и сопровождаются акцентологическими пометами.

В 1977 г. выходит «Слоўнік назваў населеных пунктаў Віцебскай вобласці» Е.Н. Рапановича. Ойконимный материал в словаре фиксируется на белорусском и русском языках; каждое название сопровождается акцентологическими и грамматическими пометами, даются падежные окончания и оттопонимные прилагательные; также в словарной статье указывается тип поселения и называются район и сельсовет, в пределах которых

населенный пункт находится. В случаях смены названия поселением приводится год переименования и оригинальный ойконим.

В изданном в 2005 г. «Слоўніку адтапанімных дэрыватаў Віцебшчыны» В.М. Генкина, наряду с оттопонимными производными, приводится в полной мере перечень названий населенных пунктов Витебской области.

Первое десятилетие XXI в. ознаменовалось выходом в свет нормативных справочников «Названия населенных пунктов Республики Беларусь» по всем шести областям современной Беларуси, в том числе по Витебской (2009). Справочник «Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць» включает все зафиксированные на 1 января 2008 г. названия населенных пунктов области, которые приводятся на белорусском языке кириллицей и латиницей и на русском языке. В белорусской части справочника во всех названиях показывается ударение, регулярно указываются грамматический род и окончания наиболее употребительных в письменной практике падежей (родительного, творительного, предложного). Под отдельными рубриками помещаются варианты названия, которые не рекомендуются авторами справочника для употребления в качестве официальной письменной формы, и утраченные ойконимы, вышедшие в настоящее время из употребления по различным причинам (включение сельских поселений в состав городских, ликвидация хуторов, процесс переименований).

Заключение. Подводя итоги исследования, отметим, что лингвистическое изучение ойконимов Белорусского Поозерья имеет достаточно длительную историю. В работах ученых XIX–XXI вв. названия населенных пунктов подробно рассматривались в этимологическом, структурно-грамматическом и семантическом аспектах. Ойконимия региона получила достаточно широкую лексикографическую фиксацию в ряде словарей. При этом большинство исследований ойконимной системы Белорусского Поозерья не выходит за рамки описательной лингвистики, что предвещает перспективность изучения ойконимов в лингвокультурологическом, этнолингвистическом, когнитивном и других аспектах.

Литература

1. Белорусское Поозерье: язык и духовная культура / А.М. Мезенко [и др.]; под ред. А.М. Мезенко, А.В. Русецкого. – Минск: Беларус. навука, 2001. – 214 с.

2. Рапановіч, Я.Н. Слоўнік назваў населеных пунктаў Віцебскай вобласці / Я.Н. Рапановіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1977. – 504 с.
3. Генкін, У.М. Сучасная айканімія Віцебшчыны: лічбы і назіранні / У.М. Генкін // Нацыянальная мова і нацыянальная культура: аспекты ўзаемадзеяння: зб. арт. / Беларус. дзярж. пед. ун-т; рэдкал.: Д.В. Дзятко (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2009. – С. 39–42.
4. Кочубинский, А.А. Территория доисторической Литвы / А.А. Кочубинский // Журнал Министерства народного просвещения. – 1897. – Ч. СССІХ. – С. 60–94.
5. Трусман, Ю.Ю. Этимология местных названий Витебской губернии / Ю.Ю. Трусман. – Ревель: Типография Г. Матизена, 1897. – 331 с.
6. Романов, Е.Р. Общий очерк Витебской губернии / Е.Р. Романов // Памятная книжка Витебской губернии на 1898 г. Приложения. – Витебск, 1898. – С. 40–308.
7. Бірыла, М.В. Літоўскія элементы ў беларускай анамастыцы / М.В. Бірыла, А.П. Ванагас. – Мінск: Навука і тэхніка, 1968. – 100 с.
8. Григорьева, Л.Н. Ойконимия Белорусского Подвинья: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.Н. Григорьева. – Минск, 1978. – 23 с.
9. Грыгор'ева, Л.М. Агульныя і рэгіянальныя рысы ў айканіміі балта-славянскага пагранічча / Л.М. Грыгор'ева // Рэгіянальныя традыцыі ва ўсходнеславянскіх мовах, літаратурах і фальклоры: тэз. дакл. II Рэсп. навук. канф., 24–25 верас. 1980 г. / Гомел. дзярж. ун-т; М.М. Грынчык [і інш.]. – Гомель, 1980. – С. 121–122.
10. Грыгор'ева, Л.М. Славяна-балтыйскія сувязі ў айканіміі беларускага Падзвіння / Л.М. Грыгор'ева // Bałto-słowiańskie związki językowe. – Wrocław, 1990. – S. 141–148.
11. Генкин, В.М. Ойконимия и катойконимия Белорусского Поозерья: учеб.-метод. пособие / В.М. Генкин. – Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2009. – 115 с.

Поступила в редакцию 30.09.2013 г.

Принята в печать 30.12.2013 г.

УДК 811.161.1'373.235(476)“18”

Мужчинская антрапанімія Бешанковіччыны XIX стагоддзя: сістэмны аналіз

Сасноўская К.А.

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”, Віцебск

Артыкул прысвечаны выяўленню асаблівасцей функцыянавання мужчынскіх асабовых імён на тэрыторыі Бешанковіцкага раёна ў XIX стагоддзі. У працы аналізуецца сучасны стан развіцця рэгіянальнай анамастыкі. Матэрыялам для даследавання паслужылі архіўныя матэрыялы, сабраныя ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі. Праводзіцца этымалагічны, словаўтваральны аналіз мужчынскіх намінацый, супастаўляюцца атрыманыя і дадзеныя з інвентаром гараджан г. Віцебска XVI–XVIII стст. Вызначаюцца найбольшы пашыраныя фанетычныя і марфалагічныя змены. У ходзе фанетычна-марфалагічнага аналізу вызначаецца, што на даследаванай тэрыторыі распаўсюджаны размоўна-бытавыя і традыцыйна-царкоўныя формы імён. Робіцца вынік аб тым, што найбольшы ўплыў на фарміраванне мясцовага іменніка таго часу аказаў праваслаўны каляндар. Наяўнасць іматварыянтных форм мужчынскіх намінацый дазваляе гаварыць аб несфарміраванасці арфаграфічных норм фіксацый імён і ў XIX стагоддзі.

Ключавыя словы: рэгіянальная антрапанімія, імянік, царкоўны каляндар, намінацыя.

(Ученые записки. – 2013. – Том 16. – С. 167–171)

Masculine Anthroponymy of Beshenkovichy District of the XIX Century: System Analysis

Sosnovskaya E.A.

Educational establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article is devoted to finding out features of functioning of masculine names in Beshenkovichy district in the XIX century. In the work the current state of development of regional onomastics is analyzed. Materially for the research the documents collected in the National Historical Archive of Belarus served. Etymological, word-building analysis of masculine names is carried out, the obtained data are compared with the inventory of citizens of Vitebsk of the XVI–XVIII centuries. Phonetic and morphological changes of names are established. In the course of the phonetic and morphological analysis the following conclusion is drawn: in the studied territory colloquial and household and traditional and church forms of names function. The Orthodox calendar has the greatest impact on the formation of masculine names. A large number of forms of masculine names testify to non formation of spelling norms of fixing of names even in the XIX century.

Key words: regional anthroponymy, name list, church calendar, nominative practice.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 16. – P. 167–171)

У сучаснай навуцы ўсё большую актуальнасць набываюць працы, прысвечаныя рэгіянальным даследаванням. Дадзеныя накірунак дазваляе яскрава выявіць моўную спецыфіку рэгіёна, у прыватнасці намінацыйную сферу, дзе ўласныя імёны з’яўляюцца рэпрэзентатарамі духоўнай і матэрыяльнай культуры народа. Аналіз рэгіянальнай антрапаніміі дае магчымасць выявіць асаблівасці беларускай анамастыкі ўвогуле. Вывучэнне сельскіх намінацый у дынаміцы тлумачыцца і неабходнасцю пра-дэманстраваць змест гістарычнага працэсу на

тэрыторыі, які накладвае адбітак на стан іменавання. Д.У. Сямькін у сваёй працы “Антрапанімія Чардынскай рэвізскай казкі 1711” сцвярджае, што ў адрозненне ад тапонімаў асабовыя імёны адлюстроўваюць лексіку актыўнага запasu абмежаванага пра-межку часу [1, с. 4].

Даследаванне рэгіянальнай анамастыкі прыцягвае ўвагу вялікай колькасці вучоных (М.Ю. Бяляева, А.С. Шчарбак, І.А. Каралёва, Г.М. Мезенка, Т.У. Скрабнёва, В.М. Ляшкевіч, Т.А. Карніеўская, Г.К. Семьянкова), але пытанні дадзенай галіны вырашаны не да канца.

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: sosnovicheva@mail.ru – К.А. Сасноўская

На тэрыторыі Беларусі даследаваны толькі антрапаніміконы асобных буйных гарадоў Брэстчыны, Гомельшчыны, Гродзеншчыны і Віцебшчыны. Таму для ўяўлення агульнай карціны сістэмы іменавання на Віцебшчыне даследаванне рэгіёнаў застаецца актуальным і неабходным.

Бешанковіцкі раён размешчаны ў цэнтры Віцебскай вобласці (утвораны 17.07.1924 г.), цэнтрам якога з’яўляецца г.п. Бешанковічы. Першыя ўпамінанні пра Бешанковічы датуюцца 1447 годам, па дадзеных А.П. Сапунова, Казімір у памяць выратавання сваёй жонкі ад патаплення загадаў пабудаваць у Беларусі шэсць цэркваў ў імя святога Ільі-прарока.

На фарміраванне іменніка жыхароў Бешанковіцкага раёна безумоўна аказвалі ўплыў гістарычныя падзеі. Паводле падання, Бешанковічы некалі знаходзіліся на месцы сучаснай вёскі Мількавічы, на левым беразе Заходняй Дзвіны, пазней паселішча было перанесена на 6 вёрст ніжэй. Даследчыкі тапанімікі лічаць, што назву Бешанковічы атрымалі ад слова “бешань” – надзвычай імклівая плынь на сярэдзіне ракі. З назвай даследуемага рэгіёна звязаны такія імёны, як Леў Казімір Сапега, Агінскія, пры якіх аўтарытэт мястэчка ў эканамічным і культурным жыцці значна вырас. Адбываўся хуткі працэс урбанізацыі. У Бешанковічы і наваколле ў сярэдзіне XVIII ст. прыбывалі стараверы, піліпаўцы. З сярэдзіны XVIII ст. населены пункт налічваў каля 6 тысяч жыхароў. Пасля першага падзелу Рэчы Паспалітай у 1772 годзе ўся задзвінская частка маёнтка Бешанковічы перайшла да Расіі. Мяжа праходзіла па Заходняй Дзвіне. Такім чынам, Бешанковічы з суседнімі землямі былі падзелены на дзве часткі, што знаходзіліся адначасова ў дзвюх дзяржавах – Расіі і Рэчы Паспалітай. Нельга не ўзгадаць вядомы на ўсю Беларусь бешанковіцкі кірмаш, куды з’язджаліся купцы, дзелавыя людзі з Мінска, Брэста, Слуцка, Вільні, гарадоў Расіі і іншых замежных дзяржаў. Паводле другога падзелу Рэчы Паспалітай у 1793 годзе Бешанковічы поўнасьцю адышлі да Расіі і ўвайшлі ў склад Лепельскага павята Полацкай, а з 1802 г. Віцебскай губерні. На пачатак першай сусветнай імперыялістычнай вайны ў Бешанковічах мелася 3 народныя вучылішчы, жаночая царкоўна-прыходская школа і яўрэйскае народнае вучылішча.

Мэта працы – выяўленне асаблівасцей мужчынскага іменніка Бешанковіцкага раёна XIX стагоддзя.

Матэрыял і метады. У якасці матэрыялу даследавання ўласных імёнаў скарыстаны “Инвентарь имени Бочейково помещика Станислава Цехановецкого 05.06.1842” [6], выписы з метрычных кніг за 1876–1916 гг. Полацкай Духовнай Кансісторыі [7], “Метрические книги регистрации рождений, браков и смерти Верховской, Мартиновской, Низголовской, Стрижевской, Свечанской церковей Полоцкой Духовной Консистерии” 1878 г. [8], “Книга о умерших Улльской церкви Лепельского уезда (1909–1913 гг.)” [9], “Книга для записи брачных обысков 1867–1879 гг. (Обыскная книга Улянской Святой Преображенской церкви)”, якія захоўваюцца ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі. У ходзе аналізу фактычнага матэрыялу выкарыстоўваліся метады лінгвістычнага апісання, параўнальна-супастаўляльны, элементы арэальнага.

Вынікі і іх абмеркаванне. У даследаваных крыніцах XIX стагоддзя зарэгістравана 186 уласных імён (1006 фіксацый). У адрозненне ад сучаснасці, большую колькасць іменніка складаюць мужчынскія намінацыі – 62% (116 імён – 521 фіксацыя). Паводле даследавання на судненасць мужчынскіх і жаночых намінацый Бешанковіччыны, якое праводзілася ў 2010 годзе, жаночыя імёны пераважаюць над мужчынскімі (56 і 54% адпаведна). Малая колькасць жаночых антрапанімаў у XIX ст. тлумачыцца адсутнасцю ў той час у жанчын юрыдычных правоў, а адсюль і фіксацый ў афіцыйных дакументах. Сярэдні каэфіцыент аднайменнасці (СКА – велічыня, роўная дзяленню агульнага ліку носьбітаў на колькасць зафіксаваных імён дадзенага перыяду) на даследаванай тэрыторыі складае 4,5. Аналіз выкарыстання дазеных адзінак дазволіў вызначыць самыя папулярныя імёны гэтага перыяду: *Андрей*¹ (10 носьбітаў), *Василий* (41), *Григорий* (17), *Иван* (44), *Кондратий* (9), *Михаил* (10), *Павел* (12), *Симеон* (20), *Степан* (20), *Федор* (16), *Яков* (17). Прыведзены рад антрапанімных адзінак часткова супадае з мужчынскімі намінацыямі гараджан Віцебска XVI–XVIII стагоддзяў: імёны *Андрей*, *Василий*, *Григорий*, *Федор* сустракаюцца і на даследаванай тэрыторыі, і ў іменніку гараджан Віцебска. Цікавым з’яўляецца і супадзенне самага папулярнага імені на абедзвюх тэрыторыях – *Иван*. Вядома, што з XVIII ст. да 1917 г. імёны

¹ Імёны падаюцца ў арфаграфіі даследаванай архіўнай крыніцы.

даваліся ў адпаведнасці з іменем святога, якога ўшаноўвала царква ў дзень нараджэння дзіцяці на працягу тыдня. Супадзенне частотнасці выкарыстання імя *Іван* на тэрыторыях Бешанковічыны і горада Віцебска можна патлумачыць яго частым ужываннем ў царкоўным календары – 97 разоў на год. Цікава, што ў XX стагоддзі прыярытэты змяняюцца, і імя *Іван* аддасць сваё першынство іншым імёнам, а само нават не ўвойдзе ў першую дзясятку, прычым не толькі на Віцебшчыне, але і на іншых беларускіх тэрыторыях. Так, напрыклад, у антрапаніміі Гомельшчыны 50-х гг. XX стагоддзя сярод самых папулярных імён – *Аляксандр, Валерый, Віктар, Мікалай, Сяргей, Уладзімір*, імя *Іван* адсутнічае. Аднаразовым выкарыстаннем у намінацыйнай практыцы Бешанковіцкага раёна канца XIX – пачатку XX стагоддзя характарызуюцца імёны *Агафон, Адам, Аксень, Владимир, Войтехъ, Варфоломей, Георгий, Гурий, Денис, Евсевий, Леонарий, Малахъ, Никодим, Онуфрий, Прохоръ, Спиридонъ, Тит, Фаддей, Фокий, Харитон, Эдуард, Юрий*.

Мужчынская сістэма іменавання Бешанковічыны XIX ст. характарызуецца вялікай разнастайнасцю і ўключае ў свой склад як кананічныя праваслаўныя і каталіцкія (96,6%), так і старажытныя славянскія імёны (3,4%). “Калі да X стагоддзя славянскія імёны былі адзіным сродкам ідэнтыфікацыі асобы, то пазней – у XV–XVIII стст. – пры захаванні граматычнай структуры змяняюцца ўмовы надання іх, функцыі і характар функцыянавання” [2, с. 4]. Як слушна заўважыў акадэмік М.В. Бірыла, пасля распаўсюджвання хрысціянства з цягам часу славянскія імёны служылі для “другаснай” ідэнтыфікацыі асобы і з кожным стагоддзем усё радзей і радзей саступалі месца хрысціянскім імёнам. На даследаванай тэрыторыі група славянскіх імён прадстаўлена чатырма намінацыямі: *Борис, Воддзя, Войтехъ, Владимир*. Нягледзячы на працэс выцяснення славянскіх антрапонімаў кананічнымі іменаваннямі ў той час, у бешанковіцкім інвентары імя *Борис* з’яўляецца частым і займае трынаццатую пазіцыю па ўжывальнасці.

Асноўную масу мужчынскага іменніка складаюць антрапонімы неславянскага паходжання, сярод якіх першае па колькасці месца займаюць намінацыі грэчаскай этымалогіі (56% – 287 фіксацый): *Авсей, Агафон, Аксень, Анисим, Антонъ, Александр, Андрей, Алексей, Артемъ, Афанасий, Василий, Георгий, Григорий, Герасим, Дмитрий (Зимирий), Денис, Дорофей, Демьянъ,*

Демидъ, Дионисий, Евстафий, Евсевий, Евфими (Яхимъ), Емельян (Амельян), Ермолай, Евдоким (Авдокимъ), Исидор (Сидар, Изидор, Осидар), Кирилл, Киприян (Куприянъ), Кузьма, Кондратий, Карп, Лука (Лукаш), Леонарий, Макарь, Мирон, Мина, Марк, Нестер (Нестор), Николай, Никифор, Никодимъ, Никита, Онуфрий, Прокон, Порфирий, Парфень, Петр, Пахомъ, Прохоръ, Радивонъ, Созон, Спиридон, Севастьян, Сафонъ, Степан (Стефан), Трофимъ (Атрафимъ), Тарасий (Тарас), Тимофей, Федор (Федот, Феодор), Филлип, Фокий (Фока), Филлимон (Халимон), Харитон.

Па словах П.М. Шпілеўскага, імя *Зміцеръ, Димитрий* лічыцца “символом хитрости, и потому оно не въ большом ходу у белорусцевъ” [2, с. 29]. З такімі вынікамі даследчыка не стасуюцца нашы дадзеныя: у іменніку канца XIX – пачатку XX стагоддзя імя *Дзмітрый* сустракаецца даволі часта.

Другое месца належыць імёнам яўрэйскага паходжання – 24% (158 фіксацый). Да самых ужывальных намінацый адносяцца імёны тыпу *Іван (Іоаннъ, Янка), Симеон (Семен, Сымон), Яков (Яковъ-Аполлинарий)*.

На трэцім месцы – лацінскія імёны (14%): *Венедикт, Викентий, Дементий, Игнатий, Константин, Корней, Лаврентий, Леонъ, Максим, Мартинъ, Павел* (самае папулярнае імя – 12 фіксацый), *Роман, Сергей, Титъ, Терентий, Юстинъ*.

Найменшую частку мужчынскага антрапанімікону складаюць старажытнагерманскія намінацыі 3%: *Людвигъ, Франц, Эдуард*.

Аналіз іменніка Бешанковічыны канца XIX – пачатку XX стагоддзя дазваляе заўважыць, што ўжыванне некаторых антрапонімаў абмежавана тэрытарыяльна. Намінацыі тыпу *Агафон, Созон, Харитон* сустракаюцца толькі на тэрыторыі сучаснага населенага пункта Ула.

“Адпавядаючы агульнай тэндэнцыі складвання трох’яруснай асабовайменнай мадэлі называння ў рускіх і ўкраінцаў, беларуская антрапаніменная сістэма ў працэсе гістарычнай эвалюцыі выявіла свае асаблівасці як у адносінах структуры, так і ў адносінах словаўтваральных сродкаў” [3, с. 46]. У сувязі з гістарычнымі падзеямі, уваходжаннем даследуемай тэрыторыі ў склад дзвюх дзяржаў сістэма іменавання даволі разнастайная і ўключае розныя варыянты імёнаў: *Апанасъ – Афанасий, Меньямин – Вениамин, Захарий – Захар, Масей – Моисей* і г.д.

На аснове дадатковага словаўтваральнага аналізу вызначаны асобныя групы мужчынскіх намінацый, якія класіфікуюцца па наступных флексіях:

- імёны, якія ўзыходзяць да традыцыйна-царкоўных на **-ій**: *Ананій, Афанасій, Васілій, Вікенцій, Георгій, Григорій, Гурыі, Зімірыі* < *Дзімірыі, Дементый, Евфимий* < *Ефим, Захарій, Ігнатый, Кондратый, Лаврентый, Леонарыі* < *Леонтий, Онуфрий, Порфирий, Савелій, Терентый*;

- імёны, якія ўзыходзяць да традыцыйна-царкоўных на **-ей**: *Авдей, Алексей, Андрей, Варфоломей, Дорофей, Корней* < *Корнилий, Моисей, Сергей, Тимофей, Фадей*;

- імёны, якія ўзыходзяць да традыцыйна-царкоўных на **-ай**: *Ермолай, Николай*;

- імёны, утвораныя пры дапамозе канцавога **-ан/-ян**: *Демьянъ, Емельян, Киприян, Киприян* < *Куприян, Севастьян, Стефан* < *Степан*.

Час функцыянавання антрапонімаў, гістарычныя падзеі ўздзейнічалі на намінацыі, у выніку чаго яны падвергліся фанетычным і марфалагічным зменам, што знайшло адлюстраванне на даследаванай тэрыторыі. З фанетычных змен бешанковіцкаму інвентару ўласцівыя:

1. Замена пачатковага /е/ на /о/ і /а/: *Яхимъ* ← *Ефим* ← *Ефимий, Амелян* ← *Емельян, Авдокимъ* ← *Евдоким*.

2. Замена /у/ на /и/: *Киприян* ← *Куприян*.

3. Замена /и/ на /ы/: *Давыд* ← *Давид*.

4. Замена /о/ на /а/ у канцы слова: *Данила* ← *Данило*.

5. Субстытуцыя /ф/ на /п/, /х/: *Стефан* ← *Степан, Халимон* ← *Филимон*.

6. Замена /м/ на /в/: *Меньямин* ← *Веньямин*.

7. Замена /з/ на /с/: *Изидор* ← *Исидор*.

8. Спрашчэнне груп галосных:

/иил/ → /ил/: *Гаврила* ← *Гавриил*;

/иоа/ → /а/, /и/: *Яким* ← *Иоаким*; *Иоанн* ← *Иван*;

/ео/ → /о/: *Семен* ← *Симеон*;

/ио/ → /а/: *Масей* ← *Моисей*.

9. Спрашчэнне груп зычных:

/вф/ → /ф/: *Ефимий* ← *Евфимий*;

/вк/ → /к/: *Аксентий* ← *Авксентий*.

10. Страта пачатковага /о/ у пачатку слова перад збегам зычных: *Атрафимъ* ← *Трофим*.

Да марфалагічных змен адносяцца:

1. Страта канцавога склада **-ій**: *Антон* ← *Антоний, Игнат* ← *Игнатий, Захар* ← *Захарий, Малах* ← *Малахий, Софон* ← *Софоний, Тарас* ← *Тарасий*.

2. Замена спалучэння /ил/ на канцы слова на /а/: *Гаврила* ← *Гавриил*; *Кирилла* ← *Кирилл*.

У выніку дзеяння пералічаных вышэй фанетычна-марфалагічных змен на тэрыторыі Беларусі склалася своеасаблівая антрапаніменная сістэма, якая ўключае як размоўна-бытавыя формы імён, так і традыцыйна-царкоўныя. Дадзеныя формы іменавання складаюць свой кангламерат, які значна адрозніваецца ад іншых, бо, па словах А.А. Лукашанца, менавіта ў мясцовых мікрасістэмах у найбольшай ступені захоўваюцца традыцыйныя найменні [4, с. 89].

Заклучэнне. У выніку даследавання мужчынскага іменніка Бешанковіччыны XIX стагоддзя зафіксавана 116 антрапаніменных адзінак. Рэестр папулярных імён часткова супадае з мужчынскімі намінацыямі гараджан Віцебска XVI–XVIII стагоддзяў. Выяўлена, што на фарміраванне мясцовага антрапанімікону аказаў уплыў праваслаўны каляндар. З боку этымалогіі асноўны пласт складаюць найменні неславянскага паходжання: грэчаскія, старажытнаўрэйскія і лацінскія.

Словаўтваральны аналіз паказаў, што найбольш пашыранай формай ужывання імён была традыцыйна-царкоўная. З большай перавагай інвентар падвергнуўся фанетычным зменам. Варыянтнасць форм мужчынскіх намінацый гаворыць аб тым, што і ў XIX стагоддзі не сфарміраваліся арфаграфічныя нормы фіксацыі імён.

Літаратура

1. Семькин, Д.В. Антропонимия Чердынской ревизской сказки 1711 года (к проблеме становления официального русского антропонима): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д.В. Семькин: 10.02.01. – Пермь, 2000. – С. 4.
2. Бірыла, М.В. Беларуская антрапанімія 3: Структура ўласных мужчынскіх імён / М.В. Бірыла. – Мінск: Навука і тэхніка, 1982. – 320 с.
3. Прыгодзіч, М.Р. “Списокъ именъ мужескихъ и женскихъ, несходныхъ съ именами русскаго языка” (1845) П. Шпілеўскага ў гісторыі беларускай анамастыкі / М.Р. Прыгодзіч, А.А. Прыгодзіч // Дыялекталогія і гісторыя беларускай мовы: матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 15–16 красав. 2008 г.; Інстытут мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы НАН Беларусі. – Мінск: Права і эканоміка, 2008. – С. 29.
4. Мезенка, Г.М. Беларуская анамастыка: навуч. дапаможнік для студэнтаў універсітэтаў / Г.М. Мезенка. – Мінск: Выш. шк., 1997. – 199 с.

5. Лукашанец, А. Родавыя (спадчынныя) найменні ў сістэме мясцовага антрапанімікону / А. Лукашанец // *Studia Sławistyczne 2: Nazwy osobowe na pograniczach kulturowych*. – Białystok: Libra, 2000. – S. 89–97.
6. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Фонд 2635. – Оп. 1. – Д. 642: Інвентарь имени помещика Станислава Цехановецкого.
7. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Фонд 2531. – Оп. 3. – Д. 10: Полоцкая духовная консистория. Метрические выписи за 1876–1916 гг.
8. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Фонд 2531. – Оп. 2: Метрическая книга регистрации рождений, браков и смерти. Верховская, Вяшицкая, Добригорская, Казановская, Контевичская, Мартиновская, Низголовская, Стрижевская, Свечанская, Ульская, Хотинская и Жайская церкви Полоцкой Духовной консистории.
9. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Фонд 2531. – Оп. 2. – Д. 145: Метрические книги церковей Лепельского уезда о родившихся, бракосочетавшихся и умерших за 1878 г.

Паступіў у рэдакцыю 13.09.2013 г.

Прыняты ў друк 30.12.2013 г.

XV Міжнародны з'езд славістаў

20–27 жніўня 2013 года ў Беларусі ў Мінску праходзіў XV Міжнародны з'езд славістаў. Міжнародныя з'езды славістаў – буйнейшыя навуковыя міжнародныя форумы, на якіх абмяркоўваюцца праблемы гістарычнага развіцця і ўзаемадзеяння славянскіх моў, літаратур, культур і фальклору. Яны праводзяцца кожныя пяць гадоў па чарзе ў розных славянскіх краінах, пачынаючы з 1929 года. У Беларусі такі з'езд праводзіўся ўпершыню. Ён засведчыў статус нашай краіны – Рэспублікі Беларусь – як самастойнай славянскай краіны са сваёй адметнай і арыгінальнай мовай, багатай нацыянальнай літаратурай і культураю, высокім узроўнем развіцця нацыянальнай славістыкі і будзе мець вялікае значэнне для ўсведамлення ролі і значэння гуманітарнай навукі ў XXI стагоддзі, садзейнічаць развіццю гуманітарных ведаў у сучасным інфармацыйным грамадстве, а таксама захаванню і падтрыманню славянскай ідэнтычнасці і пашырэнню ведаў пра славянскія мовы, літаратуры і культуры ў свеце.

У з'ездзе прынялі ўдзел 523 вучоныя-славісты з 34 краін свету: Аўстрыі – 10, Балгарыі – 18, Беларусі – 47, Бельгіі – 10, Босніі і Герцагавіны – 3, Венгрыі – 6, Вялікабрытаніі – 5, Германіі – 40, ЗША – 7, Ізраіля – 1, Іспаніі – 1, Італіі – 16, Казахстана – 1, Канады – 7, Літвы – 10, Македоніі – 8, Нарвегіі – 5, Нідэрландаў – 3, Польшчы – 45, Расіі – 82, Румыніі – 6, Сербіі – 34, Славакіі – 16, Славеціі – 10, Украіны – 44, Фінляндыі – 2, Францыі – 12, Харватыі – 18, Чарнагорыі – 2, Чэхіі – 30, Швейцарыі – 9, Швецыі – 5, Эстоніі – 3, Японіі – 7.

Разнастайнымі былі і формы работы з'езда. Яго праграма ўключала ўрачыстае адкрыццё, пленарнае пасяджэнне, секцыйныя пасяджэнні, круглыя сталы, тэматычныя блокі, пасяджэнні камісій, акрэдытаваных пры МКС, прэзентацыі славістычных выданняў і праектаў. У час працы з'езда працавала выстаўка славістычных выданняў.

На з'ездзе абмяркоўваліся вельмі актуальныя праблемы, як традыцыйныя для з'ездаў славістаў, так і новыя, якія характарызуюць асаблівасці сучаснага стану і развіцця славянскіх моў, літаратур і культур.

Прыемна адзначыць, што многія даклады выклікалі асаблівую цікавасць удзельнікаў з'езда і сабралі шматлікую аўдыторыю. Усё гэта сведчыць аб тым, што XV Міжнародны з'езд славістаў здолеў захаваць і падтрымаць высокі навуковы ўзровень гэтага славістычнага форуму і прадэманстраваць асноўныя тэндэнцыі развіцця славістыкі ў XXI стагоддзі.

Удзельнікі з'езда таксама мелі магчымасць азнаёміцца з гісторыяй і культураю Беларусі падчас наведвання музеяў і выставак, а таксама экскурсій у Полацк, Мір і Нясвіж, Навагрудак і Завоссе, Заслаўе, Дудуткі і Строчыцы.

Работа XV Міжнароднага з'езда славістаў шырока асвятлялася ў сродках масавай інфармацыі, што сведчыць пра важнасць гэтага навуковага форуму і цікавасць гуманітарнай грамадскасці Мінска і Беларусі да праблем сучаснай славістыкі.

У час работы з'езда адбыўся таксама пленум Міжнароднага камітэта славістаў, на якім была вызначана краіна правядзення наступнага XVI Міжнароднага з'езда славістаў у 2018 годзе, а таксама выбрана новае кіраўніцтва і склад МКС на 2013–2018 гг.

У дадзеным бюлетэні друкуюцца выступленні, якія прагучалі ў час урачыстага адкрыцця XV Міжнароднага з'езда славістаў 21 жніўня 2013 года, а таксама заключнае выступленне старшыні Міжнароднага камітэта славістаў у 2008–2013 гг. Аляксандра Лукашанца пры закрыцці з'езда 26 жніўня 2013 года.

Аляксандр Лукашанец

АЛЯКСАНДР ЛУКАШАНЕЦ

*Старшыня Міжнароднага і Беларускага камітэтаў славістаў,
член-карэспандэнт Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі*

**Выступленне
пры адкрыцці XV Міжнароднага з'езда славістаў**

Шаноўнае спадарства! Паважаныя ўдзельнікі і госці XV Міжнароднага з'езда славістаў! Калегі і сябры!

Я маю высокі гонар ад імя Міжнароднага і Беларускага камітэтаў славістаў вітаць вас у гэтай зале пры адкрыцці з'езда.

1. Славістыка як комплексная навука аб паходжанні і развіцці славянскіх моў, літаратур і культур мае больш чым двухсотгадовую гісторыю. Вялікае значэнне для яе падтрымання і развіцця ў XX стагоддзі адыгралі Міжнародныя з'езды славістаў. Яны праводзяцца ўжо на працягу 85 гадоў і пераступілі мяжу новага стагоддзя.

Тое, што сёння ў гэтай зале сабраліся прадстаўнікі з многіх краін свету на чарговым Міжнародным з'ездзе славістаў, сведчыць, што:

- і ў XXI стагоддзі славістыка захоўвае сваё значэнне як асобнае адгалінаванне гуманітарнай навукі;

- і ў XXI стагоддзі не змяншаецца, а нават узмацняецца цікавасць да славянскага свету, літаратур, культур і моў славянскіх народаў;

- захоўваюць актуальнасць многія традыцыйныя праблемы славістыкі;

- існуе неабходнасць захавання і падтрымання славянскай ідэнтычнасці, а таксама ўзмацнення навуковага супрацоўніцтва і ўзаемадзеяння;

- ёсць людзі, неаб'якавыя да праблем падтрымання і пашырэння ведаў пра славянскія мовы, літаратуры і культуры ў свеце.

Тэматыка і праграма з'езда паказваюць, што пашыраецца геаграфія ўдзельнікаў гэтых міжнародных навуковых форумаў, а новыя рэаліі жыцця сучаснага грамадства ставяць перад славістамі свету новыя праблемы і задачы.

Галоўнае ж заключаецца ў тым, што працягваецца традыцыя правядзення Міжнародных з'ездаў славістаў.

2. Неабходнасць падтрымання традыцый славістыкі і правядзення Міжнародных з'ездаў славістаў у XXI стагоддзі дыктуецца рэаліямі сучаснасці, якая ставіць перад намі

новыя праблемы і задачы. Спынюся каратка на некаторых з іх.

2.1. Па-першае, сёння мы павінны канстатаваць факт, што паняцце славістыкі як пераважна кампаратывісцкай навукі істотна пашырыла свой змест. Зараз у кола славістычных праблем усё больш актыўна ўключаюцца пытанні даследавання асобных славянскіх моў, культур і літаратур. З аднаго боку, такое пашырэнне парадгмы філалагічных праблем, што ўключаюцца ў сферу славістыкі, дазваляе больш поўна і ўсебакова абмеркаваць пытанні развіцця і функцыянавання асобных славянскіх моў, літаратур і культур на шырокім славянскім фоне. Але з другога боку, такое пашырэнне паняцця славістыкі робіць надзвычай актуальнай задачай захаванне і падтрымку менавіта славяназнаўчай кампаратывістыкі, якая на апошніх з'ездах займае ўсё менш прыкметнае значэнне. Пра гэта яшчэ ў 2003 годзе з занепакоенасцю гаварыла акадэмік Зузана Тапаліньска на Люблянскім (Славенія) з'ездзе славістаў. Менавіта таму сёння неабходна гаварыць пра падрыхтоўку спецыялістаў у галіне славянскай кампаратывістыкі.

2.2. Па-другое, на рубяжы стагоддзяў мы сутыкнуліся з феноменам істотнага пашырэння славянскай прасторы. Гэты феномен таксама мае два аспекты свайго праяўлення:

- з аднаго боку, інтэнсіўна пашыраецца славянская прысутнасць у неславянскіх краінах, што ставіць на парадак дня вывучэнне шляхоў уключэння славянскіх моў, культур і літаратур у неславянскае культурнае асяроддзе і іх захавання і развіцця ў гэтым асяроддзі;

- з другога боку, відавочным фактам стала на рубяжы стагоддзяў так званае ўнутрыславянскае пашырэнне. Гэта звязана з паяўленнем на карце Еўропы новых славянскіх дзяржаў, што непазбежна прывяло да фарміравання новых славянскіх літаратурных моў, новых славянскіх літаратур і культурнай дыферэнцыяцыі.

Гэтыя аспекты славянскай лінгвакультурнай рэчаіснасці істотна пашыраюць кола і праблематыку славістычнай сацыялінгвістыкі, сацыякультуралогіі і сацыялітаратуразнаўства.

2.3. Па-трэцяе, ва ўмовах сучаснай інтэграцыі і глабалізацыі славянскае моўна-культурнае асяроддзе сутыкнулася з праблемай знешняй моўнай і культурнай экспансіі. У моўнай сферы гэта экспансія праяўляецца ў так званай інтэрнацыяналізацыі – беспрэцэдэнтным ціску міжнародных моў і актыўным папаўненні лексіконаў славянскіх моў вялікай колькасцю іншамоўных запазычанняў, што ў пэўнай ступені звужае ўласныя ўнутрымоўныя намінацыі магчымасці і вядзе да нівеліравання нацыянальных асаблівасцей кожнай славянскай мовы.

Акрамя таго, знешні моўны ціск праяўляецца і ў актыўным пранікненні міжнародных моў у цэлы рад камунікатыўных сфер (навукі, бізнесу, спорту і культуры, інтэрнэт-камунікацыі і інш.). Гэты аспект актуальны для ўсіх без выключэння славянскіх моў, у тым ліку і беспраблемных сэння ў камунікатыўных адносінах. У эпоху глабальнай інтэграцыі і камунікацыі трэба ўсведамляць існаванне рэальнай пагрозы выцяснення славянскіх моў на перыферыю камунікацыі, у сферу фальклорна-культурных асаблівасцей. Такое становішча абумоўлена ў значнай ступені і тым, што і ў XXI стагоддзі славянскія мовы і культуры ў значнай ступені застаюцца знешнеарыентаванымі. Актуальнай задачай сучаснай славістыкі, на наш погляд, з'яўляецца якраз пераадоленне гэтага стэрэатыпа славянскага моўнага і культурнага развіцця.

У сферы літаратуразнаўства і культуралогіі названы аспект, як уяўляецца, набывае характар процістаяння псеўдакультуры і ўмацавання нацыянальна-адметных праяў мастацкай творчасці.

2.4. Па-чацвёртае, у канцы XX – пачатку XXI стагоддзя істотна змяніліся ўмовы сацыяльна-палітычнага жыцця практычна ўсіх славянскіх народаў, што непасрэдна адбілася на развіцці славянскіх моў, літаратур і культур, на змене стэрэатыпаў гэтага развіцця, унесла новыя тэмы і праблемы ў кола славістычных даследаванняў. Таму ў процівагу тэндэнцыі да інтэрнацыяналізацыі і нівеліравання нацыянальных адрозненняў у сучасным славянскім моўным і культурным развіцці сфарміравалася і пашырылася

тэндэнцыя да нацыяналізацыі, накіраваная якраз на ўзмацненне нацыянальнай адметнасці і спецыфікі. Фарміраванне гэтай тэндэнцыі абумоўлена некалькімі прычынамі, галоўнымі сярод якіх з'яўляюцца:

- рэакцыя на неславянскую моўную і культурную экспансію;

- фарміраванне новых літаратурных славянскіх моў, літаратур і культур, для якіх важна замацаваць сваю адметнасць;

- новыя ўмовы функцыянавання і развіцця тых славянскіх моў, літаратур і культур, якія доўгі час існавалі ў цесным узаемадзеянні і канкурэнцыі з іншымі больш моцнымі ў камунікатыўных адносінах блізкароднаснымі славянскімі мовамі.

Усё гэта ставіць перад сучаснай славістыкай новыя праблемы і задачы, патрабуе выпрацоўкі новых падыходаў і поглядаў як на навуковыя, так і арганізацыйныя пытанні правядзення міжнародных з'ездаў славістаў.

2.5. Нарэшце, пашырэнне славянскіх моў, вялікіх і малых, у новыя сферы камунікацыі стымулюе фарміраванне новых функцыянальных стыляў, што таксама становіцца аб'ектам славістычных даследаванняў у XXI стагоддзі. Развіццё новых перадавых тэхналогій робіць актуальнай задачу іх укаранення ў сферу славістычных даследаванняў.

Гэтыя і іншыя пытанні і праблемы знайшлі адлюстраванне ў тэматыцы з'езда, што сведчыць пра значнасць і актуальнасць славістыкі як навукі ў XXI стагоддзі.

3. Шаноўныя калегі! XV Міжнародны з'езд славістаў упершыню праходзіць у Беларусі. Мы высока цнім той выбар, які зрабіў Міжнародны камітэт славістаў у 2008 годзе ў Охрыдзе, прызначыўшы Мінск месцам чарговай сустрэчы вучоных, якія прысвяцілі сваю навуковую дзейнасць вывучэнню моў, літаратур, фальклору і культуры славянскіх народаў. Супольнасць славянскіх народаў унесла і працягвае ўносіць свой важкі ўклад у сусветную цывілізацыю. Дзякуючы стварэнню славянскай пісьменнасці братамі Кірылам і Мяфодзіем, славяне занялі свой пачэсны пасад у сям'і цывілізаваных народаў Еўропы. Як відаць з праграмы з'езда, першая літаратурная мова славян – стараславянская, у аснову якой пакладзена мова нашых далёкіх продкаў – дрыгавічоў-другавітаў – да гэтага часу прыцягвае ўвагу даследчыкаў усяго свету. Месца і роля славянскіх моў і літаратур у

мінулым і сучасным свеце цікавіць не толькі вучоных славянскіх краін, але і шырокую навуковую грамадскасць ад Японіі да Злучаных Штатаў Амерыкі. Нам асабліва прыемна адзначыць, што беларуская праблематыка традыцыйна займае значнае месца ў тэматыцы міжнародных з'ездаў славістаў. Зразумела, што яна будзе шырока прадстаўлена і на гэтым з'ездзе, які адбываецца ў Беларусі. Спрэчныя ці недастаткова даследаваныя праблемы моўнай сітуацыі ў Вялікім Княстве Літоўскім, роля Францішка Скарыны ў дэмакратызацыі кніжнай культуры ў Беларусі і сярод усходніх славян, месца беларускай мовы ў сучасным глабалізаваным грамадстве, традыцыйныя і новыя формы літаратурнай творчасці, фальклор як адлюстраванне асноў духоўнага жыцця народа і іншыя пытанні, якія хвалюць не толькі навукоўцаў, але і шырокія колы грамадства нашай краіны, будуць прадметам абмеркавання на з'ездзе. Мы ўпэўнены, што высновы, да якіх прыйдуць вучоныя ў выніку абмеркавання гэтых праблем, не застануцца толькі ў сферы “чыстай” (акадэмічнай) навукі, але паўплываюць на вырашэнне надзённых задач нашага культурнага жыцця.

У выніку глабальных перамен у сучасным свеце адбылося пераразмеркаванне роляў і інтарэсаў у міжнароднай палітыцы. Гэта пэўным чынам паўплывала і на зніжэнне цікавасці да славістычных даследаванняў у розных краінах. У сувязі з гэтым нам хацелася б выказаць асаблівае прызнанне і ўдзячнасць удзельнікам з'езда з неславянскіх краін, якія незалежна ад розных неспрыяльных абставін захавалі сваю навуковую цікавасць да праблем славістыкі, а часта і чыста чалавечую прыхільнасць да славянства як унікальнай культурнай і духоўнай супольнасці брацкіх народаў. Разам

з тым, мы канстатуем павышэнне ролі ў развіцці славістыкі новых навуковых цэнтраў у славянскіх краінах, прадстаўнікі якіх удзельнічаюць у рабоце з'езда.

Правядзенне XV Міжнароднага з'езда славістаў у Беларусі мы разглядаем як прызнанне пэўных поспехаў славістыкі ў нашай краіне, а таксама поспехаў нашай маладой славянскай дзяржавы, якая ў XXI стагоддзі ўпэўнена рухаецца па шляху нацыянальна-культурнага будаўніцтва. Таму вопыт тых славянскіх краін, якія ўжо прайшлі свой шлях нацыянальна-культурнага станаўлення, фарміравання нацыянальнай філалагічнай навукі, у тым ліку і славістыкі, для нас асабліва актуальны і важны.

Яшчэ з часоў выдатнага беларусіста і славіста Яўхіма Карскага вывучэнне і даследаванне славянскіх моў, літаратур і культур стала адным з асноўных напрамкаў нашай гуманітарнай навукі, пра што сведчыць удзел беларускіх вучоных у міжнародных з'ездах славістаў, пачынаючы з Першага з'езда славянскіх філолагаў у Празе ў 1929 годзе. Мы ўпэўнены, што XV Міжнародны з'езд славістаў, які пачынае сваю работу сёння, дасць новы стымул як для развіцця і пашырэння славістычных даследаванняў у краіне, так і для прыцягнення ўвагі беларускага грамадства да праблем нацыянальна-культурнага жыцця дзяржавы ў XXI стагоддзі.

Шаноўныя калегі! Дазвольце аб'явіць XV Міжнародны з'езд славістаў адкрытым і пажадаць усім нам поспехаў у гэтай сферы навуковай дзейнасці, якая дапамагае вывучаць, захоўваць і развіваць славянскія мовы, літаратуры і культуры.

Дзякуй.

21 жніўня 2013 года

*Старшыня Міжнароднага і Беларускага камітэтаў славістаў,
член-карэспандэнт Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі*

**Выступленне
пры закрыцці XV Міжнароднага з'езда славістаў**

Шаноўнае спадарства! Паважаныя ўдзельнікі і госці XV Міжнароднага з'езда славістаў!

Сёння завяршае сваю працу XV Міжнародны з'езд славістаў. Дзякуючы гэтай падзеі наша краіна – Рэспубліка Беларусь – увайшла ў клуб славянскіх дзяржаў, якія праводзілі такія аўтарытэтныя міжнародныя навуковыя форумы. Мы ў сваёй краіне расцэньваем гэта як сведчанне таго, што:

- Беларусь займае належнае месца ў супольнасці славянскіх дзяржаў і народаў;

- беларуская мова, літаратура і культура з'яўляюцца неад'емнай часткай славянскай і еўрапейскай культурнай прасторы;

- беларусістыка і беларуская славістыка развіваюцца ў кантэксце асноўных напрамкаў сусветнай славістыкі;

- дасягненні беларускай славістыкі і гуманітарнай навукі ў цэлым прызнаюцца міжнароднай навуковай супольнасцю.

Шаноўныя калегі! Міжнародныя з'езды славістаў адыгралі выключную ролю ў развіцці славістыкі як асобнага адгалінавання гуманітарнай навукі ў XX стагоддзі. Правядзенне XV Міжнароднага з'езда славістаў у Мінску, як і двух папярэдніх у Любляне (Славенія) і Охрыдзе (Македонія), яшчэ раз пацвердзіла, што іх роля і значэнне захоўваюцца ў пачатку XXI стагоддзя, калі асаблівую актуальнасць набывае праблема захавання, падтрымкі і развіцця нацыянальных моў і культур, у тым ліку і славянскіх.

Шаноўныя сябры! Беларусь знаходзіцца ў цэнтры Еўропы і славянскага свету. Таму яе гістарычнае і культурнае развіццё заўсёды праходзіла ў кантэксце агульнаеўрапейскага цывілізацыйнага развіцця. Сёння мы па праву ганарымся нашымі славытымі землякамі, якія не толькі ўнеслі неацэнны ўклад у развіццё нацыянальнай культуры, але і добра вядомы ўсяму цывілізаванаму свету. Гэта і Святая Ефрасіння Полацкая, якая шмат зрабіла для распаўсюджвання на беларускіх землях пісьменства, а пад канец свайго жыцця здзейсніла паломніцтва ў Святую Зямлю да Труны Гасподняй. Даследчыкам старажытнага

славянскага пісьменства добра вядомы выдатныя творы ўсходнеславянскага Залатавуста Кірылы Тураўскага. Увесь свет ведае імя беларускага і ўсходнеславянскага першадрукара Францыска Скарыны, які друкаваў свае кнігі “для добрага навучання простым людзям”. Кніжная спадчына XIV–XVII стагоддзяў, напісаная на старабеларускай мове, вызначаецца не толькі сваім аб'ёмам, але ў першую чаргу разнастайнасцю жанраў і форм, сведчыць аб высокім узроўні развіцця духоўнай культуры на тэрыторыі сучаснай Беларусі. Таму зусім не выпадкова пільная ўвага славістаў заўсёды была скіравана на культуру, літаратуру і моўную сітуацыю Вялікага Княства Літоўскага.

Унікальным рэгіёнам, дзе да сённяшняга дня найбольш захаваліся архаічныя славянскія асаблівасці мовы, духоўнай культуры і фальклору, з'яўляецца Беларускае Палессе, якое таксама прыцягвае ўвагу даследчыкаў славянскіх старажытнасцей.

Увогуле гісторыя Беларусі, беларуская культура цесна звязаны і пераплецены з гісторыяй і культурай славянскіх і іншых еўрапейскіх народаў. Таму невыпадкова яна заўсёды прыцягвала і прыцягвае зараз увагу вучоных як славянскіх, так і неславянскіх краін.

Тэматыка з'езда яшчэ раз пацвердзіла актуальнасць гэтай праблематыкі. Даклады і выступленні па ёй выклікалі вялікую цікавасць ва ўдзельнікаў з'езда і слухачоў.

Адметнай рысай з'езда, работа якога завяршаецца сёння, з'яўляецца тое, што тэматычныя межы сучаснай славістыкі істотна пашыраюцца. Побач з традыцыйнай тэматыкай у праграме з'езда былі дастаткова шырока прадстаўлены даклады, прысвечаныя актуальным пытанням развіцця і ўзаемадзеяння славянскіх моў, літаратур і культур.

Наша краіна, якая, як і многія сучасныя славянскія дзяржавы, толькі ў канцы XX стагоддзя набыла незалежнасць, пастаянна надае вялікую ўвагу гуманітарным праблемам жыцця беларускага грамадства, захаванню і падтрыманню нацыянальных прыярытэтаў, актуалізацыі культурнай і духоўнай спадчыны

беларусаў. Таму падрыхтоўка да сённяшняга славiстычнага форуму ў нашай краiне адбывалася на фоне шэрагу буйных мерапрыемстваў нацыянальна-культурнага характару.

Так, 2012 год у Беларусi адзначаўся як Год кнiгi. Яго галоўнай мэтай было звярнуць увагу нашага грамадства на ролю кнiжнай культуры, на захаванне i распаўсюджанне нашай багатай пiсьмовай спадчыны, фарміраванне ў грамадскай свядомасцi разумення значнасцi друкаванага слова для падтрымання i ўмацавання нацыянальнай iдэнтычнасцi народа i яго духоўнага ўдасканалення.

У мінулым годзе грамадскасць Беларусі шырока адзначыла 130-гадовы юбілей з дня нараджэння класікаў нашай нацыянальнай літаратуры Янкі Купалы і Якуба Коласа, якія стаялі ля вытокаў сучаснай беларускай літаратурнай мовы. Сваёй шматграннай творчасцю яны вывелі беларускую літаратуру на еўрапейскі ўзровень і ў цэлым прадвызначылі развіццё беларускай літаратуры на працягу ўсяго XX стагоддзя. У сваіх творах яны не толькі адлюстравалі жыццё беларускага народа, раскрылі яго духоўны свет і нацыянальныя асаблівасці менталітэту і ўспрымання акаляючага асяроддзя, але і даказалі, што беларусы – гэта славянскі народ, што беларуская мова – гэта славянская мова, што беларуская літаратура – гэта славянская літаратура, што беларусы маюць права на сваё месца ў славянскай і еўрапейскай супольнасці, на ўласную дзяржаўнасць, культуру, мову і літаратуру. Таму вельмі сімвалічна сёння, у дзень закрыцця XV Міжнароднага з'езда славiстаў, успомніць словы нашага славутага земляка Янкі Купалы, які ён напісаў 100 гадоў назад: "І беларус можа змясціцца ў сям'і нялічанай славян!". Сённяшні навуковы форум, які ўпершыню праходзіў у Беларусі, яскрава пацвярджае справядлівасць гэтых слоў нашага выдатнага паэта.

Таксама ў мінулым годзе шырока адзначаўся і 100-гадовы юбілей яшчэ аднаго выдатнага беларускага паэта XX стагоддзя Максіма Танка. Да гэтых юбіляў у акадэмічным Інстытуце мовы і літаратуры падрыхтаваны і выдадзены Поўны збор твораў Якуба Коласа ў 20-ці тамах, а таксама Збор твораў Максіма Танка ў 13-ці тамах. Зараз працягваецца работа па падрыхтоўцы і выданні збораў твораў такіх вядомых

беларускіх пiсьменнікаў, як Иван Шамякін, Иван Навуменка, Уладзімір Караткевіч, якія ўнеслі вялікі ўклад у развіццё беларускай і славянскай літаратуры XX стагоддзя. Усё гэта сведчыць, што ў нашай маладой славянскай краiне вялікая ўвага надаецца захаванню і папулярнасці лепшых здабыткаў беларускай нацыянальнай літаратуры. Удзельнікі з'езда змаглі пазнаёміцца з гэтымі фундаментальнымі выданнямі падчас прэзентацыі.

XV Міжнародны з'езд славiстаў, безумоўна, з'яўляецца найбольш важнай і знакавай падзеяй навуковага і культурнага жыцця Беларусі ў пачатку XXI стагоддзя. Ён акажа істотны ўплыў на развіццё нацыянальнай славiстыкі і ўсёй філалагічнай навукі ў нашай краiне, будзе садзейнічаць умацаванню навуковых кантактаў і пашырэнню міжнароднага супрацоўніцтва, дазволіць звярнуць больш пільную ўвагу на значнасць і важнасць гуманітарных ведаў, якія вызначаюць нацыянальную свядомасць і адметнасць у жыцці сучаснага высокатэхнічнага і інфармацыйнага грамадства.

XV Міжнародны з'езд славiстаў, безумоўна, з'яўляецца найбольш буйным і прадстаўнічым навуковым форумам XXI стагоддзя ў нашай краiне. Усяго ў яго рабоце прынялі ўдзел 523 вучоныя-славiсты з 34 краін свету.

Разнастайнымі былі і формы работы з'езда. Удзельнікі з'езда праслухалі пленарныя даклады.

Асноўнае месца ў праграме з'езда займалі секцыйныя даклады. Усяго працавала 16 секцый, якія адлюстроўвалі асноўны дыяпазон тэматыкі з'езда.

У адпаведнасці з тэматыкай з'езда ўсе даклады згрупаваны ў тры асноўныя блокі: мовазнаўчы, літаратуразнаўчы і фалькларыстычна-культуралагічны. Традыцыйна, найбольш значным па колькасці быў мовазнаўчы блок дакладаў. Аднак неабходна адзначыць шырыню дыяпазону навуковых праблем, якія абмяркоўваліся на літаратуразнаўчых і фалькларыстычных секцыях. Відавочна і пашырэнне праблемнага поля гэтых секцый.

Істотнае месца ў праграме XV Міжнароднага з'езда славiстаў займаў блок "Гісторыя славiстыкі". Гэта важна і паказальна, таму што славiстыка як навука стала настолькі разгалінаванай, што патрабуе правядзення спецыяльных даследаванняў і абагульненняў.

Зразумела, што сёння яшчэ рана і немагчыма даць змястоўную ацэнку з'езда.

Усведамленне навуковай значнасці дакладаў прыйдзе пазней, калі мы будзем перачытваць матэрыялы з'езда: зборнікі тэзісаў дакладаў, зборнікі дакладаў, іншую друкаваную прадукцыю, выдадзеную спецыяльна да з'езда. Аднак ужо зараз можна сказаць, што для абмеркавання на з'ездзе былі прадстаўлены вельмі актуальныя тэмы, у якіх разглядаліся як традыцыйныя для з'ездаў славістаў праблемы, так і новыя, якія характарызуюць асаблівасці сучаснага стану і развіцця славянскіх моў, літаратур і культур.

Прыемна адзначыць, што многія даклады выклікалі асаблівую цікавасць ўдзельнікаў з'езда і сабралі шматлікую аўдыторыю. Усё гэта сведчыць, па нашым меркаванні, аб тым, што XV Міжнародны з'езд славістаў здолеў захаваць і падтрымаць высокі навуковы ўзровень гэтага славістычнага форуму і прадэманстраваць асноўныя тэндэнцыі развіцця славістыкі ў XXI стагоддзі.

Дастаткова разнастайнай і вельмі актуальнай была праблематыка тэматычных блокаў, якія сталі важнай часткай праграмы з'ездаў славістаў. Усяго ў праграму з'езда было ўключана 25 тэматычных блокаў. Пасяджэнні многіх тэматычных блокаў прайшлі фактычна ў перапоўненых слухачамі аўдыторыях. Гэта сведчыць пра тое, што такая форма работы з'езда, калі ёсць магчымасць на адным пасяджэнні разгледзець і абмеркаваць нейкую адну асобную навуковую праблему, з'яўляецца эфектыўнай і павінна захавацца на наступных з'ездах славістаў.

Цікавасць удзельнікаў з'езда выклікалі і круглыя сталы, якія былі праведзены падчас работы з'езда: “Скарыніяна ў славянскім і еўрапейскім кантэксте” і “Тарас Шаўчэнка: нацыянальнае вымярэнне і сусветны кантэкст (да 200-годдзя з дня нараджэння)”.

У праграме з'езда дастаткова шырока былі прадстаўлены прэзентацыі выданняў і праектаў. Відавочна, што такая форма прадстаўлення на з'ездах вынікаў навуковых даследаванняў таксама мае свае перспектывы.

Кніжная выстаўка славістычных выданняў, якая працавала падчас работы з'езда, прадэманстравала шырокі дыяпазон славістычных даследаванняў у розных краінах за апошнія пяць гадоў.

Новай формай работы сталі творчыя сустрэчы на кніжнай выставе. Падчас гэтых сустрэч удзельнікі з'езда змаглі пазнаёміцца з двума арыгінальнымі праектамі. Я думаю,

што такія творчыя сустрэчы на кніжнай выставе маглі б стаць пастаяннымі на нашых з'ездах.

Мне асабліва прыемна адзначыць, што праграма з'езда выклікала вялікую цікавасць не толькі ў непасрэдных удзельнікаў з'езда, але і ў навуковым асяроддзі і грамадскасці Мінска і Беларусі ў цэлым. Пастаяннымі слухачамі на з'ездзе былі супрацоўнікі гуманітарных інстытутаў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, выкладчыкі гуманітарных факультэтаў універсітэтаў і проста тыя, хто праяўляе цікавасць да славянскіх моў, літаратур і культур. А гэта таксама гаворыць пра актуальнасць тэматыкі і будзе садзейнічаць, з аднаго боку, усведамленню важнасці і аўтарытэту гуманітарных ведаў у жыцці сучаснага беларускага грамадства, а з другога – пашырэнню кола славістычных даследаванняў у нашай краіне і прыцягненню ў сферу славістыкі новых маладых і перспектыўных кадраў.

З асаблівым задавальненнем хачу адзначыць шырокі ўдзел у з'ездзе маладых даследчыкаў з розных краін. Гэта вельмі радуе, дае ўпэўненасць, што нашаму пакаленню ёсць дастойная змена.

Шаноўныя калегі!

Учора адбыўся пленум Міжнароднага камітэта славістаў, на якім былі разгледжаны арганізацыйныя пытанні, падведзены папярэднія вынікі XV Міжнароднага з'езда славістаў, заслухана інфармацыя аб дзейнасці камісій пры МКС, прынята рашэнне аб акрэдытацыі камісій на 2012–2018 гады і кіраўнікоў гэтых камісій.

Таксама было разгледжана пытанне аб месцы правядзення XVI МЗС у 2018 годзе, абрана новае кіраўніцтва МКС і зацверджаны склад МКС на 2013–2018 гг. Я маю гонар аб'явіць, што XVI Міжнародны з'езд славістаў у 2018 годзе адбудзецца ў Сербіі ў Бялградзе, а таксама прадставіць новага старшыню Міжнароднага камітэта славістаў прафесара Бошку Сувайджыча.

Дарагія калегі і сябры!

Мінула некалькі дзён напружанай працы, цікавых дыскусій і абмеркаванняў. Падведзены вынікі навуковых пошукаў апошніх пяці гадоў, вызначаны новыя перспектывы і праблемы. Мы ўсе абагаціліся новымі ведамі, набылі новых сяброў і калег. Наперадзе новыя навуковыя знаходкі і адкрыцці.

Дазвольце аб'явіць XV Міжнародны з'езд славістаў закрытым і пажадаць усім нам шчаслівай дарогі ў Бялград на чарговы XVI Міжнародны з'езд славістаў.

1. Лукашанец, А. Выступленне пры адкрыцці XV Міжнароднага з'езда славістаў / А. Лукашанец // XV Міжнародны з'езд славістаў: бюлетэнь / [Міжнародны камітэт славістаў]. – Мінск, 2013. – С. 6–9.
2. Лукашанец, А. Выступленне пры закрыцці XV Міжнароднага з'езда славістаў / А. Лукашанец // XV Міжнародны з'езд славістаў: бюлетэнь / [Міжнародны камітэт славістаў]. – Мінск, 2013. – С. 26–31.
3. Лукашанец, А. Прадмова / А. Лукашанец // XV Міжнародны з'езд славістаў: бюлетэнь / [Міжнародны камітэт славістаў]. – Мінск, 2013. – С. 3–4.

Мінск, 26 жніўня 2013 года

Актуальные проблемы изучения русской литературы как иностранной

Рецензия на сборник научных статей «Русская литература в иностранной аудитории». – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. – 235 с.

Русская литература во всем мире завоевывает все больший авторитет. Важность изучения произведений русской литературы для иностранных студентов обусловлена самой ее спецификой. Национальное своеобразие культуры проявляется во всех ее сферах (в религии, искусстве, науке и философии), но наиболее полно – в литературе. У многих иностранцев интерес к русской литературе вызван именно стремлением с ее помощью познать русский язык и русскую культуру. Кроме реализации когнитивной, познавательной функции, художественная литература способствует также развитию личности. Принцип изучения иностранного языка через литературу отвечает и культурологической концепции содержания образования, согласно которой оно изоморфно человеческой культуре и обеспечивает самоопределение личности в культуре.

В настоящее время существует ряд нерешенных вопросов, связанных с методикой преподавания русской литературы в иностранной аудитории. В этой связи кафедрой русского языка как иностранного РГПУ им. А.И. Герцена ежегодно, начиная с 2008 года, проводится городской методический семинар «Проблемы преподавания русской литературы как иностранной» и издаются сборники научных статей, посвященные данной проблеме. Настоящая серия сборников печатается под редакцией д.ф.н., профессора Т.Г. Аркадьевой; старшего преподавателя И.И. Толстухиной; к.ф.н., доцента Н.С. Федотовой; к.п.н., доцента Т.Г. Шарри. Сборники содержат научные публикации, посвященные актуальным аспектам преподавания русской литературы в иностранной аудитории: литературоведческому, лингвистическому, культурологическому, собственно методическому. Авторами большей части статей являются участники семинара «Проблемы преподавания русской литературы как иностранной», в числе которых исследователи из России, Эстонии, Польши, Финляндии, Австрии, Германии, Китая.

Ежегодно выпуская данную серию сборников, редакторы ставят задачу представить

богатый практический опыт, накопленный в области преподавания русской литературы иностранцам. Статьи сборников объединены в разделы, отражающие современное понимание изучения русской литературы в иноязычной аудитории.

Сборник статей «Литературоведческие основы преподавания русской литературы в иностранной аудитории» (РГПУ им. А.И. Герцена, 2012) тематически продолжает предшествующее издание «Проблемы изучения русской литературы в иностранной аудитории» (РГПУ им. А.И. Герцена, 2011). Традиционно его открывает раздел «Литературоведческие основы преподавания русской литературы в иностранной аудитории». Статьи, вошедшие в него, носят преимущественно теоретический характер, однако могут быть использованы преподавателями РКИ как в лекционной, так и практической деятельности. Авторы данных публикаций предлагают образцы различных подходов к анализу прозаического и поэтического текстов (басен И.А. Крылова, повестей Н.В. Гоголя, романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», прозы В.Г. Распутина).

Второй раздел «От чтения произведений русской литературы к миру русской культуры» объединяет работы, в которых раскрываются возможности приблизить иноязычного читателя к русскому миру. В статьях на примере русских художественных текстов дается интерпретация базовых русских концептов, приводятся примеры несовпадений культурных стереотипов.

В третий раздел сборника «Вопросы методики обучения иностранцев русской литературе» вошли статьи, посвященные общим вопросам методики. В них освещаются такие проблемы, как отбор произведений для работы в иностранной аудитории, изучение биографии писателя, организация диалога культур. Статьи зарубежных авторов знакомят с особенностями и проблемами изучения русской литературы за пределами России.

Авторы статей четвертого раздела сборника «Учебный анализ художественного текста в

иностранной аудитории» предлагают различные виды анализа художественного текста на практических занятиях: фонологический, культурологический, комплексный.

Несомненным достоинством сборника является широкий хронологический диапазон анализируемых произведений русской литературы – от фольклора до постмодернизма. Авторы публикаций обращаются как к именам русских писателей, традиционно вызывающим интерес у иностранной аудитории (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А.П. Чехов, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, М.А. Булгаков), так и творчеству пока малоизвестных для них русских авторов (Н. Карамзин, Н. Гумилев, М. Зощенко, А. Грин).

Очевидно, что работы всех авторов сборника подчинены единой задаче – предоставить возможность иностранным студентам через наблюдение над русским словом, художественным образом, созданным русским писателем или поэтом, постичь духовно-нравственные и эстетические ценности самобытной русской культуры.

Безусловную методическую значимость сборнику придают актуальность, широта те-

матики, многообразие подходов к изучению художественного текста, раскрываемых в его публикациях.

Следует отметить, что выход в свет данного научного сборника, а также предшествующих ему изданий является итогом напряженной учебной, методической, научно-исследовательской работы коллектива кафедры РКИ РГПУ им. А.И. Герцена во главе с доктором филологических наук, профессором Т.Г. Аркадьевой.

Серия данных сборников адресована преподавателям русского языка и литературы, работающим с иностранными учащимися, а также студентам, аспирантам, обучающимся по данной специальности.

Мы надеемся на то, что преподаватели кафедры РКИ РГПУ им. А.И. Герцена будут и в дальнейшем привлекать к сотрудничеству талантливых творческих педагогов, исследовательские работы которых займут достойное место в научных сборниках статей участников ежегодного городского методического семинара «Проблемы преподавания русской литературы как иностранной», а проведение самого семинара станет традиционным.

Кандидат филол. наук, доц.

С. Гринберг

Доктор филол. наук, проф.

В. Маслова

Кандидат филол. наук, доц.,
зав. кафедрой РКИ

С. Яковлев

Поздравляем Елену Крикливец с победой в творческом состязании в Вене

Опубликовано 17.10.2013 15:12 | Автор: Редакция ЗР

Недавно авторитетное жюри шестого международного конкурса «Литературная Вена» (15–20 октября 2013 года, Австрия), в котором приняли участие свыше тысячи русскоязычных литераторов из 27 стран мира, объявило итоги полугодового состязания литераторов в разных номинациях. В самой главной и наиболее популярной из них – поэтической, впервые в истории этого Форума победительницей объявлена русская поэтесса из Беларуси Елена Крикливец (Витебск).

Елена Крикливец – постоянный автор сайта «Западная Русь» и журнала «Новая Немига литературная», чья подборка давно и заслуженно включена в Антологию современной западно-русской поэзии и пользуется большим вниманием читателей.

Поздравляя победительницу, нельзя еще раз не отметить тот факт, что высококлассная русская литература в Беларуси действительно есть и Елена Крикливец – достойная ее представительница.

Отметим, что еще несколько представителей Беларуси отмечены почетными дипломами в других номинациях.

Список лауреатов международного конкурса «Литературная Вена» по номинациям:

Поэзия

Победитель:

Крикливец Елена (Беларусь, Витебск) «А в этом мире тоже жили...»

Лауреаты:

Зиновчик Ирина (Латвия, Рига) подборка стихов

Ларина Елена (Эстония, Таллинн) подборка стихов

Винокурова Анастасия (Германия, Дрезден) подборка стихов «Алхимические этюды»

Малая проза

Победитель:

Альмечитов Игорь (Россия, Воронеж) рассказ «Весь Этот Блюз»

Лауреаты:

Стародуб-Афанасьева Яна (Украина, Киев) рассказ «Проездной»

Хорт Александр (Россия, Москва) рассказ «Роковая случайность»

Люфт Валдемар (Германия, Биберах) рассказ «Враги...»

Миров Сергей (Черепанов Сергей) (Украина, Киев) рассказ «Мечта Исаковича»

Критика

Победитель:

Матвеева Марина (Украина, Крым, Симферополь) эссе «Предвестие: искусство подвижничества»

Лауреаты:

Никифоров Евгений (Украина, Крым, Евпатория) Апология, или Речь в защиту Олеси Юрия Карловича от обвинения в «слабости характера» и в следовании образцам «старой культуры плохого качества»

Теличкин Игорь (Великобритания, Ковентри) «Литературное творчество академика Н.М. Амосова (К 100-летию со дня рождения хирурга)
Коростелёва Валентина (Россия, Железнодорожный) «Огонь, в волнах неугасимый...»

Публицистика

Победитель:

Гарбунова Альбина (Германия, Мерзебург) «Хлеб наш насущный»

Лауреаты:

Скобкина Татьяна (Россия, Москва) «Жизнь за профнастилом»

Рыжов Андрей (Россия, Жуковский) «Есть мнение...»

Шавердо Тамара (Беларусь, Минск) «Квадрочлен»

Литература для юношества

Победитель:

Рёснес Ольга (Россия, Воронеж) «Раз в году» (из сборника «Рассказы о маленьких вещах»)

Лауреаты:

Белова Алла (Молдова, Кишинёв) «Немного музыки»

Культяпов Николай (Россия, Нижний Новгород) «Островок всеобщего счастья»

Специальные дипломы

Ахвердов Авак (Россия, Астрахань) «Мы были дети войны...»

Лычагина Татьяна (Беларусь, Минск) «Сергей Пясецкий – любовник Большой Медведицы» – спецприз партнера – журнала «Иные берега»

Шевченко Валентина, Стельвага Алла (Украина) – «Тропой забытых мифов» – спецприз «Живого слова»

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим, филологическим и философским наукам. Основными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. Вне очереди публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языках.
2. Каждая статья должна содержать следующие элементы:
 - индекс УДК;
 - название статьи;
 - фамилия и инициалы автора (авторов);
 - организация, которую он (они) представляет (-ют);
 - введение;
 - раздел «Материал и методы»;
 - раздел «Результаты и их обсуждение»;
 - заключение;
 - список использованной литературы.
3. Название статьи должно отражать ее содержание, быть по возможности лаконичным, вмещать ключевые слова, что позволит индексировать статью.
4. Во введении дается короткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на заграничные публикации.
5. Раздел «Материал и методы» включает описание методики, технических средств, объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами).
6. В разделе «Результаты и их обсуждение» автор должен сделать выводы с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.
7. В заключении в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.
8. Список литературы должен включать не более 12 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа – 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.
9. Статьи сдаются в редакцию в двух экземплярах объемом не менее 0,35 авторского листа (14000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Количество рисунков не должно превышать трех. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Фотографии в печать не принимаются. Статьи должны быть подготовлены в редакторе

Word для Windows. Используется следующий формат страницы: красная строка – 0,5 см; поля: сверху – 2,5 см, снизу – 2,5 см, слева – 2 см, справа – 2 см.

10. Иллюстрации, формулы, уравнения, которые встречаются в статье, должны быть пронумерованы в соответствии с порядком цитирования в тексте. К каждому экземпляру статьи нужно приложить по одному экземпляру иллюстрации. Копии рисунков для другого экземпляра статьи должны содержать все необходимые буквенные и цифровые надписи. Подписи к рисункам, схемам и таблицам печатаются через один интервал. В названиях таблиц и рисунков не должно быть сокращений.
11. Размерность всех величин, которые используются в тексте, должна соответствовать Международной системе единиц измерения (СИ).
12. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Электронная версия сдается на дискетах, дисках или пересылается на адрес электронной почты университета (nauka@vsu.by).
13. К статье прилагаются следующие материалы (на отдельных листах):
 - реферат (100–150 слов), который должен полно передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи, и ключевые слова на языке оригинала;
 - название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;
 - домашний адрес автора, номер телефона, адрес электронной почты;
 - рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;
 - экспертное заключение о возможности публикации материалов к печати.
14. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.
15. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

GUIDELINES FOR AUTHORS

The List of scientific publications “Scientific notes of Educational Establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masherov»” is included in the list of the scientific editions of the Republic of Belarus for publishing the results of dissertation researches in philological, historical and philosophical sciences. The main criterion for the publication is novelty and specificity of the article. The priority for publication is given to scientific articles by postgraduates in their last year (including their articles written with co-authors) on condition these articles correspond the requirements for scientific articles of the journal.

Guidelines for the layout of a publication:

1. Articles are to be in Belarusian, Russian or English.
2. Each article is to include the following elements:
 - UDK index;
 - title of the article;
 - name and initial of the author (authors);
 - institution he (she) represents;
 - introduction;
 - “Material and methods” section;
 - “Findings and their discussion” section;
 - conclusion;
 - list of applied literature.
3. The title of the article should reflect its contents, be laconic and contain key words which will make it possible to classify the article.
4. The introduction should contain a brief review of the literature on the problem. It should indicate not yet solved problems. It should formulate the aim; give references to the recent articles of other authors including foreign publications.
5. “Material and methods” section includes the description of the method, technical aids, objects and contents of the author’s (authors’) research.
6. “Findings and their discussion” section the author should draw conclusions from the point of view of their scientific novelty and compare them with the corresponding well-known data. This section can be divided into sub-sections with explanatory subtitles.
7. The conclusion should contain a brief review of the findings, indicating the achievement of this goal, their novelty and possibility of practical application.
8. The list of literature shouldn’t include more than 12 references. The references are to be numerated in the order of their citation in the text. The order number of a reference is given in square brackets e.g. [1], [2]. The layout of the literature list layout is to correspond State Standard (GOST) – 7.1-2003. References to articles and theses which were not published earlier are not permitted. A complete name of the author’s certificate and the deposited copy is indicated as well as the institution which presented the copy for depositing.
9. Two copies of at least 0,35 of an author sheet size (14000 printing symbols with blanks, punctuation marks, numbers etc.), interval 1, Times New Roman 11 are sent to the editorial office. This size includes the text, charts and list of literature. Not more than three pictures are allowed. Pictures and schemes are to be presented in individual jpg-files. Photos are not allowed. Articles should be typed in Microsoft Word. The page layout is the following: new paragraph – 0,5 cm; margins: top – 2,5 cm, bottom – 2,5 cm, left – 2 cm, right – 2 cm.
10. Illustrations, formulas, equations, if any, are to be numbered in accordance with their appearance in the text. One copy of illustrations should be attached to each copy of the article. Picture copies

for the second copy of the article should contain all the required letter and number titles. Titles of the pictures, charts and tables are to be typed in one interval. Titles of tables and pictures should not be abbreviated.

11. All dimensions used in the text should correspond the International measurement unit system (SI).
12. The electronic version should be attached to the paper copy of the article submitted to the editorial board. The electronic and the paper copies of the article should be identical. The electronic version is presented on a diskette or diskettes or is sent by e-mail (the university e-mail address is nauka@vsu.by).
13. Following materials (on separate sheets) are attached to the article:
 - summary (100–150 words), which should precisely present the contents of the article, should be liable for being published in magazine summaries separately from the article as well as the key words in the language of the original;
 - title of the article, surname, first and second names of the author (without being shortened), place of work, summary and key words in English;
 - author's home address, telephone number, e-mail address;
 - recommendation of the department (scientific laboratory) to publish the article;
 - expert conclusion on the feasibility of the publication.
14. On the decision of the editorial board the article is sent for a review, and then it is signed by the members of the editorial board. If the article is sent back to the author for improvement it doesn't mean that it has been accepted for publication. The improved variant of the article is reconsidered by the editorial board. The article is considered to be accepted on the day when the editorial office receives the final variant.
15. Earlier published articles as well as articles accepted for publication in other editions are not admitted.

Научное издание

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

Том 16

Компьютерный дизайн

Л.Р. Жигунова

Корректор

Л.В. Моложавая

Подписано в печать 30.12.2013. Формат 60x84^{1/8}. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 21,62. Уч.-изд. л. 17,94. Тираж 100 экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
ЛИ № 02330/110 от 30.01.2013.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.